

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2024, Том 7, №4

Подписано к публикации: 20.06.2024

Главный редактор журнала
Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Абшилава Георгий Валерьянович* (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Джаллилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент
Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожневников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент
Миняева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Русинова Вера Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент
Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., Elibrary.ru

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <https://ilj-journal.ru>

© International Law Journal, 2024

Содержание

Алиев А.Ш. Актуальные вопросы социальной защиты молодёжи в период экономического кризиса	6-12
Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г., Выходцева А.В. Генезис криптовалют и их дальнейшая правовая судьба в Российской Федерации	13-20
Далингер А.В. Направления совершенствования системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера Направления совершенствования системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера	21-26
Басов А.А. К вопросу о натуральном характере обязательств по поводу использования криптовалюты в расчетах	27-32
Васильев А.Н. Оспаривание отрицательных решений собраний органов управления юридическим лицом	33-38
Гришаев И.А. К вопросу о гражданско-правовом режиме криптовалюты	39-44
Джулай Д.И. Основные характеристики договора суррогатного материнства	45-51
Черномордов О.М. Особенности реализации норм международного права на территории российских особых экономических зон	52-57
Далингер А.В. Особенности структуры системы законодательства о правах коренных малочисленных народов	58-62
Пятибратова Н.Д. Защита семьи уголовно-правовыми средствами	63-68
Чупин И.В. Обязательства застройщика по осуществлению благоустройства придомовой территории в рамках договора участия в долевом строительстве	69-74
Алешкин И.А. Корпоративный договор участников хозяйственных обществ: в поисках каузы	75-79
Гитинова М.М., Магомедгаджиева П.М., Магомедгаджиев И.М. Теоретические основы судебного примирения	80-85
Воронов Е.Н., Чирков К.Н., Ефимов И.Р. О роли частных определений в гражданском судопроизводстве	86-91
Скворцов М.А. Ключевые вопросы юридического режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием искусственного интеллекта	92-96

Быкова С.П. Система российского законодательства о стартапах	97-104
Веровкин Д.В. Конструкция тотального залога: преимущества и проблематика	105-109
Власов А.С. Проблематика разрешения коллизий при применении норм исламского права в условиях глобализации	110-114
Провалинский Д.И. Правовое положение искусственного интеллекта в цифровых правоотношениях	115-125
Тесаков Г.Т. Особенности гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде	126-132
Кузнецова А.А. Особенности правового регулирования объектов культурного наследия	133-137
Майко Д.П. Защитительное заключение на стадии рассмотрения уголовного дела в суде I инстанции	138-142
Лубашев А.О. Институт необходимой обороны: актуальные проблемы правоприменительной практики	143-147
Сергеев И.А. Онлайн-платформы в сфере совершения сделок по краткосрочному найму и аренде недвижимого имущества: правовой аспект	148-153
Скугарев Н.А. Проблематика отграничения объектов недвижимости от необъектоспособных улучшений земельного участка	154-158
Гаджимагомедова Ш.С., Курбанова С.И., Абакарова А.А. Гарантии и права граждан при оказании психиатрической помощи	159-164
Майко Д.П. Правовой институт адвокатского расследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства: анализ, проблемы, пути решения	165-169
Зудаева В.В., Аношенкова А.А., Балдынова А.А. История развития права и его отраслей	170-175
Абдрашитов В.М., Крутойров А.А. Приоритетные направления повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации	176-181
Ишбулдин А.Р. Проблематика ретроактивности судебного прецедента	182-187
Мысливцева Т.Ю. Проблемные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием компьютерных технологий	188-194

Долженко Н.И., Фирулин Н.Д. К вопросу о внедрении средств 3-D сканирования пространства для осмотра места происшествия: проблемы и перспективы	195-200
Копсергенова Р.Л. О проблеме определения подлежащего компенсации размера морального вреда	201-207
Далевская Н.Н. Законодательство КНР об административных наказаниях в области правонарушений в интернет-пространстве	208-212
Титов А.М., Дерюгина Т.В. Правовые проблемы связанные с выходом участника из ООО	213-218
Абдрашитов В.М., Крутойров А.А. Анализ криминализации в экономической сфере Российской Федерации и меры борьбы в рамках национальной политики	219-224
Брусиловский Р.А. Влияние деятельности земского собора и принятия Соборного уложения 1649 г. на политико-правовую характеристику власти в России XVII века	225-229
Кашаев К.А. Принципы частноправового механизма защиты права собственности	230-235
Сычев М.С. Рисковость биржевых сделок как основание для их квалификации в качестве алеаторных	236-240
Кирилин А.В. Соотношение юридического и политического в конституционной ответственности парламента	241-247



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 349.3

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-6-12

Актуальные вопросы социальной защиты молодёжи в период экономического кризиса

^{1,2} Алиев А.Ш.,

¹ Академия труда и социальных отношений,

² Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

Аннотация: в статье анализируется проблема социальной защиты молодежи, которая является одной из наиболее актуальных и сложных в современном обществе. Социальная защита молодежи охватывает широкий спектр вопросов, начиная от образования и здравоохранения и заканчивая трудоустройством и доступом к культурным ресурсам.

Экономический кризис последних лет внес серьёзные изменения в экономику и социальные отношения на территории России. Политика государства на данный момент направлена в сторону разработки долгосрочных решений вопросов правовой поддержки социального обеспечения молодёжи и молодых семей.

Правовую систему направленную на социальную защиту и обеспечение молодёжи надо совершенствовать в направлении обеспечения программы стратегической социальной защиты молодёжи. Программа социальной защиты молодёжи в кризисный период требует правильного понимания, связанного с тем, что сюда должны входить и направления по созданию базы сниженного налогообложения и облегчённого кредитования предпринимательской деятельности среди молодёжи.

Ключевые слова: социальная политика, молодёжь, экономический кризис, меры поддержки, государственная программа

Для цитирования: Алиев А.Ш. Актуальные вопросы социальной защиты молодёжи в период экономического кризиса // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-6-12

Поступила в редакцию: 4 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 2 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Current issues of social protection of youth during the economic crisis

^{1,2} Aliev A.Sh.,

¹ Academy of Labor and Social Relations,

² Dagestan State University, branch in Izberbash

Abstract: the article analyzes the problem of social protection of youth, which is one of the most urgent and complex in modern society. The social protection of young people covers a wide range of issues, from education and health care to employment and access to cultural resources.

The economic crisis of recent years has brought serious changes to the economy and social relations in Russia. The state's policy at the moment is aimed at developing long-term solutions to issues of legal support for social security of young people and young families.

The legal system aimed at social protection and provision of youth should be improved in the direction of ensuring a program of strategic social protection of youth. The program of social protection of youth in a crisis period requires a correct understanding, due to the fact that it should also include directions for creating a base of reduced taxation and facilitated lending to entrepreneurial activities among young people.

Keywords: social policy, youth, economic crisis, support measures, state program

For citation: Aliev A.Sh. Current issues of social protection of youth during the economic crisis. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 6 – 12. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-6-12

The article was submitted: March 4, 2024; Approved after reviewing: May 2, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

В условиях экономического кризиса возрастает потребность в социальной защите молодёжи. Современные программы социальной защиты не в полной мере учитывают интересы молодёжи. Социальной защиты молодёжи является одной из наиболее актуальных и сложных проблем в современном обществе. Благополучие и успешное развитие молодёжи имеет огромное значение для стабильного развития нашего общества.

Широкий спектр вопросов, который охватывает основные направления молодёжной социальной политики начиная от образования и здравоохранения и заканчивая трудоустройством и доступом к культурным ресурсам затронут в государственных программах по социальному обеспечению молодёжи. Однако, несмотря на многочисленные программы и меры, проблемы в этой области все еще остаются серьезными и требуют немедленного внимания.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости разработки мер, по разработке системы социального обеспечения молодёжи.

Цель данной статьи – подчеркнуть проблемы, с которыми сталкивается молодёжь в период экономического кризиса и разработать наиболее эффективные направления для решения данных проблем.

В ней рассматриваются существующие слабости и недостатки в молодёжной социальной политике:

- 1) ограничения институциональной структуры, препятствующие внедрению разработанных программ на региональном уровне;
- 2) отсутствие учёта серьёзных изменений в экономике и социальных отношениях в разработке мер по социальной поддержке молодёжи.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и частнонаучных методов научного познания, обусловленных рассматриваемыми объектом и предметом исследования. Как необходимое условие достоверности и полноты исследования, в работе применен диалектический метод познания (ориентирующая основа всего научного исследования), а также такие общенаучные и частнонаучные методы исследования, как: анализ и синтез, гипотеза, индукция и дедукция, конкретно- социологический, статистический, формально-логический и сравнительно-правовой методы.

Результаты и обсуждения

Какой будет наиболее эффективная стратегия социальной молодёжной политики, попробуем разобраться на основании проведённого нами исследования.

Экономический кризис вызванный последними событиями в мире отразился на всех слоях общества как в России, так и в международном сообществе. В период экономического кризиса несоразмерно сильно страдают самые уязвимые слои общества- молодые предприниматели, несовершеннолетние с не высоким уровнем зависимости, а также временные рабочие и мелкие торговцы [15]. Они, как правило, тратят большую часть дохода на продукты питания, но обычно не имеют сбережений или доступа к кредитам [17].

Проблема социальной защиты молодёжи является одной из наиболее актуальных и сложных в современном обществе. Молодые люди являются будущим нации, и их благополучие и успешное развитие имеют огромное значение для стабильного и процветающего общества.

Социальная защита молодёжи охватывает широкий спектр вопросов, начиная от образования и здравоохранения и заканчивая трудоустройством и доступом к культурным ресурсам. Однако, несмотря на многочисленные программы и меры, проблемы в этой области все еще остаются серьезными и требуют немедленного внимания.

Экономический кризис последних лет внес серьёзные изменения в экономику и социальные отношения на территории России в сторону разработки долгосрочных решений вопросов правовой поддержки социального обеспечения населения и в первую очередь молодёжи и молодых семей. Государство в современных реалиях должно создать условия, направленные на социальную поддержку уязвимых слоёв общества к числу которых относится молодёжь. Правовую систему направленную на социальную защиту и обеспечение молодёжи надо совершенствовать в направлении обеспечения программы стратегической социальной защиты молодёжи.

Программа социальной защиты молодёжи в кризисный период требует правильного понимания, связанного с тем, что сюда должны входить и направления по созданию базы сниженного налогообложения и облегчённого кредитования предпринимательской деятельности среди молодёжи, с учётом правовой системы нашего государства [2, с. 429-433].

Наиболее значимой проблемой является отсутствие равных возможностей для развития и самореализации молодежи с различными социальными фонами. Молодые люди из неблагополучных семей или отдаленных регионов зачастую лишены доступа к высококачественному образованию и профессиональной подготовке, что создает серьезные преграды для их будущего успеха. Также, молодежи из уязвимых групп, таких как дети-сироты, инвалиды или мигранты, часто не хватает социальной поддержки и возможностей для социализации и интеграции.

Дети-сироты, инвалиды, мигранты и другие молодые люди с особыми потребностями часто сталкиваются с дискриминацией, социальной изоляцией и отсутствием поддержки. Важно создать условия, которые способствуют их интеграции в общество, обеспечивают доступ к образованию, здравоохранению и рабочим возможностям, и помогают им реализовать свой потенциал. Наконец, пятой значимой проблемой в социальной защите молодежи является недостаток информации о здоровье и недоступность качественных медицинских услуг [3, с. 76-80.].

Молодежь сталкивается со множеством вызовов в области здоровья, включая репродуктивное здоровье, психическое благополучие и зависимости. Однако, часто им недоступны соответствующие консультации и лечение. Для решения этой проблемы нужно проводить информационные кампании, создавать доступ к качественным медицинским услугам и обеспечивать поддержку в преодолении психологических проблем и зависимостей.

В целом, проблема социальной защиты молодежи требует комплексного подхода, который включает равные возможности для развития и самореализации, борьбу с безработицей, доступ к культурным ресурсам и социальной поддержке для уязвимых групп, а также обеспечение здоровья и качественного медицинского обслуживания.

Другой важной проблемой является высокий уровень безработицы среди молодежи. Многие молодые люди сталкиваются с трудностями при поиске первой работы и получении необходимого опыта. Отсутствие стабильного и достойного заработка создает риск социальной маргинализации и негативно влияет на самооценку и перспективы будущего.

Кроме того, молодежь часто сталкивается с проблемами в сфере здравоохранения и доступом к качественным медицинским услугам. Отсутствие информации о сексуальном и репродуктивном здоровье, наличие психологических проблем и зависимостей среди молодежи – все это требует надлежащей социальной поддержки и профессиональной помощи [4].

Для решения проблемы социальной защиты молодежи необходимо разработать комплексную и всестороннюю стратегию, направленную на обеспечение равных возможностей и защиты прав молодых людей.

Считаем, что на правительственном уровне требуются законодательное принятие постоянных мер по созданию системы социальной защиты молодёжи, которые будут подходить для более широкого круга высоко уязвимых слоев населения. Социальная защита населения и особенно молодёжи будет играть решающую роль в ближайшем будущем.

Необходимо учитывать и такого рода фактор, как наличие среди молодёжи, наиболее уязвимой части населения – это лица с ограниченными возможностями [1, с. 52, 60].

Дети-сироты, инвалиды, мигранты и другие молодые люди с особыми потребностями часто сталкиваются с дискриминацией, социальной изоляцией и отсутствием поддержки. Важно создать условия, которые способствуют их интеграции в общество, обеспечивают доступ к образованию, здравоохранению и рабочим возможностям, и помогают им реализовать свой потенциал.

Наконец, пятой значимой проблемой в социальной защите молодежи является недостаток информации о здоровье и недоступность качественных медицинских услуг [5, с. 65-69].

Молодежь сталкивается со множеством вызовов в области здоровья, включая репродуктивное здоровье, психическое благополучие и зависимости. Однако, часто им недоступны соответствующие консультации и лечение. Для решения этой проблемы нужно проводить информационные кампании, создавать доступ к качественным медицинским услугам и обеспечивать поддержку в преодолении психологических проблем и зависимостей.

В целом, проблема социальной защиты молодежи требует комплексного подхода, который включает равные возможности для развития и самореализации, борьбу с безработицей, доступ к культурным ресур-

сам и социальной поддержке для уязвимых групп, а также обеспечение здоровья и качественного медицинского обслуживания.

Законодательное принятие постоянных мер по созданию системы социальной защиты молодёжи, которые будут подходить для более широкого круга высоко уязвимых слоев населения.

Важно сотрудничество государства, неправительственных организаций, образовательных учреждений и общественности для создания эффективных программ и мер, которые способствуют социальной интеграции, поддержке здоровья и образованию молодежи.

Третьей заметной проблемой в области социальной защиты молодежи является отсутствие доступа к культурным ресурсам. Молодежь, особенно из неблагополучных семей или отдаленных регионов, часто лишена возможности получить доступ к искусству, культурным и спортивным мероприятиям. Это негативно сказывается на их развитии и возможностях для творческой самореализации.

Правительства, неправительственные организации и общественность должны тесно сотрудничать для создания эффективных программ и мер, которые способствуют социальной интеграции и поддержке молодежи [7].

Только таким образом мы сможем обеспечить улучшение условий и перспектив развития для молодых людей, и гарантировать их активное участие и вклад в развитие общества. Только путем совместных усилий можно обеспечить молодежи достойные условия жизни и развития, чтобы они могли стать активными и полноценными участниками общества, способными внести значимый вклад в его развитие. Каждая страна должна признать социальную защиту молодежи приоритетным направлением своей политики и действовать на всех уровнях для ее успешного решения.

Поэтому необходимо создать программы и инициативы, которые обеспечат доступ к культурным событиям и ресурсам для всех молодых людей, независимо от их социального статуса и места проживания.

Четвертой проблемой, требующей немедленного внимания, является отсутствие социальной поддержки и возможностей для интеграции у молодежи из уязвимых групп.

Для начала, государство должно принять меры по повышению минимальной заработной платы и установлению стандартов оплаты труда, чтобы обеспечить молодежи достойную оплату за их усилия. Также важно разработать программы поддержки для молодых специалистов, помогающие им адаптироваться на рынке труда и получить необходимые навыки для карьерного роста.

Одновременно работодатели должны осознать важность создания стабильных трудовых отношений с молодыми сотрудниками, предоставляя им возможности для профессионального развития и роста. Кроме того, компании должны уделять большее внимание улучшению условий работы и обеспечению социальной защиты для своих сотрудников, включая молодежь.

Наконец, общество в целом должно признать важность поддержки молодежи на пути к достижению профессионального успеха.

Это может включать в себя создание образовательных программ и мероприятий, направленных на поддержку молодых работников, а также формирование позитивного общественного мнения о значимости и вкладе молодежи в развитие общества. Все эти усилия смогут способствовать созданию благоприятной среды для молодежи и обеспечить им необходимую социальную защиту в сфере труда.

Социальная защита населения и особенно молодёжи будет играть решающую роль в ближайшем будущем, путем возложения социальной ответственности на центр мер социальной защиты молодёжи.

Тем не менее, экономический кризис, последних лет не похожий ни на какой другой. Его глобальное распространение и тот факт, что затронуты все страны с разными доходами, дает чувство солидарности и возможность проявить амбициозность в решении многих проблем. В то же время глобальная рецессия, которая, вероятно, разыграется, ослабит энтузиазм и ограничит возможности для этого [16].

Молодёжь сталкивается со множеством проблем социального характера, что приводит к необходимости им противостоять последствиям множественных столкновений и стрессов.

В размышлениях о будущем есть много неизвестного, поэтому планирование социальной политики должно учитывать возможность того, что экономический кризис может оставаться в течение многих лет.

Именно на этом этапе социальная защита молодёжи способствует лучшему восстановлению и / или более качественному восстановлению социальной защиты. Налицо явный импульс для государства направленный на комплексного решение правового обеспечения, которые также будут включать молодёжь. Необходимы дополнительные усилия для обеспечения основных функций социальной защиты молодёжи и молодых семей [6, с. 187-189].

На правительственном уровне требуются законодательное принятие постоянных мер по созданию системы социальной защиты молодёжи, которые будут подходить для более широкого круга высоко уязвимых слоев населения.

Социальная защита населения и особенно молодёжи будет играть решающую роль в ближайшем будущем.

Выводы

Молодежь – это будущее нашего общества, и поэтому важно обеспечить им социальную защиту в сфере труда. Однако сегодня молодежь сталкивается с рядом проблем, связанных с трудоустройством. Одной из основных проблем является низкая заработная плата. Многие молодые специалисты, только начавшие свою карьеру, вынуждены работать за крайне низкие зарплаты, что делает труд для них не только малооплачиваемым, но и недостойным. Другой проблемой является нестабильность трудовых отношений.

Молодые работники часто сталкиваются с ситуацией, когда работодатель может их уволить в любой момент, без объяснения причин. Это создает стресс и неопределенность для молодых людей, делая их более уязвимыми на рынке труда. Также стоит упомянуть о недостаточной социальной защите молодежи. Молодые работники часто лишены прав на отпуск, больничные и другие социальные гарантии, что делает их уязвимыми перед возможными рисками и проблемами.

Для решения этих проблем необходимо принятие соответствующих мер со стороны государства, работодателей и общества в целом. Важно обеспечить молодежи достойные условия труда, стабильность и социальную защиту, чтобы они могли развиваться и успешно вносить свой вклад в общество.

Список источников

1. Андреева Л.А. Социальная защита населения: проблемы и перспективы муниципального уровня. 2019. № 6 (22). С. 52 – 60.
2. Бондаренко Н.А. Социальная защита населения и ее нормативно-правовое регулирование в РФ // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2017. Т. 8. № 1. С. 429 – 433.
3. Белясов С.Н. Социальная защита инвалидов, как обязанность государства // Государство и право: теория и практика: материалы Междунар. науч. конф. Два комсомольца, 2018. С. 76 – 80.
4. Все меры государственной поддержки URL: <https://sk-news.ru/news/konsultatsii/>(дата обращения 14.01.2024)
5. Кублин И.М., Еремеев М.А., Плеханов С.В. Качественное изменение труда в условиях цифровизации производства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 1 (75). С. 65 – 69.
6. Тарасова Л.А. Деятельность органов государственной власти в сфере социальной защиты населения // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 187 – 189.
7. Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 (ред. от 23.12.2020) "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (дата обращения 14.01.2024)
9. Bodewig C., Gentilini U., Usman Z., Williams P. (2020) COVID-19 in Africa: How can Social Safety Nets Help Mitigate the Social and Economic Impacts?, World Bank blogs, 24 April (дата обращения 15.01.2024)
10. Browne E. (2014) Social Protection Accountability, Birmingham: Governance and Social Development Resource Centre, University of Birmingham [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.academia.edu/10177559/Social_protection_accountability (дата обращения 15.01.2024)
11. Calderon C. et al. (2020) Africa's Pulse 21, Washington DC: World Bank [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (дата обращения 17.01.2024)
12. Daniels L.M. (2020) Economic Recovery Begins with Children (and Older People, and People with Disabilities): The Urge for Universal Lifecycle Cash Transfers as a Response to COVID-19, Development Pathways blog [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://yandex.ru/search> (дата обращения 17.01.2024)
13. Gentilini U. et al. (2020) Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures, 'living paper' version 12, Washington DC: World Bank (accessed 27 July 2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (дата обращения 18.01.2024)

14. GFDRR (n.d.) Building Back Better in Post-Disaster Recovery, Global Facility for Disaster Reduction and Recovery (GFDRR), Washington DC: World Bank [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (дата обращения 18.01.2024)

15. Lavers, T. (2020) COVID-19 and the Politics of Social Protection, Effective States and Inclusive Development Research Centre blog, Manchester [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (дата обращения 14.01.2024)

16. Mahler D.G. et al. (2020) The Impact of COVID-19 (Coronavirus) on Global Poverty: Why Sub-Saharan Africa Might Be the Region Hardest Hit, World Bank blogs, 20 April [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (дата обращения 19.01.2024)

17. Miller E., Samson M. (2012) HIV-Sensitive Social Protection: State of the Evidence 2012 in Sub-Saharan Africa, Cape Town: Economic Policy Research Institute and UNICEF [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (дата обращения 19.01.2024)

References

1. Andreeva L.A. Social protection of the population: problems and prospects at the municipal level. 2019. No. 6 (22). P. 52 – 60.

2. Bondarenko N.A. Social protection of the population and its legal regulation in the Russian Federation. Electronic scientific publication “Scientific Notes of Tomsk State University”. 2017. Vol. 8. No. 1. P. 429 – 433.

3. Belyasov S.N. Social protection of disabled people as a duty of the state. State and law: theory and practice: materials of the International. scientific conf. Two Komsomol members, 2018. P. 76 – 80.

4. All measures of state support URL: <https://sk-news.ru/news/konsultatsii/> (access date 01/14/2024)

5. Kublin I.M., Ereemeev M.A., Plekhanov S.V. Qualitative change in labor in the conditions of digitalization of production. Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2019. No. 1 (75). P. 65 – 69.

6. Tarasova L.A. Activities of public authorities in the sphere of social protection of the population. Young scientist. 2015. No. 14. P. 187 – 189.

7. Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019 No. 363 (as amended on December 23, 2020) “On approval of the state program of the Russian Federation “Accessible Environment” [Electronic resource]. Access mode: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (accessed 01/14/2024)

9. Bodewig C., Gentilini U., Usman Z., Williams P. (2020) COVID-19 in Africa: How can Social Safety Nets Help Mitigate the Social and Economic Impacts?, World Bank blogs, 24 April (accessed 15.01.2024)

10. Browne E. (2014) Social Protection Accountability, Birmingham: Governance and Social Development Resource Centre, University of Birmingham [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.academia.edu/10177559/Social_protection_accountability (accessed 01/15/2024)

11. Calderon C. et al. (2020) Africa’s Pulse 21, Washington DC: World Bank [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (accessed 01/17/2024)

12. Daniels L.M. (2020) Economic Recovery Begins with Children (and Older People, and People with Disabilities): The Urge for Universal Lifecycle Cash Transfers as a Response to COVID-19, Development Pathways blog [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://yandex.ru/search> (access date 01/17/2024)

13. Gentilini U. et al. (2020) Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures, ‘living paper’ version 12, Washington DC: World Bank (accessed 27 July 2020) [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (accessed 01/18/2024)

14. GFDRR (n.d.) Building Back Better in Post-Disaster Recovery, Global Facility for Disaster Reduction and Recovery (GFDRR), Washington DC: World Bank [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (accessed 01/18/2024)

15. Lavers T. (2020) COVID-19 and the Politics of Social Protection, Effective States and Inclusive Development Research Center blog, Manchester [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (accessed 01/14/2024)

16. Mahler D.G. et al. (2020) The Impact of COVID-19 (Coronavirus) on Global Poverty: Why Sub-Saharan Africa Might Be the Region Hardest Hit, World Bank blogs, 20 April [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (accessed 01/19/2024)

17. Miller E., Samson M. (2012) HIV-Sensitive Social Protection: State of the Evidence 2012 in Sub-Saharan Africa, Cape Town: Economic Policy Research Institute and UNICEF [Electronic resource]. Access mode: URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33541/9781464815683.pdf?sequence=18> (accessed 01/19/2024)

Информация об авторе

Алиев А.Ш., аспирант, преподаватель, Академия труда и социальных отношений, Дагестанский государственный университет, филиал в г. Избербаш

© Алиев А.Ш., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-13-20

Генезис криптовалют и их дальнейшая правовая судьба в Российской Федерации

¹ Масуфранова Е.А., ¹ Дубровский Н.С., ¹ Балашов К.Г., ¹ Выходцева А.В.,
¹ Юго-Западный государственный университет

Аннотация: актуальность рассмотрения вопросов, связанных с функционированием криптовалют очевидна в связи с тем, что современные технологии зачастую уходят слишком далеко от правового регулирования. В действительности, отсутствие системного, четкого и целенаправленного регулирования сферы криптовалют на сегодняшний день способствует возникновению большого количества казусов правоприменительной деятельности. Криптовалюты как технологически инновационный инструмент имеют много плюсов по многим критериям, однако вместе с тем, они создают определенную систему рисков. От грамотного правового регулирования в сфере оборота криптовалют будет зависеть в том числе и политическая и экономическая стабильность государства. В данной работе применялись следующие методы научного познания: анализ, синтез, системно-аналитический, формально-логический, системно-правовой методы, с помощью которых авторами осуществлен аналитический обзор действующего отечественного и зарубежного законодательства, определена специфика исследуемых правоотношений и предложены пути решения выявленных правовых проблем. В ходе исследования нами был проведен комплексный анализ нынешней ситуации в правовом регулировании криптоиндустрии на территории Российской Федерации. Было установлено, что криптовалюта – это одновременно и цифровая валюта и платежная система, в основе которой лежат технологии блокчейн. Блокчейн – распределенный реестр, который состоит из цепочки виртуальных блоков, в каждом из которых записаны транзакции в сети криптовалют. Также проанализированные особенности правового регулирования сферы криптовалют за рубежом, наглядно демонстрируют недоработку российского законодателя в данной сфере. Большинство стран с переходной и развитой экономикой уже давно определились в вопросе о правовом статусе криптовалют. По результатам работы сформулированы конструктивные выводы в виде предложений по законодательному урегулированию пробелов в законодательстве Российской Федерации, регулирующем сферу криптовалют. Довольно остро стоит вопрос о необходимости внесения коренных изменений в действующее законодательство, либо о необходимости принятия нового системного законодательства в сфере оборота криптовалют.

Ключевые слова: криптовалюты, блокчейн, анонимность, правовое регулирование, майнинг, биткоин

Для цитирования: Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г., Выходцева А.В. Генезис криптовалют и их дальнейшая правовая судьба в Российской Федерации // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 13 – 20. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-13-20

Поступила в редакцию: 4 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The genesis of cryptocurrencies and their further legal fate in the Russian Federation

¹Masufranova E.A., ¹Dubrovsky N.S., ¹Balashov K.G., ¹Vykhodtseva A.V.,
¹Southwest State University

Abstract: *the relevance of considering issues related to the functioning of cryptocurrencies is obvious due to the fact that modern technologies often go too far from legal regulation. In fact, the lack of systemic, clear and targeted regulation of the cryptocurrency sector today contributes to the emergence of a large number of incidents in law enforcement activities. Cryptocurrencies as a technologically innovative tool have many advantages according to many criteria, but at the same time, they create a certain system of risks. The political and economic stability of the state will also depend on competent legal regulation in the sphere of cryptocurrency circulation. In this work, the following methods of scientific knowledge were used: analysis, synthesis, system-analytical, formal-logical, system-legal methods, with the help of which the authors carried out an analytical review of the current domestic and foreign legislation, determined the specifics of the legal relations under study and proposed ways to solve the identified legal problems. During the study, we conducted a comprehensive analysis of the current situation in the legal regulation of the crypto industry in the Russian Federation. It was found that cryptocurrency is both a digital currency and a payment system based on blockchain technology. Blockchain is a distributed ledger that consists of a chain of virtual blocks, each of which records transactions in the cryptocurrency network. Also, the analyzed features of the legal regulation of the cryptocurrency sector abroad clearly demonstrate the shortcomings of the Russian legislator in this area. Most countries with transition and developed economies have long decided on the issue of the legal status of cryptocurrencies. Based on the results of the work, constructive conclusions were formulated in the form of proposals for legislative regulation of gaps in the legislation of the Russian Federation regulating the sphere of cryptocurrency. The question of the need to make fundamental changes to the current legislation, or the need to adopt new systemic legislation in the field of cryptocurrency circulation, is quite urgent.*

Keywords: *cryptocurrencies, blockchain, anonymity, legal regulation, mining, bitcoin*

For citation: Masufranova E.A., Dubrovsky N.S., Balashov K.G., Vykhodtseva A.V. The genesis of cryptocurrencies and their further legal fate in the Russian Federation. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 13 – 20. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-13-20

The article was submitted: March 4, 2024; Approved after reviewing: April 3, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

История развития криптовалюты в Российской Федерации насчитывает около 15 лет. Как и многие другие ранее и вновь внедряемые элементы экономического оборота, они характеризуются определенными признаками. На их правовую природу и сущность существует множество взглядов, как в научной, так и практической сферах. Безусловно целесообразным видится провести комплексный анализ законодательства Российской Федерации в обозначенной области регулирования.

Прежде, чем переходить к анализу правовой действительности, стоит отметить, что такое явление, как криптовалюты, довольно стремительно динамично, что обязывает исследователя рассматривать всю цепочку исторического возникновения и развития его.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования были использованы различные методологические приемы научного анализа, включая анализ, синтез, системно-аналитический подход, формально-логический и системно-правовой методы. Эти методы позволили осуществить глубокий аналитический обзор как действующих норм российского законодательства, так и правовых систем иностранных государств.

Применение данных методик обеспечило возможность определения уникальной специфики правоотношений, охватываемых исследуемой темой, и способствовало формулированию предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы. Результаты исследования нацелены на устранение процессуальных и системных противоречий, существующих в текущем правоприменении, и направлены на формирование более совершенной правовой основы в целях социально-экономического процветания государства.

Результаты и обсуждения

С возникновением и постепенным увеличением оборота криптовалют в правоприменительной практике всех государственных органов возникали казусные ситуации, с целью разрешения которых им приходилось

принимать юридические решения, основываясь чаще на аналогии права. В этой связи, видится необходимым проанализировать правовые позиции, которые были сформулированы различными государственными органами.

Первая позиция, которой придерживалось в течении долгого времени Министерство финансов Российской Федерации (далее – Минфин) апеллирует к тому, что криптовалюта – это некий актив, либо иное имущество. Вторая позиция принадлежит Федеральной службе по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг), которая рассматривает криптовалюту как денежный суррогат, запрещенный в Российской Федерации [1]. Третья позиция высказывается ФНС РФ, рассматривающей криптовалюту в качестве валютной ценности. В данной ситуации складывается мнение о том, что сфера компетенции влияет на точку зрения того или иного органа. Таким образом, одни органы криптовалюту рассматривают с позиции надзорной инстанции, другие с позиции налогообложения, а третьи – с регулятивной точки зрения, то есть отсутствует четкая парадигма понимания правового статуса определенного имущества.

Первая попытка законодательного регулирования криптовалюты в России была предпринята Минфином 25 марта 2014 года под номером пр-604. Первоначально предложение состояло в запрете на операции с виртуальными деньгами путем установления уголовной ответственности, без введения каких-либо регулирований [2].

В фундаментальную основу предлагаемого регулирования вкладывались позиции Центрального Банка России, в частности особо акцентировалось внимание на информационном письме от 27 января 2014 года, содержащем опасения по поводу использования виртуальных валют в спекулятивных целях на биржах и возможности в силу волатильности существенного упадка стоимости [3]. Также и Росфинмониторингом в очередной раз констатировалось, что в целом выпуск и функционирование криптовалют в России – это децентрализованный процесс, в силу которого невозможно стопроцентное регулирование со стороны государства. Децентрализованностью также обуславливается и проблема анонимности пользователей, что создает достаточно серьезные и ощутимые риски того, что виртуальная валюта будет использоваться в преступных целях, включая незаконный оборот наркотиков, незаконный оборот оружия, фальшивых купюр и т.д. В целом, обращение главного финансового органа страны сводило все стрелки к тому, что в государстве наличествует официальный юридический запрет выпуска и распространения суррогатных валют, а также к тому, что все протекающие с использованием криптовалют сделки могут быть рассмотрены как попытка легализации доходов, полученных преступным путем.

Следует отметить, что федеральное налоговое ведомство проявляет более либеральное отношение к криптовалютам, чему подтверждением может являться письмо от 3 октября 2016 года № ОА-18-17/1027 "Об операциях, связанных с приобретением или реализацией криптовалют с использованием валютных ценностей (иностранной валюты и внешних ценных бумаг) и (или) валюты РФ" в котором отмечается следующее:

- констатируется, что в российском законодательстве отсутствует легальное общеупотребительное определение "денежный суррогат", равно как и "криптовалюта" и "виртуальная валюта";
- в действительности на рассматриваемый момент времени законодательством Российской Федерации не устанавливается прямой или косвенный запрет на осуществление операций с использованием криптовалюты;
- операции, осуществленные с использованием криптовалют являются по аналогии закона валютными операциями, подпадающими под регулирование Федерального закона "О валютном регулировании и валютном контроле" от 10.12.2003 года №173-ФЗ;
- граждане не обязаны предоставлять отчетность о сделках купли-продажи криптовалют, однако ФНС вправе запрашивать такую информацию у Росфинмониторинга или банков.

Таким образом, в период с 2014 по 2016 год российское законодательство имело значительное количество противоречий и пробелов, и государственные органы не пришли к единому мнению: некоторые выступали за запрет и уголовную ответственность, в то время как другие оказывались за конструктивное регулирование сферы криптовалют [4]. Поэтому можно сделать вывод о том, что все, что не является прямо запрещенным законом, по сути разрешено, именно такой формулы придерживается и налоговое ведомство России, несмотря на то, что вполне логичным было бы в его интересах запретить гипотетическое неконтролируемое денежное движение.

Также следует отметить и проанализировать письмо одного из структурных подразделений федерального налогового органа – Департамента налоговой и таможенной политики от 2 октября 2017 года № 03-11-11/63996 о регулировании выпуска и оборота криптовалют, в котором отмечается, что согласно части 1 статьи 75 Конституции РФ официальной денежной единицей в Российской Федерации является рубль [5]. Де-

нежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации, то есть рубль является официально монопольной валютой.

В связи с этим вполне закономерно видится упомянуть положения иных федеральных законов, посвященных валютному регулированию, а именно статью 27 Федерального закона от 10.07.2002 года № 86-ФЗ "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)", где императивно устанавливается запрет на введение и оборот других денежных единиц (кроме рубля) на территории Российской Федерации, а также на выпуск денежных суррогатов. Кроме того, немаловажным видится обратить взор на статью 140 Гражданского кодекса Российской Федерации где устанавливается также императивное правило о том, что только рубль является законным средством платежа, обязательным к приему на всей территории Российской Федерации по номинальной стоимости, а также то, что платежи могут осуществляться рублем в нескольких формах: как наличными, так и безналичными способами [6].

Однако в рекомендательном документе, сформированном налоговым ведомством отмечается, что в настоящее время федеральные органы исполнительной власти и Центральный банк Российской Федерации проводят мониторинг оборота денежных суррогатов (включая криптовалюты) и, с учетом зарубежного опыта, производят дополнительный анализ рисков их возможного использования в противоправных и преступных целях. В результате указанного анализа может быть рассмотрен вопрос о возможном регулировании выпуска и оборота криптовалют. Это позволяет заключить, что правовое оформление использования криптовалюты в России происходит медленно и неуверенно, так как в силу не изученности и сложности некоторых аспектов системного оборота криптовалют возникают достаточно весомые риски .

В 2018 году впервые в Российской Федерации судебная власть столкнулась с биткоином, который является наиболее популярной разновидностью криптовалют. Было принято революционное прецедентно значимое решение о том, что биткоин официально признан имуществом в решении Девятого арбитражного апелляционного суда по делу № А40-124668/2017 № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018, в котором суд признал криптовалюту имуществом и определил ее основные признаки, такие как экономическая ценность и возможность осуществления собственных прав [7].

Также следует отметить и весьма значительные законодательные преобразования 2019 года, Гражданский кодекс РФ в общей части пополнился еще одним видом объекта права – был внесен новый объект гражданских прав – цифровые права [8]. Согласно статье 141.1 Гражданского кодекса РФ, цифровыми правами признаются права, указанные в законе, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, включая передачу, залог, обременение цифрового права, или ограничение его распоряжения, возможны только в информационной системе без обращения к третьим лицам.

Достаточно любопытным видится тот факт, что с точки зрения Гражданского кодекса РФ цифровые права материальны и осязаемы, то есть не являются результатом интеллектуальной деятельности и средством индивидуализации. Фактически цифровые права представляют собой особый метод закрепления обычных имущественных прав с использованием цифрового кода.

В постановлении от 26.02.2019 № 1 Верховный Суд РФ классифицировал криптовалюту как виртуальные активы аналогично тому, как это было оформлено в международно значимых документах, например в статье 1 "Конвенции Совета Европы об отмытии, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма" [9].

То есть высшая судебная инстанция точно определила, что допускает мысль о том, что криптовалюта может являться объектом преступлений, предусмотренных особенной частью Уголовного кодекса страны.

Ключевым законодательным актом, который должен был пролить свет на правовое регулирование криптовалют, стал Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", вступивший в силу с 1 января 2021 года. Однако по сей день и по многим критериям он остается недостаточным, требующим более углубленного и расширенного регулирования, пусть даже на подзаконном уровне в области вопросов использования цифровых активов и цифровой валюты [10].

Рассматривая более детально положения вышеназванного более профильного данной тематике Федерального закона, стоит отметить тот факт, что в нем подробно описываются цифровые финансовые активы, включая денежные требования, возможности осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также право требования передачи эмиссионных ценных бумаг. Примечательно, что в отношении цифровой валюты, то есть того, по поводу чего в сущности то и принимался закон, не содержит исчерпывающего количества информации. Определение цифровой валюты в определенной частичной форме уточняет, что она представляет собой некоторую сово-

купность электронных данных, способных выступать в качестве средства платежа или инвестиции, и которое не является официальной денежной единицей страны или международной валютой, и не имеет централизованного эмитента.

Согласно российскому законодательству, цифровая валюта обладает несколькими признаками:

- 1) Существует только в электронно-цифровой форме, то есть неосвязаема, но конвертируема в другие валюты и ценности.
- 2) Хранится в информационном пространстве, то есть не материальным способом хранения, а виртуальным.
- 3) Может быть использована в качестве средства платежа или инвестиции, но с определенными оговорками и нюансами.
- 4) Не является официальной валютой страны или международной валютой.
- 5) Не имеет централизованного эмитента и несет ответственность перед держателями.

Таким образом, цифровые финансовые активы представляют собой цифровые права, являющиеся объектами гражданского права согласно ст.128 ГК РФ, в то время как цифровая валюта – это электронные данные, не классифицируемые как объекты гражданских прав согласно Гражданскому кодексу РФ.

Следует заметить, что в большинстве регулирующие-исполнительных Федеральных законов по аналогии с имеющимся категориально-понятийным аппаратом, криптовалюту в целях стабильности правоприменения рассматривают как имущество, например: в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также в Федеральном законе от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и т.д. [10].

Согласно Федеральному закону от 31.07.2020 № 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", цифровую валюту также допустимо использовать для проведения платежей, а ее держателями могут быть как физические, так и юридические лица. Однако статья 14 этого же закона запрещает принимать цифровую валюту в качестве компенсации за товары, услуги и работы, а также запрещает распространение информации о возможности использования цифровой валюты в таких целях.

Таким образом, законом предусмотрены следующие виды операций с криптовалютой в Российской Федерации:

- 1) Купля-продажа криптовалюты, при этом продавец обязан уплатить налог на доходы физических лиц. Законопроект, в настоящее время находящийся на рассмотрении в Государственной Думе, предлагает ввести обязанность налогоплательщиков сообщать о получении прав распоряжения цифровой валютой.
- 2) Майнинг, то есть создание новых единиц криптовалюты в информационной сети, не имеет четкого юридического отражения.
- 3) Приобретение информации и результатов интеллектуальной деятельности за цифровую валюту.
- 4) Получение и выдача займов в цифровой валюте, а также использование цифровой валюты в качестве обеспечения по кредиту при согласии кредитора.
- 5) Дарение цифровой валюты.
- 6) Внесение и фигурирование цифровой валюты в уставном капитале юридического лица.
- 7) Перевод цифровой валюты с одного кошелька на другой.

Следует сказать, что пока цифровая валюта и криптовалюта, в частности, находятся преимущественно вне правового поля. О том, насколько сильно в замешательстве находятся государственные органы в вопросе об определении правового статуса криптовалют, свидетельствует постановление Свердловского областного суда от 16 декабря 2021 г. по гражданскому делу № 2-2582/2021 [11]. Разрешая данное дело, суд пришел к ошеломительным выводам:

- 1) Суд признал, что криптовалюта не является объектом гражданского права. Однако несмотря на это, в правовой действительности достаточно большое количество сделок, объектом которых является биткоин.
- 2) Также суд установил, что обладатели криптовалюты не имеют право на судебную защиту, поскольку как таковые криптовалюты не являются признанным имуществом или охраняемым объектом гражданских прав. Озвученный вывод суд сформулировал, опираясь на Информационное письмо Центрального банка Российской Федерации от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют» и от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)».
- 3) Биткоин в нынешней вакуумной правовой действительности в рассматриваемой сфере следует рассматривать как денежный суррогат. К такому выводу суд пришел, приняв во внимание положения ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке

России)». Стоит отметить помимо всего прочего, что содержание понятия «денежный суррогат» до сих пор является дискуссионным.

В приведенном выше гражданском деле суд не счел нужным применять аналогию права, как того требует Гражданский Кодекс РФ. Наказание за нарушение закона о цифровых финансовых активах и цифровой валюте законом еще не предусмотрено. Существует только ответственность за уклонение от уплаты налогов с продажи криптовалюты. Однако особенность устройства криптовалют и системы блокчейна значительно затрудняют поиск нарушителя.

К сожалению, криптовалюта активно используется в преступных целях, что представляет серьезную проблему в России. Одним из основных аспектов является легализация криптовалюты, полученной от незаконного оборота наркотиков. Расследование таких преступлений затруднено из-за сложности отслеживания транзакций с криптовалютой и выявления участников незаконной легализации. Кроме того, пользователи криптовалют подвергаются риску стать жертвами мошенничества, например, при обмене или выводе криптовалюты.

В таких случаях возврат криптовалюты практически невозможен из-за невозможности определить виновных лиц и закрытия фальшивых обменников. Злоумышленники могут также взломать торговые площадки или осуществить доступ к криптокошельку через фишинговые сайты. Даже в случае возбуждения уголовного дела, вероятность возврата похищенной криптовалюты невелика.

Выводы

В рамках комплексного исследования ситуации в правовом регулировании криптоиндустрии в Российской Федерации, установлено, что криптовалюта представляет собой цифровую валюту и платежную систему, основанную на технологии блокчейн. Блокчейн представляет собой распределенный реестр, содержащий цепочку виртуальных блоков с записями транзакций криптовалюты. Важно отметить разницу между криптовалютой и токеном, при этом токен предоставляет право на получение товара или услуги, в то время как криптовалюта является формой денег.

Эмиссия криптовалюты осуществляется с помощью майнинга, который доступен для любого лица, тогда как токены выпускаются только организациями.

Исследование проблематики правового регулирования криптовалют в других странах наглядно показывает недостатки законодательства России в данной области. Большинство стран с развитой и переходной экономикой уже давно определили свои позиции относительно правового статуса криптовалют. Во-первых, отсутствие четких правовых рамок приводит к деструктивному влиянию криптовалют, как высокорискованного финансового инструмента, на экономику и благосостояние граждан. Во-вторых, грамотное регулирование криптовалютной политики способно стимулировать развитие инвестиций и экономических связей внутри страны и за ее пределами.

Усиление санкционного давления Запада требует преобразований в экономике и финансовом секторе России. Необходимость в поиске способов смягчения последствий наложенных санкций очевидна. Цифровая сфера играет важную роль в прогрессе, поэтому государству следует уделить большое внимание ее развитию, включая нормативно-правовое регулирование.

Кроме того, нами излагаются конструктивные методы решения острых вопросов в сфере правового регулирования криптовалют. Закрепление в Федеральном законе № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» положений о криптовалютных биржах способствует дальнейшему развитию индустрии криптовалют. Также стоит отметить, что пользователи не потеряют анонимность в связи с появлением высокой степени отчетности и контроля. Нововведения, связанные с верификацией и хранением данных о транзакциях и лиц их осуществляющих, не нарушат работу основных принципов системы блокчейн. Важнейшим следствием предлагаемых преобразований является то, что они образуют возможность для граждан легально, эффективно и своевременно восстанавливать свои нарушенные права, в случае наличия такого нарушения. Образование единого федерального органа, осуществляющего полную протекцию сферы оборота криптовалюты, способствует разгрузке других государственных органов, которые в данный момент также задействованы в попытках установления регулирования данной сферы. Это такие органы, как Министерство финансов Российской Федерации, Центральный Банк Российской Федерации, Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная налоговая служба Российской Федерации, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации и некоторые другие органы.

Практическая значимость данной работы раскрывается в том, что выводы и предложения, полученные и сформулированные в результате проведенного исследования, могут быть применены законодателем с целью ликвидации правовых пробелов и их решения с помощью регулирования сферы обращения цифровых валют в Российской Федерации. Таким образом, считаем, что нами были достигнуты цели исследования.

Список источников

1. Зайцева А.А., Иванова О.В. Сущность криптовалют и особенности рынка криптовалют // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития: сборник трудов II Международной студенческой научной конференции: в 2 т. Хабаровск, 15 ноября 2019 года / Хабаровский государственный университет экономики и права. Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2019. Т. 1. С. 118 – 121.
2. Денисюк А.Ю. Общая характеристика криптовалюты, использование криптовалюты в нынешних условиях и перспективы // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 6. С. 195 – 199.
3. Белых В.С., Егорова М.А., Решетникова С.Б. Биткоин: понятие и тенденции правового регулирования // Юрист. 2019. № 3. С. 4 – 11.
4. Хакк Б.В. Проблемы правового регулирования криптовалюты в рф (на примере bitcoin и других криптовалют, работающих на системе "blockchain") // Проблемы развития рынка товаров и услуг: перспективы и возможности субъектов РФ: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 14-16 мая 2020 года / Сибирский федеральный университет, Институт торговли и сферы услуг. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. С. 837 – 839.
5. Дубровский Н.С., Филиппенко М.С. Проблема оборота криптовалют в международных расчетах // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 7-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 12-13 декабря 2022 года. Т. 3. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 92 – 95.
6. Ожогова И.А., Языкова Ю.А. Влияние рынка криптовалют на деятельность Централных банков // Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации: материалы 8-й Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2021 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Государственный университет управления. Москва: Государственный университет управления, 2022. С. 58 – 61.
7. Постановлении Девятого Арбитражного Апелляционного Суда по делу № А40-124668/2017 № 09АП-16416/2018 от 15.05.2018 СПС «КонсультантПлюс».
8. Лапинскас А.А. О сущности, особенностях и легитимности криптовалют // Экономический вектор. 2021. № 2 (25). С. 105 – 110.
9. Артемьев К.И. Современное законодательство и криптовалюта (майнинг криптовалюты) как новое явление в Российской экономике // International Law Journal. 2022. Т. 5. № 5. С. 34 – 39.
10. Дубровский Н.С. Невзаимозаменяемые токены: к вопросу об определении правового режима // Концепция развития частного права: стратегия будущего : сборник научных статей Всероссийской национальной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Курск, 27 мая 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 12 – 16.
11. Постановление Свердловского областного суда от 16 декабря 2021 г. по гражданскому делу № 2-2582/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Zaitseva A.A., Ivanova O.V. The essence of cryptocurrencies and features of the cryptocurrency market. Financial economics: current issues of development: collection of proceedings of the II International Student Scientific Conference: in 2 volumes. Khabarovsk, November 15, 2019. Khabarovsk State University of Economics and Law. Khabarovsk: Khabarovsk State University of Economics and Law, 2019. Vol. 1. P. 118 – 121.
2. Denisyuk A.Yu. General characteristics of cryptocurrency, the use of cryptocurrency in current conditions and prospects. Issues of sustainable development of society. 2022. No. 6. P. 195 – 199.
3. Belykh V.S., Egorova M.A., Reshetnikova S.B. Bitcoin: concept and trends in legal regulation. Lawyer. 2019. No. 3. P. 4 – 11.

4. Hakk B.V. Problems of legal regulation of cryptocurrency in the Russian Federation (using the example of bitcoin and other cryptocurrencies operating on the "blockchain" system). Problems of development of the market of goods and services: prospects and opportunities of the constituent entities of the Russian Federation: Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Krasnoyarsk, May 14-16, 2020. Siberian Federal University, Institute of Trade and Services. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2020. P. 837 – 839.

5. Dubrovsky N.S., Filippenko M.S. The problem of cryptocurrency turnover in international payments. Science of the young – the future of Russia: a collection of scientific articles of the 7th International scientific conference of promising developments of young scientists, Kursk, December 12-13, 2022. Vol. 3. Kursk: Southwestern State University, 2022. P. 92 – 95.

6. Ozhogova I.A., Yazykova Yu.A. The influence of the cryptocurrency market on the activities of Central banks. Analysis of the socio-economic state and development prospects of the Russian Federation: materials of the 8th International Student Scientific and Practical Conference, Moscow, November 12, 2021. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University – management system. Moscow: State University of Management, 2022. P. 58 – 61.

7. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal in case No. A40-124668/2017 No. 09AP-16416/2018 dated May 15, 2018 ATP “ConsultantPlus”.

8. Lapinskas A.A. On the essence, features and legitimacy of cryptocurrencies. Economic vector. 2021. No. 2 (25). P. 105 – 110.

9. Artemyev K.I. Modern legislation and cryptocurrency (cryptocurrency mining) as a new phenomenon in the Russian economy. International Law Journal. 2022. Vol. 5. No. 5. P. 34 – 39.

10. Dubrovsky N.S. Non-fungible tokens: on the issue of determining the legal regime. Concept of development of private law: strategy for the future: collection of scientific articles of the All-Russian National Scientific Conference of Students, Masters and Postgraduates, Kursk, May 27, 2022. Kursk: Southwestern State University, 2022. P. 12 – 16.

11. Resolution of the Sverdlovsk Regional Court of December 16, 2021 in civil case No. 2-2582/2021. ATP “ConsultantPlus”.

Информация об авторах

Масуфранова Е.А., кандидат исторических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет

Дубровский Н.С., Юго-Западный государственный университет

Балашов К.Г., Юго-Западный государственный университет

Выходцева А.В., Юго-Западный государственный университет

© Масуфранова Е.А., Дубровский Н.С., Балашов К.Г., Выходцева А.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-21-26

Направления совершенствования системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера

¹Далингер А.В.,

¹Сургутский государственный университет

Аннотация: в статье проводится анализ направлений совершенствования системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера России, а также направления совершенствования зарубежных стран. На сегодняшний день сфера обеспечения прав такой уязвимой категории отличается разобщенностью нормативно-правовых актов, а также формальностью отраженных в таких актах норм. Основными принципами формирования норм и правовых основ в современном обществе выступают принципы свойственные демократическому обществу. По мере развития такого общества осуществляется и развитие основного документального обеспечения, и не редки случаи, когда тому или иному вопросу, закрепленному в таких документах не уделяется должного внимания. Основную долю населения составляют народы, численность которых не так критична. Большее внимания к гарантии прав и обеспечению защиты интересов необходимо уделить таким народам, численность которых близка к критическому, и население которых напрямую зависит от обеспечения привычного для таких народов образа жизни. Вся их бытность и культура определённых народов подвергается риску по мере развития урбанизации и промышленности. Под воздействием таких факторов на сегодняшний день, можно увидеть, что культура и традиции таких народов уходят в прошлое, и практически исчезают. Единственным фактором для сохранения таких народов выступает обеспечения сохранности их привычной бытности. На сегодняшний день данный аспект и обуславливает значимость выявления направлений, развитие в которых позволит обеспечить гарантию прав коренным малочисленным народам. В результате проведенного анализа выявляются сферы совершенствования, а также основные принципы направлений совершенствования.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы севера, привлечение к уголовной ответственности, система законодательства о правах коренных малочисленных народов

Для цитирования: Далингер А.В. Направления совершенствования системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 21 – 26. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-21-26

Поступила в редакцию: 5 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Directions for improving the system of legislation on the rights of indigenous minorities of the North

¹Dalinger A.V.,

¹Surgut State University

Abstract: the article analyzes the directions of improving the system of legislation on the rights of indigenous minorities of the North of Russia, as well as the directions of improvement of foreign countries. To date, the sphere of ensuring the rights of such a vulnerable category is characterized by the fragmentation of normative legal acts, as well as the formality of the norms reflected in such acts. The basic principles of the formation of norms and legal foundations in modern society are the principles inherent in a democratic society. As such a society develops,

the development of basic documentary support is also carried out, and it is not uncommon for one or another issue enshrined in such documents not to be given due attention. The majority of the population consists of peoples whose numbers are not so critical. Greater attention to the guarantee of rights and ensuring the protection of interests should be paid to such peoples, whose numbers are close to critical, and whose population directly depends on ensuring a way of life familiar to such peoples. Their entire way of life and the culture of certain peoples are at risk as urbanization and industry develop. Under the influence of such factors today, it can be seen that the culture and traditions of such peoples are becoming a thing of the past, and practically disappear. The only factor for the preservation of such peoples is to ensure the preservation of their habitual way of life. Today, this aspect determines the importance of identifying areas in which development can ensure the guarantee of the rights of indigenous peoples. As a result of the analysis, areas of improvement are identified, as well as the basic principles of areas of improvement.

Keywords: *indigenous small-numbered peoples of the north, bringing to criminal responsibility, the system of legislation on the rights of indigenous minorities*

For citation Dalinger A.V. Directions for improving the system of legislation on the rights of indigenous minorities of the North. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 21 – 26. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-21-26

The article was submitted: March 5, 2024; Approved after reviewing: May 4, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Развитие и становление современного общества, построенного на принципах демократии, выступает основной движущей силой для преобразования социалистического общества. Для формирования демократического общества, претерпевают изменение все составляющие социалистического пространства, в том числе и правовые основы, регламентирующие деятельность такого общества. Нормативно-правовая база подвергается доработке и пересмотру, при этом охватываются все сферы, в том числе и сфера гарантии прав особых категорий народов.

Тенденции защиты такого населения государства наблюдались еще во второй половине XX века, когда отдельными нормами законодательства, было закреплено права отчуждения территорий, на которых коренные народы ведут свой традиционный образ жизни. При этом под таким отчуждением понималось не просто закрепление особого статуса таких земель, но и полный запрет использования таких земель в промышленных целях [7]. В частности, такие положения в себе содержало Постановление Верховного Совета СССР «О неотложных мерах экологического оздоровления страны», которое было принято 27 ноября 1989 года [4].

Список особых категорий населения на протяжении определённого времени пересматривался, и уже также в 1990 году, определение «аборигены Севера» трансформировалось и стало звучать иначе. Так, такие народы стали называться «коренные малочисленные народы Севера», и к такой категории стало относиться более 30 народов, что на 5 народов больше, чем в предыдущей категории.

Актуальностью исследования выступает проработка выявленных направлений развития, с целью повышения эффективности гарантии прав и защиты интересов коренных малочисленных народов Севера.

Цель исследования – выявление направлений совершенствования системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера, а также разработка предложений по совершенствованию такой системы.

Задачи – провести исследование теоретического материала, а также нормативно-правовых актов, произвести оценку направлений развития системы, оценить опыт зарубежных стран в данном вопросе, а также разработать мероприятия по повышению эффективности системы, регулирующие права и гарантии коренным малочисленным народам Севера.

Гипотеза – проработка определённых направлений, позволит выявить сфера, в которых реализация ряда мероприятий, позволит повысить эффективность нормативно-правовой базы, а также зафиксировать ряд принципов, на которых такая база может быть построена.

Материалы и методы исследований

В рамках проведенного исследования были использованы такие методы как анализ, синтез, анализ исследований. В результате проведенного исследования были получены результаты, анализ которых позволил получить сведения, для определений направления развития, а также выявления сфер развития системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера.

Базой исследования выступали нормативно-правовые акты Российской Федерации, а также нормативно-правовые акты зарубежных стран, регулирующие основы в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера.

Результаты и обсуждения

Коренные малочисленные народы Севера выступают практически самым незащищенным народом. Вся их бытность и культура подвергается риску по мере развития урбанизации и промышленности. Под воздействием таких факторов на сегодняшний день, можно увидеть, что культура и традиции таких народов уходят в прошлое, и практически исчезают. В результате интенсивного развития городов, территории на которых велся традиционный образ жизни таких народов уже стали терять свою этническую индивидуальность. Сохранность условий для жизни и ведения традиционного бытия коренных малочисленных народов на сегодняшний день набирает свою актуальность, а обеспечение прав таких народов выступает залогом успешного сохранения таких народов.

В виду большого количества нормативно-правовых актов существующих на сегодняшний день, ряд применяемых норм вызывает сложности в их применении. Вопросы в основном связаны в пересечении норм закона, которые предусматривают абсолютно различные нормы ответственности. Множественные недоработки законодательства вносят коррективы в жизнь малочисленных народов, и их количество не перестает снижаться.

Возрастающая актуальность защиты прав таких народов обуславливает возникновение потребности в реформировании существующих на сегодняшний день законодательных актов, а также отдельных положений и и норм, которые выступают нормативно-правовой основой регулирования прав малочисленных народов. Существует множество подходов, позволяющих сделать вывод о том, что работа в данном направлении ведется достаточно активно [8].

Отдельные нормы Конституции Российской Федерации создали определённые предпосылки для наделения такой категории народов особым статусом. В частности, трактовка ст. 65 Конституции РФ говорит о том, что в составе государства допускается создание автономных округов. Отдельными нормами основного документа страны предусмотрено, что гарантия прав малочисленных народов осуществляется в соответствии с существующими международными нормами, при этом таким народам гарантируется защита их среды обитания и ведение их традиционного образа жизни [6].

Становление развития прав коренных малочисленных народов продолжалось, и уже в 1980 году была создана первая Ассоциация коренных малочисленных народов, которая далее уже после распада Советского Союза была трансформирована в Российскую Ассоциацию малочисленных народов. Члены ассоциации активно участвуют в нормотворчестве и работе законодательной системы Российской Федерации.

На протяжении долгого периода хозяйственная деятельность малочисленных народов севера осуществлялась с помощью государственной поддержки, но к концу 1995 года, было принято решение об окончании финансирования такой деятельности.

Для поддержания традиционного образа жизни малочисленных народов, был заключен ряд соглашений, положения которых были направлены на поддержку хозяйственной и промышленной деятельности таких народов [5]. Так в 1996 году было заключено первое соглашение с центром освоения, развития и реабилитации российских Арктики и Севера, а уже в 2000 году к такому соглашению присоединился Министерство регионального развития Российской Федерации. При этом, активное участие принимали районные органы государственной власти, к ведомству которых относились территории с малочисленными народами.

Как уже было сказано, предпосылки к формированию правовой базы такого населения были зафиксированы Конституцией Российской Федерации и отдельными положениями международного законодательства. При этом, в рамках указанных нормативно-правовых документов Российской Федерацией был разработан и принят ряд обязательных документов, которые являются неотъемлемой частью нормативно-правовой базы, выступающей основой для гарантии прав малочисленных народов [3].

Помимо выше изученных документов, существует ряд документов, гарантирующей не только права на исконную территорию обитания, а также права на образование, развитие культуры, традиции и обычаев. Так, к таким документам можно отнести ряд международных конвенций, отдельными положениями которых зафиксированы особые права малочисленных коренных народов [9].

Коренным малочисленным народам Севера гарантируются условия, при которых они могут полнее реализовать свои избирательные права (за счет допущения отклонения до 40% от средней нормы представительства избирателей по округам в местах компактного проживания малочисленных народов); право на общинное самоуправление.

Осуществляется учет этнических интересов и компенсации (в виде платежей, поступающих в бюджеты субъектов РФ при пользовании недрами в районах проживания малочисленных народов).

Необходимо отметить, что коренные малочисленные наряду с обще гарантированными правами имеют ряд прав, которые обуславливаются спецификой жизнедеятельности таких народов. Так, к особым правам, гарантируемым коренным малочисленным народам можно отнести особые условия пользования лесными и водными ресурсами, а также ресурсами животного мира, которые в общепринятом понятии выступают особо охраняемым объектом. При этом, культура и быт таких народов сами по себе выступают объектом охраны, и пользуются специальными направлениями поддержки со стороны государства для их сохранности и восстановления [1].

Коренные народы Севера выступают определённым сегментом общества, который, не смотря стандартные общественные отношения обладают определенной автономией. Так, коренные малочисленные народы имеют право на создание определённого объединения, которое будет наделено полномочиями по самостоятельному решению некоторых вопросов, связанных с обеспечением жизнедеятельности таких народов, вне зависимости от сферы возникновения вопроса, будь то экономическая или же социальная сферы жизни. При этом, наряду с наделением самостоятельностью решения некоторых вопросов, такие объединения в праве определять направления развития своей культуры, языка или же быта.

Наделение правом на самостоятельное решение некоторых вопросов в плане развития культуры и быта позволило коренным малочисленным народам обеспечить сохранность традиций и жизненных укладов, которые были поставлены под угрозу в результате интенсивного развития урбанизации [10]. Так, негативное влияние такого процесса можно проследить в процессе развития промышленности и освоения территорий, на которых ведут свой традиционный образ жизни такие народы. Специфика жизни таких народов, со свойственными их традиционному образу жизни традициями была поставлена под угрозу за счет отсутствия механизма адаптации под новые реалии.

На сегодняшний день проблемы коренных малочисленных народов Севера достаточно пристально и детально изучаются. Так, при изучении современных тенденций в данном вопросе была затронута тема отсутствия «золотой середины» в развитии прав таких народов. Современные ученые отмечают, что основной проблемой закрепления прав коренных малочисленных народов Севера выступает отсутствие разработанной законодательной базой, которая будет регулировать права в установленном порядке [2]. Заблуждения о том, что на сегодняшний день положение некоторых объединений коренных малочисленных народов значительно лучше, подпитываются только некоторыми общественными мнениями, которые на сегодняшний день ничем не подкреплены.

Основным механизмом развития прав коренных малочисленных народов Севера, выступает вышеупомянутый процесс, который заключается в создании автономного объединения, наделенного правом самостоятельно решать вопросы, связанные с развитием такого народа. При этом, самостоятельное управление подкреплено также отдельными нормами Конституциями, и дает право задействовать в такой процесс территории, на которых осуществляется ведение быта и традиционной жизни.

Выводы

В Российской Федерации на современном этапе развития федерализма одним из главных принципов политики в отношении народов Севера провозглашен принцип «развития партнерских отношений». Суть его заключается в признании правосубъектности КМНС, их права на собственный выбор нуги развития и на участие в разработке и реализации государственных и других программ по развитию территорий их проживания и традиционного природопользования. Несмотря на существующие недоработки в сфере обеспечения прав и гарантий коренных малочисленных народов Севера проблемы достаточно пристально и детально изучаются. Так, при изучении современных тенденций в данном вопросе была затронута тема отсутствия «золотой середины» в развитии прав таких народов. Современные ученые отмечают, что основной проблемой закрепления прав коренных малочисленных народов Севера выступает отсутствие разработанной законодательной базой, которая будет регулировать права в установленном порядке.

Список источников

1. Абдулвалиев А.Ф. Применение географического подхода в совершенствовании уголовного законодательства // Научное пространство России: генезис и трансформация в условиях реализации целей устойчивого развития: сборник научных статей по итогам Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17-18 апреля 2020 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. С. 190 – 193.
2. Батршин Р.Ю., Н.И. Бурмакина, Н.Д. Бут и др.; отв. за выпуск А.И. Стахов. Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сборник научных статей М. РГУП, 2018. 164 с.
3. Верещагин И.Ф., Зайков К.С., Тамицкий А.М., Трошина Т.И., Соколова Ф.Х., Харлампыева Н.К. и др. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: моногр. / Под общ. ред. Н.К. Харлампыевой. Архангельск: САФУ, 2017. 325 с.
4. Гарантии прав коренных малочисленных народов севера, их реализация и защита в ханты-мансийском автономном округе – Югре: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / сост. Н.В. Стребкова. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2019. 344 с.
5. Дорогин Д.А. Особенности учета статуса представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации в уголовном праве // Рос. юрид. журнал. 2020. № 2 (131). С. 130 – 141.
6. Кряжков В.А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 44 – 55.
7. Петров Ю.Д. Методология политики устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера (теоретико-прикладное обоснование) // Вестник северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2020. № 4 (20). С. 19 – 35.
8. Роднина Н.В. Проблемы традиционных отраслей АПК Арктики в Якутии // Арктика и Север. 2020. № 41. С. 75 – 86.
9. Соколова И.Б. Реализация региональной политики по защите прав и интересов коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе // Аналитический вестник. 2017. № 30 (686). С. 11 – 15.
10. Терехина А.Н. Кочевые школы: ограничения или возможности? // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 137 – 153.

References

1. Abdulvaliev A.F. Application of a geographical approach in improving criminal legislation. Scientific space of Russia: genesis and transformation in the context of the implementation of sustainable development goals: a collection of scientific articles based on the results of the National Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 17-18, 2020. St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University, 2020. P. 190 – 193.
2. Batrshin R.Yu., N.I. Burmakina, N.D. Booth et al.; resp. for the release of A.I. Stakhov. Current problems of harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision: collection of scientific articles M. RGUP, 2018. 164 p.
3. Vereshchagin I.F., Zaikov K.S., Tamitsky A.M., Troshina T.I., Sokolova F.Kh., Kharlampieva N.K. and others. Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects: monograph. Under general ed. N.K. Kharlampieva. Arkhangelsk: NArFU, 2017. 325 p.
4. Guarantees of the rights of indigenous peoples of the north, their implementation and protection in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra: special report of the Commissioner for Human Rights in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. comp. N.V. Strebkova. Khanty-Mansiysk: Print-Class, 2019. 344 p.
5. Dorogin D.A. Features of taking into account the status of representatives of indigenous peoples of the Russian Federation in criminal law. Ros. legal magazine. 2020. No. 2 (131). P. 130 – 141.
6. Kryazhkov V.A. Traditional way of life of indigenous peoples in the constitutional and legal dimension. State and Law. 2017. No. 12. P. 44 – 55.
7. Petrov Yu.D. Methodology for the policy of sustainable development of indigenous peoples of the North (theoretical and applied justification). Bulletin of the North-Eastern Federal University named after. M.K. Ammosova. Series: History. Political science. Right. 2020. No. 4 (20). P. 19 – 35.
8. Rodnina N.V. Problems of traditional sectors of the Arctic agro-industrial complex in Yakutia. Arctic and North. 2020. No. 41. P. 75 – 86.

9. Sokolova I.B. Implementation of regional policy to protect the rights and interests of indigenous peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. Analytical Bulletin. 2017. No. 30 (686). P. 11 – 15.

10. Terekhina A.N. Nomadic schools: limitations or opportunities? Ethnographic review. 2017. No. 2. P. 137 – 153.

Информация об авторе

Далингер А.В., Сургутский государственный университет

© Далингер А.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.44

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-27-32

К вопросу о натуральном характере обязательств по поводу использования криптовалюты в расчетах

¹Басов А.А.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу текущего правового регулирования и правоприменительной практики в сфере обязательственных правоотношений по поводу использования криптовалюты. Автором приводится критический анализ положений Закона о ЦФА, а также обосновывается, что предоставление исковой защиты требованиям, вытекающим из обязательств по поводу использования криптовалюты, только при условии соблюдения налоговых обязательств, противоречит гражданско-правовой догматике и принципу равенства. Также в работе приводятся общие критические замечания относительно признания обязательств по поводу использования криптовалюты натуральными, предлагается пересмотреть подход к данной проблематике.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, цифровые активы, обязательства с криптовалютой, натуральные обязательства, споры о криптовалюте, расчеты с криптовалютой

Для цитирования: Басов А.А. К вопросу о натуральном характере обязательств по поводу использования криптовалюты в расчетах // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 27 – 32. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-27-32

Поступила в редакцию: 5 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

On the issue of the unenforceable nature of obligations regarding the use of cryptocurrency in calculations

¹Basov A.A.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of current legal regulation and law enforcement practice in the field of binding legal relations regarding the use of cryptocurrency. The author provides a critical analysis of the provisions of the CFA Law, and also substantiates that the provision of legal protection to claims arising from obligations regarding the use of cryptocurrency, only subject to compliance with tax obligations, contradicts the civil law dogma and the principle of equality. The paper also provides general criticisms regarding the recognition of obligations regarding the use of cryptocurrencies in kind, it is proposed to reconsider the approach to this issue.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, digital assets, obligations with cryptocurrency, natural obligations, disputes about cryptocurrency, settlements with cryptocurrency

For citation: Basov A.A. On the issue of the unenforceable nature of obligations regarding the use of cryptocurrency in calculations. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 27 – 32. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-27-32

The article was submitted: March 5, 2024; Approved after reviewing: May 5, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – предложить критический анализ натурального характера гражданско-правовых обязательств по поводу использования криптовалюты

Задачи – исследовать законодательство, научную литературу и судебную практику по вопросам регулирования и правоприменения в сфере обязательственных отношений, возникающих по поводу использования криптовалюты, в т.ч. проанализировать обоснованность признания таких обязательств в качестве натуральных

Гипотеза – признание обязательств по поводу использования криптовалюты в качестве натуральных нарушает общеправовой принцип равенства и приводит к возникновению несправедливых ситуаций, связанных с нарушением принципа возмездности в имущественных отношениях; целесообразно изменение подхода к регулированию обязательств по поводу использования криптовалюты.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Криптовалюта является нововведением на рынке финансовых и валютных услуг, популяризация которого во многом основана на удобности и безопасности функционирования самой технологии осуществления расчетов с использованием криптовалюты – речь о применении передовых криптографических достижений вкуче с использованием технологии децентрализованного реестра, исключающей искажение информации о совершаемых транзакциях путем взломов и хакерских атак [1].

Активное использование криптовалюты в расчетах путем внесения информационных записей в децентрализованный реестр о перечислении определенного количества криптовалюты (токенов) от одного лица к другому требует, исходя из общеправового принципа свободы экономической деятельности, адекватной реакции правопорядка на такие складывающиеся хозяйственные отношения, что выражается в предоставлении оптимального набора прав и обязанностей соответствующим участникам правоотношений [2].

Применительно ко многим зарубежным правопорядкам, криптовалюта получила известный уровень легитимации со стороны государства, будучи признанной в качестве законного средства платежа либо цифрового финансового актива, наряду с уже существующими ценными бумагами [3].

В то же время подход российской правовой системы к вопросам регулирования отношений с использованием криптовалюты кажется, если не резко отрицательным (особенно на примере бескомпромиссной позиции Банка России [4]), то, как минимум, скептическим в силу нежелания законодателя вносить правовую определенность по вопросу правового характера отношений, связанных с обращением криптовалюты.

Так, на примере Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «Закон о ЦФА») [5] отечественный законодатель, с одной стороны, определяет в качестве криптовалюты совокупность электронных данных как возможное средство платежа (ч. 3 ст. 1), а с другой – устанавливает прямой запрет для граждан и юридических лиц-резидентов на принятие криптовалюты в качестве встречного предоставления (ч. 5 ст. 14). Обоснованная критика подобного противоречивого регулирования криптовалюты метко выражается в выражении о том, что позицию законодателя можно идиоматически описать как фразу: «да, но нет» [6].

В то же время следует также учитывать положения ч. 6 той же ст. 14 Закона о ЦФА, которой устанавливается условие для предоставления судебной защиты по требованиям, связанным с использованием криптовалюты в расчетах – раскрытие участниками отношений сведений о факте обладания ими криптовалютой либо о совершении ими сделок (операций) с криптовалютой для целей соблюдения законодательства о налогах и сборах. Возвращаясь к идиоматическому описанию регулирования режима криптовалюты с учетом совокупности положений ч. 3 ст. 1 и ч. 5-6 ст. 14 Закона о ЦФА, возможно использовать следующую фразу: «да, но нет, однако при выполнении налоговых обязательств – все-таки да».

Представляется, что, исходя из смысловой направленности законодательного регулирования, в том числе выраженной в логическом соотношении норм ч. 5 и ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА, представляется, что общим правовым последствием совершения сделок, предметом которых является совершение действий по поводу передачи одной стороне криптовалюты в пользу другой, является придание вытекающим из такой сделки

обязательств характера натуральных обязательств, то есть обязательств, не защищаемых в принудительном порядке [7].

Иными словами, обязательственные отношения, возникающие между гражданами и организациями по поводу приобретения криптовалюты или осуществления расчетов с помощью криптовалюты, не будут обладать исковой защитой: лицо, уплатившее на условиях предоплаты денежные средства за приобретение криптовалюты будет вынуждено надеяться только на добросовестное перечисление контрагентом оговоренного количества токенов, равно как и наоборот – продавец криптовалюты, перечисливший её авансом своему визави, не сможет потребовать взыскания с последнего денежных средств в случае его отказа от исполнения взятых на себя обязательств.

Приводя конкретный практический пример, следует обратиться к Апелляционному определению Московского городского суда по недавно рассмотренному делу N 33-8939/2024 [8], в рамках которого истец требовал взыскания с ответчика сумм перечисленных ему денежных средств в счет покупки токенов криптовалюты USDT, мотивируя свои требования тем, что ответчик не исполнил свои обязательства по перечислению в пользу истца оговоренной суммы токенов. Московский городской суд, отменяя решение суда первой инстанции, которым требования истца были удовлетворены, полностью отказал в иске, сославшись на то, что требования истца не подлежат защите, поскольку денежные средства перечислялись с целью запрещенного законом участия в обороте криптовалюты.

Схожим образом, в рамках дела N 2-3343/2021 Невский районный суд Санкт-Петербурга отказал истцу во взыскании перечисленных им в пользу ответчика денежных средств, предназначенных для инвестирования в криптовалюту, мотивируя свои требования как положениями ч. 5 ст. 14 Закона о ЦФА, так и тем, что криптовалюта является необеспеченным денежным суррогатом, в связи с чем истец, перечисляя денежные средства ответчику, принял на себя риски возникновения убытков [9].

При этом анализ судебной практики также показывает, что при отказе в удовлетворении исков по обязательствам, связанных с оборотом криптовалюты, суды отдельно обращают внимание на невыполнение истцом обязанности по раскрытию налоговым органам информации об обладании и (или) совершении сделок с криптовалютой, что влечет невозможность применения специального исключения, предусмотренного ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА.

Например, в Апелляционном определении Московского городского суда по делу N 33-41465/2022 апелляционный суд поддержал решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требования общества с ограниченной ответственностью к физическому лицу о взыскании с последнего денежных средств в сумме, эквивалентной стоимости определенного количества криптовалюты Bitcoin, мотивируя это тем, что общество не представило доказательств информирования налоговых органов о факте обладания цифровой валютой либо совершения гражданско-правовых сделок с цифровой валютой [10].

Представляется, что такую правоприменительную практику, равно как и предлагаемое Законом о ЦФА регулирование нельзя признать оптимальными правовыми решениями по следующим соображениям.

Прежде всего, следует отметить, что специально устанавливаемое ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА исключение, предусматривающее возможность предоставления судебной защиты по требованиям, связанным с обращением криптовалюты, в корне противоречит частноправовой догматике, поскольку устанавливает содержание гражданско-правовых прав и обязанностей сторон правоотношений в зависимости исполнения либо неисполнения ими тех или иных публично-правовых (например, налоговых) обязанностей. В этой связи следует согласиться с позицией Е.Н. Абрамовой о том, что такой законодательный подход приводит к смешению отраслевого правового регулирования [11], поскольку оборот имущества выступает предметом частного права, в то время как вопросы налогообложения являются объектами норм публичного права, которые не могут влиять на содержание частноправовых отношений.

По нашему мнению, заложенный законодателем в ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА подход провоцирует возникновение существенного неравенства между различными субъектам гражданских правоотношений, поскольку одни лица, выполнившие фискальные обязательства, будут иметь возможность претендовать на защиту своих интересов в рамках обязательств по поводу использования криптовалюты, в то время как иные лица, не исполнившие такую обязанность, будут поражены в своем гражданско-правовом статусе кредитора. С некоторой долей условности такое положение вещей можно приравнять к индульгенции, поскольку защита государством прав и интересов лиц в рамках обязательств по поводу использования криптовалюты ставится в зависимость исключительно от уплаты такими лицами налогов в пользу государства, что навряд ли оправдано с точки зрения принципов справедливости и равенства.

Кроме того, кажется неверным само существование подобной конструкции гражданско-правового обязательства, которое, по сути, является «условно натуральным» обязательством [12], что порождает суще-

ственную доли правовой неопределенности для участников такого обязательственного правоотношения. Например, должник по такому обязательству либо иные заинтересованные в содержании обязательства третьи лица (наследники, кредиторы, поручители, залогодатели, цессионарии и т.п.) не будут обладать пониманием относительно наличия у кредитора возможности принудительной реализации своих прав, поскольку сведения об информировании либо неинформировании последним налоговых органов о совершении сделки с криптовалютой не будет известен таким лицам в силу режима налоговой тайны [13].

Наконец, следует отметить несовершенство законодательной техники при формулировании ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА, поскольку данные положения не содержат ответов на вопросы о том, каковы последствия информирования налоговых органов о факте совершения сделок с криптовалютой с нарушением срока либо не в полном объеме (например, с искажением сведений о налоговой базе).

Кроме того, кажется возможным изложить ряд критических замечаний относительно введенного законодателем общего правила о недопустимости совершения сделок с использованием криптовалюты и признании натурального характера за обязательствами, вытекающими из таких сделок.

Прежде всего, следует учитывать, что реально складывающаяся экономическая практика использования криптовалюты в расчетах и как средства инвестирования денежных средств свидетельствует о наличии признанной многими участниками гражданского оборота ценности криптовалюты. Любое лицо, обладая токенами криптовалюты, может с легкостью монетизировать их, обменяв их по текущему курсу валюты на легально функционирующих онлайн-биржах и обменниках (например, Binance).

Такое положение вещей свидетельствует, во-первых, о том, что получение лицом токенов криптовалюты, исходя из экономической сути отношений, следует признавать обогащением, которое, при отсутствии правомочных оснований к его получению, может являться неосновательным, то есть порождать на стороне такого получателя кондикционное обязательство по возврату самого предмета обогащения либо его стоимости.

Именно по этой причине кажется крайне несправедливой ситуация, при которой, например, лицо, перечислившее некоторое количество токенов криптовалюты другому лицу в обмен на осуществление определенного исполнения (передачи денег, товаров и т.п.), не сможет претендовать на удовлетворение своих требований к неисправному контрагенту. Истец, передавший свои токены ответчику, вероятнее всего, приобрел эти токены безвозмездно, заложив в сам факт обладания ими определенную стоимость, в связи с чем невозможность получения оговоренного исполнения (позитивный интерес) либо, как минимум, возврата переданных токенов криптовалюты или денежного эквивалента (негативный интерес) приводит к нарушению принципа возмездности гражданско-правовых связей.

Иными словами, недобросовестные участники оборота, осведомленные о подобной правоприменительной практике, могут намеренно получать исполнения в виде токенов криптовалюты, после чего уклоняться от исполнения принятых на себя обязательств, ссылаясь в суде на их натуральный характер.

По нашему мнению, скудность текущего правового регулирования отношений по поводу использования криптовалюты позволяет разрешить проблему нарушения принципа возмездности участников оборота путем применения альтернативного подхода к квалификации самой правовой природы обязательства по предоставлению криптовалюты одной стороной в пользу другой.

Исходя из того, что криптовалюта (её токены) существуют исключительно в форме информации (информационных записей в реестре) о совершенных транзакциях, следует признать, что каждый раз, когда одно лицо перечисляет другому токены криптовалюты, оно совершает действия, направленные на внесение определенной информации в соответствующий реестр платежной системы криптовалюты. При этом, коль скоро совершение таких действий не противоречит закону, не образует исполнения, противоречащих основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ [14]), такие действия могут признаваться непосредственным предметом обязательства, связанного с использованием криптовалюты в расчетах.

Иными словами, предлагается использовать подход, в соответствии с которым расчеты с использованием криптовалюты определялись бы с юридической точки зрения не через объект гражданских прав, что вызывает ряд сложностей с учетом дискуссий об объектоспособности криптовалюты [15], а через поведение противоположной стороны, которая принимает на себя обязательство по организации внесения в определенный децентрализованный реестр информации о зачислении определенного количества токенов криптовалюты на электронный кошелек (адрес) своего контрагента.

Как известно, всякого рода действия, имеющие определенную экономическую ценность для контрагента, являются давно известным частноправовой догматике объектом гражданского права – оказанием услуг (результатами оказания услуг). В связи с изложенным, кажется, что квалификация обязательства стороны по передаче криптовалюты другой стороне может быть признано обязательством по оказанию услуг, ис-

полнение которого может быть обусловлено передачей денежных средств, что будет составлять предмет договора возмездного оказания услуг, либо обусловлено иным предоставлением, что позволит квалифицировать такой договор в качестве непоименованного договора.

Представляется, что единственной возможной сложностью правильного разрешения споров по поводу использования криптовалюты при реализации такой модели регулирования являлась бы сама проверка факта надлежащего исполнения стороной, принявшей на себя обязательство по перечислению криптовалюты другой стороне, такого обязательства. В то же время такой вопрос кажется разрешим ввиду своего технического характера, что, при надлежащем формулировании сторонами условий договора, с детальным описанием конкретного способа внесения информации в децентрализованный реестр с установлением формы подтверждения факта внесения такой информации, делает проблему скорее предположительной.

Во всяком случае, такое промежуточное регулирование либо правоприменение по вопросу использования криптовалюты в расчетах позволило бы пресечь дальнейшее признание обязательств по поводу использования криптовалюты в качестве натуральных, что подрывает общеправовой принцип равенства участников оборота и провоцирует многочисленные злоупотребления со стороны недобросовестных контрагентов.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что текущее законодательное регулирование, а также правоприменение в сфере оборота криптовалюты исходит из признания за гражданско-правовыми обязательствами по поводу использования криптовалюты в качестве натуральных обязательств (обязательств, не подлежащих судебной защите), за исключением случаев раскрытия заинтересованной стороной информации об обладании криптовалютой либо совершении сделок с ней налоговым органам.

Аргументировано, что установление зависимости между характером гражданско-правового обязательства по поводу использования криптовалюты (подлежащее либо не подлежащее исковой защите) и исполнением кредитором по такому обязательству определенных публично-правовых обязанностей заслуживает критики, поскольку данный подход приводит к необоснованному смешиванию отраслевого регулирования, а также в отсутствие убедительных предпосылок нарушает принцип равенства между участниками оборота, поскольку лицам, исполнившим налоговые обязанности, предоставляется преимущество в частноправовых отношениях по сравнению с лицами, не исполнившими такие обязанности.

Продемонстрирована порочность юридической техники нормы ч. 6 ст. 14 Закона о ЦФА в той мере, в какой данное законоположение не позволяет установить последствия ненадлежащего исполнения обязанностей по раскрытию информации об обладании криптовалютой, например, при нарушении сроков предоставления данной информации либо её предоставлении не в полном объеме.

Проанализирована судебная практика применения норм Закона о ЦФА, в соответствии с которой суды отказывают в удовлетворении требований, вытекающих из обязательств по поводу использования криптовалюты со ссылкой на натуральный характер таких обязательств, а также на неисполнение истцом налоговых обязанностей.

Предложено оптимальное правовое регулирование обязательств по поводу использования криптовалюты путем признания обязательства по передаче (перечислению) токенов криптовалюты в качестве действий в виде внесения информации в децентрализованный реестр, что позволило бы преодолеть признание таких обязательств натуральными и справедливо решать споры, вытекающие из обязательств по поводу использования криптовалюты.

Список источников

1. Егорова М.А., Белицкая А.В. Финансовая стабильность и "стабильные монеты" (стейблкоин): правовой аспект // Юрист. 2021. № 11. С. 2 – 3.
2. Губин Е.П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 3 – 9.
3. Иноземцев М.И. Современные подходы к цифровизации объектов гражданских прав: обзор зарубежного опыта // Международное публичное и частное право. 2020. № 2. С. 21 – 25.
4. ЦБ предложил запретить в России криптовалюты [Электронный ресурс] // URL: https://www.kommersant.ru/doc/5173325?from=doc_top (дата обращения: 13.01.2024)
5. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. N 173. 06.08.2020.

6. Земляченко Я.В. Объектоспособность криптовалюты как средства обращения и средства платежа в условиях цифровизации торгового оборота // Гражданское право. 2024. № 1. С. 14 – 17.
7. Гусева А.А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 76 – 93.
8. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2024 по делу N 33-8939/2024 // СПС «Консультант Плюс».
9. Решение Невского районного суда города Санкт-Петербурга от 25.05.2021 по делу N 2-3343/2021 // СПС «Консультант Плюс».
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.10.2022 по делу N 33-41465/2022 // СПС «Консультант Плюс».
11. Абрамова Е.Н. К вопросу о понятии криптовалюты: проблемы терминологии и формирования дефиниции // Банковское право. 2021. № 2. С. 22.
12. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Москва: НОРМА, 2023. С. 141.
13. Токарев С.И. Налоговая тайна как правовой институт в налоговом праве // Финансовое право. 2015. N 7. С. 44 – 48.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.

References

1. Egorova M.A., Belitskaya A.V. Financial stability and “stable coins” (stablecoin): legal aspect. Lawyer. 2021. No. 11. P. 2 – 3.
2. Gubin E.P. Legal support for freedom of economic activity. Entrepreneurial Law. 2015. No. 4. P. 3 – 9.
3. Inozemtsev M.I. Modern approaches to digitalization of objects of civil rights: a review of foreign experience. International public and private law. 2020. No. 2. P. 21 – 25.
4. The Central Bank proposed to ban cryptocurrencies in Russia [Electronic resource]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5173325?from=doc_top (access date: 01/13/2024)
5. Federal Law of July 31, 2020 N 259-FZ “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Rossiyskaya Gazeta. N 173. 06.08.2020.
6. Zemlyachenko Ya.V. The objectivity of cryptocurrency as a means of circulation and a means of payment in the conditions of digitalization of trade turnover. Civil law. 2024. No. 1. P. 14 – 17.
7. Guseva A.A. Object of vindication: problems of law enforcement. Current problems of Russian law. 2021. No. 4. P. 76 – 93.
8. Appeal ruling of the Moscow City Court dated March 20, 2024 in case No. 33-8939/2024. SPS “Consultant Plus”.
9. Decision of the Nevsky District Court of St. Petersburg dated May 25, 2021 in case No. 2-3343/2021. ATP “Consultant Plus”.
10. Appeal ruling of the Moscow City Court dated October 20, 2022 in case No. 33-41465/2022. SPS “Consultant Plus”.
11. Abramova E.N. On the issue of the concept of cryptocurrency: problems of terminology and definition formation. Banking Law. 2021. No. 2. P. 22.
12. Amelin R.V., Channov S.E. The evolution of law under the influence of digital technologies. Moscow: NORM, 2023. P. 141.
13. Tokarev S.I. Tax secrecy as a legal institution in tax law. Financial law. 2015. N 7. P. 44 – 48.
14. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 12/08/1994.

Информация об авторе

Басов А.А., Московский финансово-промышленный университет Синергия

© Басов А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.73

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-33-38

Оспаривание отрицательных решений собраний органов управления юридическим лицом

¹Васильев А.Н.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу вопросов оспаривания отрицательных решений собраний органов корпоративного управления юридическим лицом. На основании анализа законодательства, литературы и судебной практики, автором приводятся доводы в поддержку возможности применения механизма такого оспаривания. В то же время в работе обосновывается неэффективность вынесения судами решений, которыми только лишь декларируется недействительность соответствующего решения органа корпоративного управления. Автор обосновывает, что эффективное оспаривание отрицательных решений органов корпоративного управления возможно за счет одновременного признания судом соответствующих решений в качестве положительных, то есть принятых по предложенному вопросу повестки дня.

Ключевые слова: корпорация, органы корпорации, решение органа управления, решение собрания, оспаривание решения собрания, отрицательное решение собрания, корпоративное управление

Для цитирования: Васильев А.Н. Оспаривание отрицательных решений собраний органов управления юридическим лицом // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 33 – 38. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-33-38

Поступила в редакцию: 5 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Challenging negative decisions of meetings of management bodies of a legal entity

¹Vasiliev A.N.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the issues of challenging negative decisions of meetings of corporate governance bodies by a legal entity. Based on the analysis of legislation, literature and judicial practice, the author provides arguments in support of the possibility of using the mechanism of such a challenge. At the same time, the paper substantiates the ineffectiveness of court decisions, which only declare the invalidity of the relevant decision of the corporate governance body. The author substantiates that the effective challenge of negative decisions of corporate governance bodies is possible due to the simultaneous recognition by the court of the relevant decisions as positive, that is, adopted on the proposed issue of the agenda.

Keywords: corporation, corporate bodies, decision of the governing body, decision of the meeting, challenging the decision of the meeting, negative decision of the meeting, corporate governance

For citation: Vasiliev A.N. Challenging negative decisions of meetings of management bodies of a legal entity. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 33 – 38. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-33-38

The article was submitted: March 5, 2024; Approved after reviewing: May 6, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – исследовать возможность оспаривания отрицательных решений органов корпоративного управления, предложив оптимальную модель такого оспаривания

Задачи – проанализировать законодательство, научную литературу и судебную практику относительно возможности оспаривания отрицательных решений органов управления юридическим лицом, выработав рекомендации относительно целесообразного регулирования в обсуждаемой сфере.

Гипотеза – в связи с тем, что отрицательные решения органов корпоративного управления могут нарушать интересы участников соответствующего гражданско-правового сообщества или иных заинтересованных лиц, а также в силу отсутствия прямого законодательного запрета, оспаривание отрицательных решений органов корпоративного управления юридическим лицом кажется допустимым, однако эффективность применения такого механизма достижима только при одновременном принятии судом решения о признании оспариваемого решения органа корпоративного управления в качестве принятого (то есть в качестве положительного решения).

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Эффективное корпоративное управление предполагает принятие важнейших решений, касающихся деятельности корпорации, на коллективных началах, то есть несколькими лицами, входящими в тот или иной орган корпоративного управления, наделенного необходимой компетенцией в силу закона или внутренних документов корпорации [1].

Именно таким образом происходит принятие решений органами множества известных цивилистике юридических лиц, в особенности применительно к юридическим лицам корпоративного типа – речь о хозяйственных обществах, товариществах, партнерствах и некоторых других [2].

Например, в рамках наиболее распространенной в обороте корпоративной формы – общества с ограниченной ответственностью (ООО) – такими органами управления являются общее собрание участников, а также иные факультативно образуемые органы, например, совет директоров (наблюдательный совет) либо правление [3].

При этом решение собрания органа управления корпорацией, будучи гражданско-правовым актом, обладающим сделочной природой [4], может быть оспорено (признано недействительным) по иску заинтересованных лиц в целях аннулирования правовых последствий, порожденных соответствующим решением, что, в конечном итоге, направлено на достижение определенного правового эффекта в рамках материальных правоотношений, непосредственно связанных либо основанных на принятом решении собрания.

Например, оспаривание решения органа управления об одобрении сделки корпорации может либо предотвратить совершение сделки либо, при соблюдении определенных условий, повлечь недействительность самой сделки, совершенной во исполнение недействительного решения собрания [5]. Иной пример – оспаривание решения органа управления о назначении директора компании может в ряде случаев позволить аннулировать все юридически значимые действия, совершенные незаконно назначенным директором, в том числе оспорить совершенные им от имени корпорации сделки [6].

В то же время на практике возможны многочисленные ситуации, при которых права и интересы заинтересованных лиц могут нарушаться отрицательным (или негативным) решением органа корпоративного управления, под которым в контексте настоящей работы понимается решение против предложенного вопроса повестки дня, то есть в ситуации, когда необходимым большинством членов органа управления был отдан голос за вариант голосования «против» либо же не было набрано необходимое число голосов за вариант голосования «за».

Так, отрицательное решение органа корпоративного управления может нарушать интересы заинтересованных лиц в случаях неправильного подсчета голосов при подведении итогов голосования либо при незаконном характере данного решения с содержательной стороны, в том числе в ситуации злоупотребления большинством голосующих лиц (в т.ч. мажоритарными участниками общества) своим положением.

Убедительный пример в рамках обозначенной проблематики приводит А.А. Кузнецов, которым указывается на возможность возникновения ситуации длительного недобросовестного нераспределения прибыли (дивидендов) корпорации её мажоритарными участниками в целях ущемления имущественного положения

миноритарных участников такого общества [7]. Иной пример – принятие общим собранием хозяйственного общества отрицательного решения по вопросу о реорганизации в случае, когда такая реорганизация в силу закона, решения суда или требования иного уполномоченного органа (например, антимонопольного), обязательна для компании [8].

Сама возможность существования отрицательных решений органов корпоративного управления требует ответа на закономерный вопрос о допустимости оспаривания таких решений, а также о правовых последствиях признания таких решений недействительными.

Обращение к тексту Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) [9] может создать впечатление о том, что оспаривание отрицательных решений не представляется возможным. В частности, п. 3 ст. 181.4 ГК РФ устанавливает, что правом на оспаривание решения собрания (к числу которых относятся решения органов корпоративного управления) обладает участник соответствующего гражданско-правового сообщества, не принимавший участия в голосовании либо голосовавший против принятого решения. Такое уточнение статуса участника в части его отношения с принятым решением собрания позволяет прийти к выводу о том, что участник, голосовавший за принятие решения, которое в конечном итоге стало отрицательным, то есть было принято как решение против поставленного вопроса повестки дня, не имеет права на оспаривание такого решения.

Однако, исходя из отсутствия в ГК РФ или иных нормативных актах прямого указания на недопустимость оспаривания отрицательных решений собраний, а также по соображениям необходимости предоставления эффективной защиты интересов лиц, претерпевающих негативные последствия в результате принятия отрицательного решения собрания, кажется возможным заключить, что такое оспаривание является допустимым.

Представляется, что при обратном подходе заинтересованные лица были бы лишены возможности добиться в судебном порядке констатации незаконности решения органа корпоративного управления, легитимирующее, как правило, незаконное бездействие корпорации – например, невыплату дивидендов, неосуществление обязательной реорганизации и в иных подобных ситуациях.

Следует отметить, что подобный подход прослеживается в некоторых судебных актах арбитражных судов, которыми было признано допустимым признание недействительными отрицательных решений общего собрания, не соответствующих закону.

Так, в рамках дела № А73-11283/2018 Арбитражный суд Дальневосточного округа согласился с выводом нижестоящего суда о признании незаконным решения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, которым был принято отрицательное решение по вопросу о назначении аудиторской проверки финансовой отчетности общества [10]. Мотивируя свое решение, кассационный суд указал, что, несмотря на голосование большинством участников общества против предложения о назначении аудиторской проверки, положения действующего законодательства об обществах с ограниченной ответственностью [11] и законодательства об аудиторской деятельности [12] устанавливают обязательность привлечения аудитора для проверки финансовой отчетности компании в случае, если величина её активов превышает 60 миллионов рублей, что соответствовало обстоятельствам данного дела.

В то же время, установление самой возможности оспаривать отрицательные решения органов корпоративного управления, следует отметить, что само по себе такое оспаривание вряд ли может быть признано достаточным и эффективным средством защиты интересов лиц, интересы которых нарушены таким решением.

Очевидно, что само по себе декларативное признание судом недействительности отрицательного решения органа корпоративного управления не позволяет автоматически реализовать те правомерные интересы заинтересованного лица, для защиты которых соответствующее решение было оспорено.

Возвращаясь к примеру положительной судебной практики относительно оспаривания отрицательного решения общего собрания корпорации по вопросу назначения аудиторской проверки, следует признать, что само по себе признание судом недействительным такого решения не влечет автоматического назначения желаемой для истца аудиторской проверки, а также никак не понуждает ответчиков к осуществлению действий по организации данной проверки.

Таким образом, существование судебного акта о признании недействительным того или иного отрицательного решения корпоративного управления никак не препятствует принятию аналогичных отрицательных решений в дальнейшем, в связи с чем возникает вопрос о совершенствовании механизма оспаривания отрицательных решений, придания ему возможности иметь не только и не столько декларативный, сколько правообразовательный эффект, непосредственно влияя на содержательный аспект спорных материальных правоотношений.

По нашему мнению, эффективным средством защиты интересов истца, оспаривающего отрицательное решение органа корпоративного управления, является механизм волезамещающего судебного акта [13], которым могло бы быть установлено признание оспариваемого корпоративного решения в качестве принятого определенным образом, например, вместо оспоренного отрицательного решения судом было провозглашено положительное решение соответствующего органа управления, без чего такое оспаривание не имело бы практического смысла [14].

Следует отметить, что вышеобозначенный подход также применяется в некоторых судебных актах – суды признают недействительными отрицательные решения собраний и одновременно указывают в резолютивной части на признание решения органа корпоративного управления принятого в качестве положительного решения по тому или иному вопросу.

Например, в рамках дела N А17-1700/2011 Арбитражный суд Волго-Вятского округа согласился с выводами апелляционного суда, который признал в качестве принятого решения внеочередного общего собрания участников ООО по вопросу переизбрания генерального директора [15].

Иной, не менее наглядный пример из практики – дело N А53-3054/2013, в рамках которого Арбитражный суд Северо-Кавказского округа согласился с нижестоящими судебными актами, которыми было признано недействительным отрицательное решение общего собрания акционеров акционерного общества по вопросу выплаты дивидендов с одновременным указанием в резолютивной части на признание решения общего собрания в качестве принятого с формулировкой «объявить выплату дивидендов по акциям...» [16].

Представляется, что подобная реализация механизма оспаривания отрицательных решений органов корпоративного управления, представляющая собой не только декларацию но и волезамещающий либо правопреобразовательный эффект, является более эффективным средством правовой защиты заинтересованных лиц и способствует более эффективному достижению целей защиты нарушенных прав и интересов в сфере корпоративного управления. Очевидно, что отсутствие правопреобразовательного элемента в судебных актах о признании недействительным отрицательного решения органа корпоративного управления означало бы бессмысленность такого рода декларации ввиду возможности игнорирования данного судебного акта при проведении иных собраний соответствующих корпоративных органов в дальнейшем.

Таким образом, кажется обоснованным, в целях исключения правовой неопределенности и формирования единообразного правоприменения по вопросу оспаривания отрицательных решений органов корпоративного управления, включить в текст ГК РФ (например, статьи 181.3) прямое указание на возможность оспаривания отрицательного решения собрания, с одновременным указанием на наличие у суда полномочия по признанию оспариваемого решения собрания в качестве принятого в предложенной для голосования редакции.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Обоснована актуальность проблематики оспаривания органов корпоративного управления, принятых против предложенного вопроса (вопросов) повестки дня (отрицательные решения), что обусловлено возможностью нарушения такими решениями прав и интересов заинтересованных лиц.

Приведены доводы в поддержку возможности оспаривания отрицательных решений органов корпоративного управления, среди которых соображения необходимости предоставления эффективной защиты прав и интересов в сфере корпоративных правоотношений, а также отсутствие прямого законодательного запрета.

Аргументировано, что само по себе вынесение судебного акта о признании недействительным отрицательного решения органа корпоративного управления не позволяет полноценно защитить права и интересы заинтересованного лица, в связи с чем необходимо предоставление судам компетенции по принятию волезамещающих либо правопреобразовательных судебных актов, которыми оспариваемые решения признавались бы в качестве принятых по предложенному вопросу (вопросам) повестки дня.

Список источников

1. Патенкова В.Ю. Контроль за деятельностью акционерного общества: правовое регулирование: монография. М.: Юстицинформ. 2023. С. 93.
2. Габов А.В., Губин Е.П., Карелина С.А. и др. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут. 2019. С. 117 – 118.
3. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ. 2021. С. 74 – 76.

4. Степанов Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021. С. 126.
5. Степанов Д.И. Опасность контрмэжоритаризма при оспаривании корпоративных решений // Закон. 2020. N 11. С. 63 – 75.
6. Лаптев В.А., Ефименко Е.Н. Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты // Lex russica. 2013. № 3. С. 277.
7. Кузнецов А.А. Оспаривание решений общих собраний участников (акционеров) // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО / Отв. ред. А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2020. С. 222.
8. Кузнецов А.А. Оспаривание реорганизации хозяйственных обществ // Вестник гражданского права. 2020. N 3. С. 188 – 189.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
10. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.01.2020 N Ф03-1927/2019 по делу N А73-11283/2018 // СПС «Консультант Плюс».
11. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. N 30. 17.02.1998.
12. Федеральный закон от 30.12.2008 N 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // Российская газета. N 267. 31.12.2008.
13. Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 2. С. 189.
14. Вилкин С.С. Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 87 – 88.
15. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.01.2012 по делу N А17-1700/2011 // СПС «Консультант Плюс».
16. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 01.10.2013 по делу N А53-3054/2013 // СПС «Консультант Плюс».

References

1. Patenkova V.Yu. Control over the activities of a joint-stock company: legal regulation: monograph. M.: Justitsinform. 2023. P. 93.
2. Gabov A.V., Gubin E.P., Karelina S.A. and others. Corporate law: textbook. rep. ed. I.S. Shitkina. M.: Statute. 2019. P. 117 – 118.
3. Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. Corporate law: rights and obligations of participants in business companies: a practical guide with judicial commentary. M.: Justitsinform. 2021. P. 74 – 76.
4. Stepanov D.I. Invalidity of corporate decisions: articles on problematic issues. M.: Statute, 2021. P. 126.
5. Stepanov D.I. The danger of counter-majoritarianism when challenging corporate decisions. Law. 2020. N 11. P. 63 – 75.
6. Laptev V.A., Efimenko E.N. Corporate conflicts: causes and methods of protection. Lex russica. 2013. No. 3. P. 277.
7. Kuznetsov A.A. Challenging decisions of general meetings of participants (shareholders). Corporate law in anticipation of changes: a collection of articles for the 20th anniversary of the Law on LLC. Responsible. ed. A.A. Kuznetsov. Moscow: Statute, 2020. P. 222.
8. Kuznetsov A.A. Challenging the reorganization of business entities. Bulletin of Civil Law. 2020. N 3. P. 188 – 189.
9. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 12/08/1994.
10. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated January 15, 2020 N F03-1927/2019 in case N А73-11283/2018. ATP “Consultant Plus”.
11. Federal Law of 02/08/1998 N 14-FZ “On Limited Liability Companies”. Rossiyskaya Gazeta. N 30. 02.17.1998.
12. Federal Law of December 30, 2008 N 307-FZ “On Auditing Activities”. Rossiyskaya Gazeta. N 267. 12/31/2008.

13. Tarasov K.A., Brutsky A.V. Review of the practice of applying legislation on withdrawal from limited liability companies (part 2). Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. N 2. P. 189.

14. Vilkin S.S. Civil-legal nature of volitional acts of collegial bodies of a legal entity: dis. ... cand. legal Sci. M., 2009. P. 87 – 88.

15. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated January 25, 2012 in case No. A17-1700/2011. ATP “Consultant Plus”.

16. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated October 1, 2013 in case No. A53-3054/2013. ATP “Consultant Plus”.

Информация об авторе

Васильев А.Н., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, aspir.lawyer@mail.ru

© Васильев А.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.21

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-39-44

К вопросу о гражданско-правовом режиме криптовалюты

¹ Гришаев И.А.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу правового режима (правовой природы) криптовалюты, в том числе поиску ответа на общий вопрос о наличии либо отсутствии у криптовалюты признаков объекта гражданского права (объектоспособности). Автор анализирует основные взгляды на феномен криптовалюты с точки зрения права, в том числе приводит критический анализ позиции законодателя. По результатам работы автор, анализируя такие признаки криптовалюты, как выполнение ею функции денежного суррогата, отсутствие в отношении криптовалюты обязанного лица, а также существование криптовалюты в форме информации, приходит к выводу о том, что криптовалюта не является объектом гражданского права. В то же время автор не исключает целесообразность применения к отношениям, связанным с использованием криптовалюты, норм о неосновательном обогащении.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, природа криптовалюты, режим криптовалюты, безналичные расчеты, денежный суррогат, блокчейн

Для цитирования: Гришаев И.А. К вопросу о гражданско-правовом режиме криптовалюты // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 39 – 44. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-39-44

Поступила в редакцию: 5 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

On the issue of the civil law regime of cryptocurrencies

¹ Grishaev I.A.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the paper is devoted to the analysis of the legal regime (legal nature) of the cryptocurrency, including the search for an answer to the general question about the presence or absence of signs of the object of civil law (objectability) in the cryptocurrency. The author analyzes the main views on the cryptocurrency phenomenon from the point of view of law, including a critical analysis of the position of the legislator. According to the results of the work, the author, analyzing such signs of cryptocurrency as its fulfillment of the function of a monetary surrogate, the absence of an obligated person in relation to crypto currency, as well as the existence of cryptocurrency in the form of information, comes to the conclusion that crypto currency is not an object of civil law. At the same time, the author does not exclude the expediency of applying rules on non-innovative enrichment to relations related to the use of cryptocurrencies.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, the nature of cryptocurrency, cryptocurrency mode, non-cash payments, monetary surrogate, blockchain

For citation: Grishaev I.A. On the issue of the civil law regime of cryptocurrencies. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 39 – 44. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-39-44

The article was submitted: March 5, 2024; Approved after reviewing: May 6, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – анализ гражданско-правовой природы криптовалюты

Задачи – исследовать существо криптовалюты как явления и на основе научной литературы и законодательства определить правовую природу криптовалюты, установив наличие либо отсутствие у криптовалюты признаков объектоспособности

Гипотеза – криптовалюта представляет собой фиксируемую в автономно функционирующем децентрализованном реестре информацию (информационные записи) о транзакциях с условными единицами (токенами) криптовалюты. Учитывая, что криптовалюта существует только в форме информации, является денежным суррогатом, а также не имеет обязанного лица, имеются основания полагать, что криптовалюта не является объектом гражданских прав. В то же время в целях соблюдения имущественных интересов сторон отношений по поводу использования криптовалюты, представляется возможным применять нормы о неосновательном обогащении к таким правоотношениям.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, статистические сведения.

Результаты и обсуждения

Цифровая валюта или же криптовалюта (от англ. *cryptocurrency*) представляет собой информационные записи о перечислениях определенного количества условных единиц (токенов) в рамках децентрализованной и автономно функционирующей информационной системы, обеспечивающей внесение данных информационных записей при осуществлении транзакций пользователями данной системы [1].

Реально складывающаяся практика применения криптовалюты в расчетах между участниками экономического оборота свидетельствует о широкой популяризации криптовалюты как функционального аналога ныне существующих платежных инструментов. На примере таких известных разновидностей криптовалюты, как биткоин и эфириум (англ. Bitcoin, Ethereum), следует отметить, что во многих правовых порядках складывается практика принятия данных видов валюты в качестве официальных средств платежа, в том числе при приобретении недвижимости, при внесении платы за обучение либо покупке авиабилетов, при этом объемы транзакций с использованием данных криптовалют в определенных периодах превысили объемы операций, осуществляемых в рамках платежной системы Western Union [2].

В то же время, несмотря на широкую практическую популярность криптовалюты, а также её юридическое признание в ряде зарубежных правовых порядков, следует признать, что текущее отечественное регулирование и гражданско-правовая догматика не могут предложить адекватного восприятия феномена криптовалюты. Вопросы правовой квалификации и в целом объектоспособности криптовалюты являются одной из самых популярных сфер дискуссий.

Так, по мнению многих авторов, в частности, А.И. Савельева, криптовалюта по своим сущностным признакам признается особой разновидностью имущества, используемого для осуществления расчетов между сторонами, но в то же время не являющегося денежными средствами [3].

Другими авторами, напротив, утверждается о возможности квалификации криптовалюты в качестве уже существующих и признанных в законе объектов гражданских прав [4], например, предусмотренных ст. 141.1 ГК РФ [5] цифровых прав.

Бегло анализируя текущее законодательное регулирование криптовалюты, следует обратиться к нормам Федерального закона от 31.07.2020 N 259-ФЗ [6], которым, с одной стороны, вводится определение цифровой валюты как совокупности электронных данных информационной системы, которые, не являясь денежными единицами, могут выступать средством платежа (ч. 3 ст. 1), а с другой стороны, устанавливается запрет на принятие цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые товары, работы и услуги. Такая юридическая техника обоснованно является предметом критики в литературе ввиду противоречивости позиции законодателя и отсутствии полной правовой определенности относительно реального юридического режима феномена криптовалюты [7].

Представляется, что правильное догматическое понимание сущности криптовалюты, а также некоторых особенностей общественных отношений, вытекающих из использования криптовалюты в расчетах, сводится к тезису о том, что криптовалюта в действительности не является объектом гражданских прав, что, однако, не исключает возможности применения к отношениям, возникающим по поводу использования криптовалюты, института кондикции (неосновательного обогащения), что необходимо для недопустимости нару-

шения баланса интересов участников оборота при осуществлении обмена ценностями в виде криптовалюты.

В целях более подробного обоснования данного тезиса, представляется необходимым осуществить анализ следующих функциональных признаков и особенностей, присущих криптовалюте:

- 1) криптовалюта является денежным суррогатом;
- 2) в отношении токенов криптовалюты отсутствует обязанное лицо;
- 3) криптовалюта существует исключительно в форме информации.

Рассматривая первый признак, следует отметить, что действительно, криптовалюта, несмотря на её легитимацию в качестве платежного средства со стороны участников гражданского оборота, не обладает такого рода легитимацией в глазах государства, которым устанавливается, что единственным законным платежным средством является только национальная валюта в виде рубля, который может существовать в форме наличных денежных средств (банкноты и монеты), а также в безналичной форме.

Таким образом, криптовалюта является денежным суррогатом (от лат. *surrogatus* – замененный), то есть не признанным государством аналогом денежных средств, способным в силу своих функциональных характеристик играть роль средства расчетов между сторонами.

В то же время, сам по себе такой признак, как выполнение функции денежного суррогата не означает, что такой суррогат не может признаваться объектом гражданского права. Коммерческой практике известны примеры, когда денежными суррогатами выступают объектоспособные явления.

Например, Л.А. Лунц относил к денежным суррогатам вексели и бонны (облигации), которые в силу своих свойств обращаемости могут заменять деньги, вследствие чего автор называл их «частными деньгами» [7]. С такой логикой следует согласиться, поскольку вексели или бонны, несмотря на наличие у них признаков объекта гражданского права (как правило, это документарные ценные бумаги), не обладают признаком их официального признания в качестве законного средства платежа (денег), в связи с чем суррогатная природа векселей и боннов будет выражаться в отсутствии у участников оборота обязанностей по их безусловному принятию в качестве платежа в счет предоставления в рамках того или иного гражданского правоотношения.

В то же время, предвзято анализируя второй признак криптовалюты (наличие либо отсутствие обязанного лица), следует отметить, что у приведенных в качестве примеров денежных суррогатов, например, векселя, имеется обязанное лицо, которым выступает векселедатель, ранее принявший на себя обязательство по выплате определенного количества денежных средств в соответствии с содержанием векселя.

Как известно, классическая форма существования криптовалюты предполагает, что «владельцу» токенов криптовалюты не противопоставляется какое-либо обязанное лицо, которое обязуется совершать операции с данными токенами, конвертировать их в денежные средства и т.п., поскольку криптовалюта как продукт информационной системы существует и функционирует автономно, не имея при этом эмитента криптовалюты, администратора, реестродержателя и т.д. [8]. Именно по этой причине согласиться с квалификацией криптовалюты в качестве цифровых прав, предусмотренных ст. 141.1 ГК РФ, не представляется возможным, поскольку, как следует из текста данной статьи, цифровыми правами являются названные законом в качестве таковых обязательственные или иные права, что в любом случае предполагает существование управомоченного и обязанного субъектов, чего не наблюдается при анализе существа криптовалюты.

Следует попутно отметить, что по тем же соображениям представляется невозможным приравнивать цифровые валюты центральных банков (англ. CBDC или Central bank digital currency), в том числе ранее упомянутый цифровой рубль, к криптовалюте, поскольку цифровые валюты центральных банков в действительности имеют эмитента и представляют собой особый (цифровой) способ фиксации обязательственных прав их владельца к соответствующему центральному банку, выпустившему данную цифровую валюту.

Возвращаясь к признаку наличия либо отсутствия обязанного лица, следует также отметить, что само по себе отсутствие у денежного суррогата обязанного лица также не исключает возможность признания наличия у такого суррогата признака объекта гражданских прав.

Поскольку денежным суррогатом может являться потенциально любой объект, легитимированный участниками гражданского оборота в качестве средства расчетов, то есть обладающий признаком субъективного признания в качестве такового его пользователями, потенциально возможно применение разного рода имущества в качестве денежного суррогата – почтовых марок [9], оберток от конфет или любого иного имущества, что возможно в силу реализации принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ).

Иными словами, криптовалюта является реально используемым в экономической практике средством расчетов только лишь постольку, поскольку в обществе существует такой консенсус и каждый член соответствующего общества признает за криптовалютой (её токенами) определенную ценность.

В то же время, несмотря на то, что криптовалюта обладает признаком наличия у неё ценности с экономической точки зрения, она, тем не менее, не может быть квалифицирована в качестве самостоятельного объекта гражданского права по причине особенностей формы существования криптовалюты в объективной действительности – в виде информации (информационных записей в реестре).

Оставляя в стороне общую дискуссию об объектоспособности информации [10], следует отметить, что информация в принципе как таковая может в определенных случаях, в зависимости от существа отношений, связанных с её использованием, иметь признаки объектоспособности – например, информация в текстовом виде может быть объектом авторского права, а деятельность по поиску и предоставлению информации может являться результатом оказания услуг (например, юридические услуги или риелторские услуги).

В то же время следует признать, что современная гражданско-правовая догматика не знает объекта гражданского права, представляющего собой информацию как средство платежа. В отличие от разнообразных форм безналичных денег, криптовалюта представляет собой лишь форму внесения автономно функционируемыми программными алгоритмами записей о транзакциях, не удостоверяя при этом каких-либо имущественных прав владельца криптовалюты к какому-либо обязанному лицу по причине несуществования такого лица.

Иными словами, сама по себе информация о совершенной транзакции, внесенная программным алгоритмом в распределенный реестр с помощью технологии блокчейн, не представляет собой объекта гражданского права, поскольку она нематериальна по своей природе, а также не удостоверяет каких-либо прав её владельца, в том числе обязательственных, вещных, корпоративных либо интеллектуальных.

В то же время, представляется возможным констатировать, что криптовалюта, сам факт обладания ею в смысле наличия возможности распорядиться данными децентрализованного реестра путем внесения сведений о перечислении токенов криптовалюты иным лицам, представляет собой иную ценность (благо), не являющуюся объектом гражданского права. Это объясняется тем, что такой «владелец» криптовалюты может превратить токены криптовалюты в денежные средства, что обусловлено фактом наличия сформированного рыночного спроса на криптовалюту и готовностью иных участников оборота обменять реальные объекты гражданских прав (например, деньги) на токены криптовалюты.

Такой признак криптовалюты, как наличие у неё некоей экономической ценности позволяет сделать следующий необходимый логический шаг, за счет которого возможно оптимальное урегулирование отношений по поводу использования криптовалюты – признать криптовалюту (её токены) предметом неосновательного обогащения для целей признания наличия между участниками общественных отношений кондикционных обязательств.

Для аргументации данного тезиса, прежде всего, следует обратиться к известной позиции видных специалистов в области кондикции Д.В. Новака и В.С. Гербутова, по мнению которых, получение лицом без встречного предоставления блага, не являющегося объектом гражданских прав, но фактически участвующего в гражданском обороте (например, такие блага, как деловая репутация, информация), может образовывать неосновательное обогащение на стороне такого получателя, при этом в подобных ситуациях нормы о неосновательном обогащении могут применяться для тех случаев, когда инструментарий договорного права оказывается недостаточным для восстановления баланса интересов сторон [11].

Моделируя пример возможной реализации данного соображения на практике применительно к криптовалюте, можно предположить, что в ситуации, когда два гражданина заключили между собой договор, по условиям которого первый гражданин обязуется передать второму гражданину вещь, а второй гражданин взамен обязуется перечислить обусловленное количество токенов биткоина в пользу первого, кажется верным, что последующее расторжение либо признание недействительным данного договора позволит второму гражданину претендовать, если не на получение обратно токенов криптовалюты как таковых, то на взыскание стоимости неосновательного обогащения, представляющего сбереженные первым гражданином денежные средства, которые бы он при нормальном развитии отношений потратил бы при получении токенов криптовалюты, что обусловлено сформированным спросом на данные токены.

Иными словами, несмотря на отсутствие у криптовалюты признака объекта гражданских прав, сам факт того, что в сложившейся хозяйственной практике получение сопоставимого количества токенов криптовалюты происходит при условии предоставления определенного имущественного (как правило, денежного) эквивалента, безвозмездное приобретение токенов криптовалюты образует состав неосновательного обо-

гащения, поскольку приобретатель токенов сберег денежные средства, которые бы он в нормальной ситуации потратил бы на получение данных токенов.

Представляется, что предлагаемое решение проблематики гражданско-правового режима криптовалюты является оптимальным и сбалансированным, поскольку, с одной стороны, таким решением констатируется отсутствие у криптовалюты признака объектоспособности, что соответствует догматическим представлениям о данном явлении, а с другой стороны, применение института неосновательного обогащения, который имеет дело не только с объектам гражданских прав, но и с не обладающими свойством объектоспособности благами и ценностями, позволяет справедливо разрешать ситуации, связанные с использованием участниками оборота криптовалюты на практике.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Продемонстрировано, что криптовалюта представляет собой информацию, существующую в виде информационных записей о транзакциях, формируемых автономно функционирующим децентрализованным реестром с помощью технологии блокчейн.

Аргументировано, что криптовалюта на практике используется в качестве денежного суррогата, что, однако, не позволяет сделать вывод о наличии у криптовалюты признака объектоспособности, поскольку криптовалюта, являясь информационными записями в реестре, не имеет обязанного лица, не удостоверяет каких-либо прав (обязательственных, вещных, корпоративных, интеллектуальных и иных).

Приведены доводы в поддержку того, что даже при отсутствии у криптовалюты признаков объектоспособности, к отношениям по поводу её использования возможно применение института неосновательного обогащения, что позволит обеспечить сохранение баланса интереса сторон таких отношений.

Список источников

1. Морозова И.Г., Курпякова С.И. К вопросу о классификации цифровых прав // *Хозяйство и право*. 2022. № 11. С. 24.
2. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // *Lex russica*. 2019. № 7. С. 130 – 140.
3. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2018. № 8. С. 136 – 153.
4. Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // *Хозяйство и право*. 2019. № 4. С. 17 – 25.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // *Российская газета*. N 238-239. 08.12.1994.
6. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Российская газета*. N 173. 06.08.2020.
7. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. Статут, 1999. С. 75.
8. Ефимова Л.Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // *Цивилист*. 2022. № 4. С. 6 – 15.
9. Толкачев А.Ю., Жужжалов М.Б. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018. № 9. С. 91 – 135.
10. Брагинец А.Ю. Информационные объекты как имущество: опыт юрисдикций общего права и перспективы его имплементации в России // *Закон*. 2023. № 9. С. 111 – 123.
11. Новак Д.В., Гербутов В.С. Ключевые проблемы обязательств из неосновательного обогащения // *Вестник ВАС РФ*. 2014. № 1. С. 58 – 95.

References

1. Morozova I.G., Kurpyakova S.I. On the issue of classification of digital rights. *Economy and Law*. 2022. No. 11. P. 24.
2. Egorova M.A., Efimova L.G. The concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation. *Lex russica*. 2019. No. 7. P. 130 – 140.
3. Savelyev A.I. Cryptocurrencies in the system of objects of civil rights. *Law*. 2018. No. 8. P. 136 – 153.
4. Efimova L.G. Cryptocurrencies as an object of civil law. *Economy and Law*. 2019. No. 4. P. 17 – 25.
5. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*. N 238-239. 12/08/1994.

6. Federal Law of July 31, 2020 N 259-FZ “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Rossiyskaya Gazeta. N 173. 06.08.2020.
7. Lunts L.A. Money and monetary obligations in civil law. M. Statute, 1999. P. 75.
8. Efimova L.G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble. Civilist. 2022. No. 4. P. 6 – 15.
9. Tolkachev A.Yu., Zhuzhalov M.B. Cryptocurrency as property – analysis of the current legal status. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 9. P. 91 – 135.
10. Braginets A.Yu. Information objects as property: experience of common law jurisdictions and prospects for its implementation in Russia. Law. 2023. No. 9. P. 111 – 123.
11. Novak D.V., Gerbutov V.S. Key problems of obligations from unjust enrichment. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2014. No. 1. P. 58 – 95.

Информация об авторе

Гришаев И.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, grish_law@mail.ru

© Гришаев И.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-45-51

Основные характеристики договора суррогатного материнства

¹ Джулай Д.И.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу основных характеристик договора суррогатного материнства, выявленных на основании законодательной конструкции данного договора, а также установленных по результатам анализа научной литературы и судебной практики. Автор анализирует субъектный состав и предмет договора суррогатного материнства, а также дает оценку основным дискуссионным вопросам регулирования договорных правоотношений при осуществлении суррогатного материнства, а также некоторые иные особенности данного договора. В частности, в работе анализируется возможность заключения суррогатного договора на возмездных началах, алеаторность данного договора, исследуется сущность обязательства суррогатной матери по передаче ребенка генетическим родителям, а также некоторые иные вопросы.

Ключевые слова: суррогатное материнство, договор суррогатного материнства, рождение детей, признаки и особенности договора, предмет договора, стороны договора, репродуктивные технологии

Для цитирования: Джулай Д.И. Основные характеристики договора суррогатного материнства // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 45 – 51. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-45-51

Поступила в редакцию: 6 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Main characteristics of the surrogacy agreement

¹ Dzhulay D.I.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the main characteristics of the surrogacy agreement, identified on the basis of the legislative structure of this agreement, as well as established by the results of the analysis of scientific literature and judicial practice. The author analyzes the subject matter and the subject of the surrogacy agreement, and also gives an assessment of the main controversial issues of regulating contractual legal relations in the implementation of surrogacy, as well as some other features of this agreement. In particular, the paper analyzes the possibility of concluding a surrogate contract on a reimbursable basis, the aleatory nature of this contract, examines the essence of the obligation of a surrogate mother to transfer a child to genetic parents, as well as some other issues.

Keywords: surrogacy, surrogacy agreement, birth of children, signs and features of the contract, the subject of the contract, the parties to the contract, reproductive technologies

For citation: Dzhulay D.I. Main characteristics of the surrogacy agreement. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 45 – 51. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-45-51

The article was submitted: March 6, 2024; Approved after reviewing: May 6, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – определить основные гражданско-правовые признаки и особенности договора суррогатного материнства

Задачи – проанализировать законодательство и литературные источники в целях определения основных юридических признаков договора суррогатного материнства, в том числе определить его субъектный состав, предмет и иные значимые характеристики данного договора

Гипотеза – договор суррогатного материнства является по умолчанию односторонне обязывающим договором, возлагающим обязанности по предоставлению только на суррогатную мать, при этом закон и правоприменительная практика не запрещают устанавливать возмездный характер отношений между сторонами данного договора. Имеются предпосылки для разрешения вопросов, связанных с определением субъектного состава данного договора (в части необходимости участия в нем медицинской организации), установлением наличия оснований для квалификации договора суррогатного материнства в качестве алеаторной сделки, определения наличия либо отсутствия натуральных обязательств в рамках данного договора, а также анализа наличия либо отсутствия тесной связи между договорным обязательством и личностями участников договора суррогатного материнства.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Использование вспомогательных репродуктивных технологий в форме суррогатного материнства является действенным средством реализации такой важнейшей психосоциальной потребности человека, как потребности в продолжении рода и создании семьи, что позволяет не только разрешить сложную жизненную ситуацию конкретных граждан, но и выступить механизмом преодоления глобальных демографических вызовов современного общества [1].

Действующее российское законодательство, в отличие от некоторых иных правовых порядков [2], позволяет использовать суррогатное материнство в качестве легального средства создания семьи. Несмотря на явное наличие в отношениях по поводу использования суррогатного материнства публично-правового элемента, что обусловлено необходимостью осуществления государством контроля за надлежащим уровнем качества подобного медицинского вмешательства, а также обеспечением интересов ребенка, реализация данного механизма осуществляется на основе частноправового института сделки, которой является договор суррогатного материнства.

Предваряя правовой анализ данного договора, следует в общих чертах обозначить особенности существа самого механизма суррогатного материнства, что позволит лучше понять суть общественных отношений, возникающих при применении данной репродуктивной технологии.

Суррогатное материнство представляет собой особую биотехнологическую процедуру, в ходе которой осуществляется вынашивание и рождение ребенка женщиной, не являющейся генетической матерью ребенка («суррогатная мать»), что возможно путем переноса данной женщине донорского эмбриона, образованного с использованием половых клеток потенциальных (генетических) родителей, которым в последующем предполагается передача ребенка после его рождения [3].

Следует отметить, что российская правовая система придерживается принципа разделения суррогатной матери и генетических родителей, устанавливая, что суррогатная мать не может выступать одновременно донором яйцеклетки, с использованием которой был создается эмплантируемый эмбрион (ч. 10 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4]).

Нормальное развитие отношений по поводу применения технологии суррогатного материнства заключается в том, что после рождения ребенка суррогатная мать признается матерью ребенка также с юридической точки зрения, то есть приобретает родительские права, несмотря на то, что связь такой матери с ребенком имеет только физиологический, но не генетический характер [5]. Соответственно, для того, чтобы генетические родители смогли приобрести юридический статус родителей, необходимо осуществление своего рода «уступки родительских прав», что выражается в том, что суррогатная мать дает согласие на запись генетических родителей в органах ЗАГС в качестве юридических родителей. В отсутствие данного согласия такая запись генетических родителей в качестве родителей ребенка невозможна в силу прямого указания п. 4 ст. 51 СК РФ и п. 5 ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния» [6].

Таким образом, вышеизложенное описание функциональной сути суррогатного материнства и основных законодательных положений, регулирующих данный институт, позволяет предпринять попытку охарактеризовать договор о суррогатном материнстве с юридической точки зрения, определив его существенные признаки и особенности.

Прежде всего, для определения наиболее общих черт договора суррогатного материнства представляется необходимым определить такие ключевые характеристики данного договора, как состав сторон и предмет.

Согласно положениям п. 4 ст. 51 СК РФ, п. 9 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», а также п. 70 Пказа Минздрава России от 31.07.2020 N 803н [7], регулирующего порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, договор суррогатного материнства заключается между двумя сторонами – потенциальными (генетическими) родителями (семейная пара либо одинокая женщина) и суррогатной матерью.

В то же время, несмотря на однозначность законодательного описания конструкции, некоторыми авторами указывается на трехсторонний характер договора суррогатного материнства, в котором также принимает участие медицинская организация, что аргументируется невозможностью самостоятельного выполнения всех необходимых медицинских манипуляций, связанных с применением технологии суррогатного материнства, в связи с чем формулируется вывод о необходимости участия в договоре третьей стороны, способной совершить необходимые действия, то есть такой медицинской организации [8].

Такая позиция представляется ошибочной, поскольку состав сторон договорного правоотношения (договорного обязательства) определяется не столько субъективными возможностями его сторон, сколько самим содержанием договорных обязательств, то есть набором прав и обязанностей, приобретаемых сторонами договора в соответствии с согласованными между собой условиями. Общеизвестно, что сторона может принять на себя обязательства, для исполнения которых требуется совершение определенных действий третьими лицами, в отсутствие которых договор не был бы исполнен должником самостоятельно. Однако, исполнение обязательства в таком случае может быть организовано соответствующей стороной договора путем привлечения иных лиц, в том числе за счет вступления с ними в отдельные договорные правоотношения.

Например, продавец, договорившийся о передаче покупателю крупногабаритной вещи, может быть лишен возможности осуществить такую передачу самостоятельно, что, однако, может быть преодолено заключением продавцом отдельного договора с транспортной компанией, способной оказать услуги по погрузке, транспортировке и разгрузке данной вещи. При этом признавать в таком случае заключенный между продавцом и покупателем договор купли-продажи трехсторонним, включая в состав сторон договора транспортную компанию, кажется излишним.

Представляется, что такая же логика полностью применима к отношениям по поводу суррогатного материнства. Очевидно, что необходимые для реализации процедуры суррогатного материнства медицинские услуги могут осуществлять медицинской организацией как третьим лицом, привлеченным на основании отдельного договора, заключенного, как правило, с между такой организацией и генетическими родителями. Более того, следует отметить, что даже при оформлении отношений с участием суррогатной матери, генетических родителей и медицинской организации одним договором как документом, такая ситуация не повлияет на природу правоотношений, складывающихся непосредственно между генетическими родителями и суррогатной матерью, поскольку набор прав и обязанностей данных сторон последних в отношении друг друга не изменится.

Говоря о наборе прав и обязанностей генетических родителей и суррогатной матери как сторон договора суррогатного материнства, следует отметить комплексный характер таких прав и обязанностей, что может породить сложности при попытке в точности определить предмет данного договора, то есть конкретный набор действий («программа обязательств» [9]) участников договорного правоотношения.

Прежде всего, следует отметить, что содержащееся в ранее приведенных нормативных актах описание отношений в рамках договора суррогатного материнства позволяет выделить следующие основные действия, совершение которых необходимо от его сторон:

- 1) генетические родители предоставляют согласие на эмплантацию и половых клеток (впоследствии – донорского эмбриона) суррогатной матери;
- 2) суррогатная мать предоставляет согласие на медицинское вмешательство путем имплантации ей донорского эмбриона;
- 3) суррогатная мать вынашивает эмплантируемый эмбрион и в последующем осуществляет роды ребенка;

4) после рождения ребенка суррогатная мать дает согласие на запись генетических родителей в качестве родителей ребенка органами ЗАГС.

Анализ набора предусмотренных законом действий сторон договора суррогатного материнства позволяет на первый взгляд судить о том, что данный договор является односторонне обязывающим и безвозмездным, поскольку основные обязанности, связанные с осуществлением какого-либо предоставления другой стороне договора, возлагаются только на суррогатную мать, в то время как обязанности генетических родителей, если такие можно представить в качестве составной части предмета договора суррогатного материнства, являются так называемыми кредиторскими обязанностями [10], совершение которых необходимо лишь для надлежащего исполнения должником своих обязательств по предоставлению (предоставить генетический материал, принять родившегося ребенка на воспитание).

В то же время не является секретом тот факт, что на практике применение суррогатного материнства связано с существованием возмездных отношений между генетическими родителями и суррогатной матерью, поскольку трудно представить выполнение последней таких функций исключительно на безвозмездных началах. Кроме того, представляется логичным, что любая женщина, принявшая на себя функцию суррогатной матери, нуждается если не в вознаграждении за такого рода «услуги», то как минимум в компенсации затраченного времени и денежных средств, связанных с осуществлением необходимых медицинских обследований и процедур, утратой возможности трудиться в период беременности и родов и так далее [11].

Также следует отметить, что наличие возмездного характера и денежных отношений между сторонами договора суррогатного материнства может иметь значение также для целей возложения такого рода обязанностей на суррогатную мать, например, при ненадлежащем исполнении последней своих обязательств, приведших к невозможности рождения ребенка, что может быть выражено в предъявлении требований генетическими родителями о взыскании с суррогатной матери убытков либо предусмотренной договором суррогатного материнства неустойки [12].

Не менее интересным вопросом, связанным с установлением возможной ответственности суррогатной матери по договору суррогатного материнства, является вопрос о пределах такой ответственности, что имеет актуальность в связи с труднопредсказуемым и в определенной степени неконтролируемым характером желаемого результата, ради которого заключается договор суррогатного материнства – рождением ребенка суррогатной матерью.

Действительно, успешное вынашивание и проведение родов зависит от множества факторов, большинство из которых не находятся в зоне прямого контроля суррогатной матери, поскольку такие факторы преимущественно связаны с функционированием организма последней. В этой связи кажется не лишним смысла возможность квалификации договора суррогатного материнства в качестве алеаторной сделки, поскольку достижение результата в виде рождения ребенка суррогатной матерью не может быть гарантировано в связи с отсутствием возможности осуществления полного контроля над биологическими процессами, протекающими в организме суррогатной матери.

В то же время, не умаляя предыдущий тезис об алеаторном характере договора суррогатного материнства, кажется возможным сделать оговорку о том, что суррогатная мать все же может нести ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязательств по договору в случае, когда поведение последней явно направлено на воспрепятствование успешному рождению ребенка, например, при искусственном прерывании суррогатной матерью собственной беременности.

Продолжая линию, связанную с ответственностью сторон договора суррогатного материнства при ненадлежащем исполнении ими своих обязательств, кажется необходимым дать оценку, пожалуй, одной из самых обсуждаемых тем вокруг суррогатного материнства, а именно – последствиям непередачи суррогатной матерью ребенка генетическим родителям.

Исходя из законодательной модели, вопрос наделения генетических родителей родительскими правами в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью, находится полностью во власти последней [13]. Анализируя существо самого обязательства суррогатной матери по осуществлению после рождения ребенка ряда юридически значимых действий, а именно – отказаться от собственных родительских прав на ребенка и дать согласие на запись регистрирующим органом генетических родителей в качестве законных родителей ребенка, следует отметить принципиальную невозможность понуждения суррогатной матери к исполнению такого обязательства в натуре.

Некоторыми авторами такая невозможность объясняется тем, что обязательство суррогатной матери по осуществлению отказа от своих родительских прав на ребенка в пользу генетических родителей является натуральным обязательством, то есть вовсе не подлежит принудительной исковой защите [14].

По нашему мнению, такой подход является чрезмерно несбалансированным и не учитывающим законные интересы генетических родителей, в том числе их потребности в защите на случай неисполнения генетической матерью договора суррогатного материнства, частным проявлением которого является отказ от передачи ребенка в пользу таких родителей.

По нашему мнению, оптимальной моделью регулирования обязательства суррогатной матери по передаче ребенка была бы такая модель, при которой, с одной стороны, суррогатная мать не могла бы быть понуждена к исполнению данного обязательства в натуре (например, путем предъявления генетическими родителями иска в порядке ст. 308.3 ГК РФ [15]), а с другой – суррогатная мать не должна полностью освобождаться от любых неблагоприятных для неё последствий, связанных с несовершением ей действий по передаче ребенка генетическим родителям, что может выражаться в виде взыскания с суррогатной матери убытков или предусмотренных договором штрафных санкций.

Подобного рода подход может применяться ко всем обязательствам, связанным с осуществлением обязанностями лицом действий либо бездействий, сопряженных с добровольным отказом от прав последнего, которые не могут быть принудительно отчуждены у такого лица. Например, при принятии гражданином обязательств не подавать определенные иски в суд, очевидно, что в действительности такой гражданин не лишается самого принадлежащего ему процессуального права на обращение с иском, при этом само обязательство, связанное с неосуществлением данного права, не признается натуральным, а подлежит исковой защите в форме взыскания с нарушителя убытков или иных обусловленных соглашением денежных сумм.

Кроме того, следует отметить, что такого рода сбалансированная позиция также оправдана внедренным п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ подходом, позволяющим преодолевать отказ суррогатной матери от передачи ребенка генетическим родителям путем предъявления последними иска о признании родительских прав и отобрании ребенка, что, однако, остается на полном усмотрении суда, обязанного разрешить спор исходя из интересов ребенка [16].

Наконец, завершая анализ основных признаков договора суррогатного материнства следует также отметить тесную связь данного договора как с личностью кредитора (генетических родителей), так и с личностью должника (суррогатной матери), по крайней мере, в части основных обязательств последних, направленных на достижение результата в виде рождения ребенка [17]. Это объясняется тем, что никто по определению не может выступать стороной договора в качестве генетического родителя, кроме лиц, предоставивших свой биологический материал (половые клетки) для последующего эмплантирования эмбриона.

Аналогичная логика применима при определении тесной связи личности суррогатной матери, которая обязана осуществить вынашивание ребенка и его роды только лично, не имея при этом возможности возложить исполнения обязательств в данной части на какое-либо третье лицо.

Иные обязательства, которые напрямую не относятся к организации самого процесса деторождения, например, возникающие между сторонами денежные требования, не связаны с личностью кредитора или должника, в связи с чем в данной части кажется допустимым уступка требований либо перевод долга.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что договор суррогатного материнства является договором, заключаемым между лицами, предоставляющими биологический материал для трансплантации эмбриона (генетические родители) и женщиной, принимающей донорский эмбрион для вынашивания, рождения и последующей передачи с согласия последней ребенка генетическим родителям (суррогатная мать).

Аргументировано, что, несмотря на то, что для осуществления процедуры суррогатного материнства имеется необходимость оказания медицинской организацией комплекса медицинских услуг, медицинская организация не является обязательной стороной договора суррогатного материнства, поскольку привлечение такой организации возможно на основании иных, отдельно существующих правоотношений между медицинской организацией и одной из сторон (либо обеими сторонами) договора суррогатного материнства.

Продемонстрировано, что законодательно установленная конструкция договора суррогатного материнства основывается на односторонне обязывающем характере такого договора, которым устанавливаются основные обязанности по предоставлению только на суррогатную мать, в то время как обязанности генетических родителей являются по своей природе кредиторскими обязанностями. В то же время договор суррогатного материнства может быть основан на возмездных началах, в частности, предусматривать обязательства сторон данного договора по осуществлению денежных расчетов между друг другом.

Обосновано, что непредсказуемость возможности достижения цели заключения договора суррогатного материнства в виде рождения ребенка, что обусловлено неконтролируемостью процессов, протекающих в организме суррогатной матери, позволяет выявить в договоре суррогатного материнства алеаторный эле-

мент, что, однако, не означает полной невозможности привлечения суррогатной матери к ответственности в случае неосуществления родов, что может иметь место, когда роды не произошли по обстоятельствам, полностью зависящим от последней, например, при искусственном прерывании суррогатной матерью беременности.

Аргументирована невозможность понуждения суррогатной матери к исполнению обязательства по осуществлению отказа от родительских прав в пользу генетических родителей в натуре, что, однако, не означает натурального характера такого обязательства, в связи с чем при его нарушении суррогатная мать может быть привлечена к иной гражданско-правовой ответственности, например, в виде взыскания убытков либо финансовых санкций по договору.

Кинстатировано наличие тесной связи между основными обязательствами сторон суррогатного материнства, связанными с организацией процесса зачатия, вынашивания и рождения ребенка, с личностью должника и кредитора.

Список источников

1. Спано Р. Выступление судьи Европейского суда по правам человека Ксении Туркович. Продвижение и обеспечение разнообразия форм семейной жизни // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 2. С. 8 – 13.
2. Толстикова О.М., Костюнина О.В. Правовые вопросы толкования и реализация норм, регулирующих применение метода суррогатного материнства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 17 – 21.
3. Нешатаева Т.Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. 2017. № 2. С. 69.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. N 263. 23.11.2011.
5. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Актуальные проблемы реформирования законодательства о суррогатном материнстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 66 – 75.
6. Федеральный закон от 15.11.1997 N 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. N 224. 20.11.1997.
7. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 N 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // СПС «Консультант Плюс».
8. Алборов С.В. Правоотношения в сфере суррогатного материнства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 142 – 146.
9. Нельзя отказываться от абстрактных разъяснений в условиях высокой нагрузки на судей [Интервью с М.А. Церковниковым] // Закон. 2022. № 2. С. 8 – 17.
10. Гурова Э.А. Проявление кредиторских обязанностей в различных договорных обязательствах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 35 – 38.
11. Старчиков М.Ю. Договор оказания медицинских услуг: правовая регламентация, рекомендации по составлению, судебная практика и типовые образцы. М.: Инфотропик Медиа, 2017. С. 131.
12. Борисова Т.Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. Москва: Проспект, 2012. С. 81.
13. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2012 N 880-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона "Об актах гражданского состояния"» // СПС «Консультант Плюс».
14. Байбак В.В., Бевзенко Р.С., Беляева О.А. и др. Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307 – 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. С. 44.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 N 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российская газета. N 110. 24.05.2017.
17. Левушкин А.Н., Нечаева А.В. Правовая природа и содержание договора суррогатного материнства через призму поименованных договоров // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 7 – 11.

References

1. Spano R. Speech by Judge of the European Court of Human Rights Ksenia Turkovich. Promoting and ensuring diversity of forms of family life. Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition. 2021. No. 2. P. 8 – 13.
2. Tolstikova O.M., Kostyunina O.V. Legal issues of interpretation and implementation of the rules governing the use of the surrogacy method. Family and housing law. 2023. No. 3. P. 17 – 21.
3. Neshataeva T.N. Court of the Eurasian Economic Union: from legal position to current law. International justice. 2017. No. 2. P. 69.
4. Federal Law of November 21, 2011 N 323-FZ “On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation”. Rossiyskaya Gazeta. N 263. November 23, 2011.
5. Bogdanova E.E., Belova D.A. Current problems of reforming legislation on surrogacy. Current problems of Russian law. 2021. No. 4. P. 66 – 75.
6. Federal Law of November 15, 1997 N 143-FZ “On Acts of Civil Status”. Russian newspaper. N 224. November 20, 1997.
7. Order of the Ministry of Health of Russia dated July 31, 2020 N 803n “On the procedure for using assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions on their use”. SPS “Consultant Plus”.
8. Alborov S.V. Legal relations in the field of surrogacy. Current problems of Russian law. 2017. No. 5. P. 142 – 146.
9. One cannot refuse abstract explanations in conditions of high workload on judges [Interview with M.A. Tserkovnikov]. Law. 2022. No. 2. P. 8 – 17.
10. Gurova E.A. Manifestation of creditor obligations in various contractual obligations. Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. No. 7. P. 35 – 38.
11. Starchikov M.Yu. Contract for the provision of medical services: legal regulation, recommendations for drafting, judicial practice and standard samples. M.: Infotropik Media, 2017. P. 131.
12. Borisova T.E. Surrogacy in the Russian Federation: problems of theory and practice: monograph. Moscow: Prospekt, 2012. P. 81.
13. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 15, 2012 N 880-O “On refusal to accept for consideration a complaint from citizens of Ch.P. and Ch.Yu. for violation of their constitutional rights by the provisions of paragraph 4 of Article 51 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law “On Civil Status Acts”. SPS “Consultant Plus”.
14. Baybak V.V., Bevzenko R.S., Belyaeva O.A. and others. Contract and obligations law (general part) article-by-article commentary to articles 307 – 453 of the Civil Code of the Russian Federation. resp. ed. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2017. Electronic edition. Edition 1.0. P. 44.
15. Civil Code Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 12/08/1994.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 16, 2017 N 16 “On the application by courts of legislation when considering cases related to establishing the origin of children”. Rossiyskaya Gazeta. N 110. 05.24.2017.
17. Levushkin A.N., Nechaeva A.V. Legal nature and content of the surrogacy contract through the prism of named contracts. Family and housing law. 2020. No. 5. P. 7 – 11.

Информация об авторе

Джулай Д.И., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, lawyer_msk01@mail.ru

© Джулай Д.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 341.213

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-52-57

Особенности реализации норм международного права на территории российских особых экономических зон

¹Черномордов О.М.,

¹Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Аннотация: особые экономические зоны, в рамках реализации национальных проектов РФ стали уникальной экспериментальной площадкой, на которой предприниматели, иностранные инвесторы, а также представители госучреждений смогли реализовывать самые различные проекты. Но, особенность данных территорий заключается не только в их оснащенности и инновационности, а в общей привлекательности для иностранных инвесторов. Число последних растет, не смотря на то что в 2022 году многие иностранные резиденты ушли с российского рынка. Но, для обеспечения безопасности интересов всех сторон правительство РФ прибегает к международным нормам права, которые призваны регулировать различные вопросы. В данной статье будут рассмотрены особенности реализации норм международного права в особых экономических зонах, на основе анализа актуальной литературы.

Ключевые слова: ОЭЗ (особые экономические зоны), международное право, конкурентные преимущества, особое положение, перспективные проекты

Для цитирования: Черномордов О.М. Особенности реализации норм международного права на территории российских особых экономических зон // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 52 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-52-57

Поступила в редакцию: 6 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Peculiarities of the implementation of international law norms on the territory of Russian special economic zones

¹Chernomordov O.M.,

¹St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Abstract: special economic zones, within the framework of the implementation of national projects of the Russian Federation, have become a unique experimental platform where entrepreneurs, foreign investors, as well as representatives of state institutions were able to implement a variety of projects. However, the peculiarity of these territories lies not only in their equipment and innovation, but also in their general attractiveness to foreign investors. The number of the latter is growing, despite the fact that in 2022 many foreign residents left the Russian market. But, in order to ensure the security of the interests of all parties, the government of the Russian Federation resorts to international norms of law, which are designed to regulate various issues. This article will consider the specifics of the implementation of international law in special economic zones, based on the analysis of relevant literature.

Keywords: SEZ (special economic zones), international law, competitive advantages, special position, promising projects

For citation: Chernomordov O.M. Peculiarities of the implementation of international law norms on the territory of Russian special economic zones. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 52 – 57. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-52-57

The article was submitted: March 6, 2024; Approved after reviewing: May 7, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

На сегодняшний день в РФ существует 56 ОЭЗ (особых экономических зон), деятельность которых специализируется в таких областях, как промышленность, инновации, портовые зоны и туризм. Безусловно, перечисленные направления имеют подразделы, что интересует, в первую очередь инвесторов, которые активно вкладываются в проекты, разрабатываемые в рамках ОЭЗ.

Важно отметить, что привлекательность ОЭЗ для бизнеса и инвестиций (как отечественных, так и зарубежных) обусловлена рядом факторов:

во-первых, правительство, опираясь на неудачные примеры зарубежных стран, организовав на территории РФ особые экономические зоны рассмотрело вариант смягчения системы вхождения на рынок, продвижения тех или иных проектов, а также минимизировало налоги;

во-вторых, для оптимизации международных связей были разработаны таможенные льготы и предоставлены преференции стабильным участникам и резидентам;

в-третьих, в рамках особых экономических зон сформировались территории опережающего развития, где были созданы все необходимые условия для продвижения передовых проектов связанных с внедрением инноваций, научно-техническими разработками и их дальнейшим продвижением, как в России, так и в тех странах, которые оказались сопричастны к данным разработкам.

Кроме того, ключевой задачей правительства стало привлечение молодежи, которая получила возможность быстрого карьерного роста, престижного трудоустройства и использования льготных тарифов, как на аренду, так и на покупку земель и строительство/возделывание.

Безусловно, существуют и ограничения, но в целом, капиталы 36 стран ежегодно вливаются в экономику этих территорий и позволяют повышать уровень жизни населения, за счет создания новых рабочих мест, строительства важных объектов и организации научно-технического развития.

Однако, для того что бы защищать права всех заинтересованных сторон правительство РФ опирается не только на собственную нормативную базу, но так же и на международные законы, реализация которых имеет свою специфику. Что и является предметом изучения данной статьи.

Материалы и методы исследований

Работа посвящена аспектам реализации международных норм права на территориях ОЭЗ, что предполагает необходимость реализации следующих методов исследования:

- синтез и анализ актуальной литературы, что позволит рассмотреть позиции отечественных исследователей в отношении нормативного регулирования процессов развития ОЭЗ;
- сопоставление и формализация дают возможность выявить ключевые особенности и рассмотреть возможности дальнейшего развития отношения заинтересованных сторон в плане заключения выгодных соглашений о сотрудничестве на территориях ОЭЗ.

Как отмечают эксперты, российское правительство не является первопроходцем в рамках реализации проекта создания ОЭЗ, но именно на территории РФ данные начинания имеют потенциал, который признают во всех странах мира. Безусловно, от части успешность проектов по организации ОЭЗ зависит от предоставляемых правительством выгод, которые получают, как предприниматели, так и инвесторы. Но, с другой стороны, каждый год количество таких зон растет и это связывают с возможностями экономического роста, предоставлением конкурентных преимуществ предпринимателям, которые занимаются развитием данных территорий, а также более широкими возможностями по международному взаимодействию.

Но, важно отметить, что такие возможности тесно соприкасаются с вероятностью нарушений законодательства и как результат, отечественные специалисты поднимают самые различные темы, изучая проблемы реализации правовых норм в ОЭЗ.

Так, О.М. Черномордо и Т.К. Кириллова указывают на то, что в РФ, помимо отечественного законодательства и распоряжений Правительства и/или Президента деятельность ОЭЗ регламентируют нормы, установленные актами Таможенного союза. Но, данные соглашения ограничиваются рамками экономических связей, действующих между странами ближнего зарубежья (такими как Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) [10. С.169-173]. В то время как интерес к российским ОЭЗ прослеживается и со стороны азиатских стран, и в ряде стран Ближнего Востока (рис. 1).

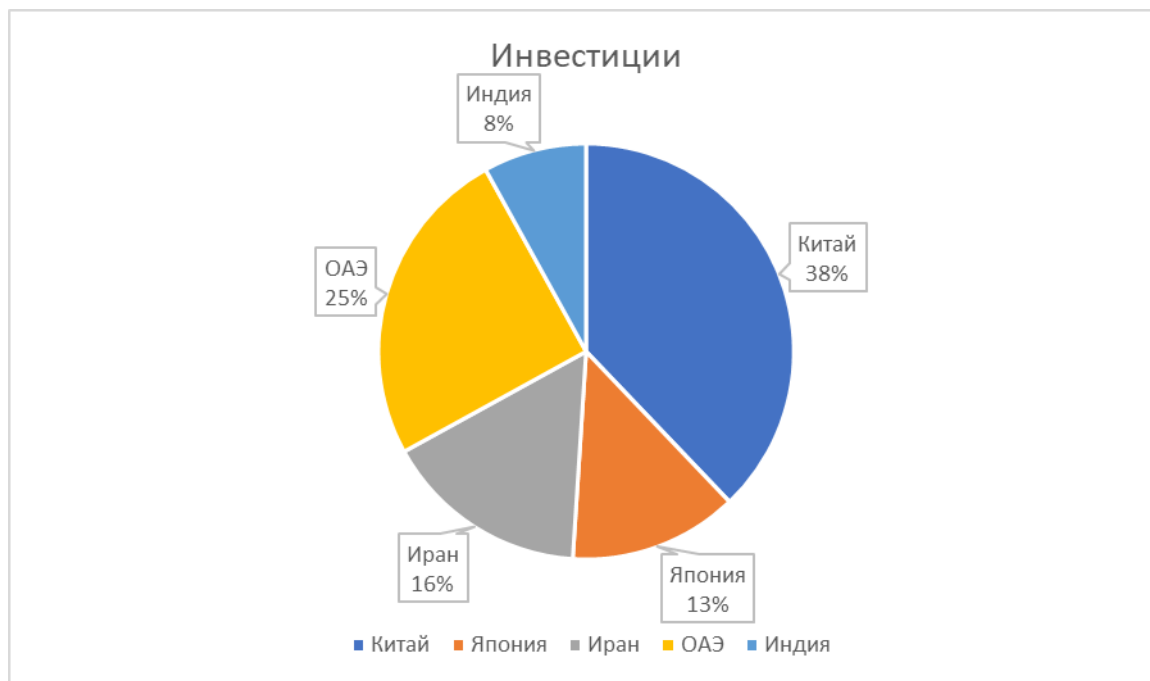


Рис. 1. Инвестиции в российские ОЭЗ в 2023 году.

Fig. 1. Investments in Russian SEZs in 2023.

Важно отметить, что даже произошедшие события в 2022 году не смогли вытеснить российское присутствие с ряда международных платформ, что приводит к необходимости сотрудничать.

Так, портовые ОЭЗ зависят не только от интересов стран-партнеров, но связаны также с другими государствами, законодательства которых отличается от российского [9], а деятельность самих морских перевозчиков определяется Морским правом и регламентируется Конвенциями ООН, которые определяют возможности работы в системах грузоперевозок, добычи и разработки ресурсов, рыбного хозяйства. И важно отметить, что правительство РФ видит необходимость содействия в отношении вопросов регулирования портовой деятельности и морских операций. Но, как отмечают исследователи, международное право в данном отношении устарело (не меняется с 1982 года) и не изучается зарубежными юристами в то время, как современность требует перемен, для предупреждения преступности на воде [1, с. 313-326].

И доработок требуют не только законы, касающиеся морских перевозок и деятельности на территории порта. Так, Т.Ф. Гаджиев указывает на то, что реализация инвестиционной политики на территориях ОЭЗ носит особый характер и требует особого внимания со стороны правительства, так как льготы и преференции приводят к тому, что российские ОЭЗ стали восприниматься зарубежными странами как платформа для махинаций [2, с. 90-96]. Безусловно, ст. 2 Федерального закона от 03.08.2018 г № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» определяет правовой режим предназначенный для реализации международными организациями своей инвестиционной деятельности на территории РФ, однако, он расходится с предоставленными льготами и налоговыми ставками, которые действуют в ОЭЗ и требует доработки [3, с. 108-113].

Другая важная сфера, на которую ориентируются ОЭЗ – туризм, так же нуждается в государственной поддержке и регулировании, так как существующее законодательство не справляется с регулированием потока иностранцев и их деятельностью на территории особых зон, где туризм стал основой экономической привлекательности и соответствующего роста. Так, Р.Ю. Колобов и Я.Б. Дицевич говорят о том, что для поддержания порядка и процветания ОЭЗ, основанных на туризме и заинтересованных в защите природы и естественных ареалов, необходимо прибегать к «мягкому праву», которое в международном законодательстве

стве выражено международными конвенциями «по контракту на путешествие», «льготах для туристов» и «о заключении контрактов владельцами гостиниц и турагентами» [6, с. 1-16]. С другой стороны, разрабатываются новые нормативные акты, которые могли бы регулировать вопросы туризма, например «Рамочная конвенция по этике туризма». Но, РФ не подписала ни одну из перечисленных конвенций и продолжает реализовывать собственную политико-правовую линию, что является определенным минусом для развития ОЭЗ основанных на туризме в целом [4, с. 94-97].

В своих работах, О.В. Пискунова [8, с. 53-59], А.В. Колесников [5, с. 108-119], а также О.А. Лакаев [7, с. 46-54] говорят о том, что проблемы и особенности реализации международных норм в рамках ОЭЗ, заключаются не только в том, что сами нормы требуют доработки, или РФ не подписала те или иные акты. Существуют и другие аспекты, требующие внимания со стороны правительства. К таким можно отнести:

- участие РФ в различных международных организациях и союзах, нормативные акты которых сами по себе определяют ряд льгот и преференций в рамках реализации предпринимательской и/или инвестиционной деятельности, не учитывается при регулировании деятельности ОЭЗ;

- реализация международных проектов (Шелковый путь, Мост Благовещенск – Хэйхэ и прч.) также не учитывают необходимость учета транзитно-транспортных преимуществ в рамках норм международного права;

- отсутствие единой терминологии, в международной правовой практике, при указании на вложения в проекты в особых зонах (последние для каждого государства имеют собственное название, что отягчает эффективное применение международных норм).

Как следствие, авторы говорят о том, что на сегодняшний день, особенностями применения международных норм в рамках особых территорий, является индивидуальный подход каждого отдельного государства.

Результаты и обсуждения

Особые зоны отличаются не только по своей спецификации, в рамках деятельности РФ, но и по своим названиям, в рамках международной деятельности (табл. 1). Как результат, на сегодняшний день, РФ не только не пользуется опытом зарубежных стран, но так же опирается на международные нормы, которые являются проверенным форматом для обеспечения интересов всех заинтересованных сторон.

Таблица 1

Особенности обозначения особых зон в мире.

Table 1

Features of the designation of special zones in the world.

Страна	Название	Количество	Специализация
РФ	Особые экономические зоны	56	Промышленность, туризм, инновации, портовые зоны и особые зоны определенные ФЗ
ЕС	Свободные экономические зоны	24	Транспорт и туризм, грузо- и пассажироперевозки, свободная торговля, инновации
Индия	Зоны экспортной переработки	25	Экспорт переработанной продукции
Китай	Технопарки	6	Технологии, научные разработки, инновации, производство, грузоперевозки
Тайланд	Промышленные зоны	36	Электроника, промышленное производство автомобилей и промтоваров
Южная Корея	Зоны иностранных инвестиций	8	Развитие технологий, рост экспорта промтоваров
Япония	Токку	10	Медицинская техника, инновации, туризм, предпринимательство иностранцев
США	Зоны внешней торговли	116	Внешняя торговля, портовые зоны, промышленные зоны
Канада	Свободные таможенные зоны	2	Экспорт промышленных товаров

При этом, если в РФ ОЭЗ – это федеральные проекты, которые поддерживаются государством, субсидируются и регулируются с законодательной точки зрения, то в ряде зарубежных стран решение о создании особых экономических условий на определенных территориях были продиктованы стремлением к повышению конкурентоспособности и привлекательности товаров и/или регионов. Кроме того важной составляющей организации таких зон является вопрос с трудовыми ресурсами, так как за их счет многие страны (например США и страны ЕС) решают вопросы безработицы.

Следовательно, опора на международные нормы – вопрос сложный и требующий международной согласованности, которой на сегодняшний день не прослеживается. Поэтому вопрос об особенностях применения норм международного права в рамках реализации деятельности в ОЭЗ будет актуален еще много лет.

Выводы

Подводя итог можно отметить, что на сегодняшний день исследователи выделяют следующие особенности применения международных норм в рамках особых экономических зон:

- опора на устаревшие законы, акты и конвенции;
- противоречие применяемых законов со стороны сторон;
- отсутствие единого понимания специфики российских особых экономических зон;
- разночтения норм, принятых в рамках международных союзов и реализации международных проектов и т.д.

Данные особенности исследователи считают проблемами, которые необходимо решать не только на уровне самого российского государства, но также при участии международного сообщества. Однако, как показывает практика разработки новых нормативных актов («Рамочная конвенция по этике туризма» в 2019 году подписано только одним государством), не все страны готовы к изменениям. В то время как особые зоны разрастаются и их количество в мире, на сегодняшний день, превышает 5000.

Безусловно, возможности применения международных норм в рамках реализации деятельности особых зон, необходимо расширять, это поспособствует минимизации роста махинаций, связанных с инвестиционными потоками и несуществующими организациями. Но, с другой стороны, основная цель и задача подобных зон – это привлечение стороннего капитала в экономику государства, даже при условии развития определенной территории. Как результат, ключевой особенностью реализации норм международного права на территории ОЭЗ можно назвать послабление государства интересам иностранных партнеров, что в конечном итоге и приводит к лояльному отношению или пренебрежению законов, которые могли бы ограничить возможности резидентов.

Список источников

1. Вылегжанин А.Н., Лобанов С.А., Скуратова А.Ю. Международно-правовые основания противодействия преступлениям, посягающим на безопасность стационарных платформ в акваториях Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2020. № 2. С. 313 – 326. DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).313-326
2. Гаджиев Т.Ф. Правовой режим инвестиций международных компаний в РФ // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 2. С. 90 – 96. DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.13
3. Кожан И.В. К вопросу о правовом регулировании специальных административных районов в Российской Федерации // Национальное гуманитарное знание. Ростов-на-Дону, 2019. Т. 3. С. 108 – 113.
4. Колесник Д.В., Бакланов А.А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в свободных экономических зонах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 10-3. С. 94 – 97. DOI:10.24412/2500-1000-2022-10-3-94-97
5. Колесников А.В. Особенности организации муниципального управления в особых территориях с экономическими преференциями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 6 (143). С. 108 – 119.
6. Колобов Р. Ю., Дицевич Я. Б. Развитие устойчивого туризма на Байкальской природной территории посредством применения норм международного «мягкого» права // Право и политика. 2021. № 11. С. 1 – 16. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.11.36847
7. Лакаев О.А. Отдельные проблемы правовой политики в сфере организации особых экономических зон в условиях регионализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 46 – 54.
8. Пискунова О.В. Проблемные аспекты эффективности функционирования норм права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 2 (145). С. 53 – 59.

9. Соглашение по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза и таможенной процедуры свободной таможенной зоны (Заключено в г. Санкт-Петербурге 18.06.2010).

10. Черномордов О.М., Кириллова Т.К. Правовое регулирование особых экономических зон в рамках международных прав // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 169 – 173.

References

1. Vylegzhanin A.N., Lobanov S.A., Skuratova A.Yu. International legal grounds for countering crimes that encroach on the safety of stationary platforms in the waters of the Russian Federation. *All-Russian Criminological Journal*. 2020. No. 2. P. 313 – 326. DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).313-326

2. Gadzhiev T.F. Legal regime for investments of international companies in the Russian Federation. *Humanitarian and legal studies*. 2021. No. 2. P. 90 – 96. DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.13

3. Kozhan I.V. On the issue of legal regulation of special administrative regions in the Russian Federation. *National humanitarian knowledge. Rostov-on-Don*, 2019. Vol. 3. P. 108 – 113.

4. Kolesnik D.V., Baklanov A.A. Legal regulation of entrepreneurial activity in free economic zones. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022. No. 10-3. P. 94 – 97. DOI:10.24412/2500-1000-2022-10-3-94-97

5. Kolesnikov A.V. Features of the organization of municipal government in special territories with economic preferences. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021. No. 6 (143). P. 108 – 119.

6. Kolobov R. Yu., Ditsevich Ya. B. Development of sustainable tourism in the Baikal natural territory through the application of international “soft” law. *Law and Politics*. 2021. No. 11. P. 1 – 16. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.11.36847

7. Lakaev O.A. Selected problems of legal policy in the sphere of organizing special economic zones in the context of regionalization. *Legal policy and legal life*. 2022. No. 4. P. 46 – 54.

8. Piskunova O.V. Problematic aspects of the effectiveness of the functioning of legal norms. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2022. No. 2 (145). P. 53 – 59.

9. Agreement on the issues of free (special, exclusive) economic zones in the customs territory of the Customs Union and the customs procedure of the free customs zone (Concluded in St. Petersburg on June 18, 2010).

10. Chernomordov O.M., Kirillova T.K. Legal regulation of special economic zones within the framework of international rights. *Legal science*. 2023. No. 9. P. 169 – 173.

Информация об авторе

Черномордов О.М., аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики (СПбУТУиЭ), l2mainn@gmail.com

© Черномордов О.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-58-62

Особенности структуры системы законодательства о правах коренных малочисленных народов

¹ Далингер А.В.,

¹ Сургутский государственный университет

Аннотация: в статье проводится анализ структуры системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера России. На сегодняшний день под воздействием высоких темпов урбанизации коренные малочисленные народы Севера остаются в среде, которая подвержена высокому риску утраты условий, способствующих нормальному образу жизни таких народов. От возможности вести привычный образ жизни напрямую зависит качество жизни коренных малочисленных народов, а то и вообще их дальнейшее существование. Под традиционным образом жизни коренных малочисленных народов Севера понимается образ жизни, включающий в себя стандартные элементы их быта: охота, рыболовство и оленеводство. Даже современное развитие техники не внес коррективы в их жизнедеятельность, и такое ведение быта остается жизнеобеспечивающим фактором. Несмотря на весь научный и технологический прогресс всего мира они живут по примерам и учениям своих предков. А из этого всего вытекают преступления, с формальными составами, за которые уголовным законом предусматривается ответственность. Обеспечение условий для коренных малочисленных народов должно иметь системный подход, так как такие условия образуются различными сферами, которые так или иначе касаются быта таких народов. Это и промышленность, правовое обеспечение, экология. Для создания благоприятных условий рассматриваемой категории населения необходимо выстроить взаимосвязанную и организованную систему нормативно-правовых актов. При проведении данной работы были выявлены особенности формирования системы законодательства о правах коренных малочисленных народов как в Российской Федерации, а также существующие направления развития.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы севера, привлечение к уголовной ответственности, система законодательства о правах коренных малочисленных народов

Для цитирования: Далингер А.В. Особенности структуры системы законодательства о правах коренных малочисленных народов // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 58 – 62. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-58-62

Поступила в редакцию: 7 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Features of the structure of the system of legislation on the rights of indigenous minorities

¹ Dalinger A.V.,

¹ Surgut State University

Abstract: the article analyzes the structure of the system of legislation on the rights of indigenous minorities of the North of Russia. Today, under the influence of high rates of urbanization, the indigenous peoples of the North remain in an environment that is at high risk of losing conditions conducive to a normal lifestyle of such peoples. The quality of life of indigenous peoples, or even their entire continued existence, directly depends on the ability to lead a habitual lifestyle. The traditional way of life of the indigenous peoples of the North is understood as a way of life that includes standard elements of their way of life: hunting, fishing and reindeer husbandry. Even the modern

development of technology has not made adjustments to their livelihoods, and such a way of life remains a life-sustaining factor. Despite all the scientific and technological progress of the whole world, they live by the examples and teachings of their ancestors. And all this leads to crimes with formal structures, for which the criminal law provides for liability. Ensuring conditions for indigenous small-numbered peoples should have a systematic approach, since such conditions are formed by various spheres that somehow relate to the life of such peoples. This includes industry, legal support, and ecology. In order to create favorable conditions for the considered category of the population, it is necessary to build an interconnected and organized system of normative legal acts. During this work, the peculiarities of the formation of the system of legislation on the rights of indigenous small-numbered peoples as in the Russian Federation, as well as existing directions of development, were revealed.

Keywords: *indigenous peoples of the North, criminal prosecution, the system of legislation on the rights of indigenous peoples*

For citation Dalinger A.V. Features of the structure of the system of legislation on the rights of indigenous minorities.: International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 58 – 62. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-58-62

The article was submitted: March 7, 2024; Approved after reviewing: May 6, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Сегодня малочисленные народы севера попадают под масштабное влияние урбанизации, и многие принципы, свойственные современному населению города, ущемляют интересы коренных народов, привыкших вести привычный образ жизни. Несмотря на интенсивное развитие современных течений коренных малочисленным народам удалось сохранить привычные для них условия жизни, а также крайне комфортные для ведения их быта условия.

Народы Севера соблюдают и чтут свои вековые традиции и обычаи. Традиционный образ жизни КМНС складывается из охоты, рыболовства и оленеводства и несмотря на весь научный и технологический прогресс всего мира они живут по примерам и учениям своих предков. А из этого всего вытекают преступления, с формальными составами, за которые уголовным законом предусматривается ответственность. Формализм здесь заключается в том, что преступление и совершено, но фактически общественно опасного последствия не наступило и наступление этих последствий не является обязательным признаком для данного вида преступлений [3].

Актуальностью исследования выступает недостаточная проработанность нормативно-правовой базы, а также нарастающая значимость защиты прав такой уязвимой категории как коренные малочисленные народы Севера.

Цель исследования – выявление проблем в имеющейся структуре системы законодательства о правах коренных малочисленных народов Севера, а также определение направлений для дальнейшего развития рассматриваемой структуры.

Задачи – провести исследование теоретического материала, а также нормативно-правовых актов, которые формируют систему, выступающую основой для регуляции прав коренных малочисленных народов, определить имеющиеся недостатки, а также определить направления развития, которые окажут положительное влияние на совершенствование системы правовой регуляции в отношении коренных малочисленных народов Севера.

Гипотеза – отсутствие единого нормативно-правового документа, а также бланкетность существующих на сегодняшний день норм усложняет процесс обеспечения прав и защиты интересов коренных малочисленных народов Севера.

Материалы и методы исследований

В рамках проведенного исследования были использованы такие методы как анализ, синтез, анализ исследований. В результате проведенного исследования были получены результаты, анализ которых позволил получить сведения, для определений направления развития.

Базой исследования выступали нормативно-правовые акты, регулирующие основы в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера.

Результаты и обсуждения

Существующие на сегодняшний день принципы и подходы к формированию социального общества, в первую очередь развивающихся отдельных институтов социальной сферы, позволяет сказать, что социальная сфера развивается за счет модернизации определённых направлений социальной сферы.

Одним из социальных направлений, требующих определённого вектора развития выступает социальная защита и обеспечение прав коренных народов Крайнего Севера [7]. Возрастающая актуальность защиты прав таких народов обуславливает возникновение потребности в реформировании существующих на сегодняшний день законодательных актов, а также отдельных положений и норм, которые выступают нормативно-правовой основой регулирования прав малочисленных народов.

Нельзя не отметить, что на сегодняшний день сфера обеспечения прав и законных интересов таких малочисленных народов достаточно широко развита, но, тем не менее, не охватывает все актуальные направления. Основной недоработкой существующих положений законодательства выступает то, что разработанное множество положений, которые направлены на обеспечение определённых прав коренным малочисленным народам севера не представляют собой систему, и не гарантируют единый подход к трактовке существующих норм. На сегодняшний день, отсутствует единая конструкция законодательных положений, которая позволит всесторонне и исчерпывающе обеспечить эффективную гарантию прав малочисленных народов Севера [1].

Складывающиеся положения защиты направлений коренных малочисленных народов обусловлены в первую очередь спецификой развития страны, в которой обеспечиваются рассматриваемые права, а также политической обстановкой в такой стране. Существует ряд документов, которые регламентируют перечень территорий, в которых проживает население, отнесенное к категории крайне малочисленных. Так, на основании положений Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, можно увидеть, что определённые территории наделены особым экономическим статусом. Так, к таким странам можно отнести Россию, Канаду, США, Норвегию и Данию. Как отмечается в вышеуказанных Основах, данные страны имеют особые экономические условия, а также особую континентальную расположенность, что определяет их особый статус.

Рассматривая направления развития обеспечения прав коренных малочисленных народов Севера, можно увидеть, что основным направлением развития выступает обеспечение единства прав населения Российской Федерации, с учетом ее многонациональности и поликультурности [4]. При этом, обеспечивая такое единство, права должны быть гарантированы всем жителям страны, вне зависимости от их национальности, культуры, этноса и традиций. Данная тенденция подкрепляется отдельными положениями специальных социальных институтов, отвечающих за развитие и защиту таких прав.

Развитие таких направлений не должно осуществляться слепо. Одной из основ развития обеспечения прав малочисленных народов должны выступать опыт обеспечения таких прав в иных странах, который позволит обеспечить эффективное развитие данного направления, при этом учесть негативные результаты других стран. При обеспечении оптимального развития рассматриваемого направления нельзя исключать человеческий фактор, который отвечает за развитие территории, а также целиком обеспечивает выстраивание эффективного механизма, состоящего из определённых направлений [8]. Так, крайне малочисленные народы Севера Российской Федерации, а также ряда других стран занимают активную гражданскую позицию, входят в международные ассоциации, а также участвуют в международных процессах, направленных на обеспечение и защиту прав.

В современном мире, одним из наиболее значимых элементов успешного формирования механизма выступает среда проживания малочисленных народов. Высокие темпы урбанизации наносят определенные сложности в ведении быта и традиционного образа жизни рассматриваемого населения [6]. При этом, среда проживания таких народов может значительно отличаться в зависимости территории их нахождения.

Основой для обеспечения и защиты прав коренных малочисленных народов в первую очередь выступает основной документ Российской Федерации – Конституция РФ. На основании закрепленных в конституции основных прав разработан ряд нормативно-правовых актов, имеющих более узкую направленность – это Федеральным законом РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ», Федеральным законом РФ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Данные Федеральные законы направлены на установление основных принципов, правил и порядков обеспечения прав коренным малочисленным народам Российской Федерации. Необходимо отметить, что вышеуказанные нормативно-правовые акты не являются исчерпывающими, так к таким актам можно отнести ряд положений, которые нашли свое отражение в нормах международного права [5].

На сегодняшний день в направлении обеспечения защиты прав малочисленных народов ведется работа. Одним из направлений работы выступает утверждение Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Данный документ определяет принципы, правила и подходы, а также алгоритм оптимального развития данного направления на достаточно долгий

период времени. Основным и главным положением вышеуказанной концепции является развитие масштабной и исчерпывающей базы нормативно-правовых актов РФ, а также локальных нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение соблюдения прав малочисленных народов, а также законность защиты таких прав [9].

Механизм реализации положений концепции представляет собой поэтапное выполнение закрепленных задач. Всего концепцией предусмотрено три этапа, сроки которых подробно расписаны. Так первые два этапа приходились на 2009-2011 годы, а также 2012-2015 годы соответственно. При этом, в рамках данной концепции разрабатывается и утверждается отдельные распоряжения Правительства РФ, которые подразумевают под собой целый комплекс мероприятий, для успешного выполнения этапа.

Заключительным этапом в рассматриваемом механизме выступает реализация ряда мероприятий, направленных на создание условий развития традиций и быта коренных малочисленных народов. Заключительный этап концептуального развития предполагает под собой создание условий, при котором традиционное существование и быт рассматриваемой категории народов будет существовать во вне зависимости от развития урбанизации, и угроза исчезновения таких народов будет сведена к минимальному показателю. Одним из наиболее значимых направлений, гарантирующих стабильное развитие такой категории народов выступает закрепление за ними исконного места жительства, что позволит продолжать вести быт и традиции в привычном для них режиме, при этом гарантировав им независимость и соблюдение всех прав. Гарантия прав коренных малочисленных народов осуществляется не только субъектом, на территории которого такие народы проживают, но и законодательством государства, а также отдельными международными соглашениями, которые признают особые права таких народов на международном уровне [10].

Международные документы, закрепляющие права национальных меньшинств в области образования, культуры, языка, религии: Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, 1995 г.; международные документы, непосредственно нацеленные на защиту прав и интересов коренных народов: Всемирная конвенция о биологическом разнообразии, 1992 г.; Международная конвенция по регулированию китобойного промысла, 1946 г.

Несомненно, можно говорить о том, что на сегодняшний день система законодательства, обеспечивающая гарантию прав коренным малочисленным народам севера не совершенна. Множество положений, направленных на обеспечения таких прав закреплены в различных документах, которые зачастую могут противоречить друг другу, а то и вовсе исключать. Несмотря на такую несогласованность, работа в обеспечении прав такому населению ведется не только на государственном уровне, но и на международном, что свидетельствует о существенной значимости данного вопроса.

Выводы

На сегодняшний день интересы коренных малочисленных народов севера защищаются по-разному. Одним из социальных направлений, требующих определённого вектора развития выступает социальная защита и обеспечение прав коренных народов Крайнего Севера. Одним из наиболее значимых элементов успешного формирования механизма выступает среда проживания малочисленных народов. Высокие темпы урбанизации наносят определенные сложности в ведении быта и традиционного образа жизни рассматриваемого населения. При этом, среда проживания таких народов может значительно отличаться в зависимости территории их нахождения. Возрастающая актуальность защиты прав таких народов обуславливает возникновение потребности в реформировании существующих на сегодняшний день законодательных актов, а также отдельных положений и норм, которые выступают нормативно-правовой основой регулирования прав малочисленных народов.

Список источников

1. Батршин Р.Ю., Бурмакина Н.И., Бут Н.Д. и др. Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора: сборник научных статей / отв. за выпуск А.И. Стахов. М. РГУП, 2018. 164 с.
2. Гарантии прав коренных малочисленных народов севера, их реализация и защита в ханты-мансийском автономном округе – Югре: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре / сост. Н.В. Стребкова. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2019. 344 с.
3. Дорогин Д.А. Особенности учета статуса представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации в уголовном праве // Рос. юрид. журнал. 2020. № 2 (131). С. 130 – 141.

4. Жеребцов А.Н., Вертинская А.Н. Дифференциация административной ответственности: понятие, критерии, значение // Современное право. 2018. № 9. С. 24 – 29.
5. Кряжков В.А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. 2017. № 12. С. 44 – 55.
6. Неустроева А.Б., Семенова Л.А. Особенности расселения коренных малочисленных народов Севера на территориях традиционного природопользования Республики Саха (Якутия) // Урбанистика. 2018. № 4. С. 22 – 35.
7. Забелина Е.В., Курносова С.А., Копцева Н.П. и др. Стратегии экономического поведения коренных малочисленных народов Севера и их влияние на субъективное благополучие // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14. № 6. С. 797 – 809.
8. Трунцевский Ю.В. К вопросу об уголовной ответственности представителей коренных малочисленных народов Севера за нарушение природоресурсного законодательства // Конституционно-правовые основы ответственности в сфере экологии: сб. материалов Междунар. науч. конф., 20 декабря 2018 – 14 марта 2019 г., г. Москва. М.: Моск. гос. ун-т геодезии и картографии, 2019. С. 384 – 388.
9. Швейд Е.Н. Способы исследования уровня сформированности этнического самосознания у учащихся КМНС // Наука и инновации XXI века : материалы III Всероссийской конференции молодых ученых, Сургут, 01-02 декабря 2016 года. Сургут: Сургутский государственный университет, 2016. Т. 3. С. 361 – 366.
10. Юношева О.В. Понятие и состав экологических преступлений по российскому законодательству // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 1 (40). С. 41 – 44.

References

1. Batrshin R.Yu., Burmakina N.I., But N.D. and others. Current problems of harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision: collection of scientific articles. rep. for the release of A.I. Stakhov. M. RGUP, 2018. 164 p.
2. Guarantees of the rights of indigenous peoples of the north, their implementation and protection in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra: special report of the Commissioner for Human Rights in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra. comp. N.V. Strebkova. Khanty-Mansiysk: Print-Class, 2019. 344 p.
3. Dorogin D.A. Features of taking into account the status of representatives of indigenous peoples of the Russian Federation in criminal law. Ros. legal magazine. 2020. No. 2 (131). P. 130 – 141.
4. Zherebtsov A.N., Vertinskaya A.N. Differentiation of administrative responsibility: concept, criteria, meaning. Modern law. 2018. No. 9. P. 24 – 29.
5. Kryazhkov V.A. Traditional way of life of indigenous peoples in the constitutional and legal dimension. State and Law. 2017. No. 12. P. 44 – 55.
6. Neustroeva A.B., Semenova L.A. Peculiarities of settlement of indigenous peoples of the North in the territories of traditional nature management of the Republic of Sakha (Yakutia). Urbanistics. 2018. No. 4. P. 22 – 35.
7. Zabelina E.V., Kurnosova S.A., Koptseva N.P. and others. Strategies of economic behavior of indigenous peoples of the North and their influence on subjective well-being. Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities. 2021. Vol. 14. No. 6. P. 797 – 809.
8. Truntsevsky Yu.V. On the issue of criminal liability of representatives of indigenous peoples of the North for violation of natural resource legislation. Constitutional and legal principles of responsibility in the field of ecology: collection. materials International scientific Conf., December 20, 2018 – March 14, 2019, Moscow. M.: Moscow. state University of Geodesy and Cartography, 2019. P. 384 – 388.
9. Shveid E.N. Methods of studying the level of formation of ethnic self-awareness among indigenous minorities students. Science and Innovation of the 21st Century: materials of the III All-Russian Conference of Young Scientists, Surgut, December 01-02, 2016. Surgut: Surgut State University, 2016. Vol. 3. P. 361 – 366.
10. Yunosheva O.V. The concept and composition of environmental crimes under Russian legislation. Alley of Science. 2020. Vol. 2. No. 1 (40). P. 41 – 44.

Информация об авторе

Далингер А.В., Сургутский государственный университет

© Далингер А.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.2/7
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-63-68

Защита семьи уголовно-правовыми средствами

¹Пятибратова Н.Д.,
¹Университет прокуратуры РФ

Аннотация: в настоящее время ценность семьи все возрастает. Поэтому государство старается всеми средствами обеспечить благополучие семей как основной ячейки общества. В числе средств защиты семьи и уголовно-правовые средства. Законодатель преступления против семьи поместил в Главу 20 УК РФ, где имеются несколько составов преступлений, объектом которых является семья и ее интересы. Некоторые из данных составов посягают сразу и на семью, и на несовершеннолетних. В настоящей статье автор рассматривает классификацию видов преступлений против семьи, цели защиты семьи уголовно-правовыми средствами, а также описывает один из наиболее часто встречающихся составов преступлений – разглашение тайны усыновления, которое посягает непосредственно на интересы семьи.

Ключевые слова: семья, защита, уголовная ответственность, преступления против семьи

Для цитирования: Пятибратова Н.Д. Защита семьи уголовно-правовыми средствами // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 63 – 68. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-63-68

Поступила в редакцию: 7 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Protection of the family by criminal legal means

¹Pyatibratova N.D.,
¹University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Abstract: currently, the value of the family is increasing. Therefore, the state is trying by all means to ensure the well-being of families as the main unit of society. Among the means of protecting the family and criminal legal means. The legislator placed crimes against the family in Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, where there are several elements of crimes, the object of which is the family and its interests. Some of these compounds encroach on both the family and minors at once. In this article, the author examines the classification of types of crimes against the family, the purpose of protecting the family by criminal legal means, and also describes one of the most common types of crimes – disclosure of the secret of adoption, which directly encroaches on the interests of the family.

Keywords: family, protection, criminal responsibility, crimes against the family

For citation: Pyatibratova N.D. Protection of the family by criminal legal means. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 63 – 68. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-63-68

The article was submitted: March 7, 2024; Approved after reviewing: May 7, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Российское законодательство бережет семью и детей от негативного влияния, и преступных действий. В ст. 38 Конституции РФ сказано, что материнство и детство защищается государством. Эта норма в полной мере соответствует положениям ст. 23 Всеобщей декларации прав человека. В качестве одного из средств защиты семьи можно выделить уголовное законодательство. Таким образом, УК РФ охраняются права семьи и ребёнка, обеспечивается возможность воспитания, и между тем – развития ребёнка. Вот почему действующие на сегодняшний день УК РФ установило составы преступных деяний против семьи, за которые определена уголовная ответственность. На сегодняшний день ввиду того, что преступления являются настоящим бедствием в человеческом обществе, сфера противодействия преступления против семьи особо актуальна.

С момента введения Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году была создана отдельная глава, посвященная преступлениям против семьи и несовершеннолетних (глава 20 УК РФ) [3]. В настоящее время в этой главе Кодекса описаны пять видов преступлений, целью которых являются интересы семьи и несовершеннолетнего. Некоторые исследователи также относят к преступлениям, затрагивающим интересы семьи, статьи 153-155, 157 УК РФ. При этом статьи 155, часть 1 статьи 157 УК РФ рассматривают преступления, наносящие вред как физическому, так и моральному развитию несовершеннолетних, а статьи 153, 154 и часть 2 статьи 157 УК РФ – преступления, затрагивающие нормальные условия семейных отношений, установленные государством [5, с. 28].

Актуальность темы статьи в том, что, согласно статье 67.1 Конституции РФ дети являются основным приоритетом в политике нашего государства [1]. 29 мая 2017 года Президент РФ подписал указ No 240, в котором объявил период с 2017 по 2027 годы десятилетием детства. Это решение было принято для оптимальной реализации программы «Национальная стратегия действий в интересах детей», принятой несколько лет назад. В этой программе была утверждена позиция, что правосудие в отношении детей не должно заключаться в наказании и не должно лишать несовершеннолетних их прав, детства, возможности получить желаемое образование. Тогда, нужно с большим вниманием относиться к несовершеннолетним, которые совершили преступление.

Проблема, которая рассматривается в статье, заключается в том, что в каком бы качестве не вступал несовершеннолетний в уголовный процесс – его права должны быть соблюдены на протяжении всего процесса. Особый статус несовершеннолетнего в уголовном процессе диктует необходимость соблюдения установленных законом правил, регламентирующих механизм судебного производства по данной категории дел.

Материалы и методы исследований

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в соответствии со ст. 420 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выделено в отдельную главу 50 УПК РФ [2]. Ввиду упомянутой ранее специфики, упомянутая глава включает в себя специфические нормы и особенности. Расследование таких дел возлагается на следователей и дознавателей, обладающих особыми знаниями в сферах детской психологии и педагогических наук. Важно принимать во внимание все аспекты и особенности, связанные с возрастом несовершеннолетних подозреваемых, в процессе расследования их преступлений.

Согласно действующему законодательству РФ, деяния, отвечающие критериям, изложенным в статье 150 Уголовного кодекса, могут привести к лишению свободы на период до 5 лет. Статья 150 УК России предусматривает, что преступления, совершенные лицом, отвечающим за воспитание несовершеннолетнего, будь то родитель, учитель или другое лицо, обладающее такими обязанностями, могут повлечь за собой тюремное заключение на срок до шести лет, а также возможное наложение запрета на занятие определенных должностей или ведение определенной деятельности на срок до трех лет.

Важно подчеркнуть, что такие меры наказания служат для предупреждения и вносят элемент порядка в образовательный и воспитательный процессы. Их основная задача - обеспечение контроля за выполнением обязанностей родителей, педагогов и других лиц, занимающихся воспитанием детей, предотвращая при этом возможные злоупотребления, которые могут быть причинены несовершеннолетним.

Использование указанных мер влечет за собой отрицательные последствия для лица, нарушившего закон. Отбывание наказания в виде лишения свободы может ограничить права и свободы человека, а также может исключить его из определенных областей профессиональной деятельности или снять с занимаемых должностей. Такие меры направлены на обеспечение воспитательного контроля и создают условия для эффективного воспитательного процесса и образования.

В свою очередь, статья 150 УК РФ является ключевым элементом законодательства, защищающим интересы и права несовершеннолетних. Она направлена на предупреждение и наказание незаконных действий, осуществляемых родителями, учителями и другими ответственными за воспитание детей лицами, и налаживание эффективного контроля и процесса воспитания в обществе.

В соответствии с положениями УК РФ, лица, выполнившие деяния, предусмотренные в частях 1 и 2 статьи 150, применившие при этом насилие или угрозы, подлежат приговору к лишению свободы на период от двух до семи лет, как это указано в третьей части указанной статьи. Согласно четвертой части статьи 150 УК РФ, вовлечение лица младше 18 лет в преступную деятельность или в действия, связанные с совершением тяжких преступлений, предусматривает в качестве наказания лишение свободы на срок от пяти до восьми лет.

При выборе меры наказания для взрослого, признанного виновным по одному из пунктов статьи 150 УК РФ, очень важно уделить внимание анализу тяжести деяния, совершенного подростком, так как степень серьезности проступка имеет прямое влияние на определение вида наказания.

Расследование преступлений, совершаемых лицами моложе 18 лет, имеет свои отличительные черты по сравнению с расследованием преступлений, совершенных совершеннолетними, из-за ряда особенностей. Основным фактором является возраст несовершеннолетних, поскольку их психологическое состояние еще не установилось, что часто приводит к неосознанному поведению. Это связано с ограниченными возможностями осуществления своих процессуальных прав и выполнения своих обязанностей. Как упоминалось ранее, расследование уголовных дел, совершаемых несовершеннолетними, осуществляется в соответствии с общепринятым порядком согласно главе 50 УПК РФ.

В процессе расследования следователь направляет свои действия на выявление обстоятельств преступления. Согласно статье 73 УПК РФ, в ходе уголовного дела требуется доказать все аспекты: само преступление, участие лица в нем, его вина и мотивы, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, а также другие факты.

В соответствии со статьей 421 УПК РФ, при проведении предварительного расследования по уголовному делу, связанному с правонарушением, совершенным несовершеннолетним лицом, дополнительно выявляются следующие обстоятельства:

- 1) дата рождения и возраст несовершеннолетнего;
- 2) условия его жизни и воспитания, уровень психического развития и другие особенности его личности;
- 3) воздействие на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц [4, с. 23].

Часто возникают ситуации, когда лицо достигает совершеннолетия, но его психическое развитие отстает. Это мешает ему полноценно осознавать противоправный характер своих действий. Для выявления подобных отклонений необходимо проводить судебную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу.

Основное внимание при расследовании преступлений, совершенных подростками, уделяется определению условий их проживания и влиянию старших на них. В ст. 50 УПК РФ содержится информация о возможных мерах принуждения в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, включая заключение под стражу по установленным правилам. Родители или опекуны должны быть уведомлены о применении таких мер в отношении несовершеннолетних. Согласно ст. 98 УПК РФ, все упомянутые меры могут быть применены и в отношении несовершеннолетних.

При выборе меры пресечения для несовершеннолетнего необходимо учитывать уровень и характер ограничения его личных прав. Для несовершеннолетних, совершивших серьезные преступления, применяется содержание под стражей, но для других преступлений данная мера не используется [7, с. 246]. Если же у подозреваемого есть какое-либо тяжелое заболевание, заключение под стражу может быть заменено более мягкой мерой пресечения. По данным следственной практики, наиболее распространенными мерами пресечения в отношении несовершеннолетних являются подписка о невыезде и содержание под стражей.

Проведение следственных действий с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и осуществление допроса с их участием имеет свои особенности. Допрос несовершеннолетнего производится на месте предварительного расследования. Особое внимание уделяется обеспечению присутствия не только адвоката подозреваемого (обвиняемого), но и педагога с психологом в случае, если несовершеннолетний не достиг возраста 16 лет или имеет психологические отклонения. Нарушение данного требования приводит к недопустимости всех показаний, полученных во время допроса. На законодательном уровне установлены ограничения по продолжительности допроса несовершеннолетних: не более двух часов за один раз и не более четырех часов в течение суток [9, с. 50].

Результаты и обсуждения

В целом следует отметить, что расследование серьезных преступлений, совершенных несовершеннолетними, проводится в общем порядке, но лишь с некоторыми особенностями. Несовершеннолетний статус преступника вносит свои особенности в проведение расследования, независимо от того, является ли он субъектом преступления по возрасту или нет. Следователям, занимающимся делами подозреваемых или обвиняемых младше восемнадцати лет, необходимы специальные знания и опыт. Важно особенно в сотрудничестве со специализированными органами и учреждениями. Понимание поведенческих механизмов несовершеннолетних преступников помогает эффективно запрашивать, обрабатывать и анализировать информацию, а также разрабатывать наиболее подходящую тактику расследования [10, с. 20].

Взаимодействия могут быть разделены на две категории: процессуальные и непроцессуальные. Процессуальные включают в себя действия, урегулированные уголовно-процессуальным законодательством, например, привлечение специалиста или эксперта для получения соответствующих заключений согласно статьям 74, 168, 178 УПК РФ. Непроцессуальные взаимодействия представляют собой широкий спектр действий, большей частью зависящих от конкретных ситуаций и требований следствия, например, консультации по специализированным вопросам, анализ личности подозреваемого, формулирование вопросов экспертам и специалистам, получение информации, недоступной в открытом доступе, и т.д. [10, с. 20].

При исследовании проблемы преступлений, совершаемых несовершеннолетними, важно учитывать не только тяжесть самого преступления, но и особенности, связанные с присутствием взрослого виновного лица, участвующего в его совершении. Если в одно преступление вовлечены два или более несовершеннолетних, следует отметить, что это не является формированием совокупности преступлений, описанных в уголовном кодексе РФ. Таким образом, участие каждого несовершеннолетнего не рассматривается как отдельное, самостоятельное преступление при выполнении одного и того же преступного действия [8, с. 42].

В соответствии с пунктом 1 статьи 17 УК РФ, термин "совокупность преступлений" относится к ситуации, когда лицо совершает два или более деяния, классифицируемых по различным статьям или частям статей, и за которые оно еще не получило приговор. Если речь идет о преступлении с участием лица, не достигшего совершеннолетия, в соответствии со статьей 150 УК РФ, такой несовершеннолетний может выступать как непосредственный участник или быть подтолкнутым к участию в преступлении. Тем не менее, участие нескольких несовершеннолетних в одном преступлении не квалифицируется как совокупность преступлений по вышеуказанной статье, и за это не налагается наказание. Согласно статье 151 УК РФ, втягивание несовершеннолетнего в поведение, которое противоречит социальным стандартам, является опасным, поскольку такие действия могут быть направлены на нарушение законодательства.

Злодеяния, направленные против детей, наносят вред как их физическому, так и психологическому состоянию, влияя отрицательно на здоровье. В этих обстоятельствах под угрозой оказываются здоровое телесное развитие и моральное становление подрастающего поколения.

Объективная сторона преступления выражается через втягивание несовершеннолетних в действия, противоречащие общественным нормам, в частности:

а) систематическое потребление алкогольных напитков. По словам А.В. Наумова, повторное (не менее трех раз) потребление алкоголя подростками под влиянием взрослого человека указывает на систематичность. Однократное употребление, к примеру, вина с несовершеннолетним в судебной практике не квалифицируется как преступление, подлежащее уголовному наказанию;

б) использование веществ, вызывающих опьянение. Под опьяняющим веществом понимается любое средство медицинского или непредназначенное для потребления назначения (например, ацетон, бензин, клей и др.), употребление которых приводит к опьянению и которые не включены в перечень наркотических или психотропных субстанций.

В соответствии с установленной практикой, необходимо провести различие между веществами, вызывающими опьянение, и наркотиками, поскольку уклонение в сторону использования наркотических и психотропных средств ведет к личной ответственности в рамках статьи 230 УК РФ. Постоянный комитет по контролю за наркотиками составил перечень наркотических средств. Состояние опьянения не всегда связано с потреблением наркотиков. Это явление чаще всего наблюдается при употреблении медицинских средств, таких как клофелин или сочетание димедрола с алкоголем.

Если человек переусердствует с дозировкой таких субстанций, это может привести к угнетению его активности и наступлению психологического расслабления. Это действие характерно и для некоторых

бытовых химических средств, вроде ацетона, хлороформа или эфира, чьи пары, при их вдыхании, способны вызвать эффект опьянения. Когда официальные данные подтверждают использование новых специфических субстанций для достижения опьяняющего действия, Постоянный комитет по контролю наркотиков осуществляет рассмотрение этих веществ и их последующее внесение в перечень наркотических веществ;

в) бродяжничество. Бродяжничество характеризуется как бесцельное перемещение человека с одного места на другое, при котором он поддерживает своё существование случайными заработками, побирается, совершает незначительные кражи и подобные действия. Если кто-либо втягивает несовершеннолетнего в такой образ жизни, будь то вместе с ним или в одиночку, также считается вовлечением в бродяжничество;

г) попрошайничество. Вовлечение в попрошайничество означает побуждение несовершеннолетнего к регулярному обращению к незнакомым людям с просьбой о деньгах или других вещественных благах.

Выводы

Выводы из исследования указывают на то, что современное государство защищает семейные ценности разнообразными методами, включая применение уголовного законодательства. Уголовное законодательство включает в себя нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления против семьи, которые угрожают ее стабильности и интересам, как фундаментальному элементу общества. Эти положения сосредоточены в 20 главе УК РФ и представлены в относительно ограниченном количестве.

Список источников

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.01.2024)
3. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024)
4. Аторвин А.М. Уголовно-правовая защита интересов семьи // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики. сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году культурного наследия народов России. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал. Курск, 2022. С. 21 – 23.
5. Ашуров Т.М.О. Современные проблемы совершенствования уголовно-правового механизма охраны семьи и несовершеннолетних // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции. Курск, 2022. С. 27 – 29.
6. Донская О.Г. Преступления против семьи и несовершеннолетних: взгляд современника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 2. С. 104.
7. Дранович АЕ. Понятие и значение семейных ценностей как объекта уголовно-правовой охраны // Молодой ученый. 2023. № 13 (460). С. 245 – 246.
8. Касаткина А.Ю. Семья в Российской Федерации: проблемы теории и практики // Семейное и жилищное право. 2021. № 5. С. 40 – 43.
9. Морозова Ю.В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. ст. 150-157 УК РФ): учебное пособие для обучающихся по программам дополнительного профессионального образования. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. 90 с.
10. Шаров Е.А. Уголовно-правовая защита прав и интересов семьи // Синергия Наук. 2022. № 69. С. 8 – 24.

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020)
2. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 N 174-FZ (as amended on January 23, 2024)
3. "Criminal Code of the Russian Federation" dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 03/23/2024)

4. Atorvin A.M. Criminal legal protection of family interests. Current issues of sustainable development of modern society and economy. collection of scientific articles of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the Year of the Cultural Heritage of the Peoples of Russia. Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk branch. Kursk, 2022. P. 21 – 23.

5. Ashurov T.M.O. Modern problems of improving the criminal legal mechanism for protecting families and minors. The future is behind us: the view of young scientists on the innovative development of society: Collection of scientific articles of the 3rd All-Russian Youth Scientific Conference. Kursk, 2022. P. 27 – 29.

6. Donskaya O.G. Crimes against family and minors: a contemporary view. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2021. Vol. 7. No. 2. P. 104.

7. Dranovich A.E. The concept and significance of family values as an object of criminal law protection. Young scientist. 2023. No. 13 (460). P. 245 – 246.

8. Kasatkina A.Yu. Family in the Russian Federation: problems of theory and practice. Family and housing law. 2021. No. 5. P. 40 – 43.

9. Morozova Yu.V. Crimes against family and minors (Articles 150-157 of the Criminal Code of the Russian Federation): a textbook for students in additional professional education programs. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2020. 90 p.

10. Sharov E.A. Criminal legal protection of the rights and interests of the family. Synergy Sciences. 2022. No. 69. P. 8 – 24.

Информация об авторе

Пятибратова Н.Д., кандидат юридических наук, профессор, Университет прокуратуры РФ,
Natali_sun@list.ru

© Пятибратова Н.Д., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.5

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-69-74

Обязательства застройщика по осуществлению благоустройства придомовой территории в рамках договора участия в долевом строительстве

¹Чупин И.В.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена исследованию вопроса о возможности квалификации действий застройщика по выполнению работ по благоустройству придомовой территории в качестве его обязательства по договору долевого участия. Автором аргументировано, что, несмотря на наличие обязанности застройщика по осуществлению благоустройства в силу норм публичного права, целесообразно признание наличия у застройщика такой обязанности в качестве гражданско-правового обязательства по договору долевого участия. При этом в работе приводятся доводы в обоснование того, что надлежащим способом защиты дольщиков в случае нарушения застройщиком данного обязательства является понуждение застройщика к исполнению обязанности в натуре, с возможностью его принуждения к исполнению данной обязанности путем взыскания судебной неустойки в соответствии со ст. 308.3 ГК РФ.

Ключевые слова: долевое участие в строительстве, придомовая территория, многоквартирный дом, благоустройство, обязательство по благоустройству, защита дольщиков

Для цитирования: Чупин И.В. Обязательства застройщика по осуществлению благоустройства придомовой территории в рамках договора участия в долевом строительстве // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 69 – 74. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-69-74

Поступила в редакцию: 7 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Obligations of the developer to carry out landscaping of the adjacent territory within the framework of the contract of participation in shared construction

¹Chupin I.V.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the paper is devoted to the study of the possibility of qualifying the actions of the developer to carry out works on the improvement of the house territory as his obligation under the equity participation agreement. The author argues that, despite the existence of the developer's obligation to carry out landscaping due to the norms of public law, it is advisable to recognize the existence of such a duty for the developer as a civil obligation under an equity participation agreement. At the same time, the paper provides arguments in support of the fact that the proper way to protect shareholders in the event of a violation by the developer of this obligation is to compel the developer to perform the duty in kind, with the possibility of forcing him to perform this duty by collecting a court penalty in accordance with Art. 308.3 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: equity participation in construction, house territory, apartment building, landscaping, obligation to improve, protection of an equity participant in construction

For citation: Chupin I.V. Obligations of the developer to carry out landscaping of the adjacent territory within the framework of the contract of participation in shared construction. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 69 – 74. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-69-74

The article was submitted: March 7, 2024; Approved after reviewing: May 8, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – анализ наличия основания для признания наличия на стороне застройщика гражданско-правового обязательства по осуществлению благоустройства придомовой территории в рамках договора долевого участия в строительстве

Задачи – проанализировать законодательство, судебную практику и научную литературу в целях выявления наличия правовых предпосылок для квалификации действий застройщика по осуществлению благоустройства придомовой территории в качестве составной части предмета договора долевого участия, определив при этом эффективный способ защиты интересов дольщиков при нарушении застройщиком данного обязательства

Гипотеза – исходя из объективной заинтересованности участника долевого строительства в получении объекта долевого строительства вместе с благоустроенной придомовой территорией, имеются основания для признания наличия на стороне застройщика соответствующего обязательства, обеспечение исполнения которого возможно за счет использования предусмотренного ст. 308.3 ГК РФ института понуждения к исполнению обязательства в натуре, с взысканием с застройщика судебной неустойки на случай неисполнения данного обязательства.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, судебно-арбитражная практика, научная литература.

Результаты и обсуждения

Внедренный Федеральным законом № 214-ФЗ [1] институт долевого участия в строительстве является действенным и, следовательно, весьма популярным инструментом разрешения жилищного вопроса граждан. Заключаемый в соответствии с данным законом договор долевого участия в строительстве позволяет одной стороне (гражданину-дольщику) претендовать на возмездное приобретение от второй стороны (застройщика) создаваемого им объекта недвижимости – чаще всего, жилых помещений в виде квартир [2].

В то же время, следует констатировать, что непосредственные жилищные интересы и потребности дольщика не ограничиваются исключительно получением права собственности на квартиру – дольщик также заинтересован в качественном осуществлении застройщиком благоустройства земельного участка, расположенного под многоквартирным домом либо жилым комплексом (придомовая территория), что выражается в озеленении территории, сооружении пешеходных дорожек, элементов наружного освещения, детских площадок, автомобильных парковок и иных возможных объектов, предназначенных для комфортного и безопасного пребывания на соответствующей придомовой территории [3].

В связи с вышеизложенным повышенное значение приобретает вопрос о правовых последствиях возможного неосуществления застройщиком мероприятий, направленных на выполнение работ по благоустройству придомовой территории. Будет ли признаваться такого рода действия (вернее, бездействие) застройщика нарушением обязательств по договору долевого участия и могут ли дольщики претендовать на защиту своих прав и интересов?

Непосредственной причиной существования обозначенной проблематики является предлагаемая законодателем формулировка предмета договора долевого участия, содержащаяся в ч. 1 ст. 4 Федерального закона N 214-ФЗ. Из текста данной формулировки следует, что обязательства застройщика по договору долевого участия сводятся к строительству (созданию) многоквартирного дома, получению разрешения на его ввод в эксплуатацию, а также по передаче дольщику обусловленного договором объекта недвижимости (квартиры), качество которого соответствует условиям договора, а также обязательным нормативным требованиям.

Таким образом, из текста ч. 1 ст. 4 закона напрямую не следует наличие на стороне застройщика обязательства по осуществлению благоустройства придомовой территории, что, прежде всего, открывает про-

странство для дискуссии о том, имеются ли основания для констатации факта наличия такого обязательства у застройщика.

Следует отметить, что, несмотря на спорность вопроса о существовании у застройщика гражданско-правового обязательства по осуществлению благоустройства придомовой территории, можно с уверенностью прийти к выводу о том, что такая обязанность имеется на стороне застройщика в силу публично-правового регулирования вопросов строительства.

Прежде всего, представляется возможным обратиться к статье 48 ГрК РФ [4], из содержания которой следует, что перед осуществлением строительства застройщик обязан организовать осуществление мероприятий по архитектурно-строительному проектированию потенциальных объектов строительства, результатом чего является разработка проектной документации, содержащей материалы в виде текстового и графического описания всех предполагаемых архитектурных, конструктивных, инженерных и иных строительнотехнических решений. При этом из ряда положений Постановления Правительства РФ от 16.02.2008 N 87 [5], которым устанавливаются требования к составу и содержанию разделов проектной документации, следует, что проектная документация в обязательном порядке должна содержать описание планируемых решений по благоустройству территории.

Таким образом, системное содержание норм градостроительного законодательства обязывает застройщика следовать отраженным в проектной документации решениям, в том числе в части выполнения работ по благоустройству территории. При этом, исходя из логики ч. 1 ст. 55 ГрК РФ, невыполнение застройщиком работ по благоустройству чревато отказом в выдаче ему разрешения на ввод соответствующего объекта в эксплуатацию, поскольку отсутствие благоустройства территории означает, что работы выполнены не в полном соответствии с проектной документацией, что является необходимым условием для выдачи такого разрешения [6].

В то же время, кажется верным, что публично-правовое обязывание застройщика к осуществлению благоустройства придомовой территории не является непреодолимым препятствием для фактического ввода многоквартирного дома в эксплуатацию и передачи дольщикам объектов при фактическом отсутствии благоустройства придомовой территории. Такие, весьма распространенные ситуации, могут быть объяснены формальным подходом контролирующих органов к оценке степени завершенности работ по благоустройству, а также объективными причинами, например, временем года. Для примера можно привести одно из гражданских дел по спору, связанному с невыполнением застройщиком мероприятий по благоустройству территории, в ходе рассмотрения которого было установлено, что в связи с вводом многоквартирного дома в эксплуатацию в зимний период застройщик не мог выполнить всего комплекса работ по благоустройству (например, в части озеленения) [7].

Таким образом, вопрос о наделении граждан-дольщиков либо иных субъектов гражданско-правовым инструментарием, способствующим защите интересов дольщиков на случай неосуществления застройщиком мероприятий по благоустройству территории, является актуальным ввиду недостаточности (неэффективности) средств публично-правового воздействия на застройщика.

Предваряя определение конкретного возможного гражданско-правового механизма защиты интересов дольщиков при неосуществлении благоустройства застройщиком, кажется верным возвратиться к попытке определения того, входят ли действия застройщика по выполнению такого благоустройства в программу обязательств сторон договора долевого участия в строительстве.

Кажется справедливым подход, при котором обязательства застройщика по выполнению мероприятий по благоустройству придомовой территории, несмотря на отсутствие соответствующих условий в договоре долевого участия, квалифицировались в качестве существующих по умолчанию, что возможно за счет апеллирования к широко распространенной в странах общего права доктрине подразумеваемых условий договора (англ. implied terms) [8].

Данное решение кажется справедливым и логически стройным не только с теоретико-правовой точки зрения, но и с позиции политики права, поскольку является очевидным факт наличия на стороне дольщика интереса в благоустройстве придомовой территории. Кроме того, ряд положений Федерального закона N 214-ФЗ косвенно поддерживают данную логику – например, в ст. 21 закона содержится перечень подлежащей обязательному раскрытию информации о проекте строительства многоквартирного дома, в состав которой включаются сведения о планируемых элементах благоустройства территории.

Изложенное означает, что гражданин, являющийся потенциальным дольщиком, перед вступлением в договорные отношения с застройщиком, может полагаться на состав раскрываемой застройщиком информации о конкретном проекте, в том числе в части благоустройства территории, в связи с чем формируемые на стороне гражданина правомерные ожидания о полном соответствии многоквартирного дома ранее раскры-

той информации заслуживают гражданско-правовой защиты. В противном случае застройщики могли бы всячески приукрашивать публикуемую ими информацию о планируемом благоустройстве придомовой территории, что вводило бы неопределенный круг потребителей в заблуждение, поощряло бы недобросовестную конкуренцию и так далее.

Кроме того, также заслуживает внимание то обстоятельство, что в силу императивных норм жилищного законодательства [9] граждане-собственники квартир в многоквартирном доме одновременно являются общими долевыми собственниками в праве собственности на земельный участок, расположенный под многоквартирным домом. Изложенное означает, что сам объект благоустройства, выполняемого застройщиком, также является объектом имущественного интереса дольщиков, взаимосвязанного с правом собственности на квартиры, в связи с чем с некоторой условностью можно утверждать о том, что выполнение работ по благоустройству земельного участка косвенно входит в предмет договора долевого участия, поскольку участок также должен передаваться дольщиком в надлежащем качестве, что может быть интерпретировано в том числе через осуществление благоустройства.

Определившись с возможной юридической аргументацией в пользу отнесения действий застройщика по выполнению благоустройства придомовой территории в качестве составной части предмета договора долевого участия, следует предложить возможные способы защиты прав участников долевого строительства в случае неосуществления застройщиком работ по благоустройству придомовой территории к моменту наступления срока передачи объектов долевого строительства.

Так, некоторыми авторами предлагается установить для участника долевого строительства право отказаться от приемки квартиры и регистрации права собственности на неё до выполнения застройщиком работ по благоустройству территории [10]. В то же время представляется, что такой способ защиты, во-первых, может быть непропорционален допущенному застройщиком нарушению (например, незначительность объема невыполнения работ по благоустройству), а во-вторых, не решает до конца проблему самого невыполнения застройщиком работ по благоустройству, поскольку далеко не факт, что непринятие дольщиком объекта будет служить для застройщика стимулом к осуществлению благоустройства.

Иной возможный вариант решения проблемы – взыскание дольщиком с застройщика суммы соразмерного уменьшения стоимости переданного застройщиком объекта долевого строительства, что можно объяснить тем, что если выполнение работ по благоустройству входит в предмет договора, то невыполнение данных работ означает ненадлежащее выполнение застройщиком договора в виде осуществления его основного исполнения по передаче объекта долевого строительства при невыполнении условий о его качестве. Однако кажется, что применение такого способа защиты было бы некорректным решением по сугубо практическим соображениям – во-первых, далеко не факт, что каждый из дольщиков воспользовался бы таким способом защиты, что наводило бы на вопрос об окончательной судьбе обязательств застройщика по осуществлению благоустройства в случае предъявления требования о соразмерном уменьшении стоимости лишь частью дольщиков, а во-вторых, полноценное использование такого способа защиты предполагало бы, что дольщики должны организовать выполнение работ по благоустройству своими силами и средствами, что представляется затруднительным с точки зрения реализации.

По нашему мнению, оптимальным с теоретической и практической перспектив способом защиты интересов дольщиков являлось бы предъявление к застройщику требования о понуждении к исполнению обязательства по осуществлению благоустройства в натуре, что урегулировано специальной статьей 308.3 Гражданского кодекса РФ [11].

Действительно, факт включения действий застройщика по выполнению работ по благоустройству в программу обязательств по договору долевого участия означает, что каждый дольщик является кредитором застройщика по такому неденежному обязательству, что дает дольщику право на иск о понуждении своего контрагента к совершению исполнения в натуре. При этом представляется допустимым, исходя из общей конструкции ст. 308.3 ГК РФ, предъявление к застройщику дополнительного требования о взыскании судебной неустойки (астрента) [12] на случай неисполнения застройщиком судебного акта, устанавливающего его обязанность по выполнению работ по благоустройству.

Не может не радовать тот факт, что в судебной практике встречаются примеры подобного правоприменения. Например, одним из своих решений Муромский городской суд Владимирской области обязал застройщика выполнить работы по благоустройству придомовой территории в виде создания, помимо прочего, мест для парковки автомобилей и размещения детской площадки, предусмотрев при этом взыскание с застройщика в пользу некоторых дольщиков судебную неустойку в размере 1 000 руб. в день за каждый день неисполнения судебного акта [13].

Несмотря на наличие такой позитивной тенденции, встречаются и противоположные судебные акты, которыми суды отказывают дольщикам в удовлетворении подобных исков к застройщикам [14], в связи с чем следует констатировать отсутствие полной правовой определенности по обозначенному вопросу, что, следовательно, требует установления единообразного правового регулирования или разъяснений на уровне Верховного Суда РФ.

В частности, представляется целесообразным внедрить прямое указание в Федеральном законе N 214-ФЗ на наличие у застройщика договорного обязательства по осуществлению благоустройства земельного участка под многоквартирным домом, с одновременным указанием на возможность предъявления дольщиками либо иными лицами в их интересах (управляющая компания, прокурор, общество защиты прав потребителей) исков о понуждении застройщика к исполнению данного обязательства в натуре, с возможностью взыскания с застройщика астрента в соответствии с правилами ст. 308.3 ГК РФ.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Продемонстрировано, что участник долевого строительства объективно заинтересован не только в получении объекта долевого строительства, но и в надлежащем выполнении застройщиком работ по благоустройству придомовой территории многоквартирного дома.

Аргументировано, что застройщик обязан выполнить работы по благоустройству придомовой территории многоквартирного дома в силу публично-правового (градостроительного) законодательства, что, однако, не отменяет необходимости в признании наличия аналогичной обязанности застройщика в виде гражданско-правового обязательства, вытекающего из договора долевого участия в строительстве.

Обосновано, что надлежащее исполнение застройщиком договорного обязательства по выполнению работ по благоустройству придомовой территории многоквартирного дома возможно за счет надления дольщика либо иного лица, действующего в силу закона в интересах дольщика, правом требовать исполнения застройщиком такого обязательства в натуре, с возможностью применения к последнему судебной неустойки (астрента) на случай неисполнения данного обязательства.

Аргументировано, что, несмотря на наличие позитивной судебной практики, по-прежнему встречаются судебные акты, которыми принимаются решения об отказе в удовлетворении исков дольщиков об обязанности застройщика исполнить обязательство по выполнению работ по благоустройству придомовой территории многоквартирного дома в натуре, что свидетельствует о необходимости совершенствования законодательства либо формулирования необходимых разъяснений на уровне Верховного Суда РФ.

Список источников

1. Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. N 292. 31.12.2004.
2. Шайдуллин Р.Р. Договор долевого участия в строительстве жилья: понятие и признаки // Современное право. 2015. № 6. С. 61 – 65.
3. Горошко Т. Споры по благоустройству территории после строительства дома // Жилищное право. 2016. № 5. С. 91 – 92.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ // Российская газета. N 290. 30.12.2004.
5. Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 N 87 // Российская газета. N 41. 27.02.2008.
6. Тихомирова Л.А. Оценка соответствия: сравнительно-правовое исследование в плоскости отраслевого законодательства // СПС «КонсультантПлюс».
7. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 16.01.2015 по делу N 11-243/2015 // СПС «Консультант Плюс».
8. Auster-Baker R. Implied Terms in English Contract Law // Commercial Contract Law: Transatlantic Perspectives. Eds. DiMatteo L.A. et al. Cambridge, 2013. P. 229.
9. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ // Российская газета. N 1. 12.01.2005.
10. Ершов О.Г. Об ответственности сторон по договору участия в долевом строительстве // Юрист. 2009. N 7. С. 49 – 54.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.

12. Краецкая Е. Астрент: как рублем заставить должника исполнить неимущественное решение суда? // Юридический справочник руководителя. 2021. № 9. С. 30 – 37.
13. Решение Муромского городского суда Владимирской области от 19.08.2022 по делу N 2-53/2022 // СПС «Консультант Плюс».
14. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2021 N 88-10766/2021 // СПС «Консультант Плюс».

References

1. Federal Law of December 30, 2004 N 214-FZ “On participation in shared construction of apartment buildings and other real estate and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. Rossiyskaya Gazeta. N 292. 12/31/2004.
2. Shaidullin R.R. Agreement of shared participation in housing construction: concept and features. Modern law. 2015. No. 6. P. 61 – 65.
3. Goroshko T. Disputes regarding landscaping after construction of a house. Housing Law. 2016. No. 5. P. 91 – 92.
4. Town Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 N 190-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 290. 12/30/2004.
5. Decree of the Government of the Russian Federation of February 16, 2008 N 87. Russian newspaper. N 41. 02.27.2008.
6. Tikhomirova L.A. Conformity assessment: comparative legal research in the area of industry legislation. SPS “ConsultantPlus”.
7. Appeal ruling of the Chelyabinsk Regional Court dated January 16, 2015 in case No. 11-243/2015. ATP “Consultant Plus”.
8. Auster-Baker R. Implied Terms in English Contract Law. Commercial Contract Law: Transatlantic Perspectives. Eds. DiMatteo L.A. et al. Cambridge, 2013. P. 229.
9. Housing Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 N 188-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 1. 01/12/2005.
10. Ershov O.G. On the liability of the parties under an agreement for participation in shared construction. Lawyer. 2009. N 7. P. 49 – 54.
11. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 12/08/1994.
12. Kraetskaya E. Astrent: how to use a ruble to force a debtor to fulfill a non-property court decision? Legal directory of the head. 2021. No. 9. P. 30 – 37.
13. Decision of the Murom City Court of the Vladimir Region dated August 19, 2022 in case No. 2-53/2022. ATP “Consultant Plus”.
14. Determination of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction dated 08/05/2021 N 88-10766/2021. ATP “Consultant Plus”.

Информация об авторе

Чупин И.В., Московский финансово-промышленный университет Синергия

© Чупин И.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-75-79

Корпоративный договор участников хозяйственных обществ: в поисках каузы

¹Алешкин И.А.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу существа корпоративного договора в качестве договорного типа. Автор, анализируя законодательное регулирование корпоративного договора, литературные источники, а также реальную практику конструирования условий корпоративного договора, приходит к выводу о том, что корпоративный договор не может быть признан самостоятельным договорным типом, поскольку он не обладает единой каузой договора. В работе также аргументирована необоснованность подхода, приравнивающего каузу корпоративного договора к каузе договора простого товарищества. В заключение делается вывод о мультикаузальности корпоративного договора.

Ключевые слова: корпорация, корпоративный договор, кауза договора, квалификация корпоративного договора, договор между акционерами, договорное обязательство, корпоративное право

Для цитирования: Алешкин И.А. Корпоративный договор участников хозяйственных обществ: в поисках каузы // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 75 – 79. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-75-79

Поступила в редакцию: 7 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 3 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Corporate agreement of the participants of business companies: in search of a causa

¹Aleshkin I.A.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the essence of a corporate agreement as a contractual type. The author, analyzing the legislative regulation of corporate contract, literary sources, as well as the actual practice of constructing the terms of a corporate contract, comes to the conclusion that a corporate contract cannot be recognized as an independent contractual type, since it does not have a single contract clause. The paper also argues for the unreasonableness of the approach equating the causation of a corporate agreement with the causation of a simple partnership. In conclusion, the conclusion is made about the multicausality of the corporate agreement.

Keywords: corporation, corporate agreement, causa of the agreement, qualification of the corporate agreement, agreement between shareholders, contractual obligation, corporate law

For citation: Aleshkin I.A. Corporate agreement of the participants of business companies: in search of a causa. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 75 – 79. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-75-79

The article was submitted: March 7, 2024; Approved after reviewing: May 3, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – определить сущность корпоративного договора с точки зрения установления его договорного типа (каузы договора)

Задачи – проанализировать законодательство, научную литературу и судебную практику, установив реальную практическую применимость конструкции корпоративного договора, а также определив разновидность договорных обязательств, возникающих из корпоративного договора

Гипотеза – имеются основания полагать, что корпоративный договор не является самостоятельной разновидностью корпоративного договора, обладающего отдельной, не свойственной иным существующим разновидностям гражданско-правовых договоров, каузой, что объясняется законодательной конструкцией корпоративного договора, который может содержать в себе различные по своей правовой направленности обязательства – например, содержать элементы купли-продажи, возмездного оказания услуг, товарищества, опционы, негативные обязательства и так далее. Изложенное свидетельствует о мультикаузальности корпоративного договора.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Эффективное корпоративное управление реализуется во многом за счет договорного урегулирования отношений, возникающих между участниками корпорации по поводу управления компанией. Такое договорное регулирование возможно за счет применения конструкции корпоративного договора, под которым, исходя из легальной дефиниции ст. 67.2 ГК РФ [1], понимается договор об осуществлении корпоративных прав, стороны которого принимают на себя такие обязательства, как осуществлять свои корпоративные права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления (например, голосовать на общем собрании определенным образом либо воздерживаться от участия в голосовании), приобретать либо отчуждать доли (акции), а также иные возможные действия, направленные на реализацию принадлежащих им корпоративных прав.

В то же время сам корпоративный договор, в особенности его правовая природа и предмет, являются предметом широких научных дискуссий, что также объясняется неисчерпывающим характером перечня возможных прав и обязанностей, входящих в предмет корпоративного договора [2].

Говоря о конкретной правовой природе договора или его конкретном предмете, необходимо установить каузу договора (от лат. *causae* – цель), под которой понимается цель или направленность договора на достижение определенных последствий при его исполнении сторонами [3]. Именно поэтому кауза договора является определенным ориентиром для определения договорного типа при его неочевидности – исследователю следует проанализировать, к каким правовым последствиям приводит договор при его исполнении и сопоставить данные последствия с уже существующими договорными конструкциями.

Например, договор, предполагающий обмен денежных средств на право собственности на вещь, содержит в себе каузу давно известного договора купли-продажи, в то время как договор, обязывающий одну сторону совершить за плату определенные действия в пользу другой стороны может быть квалифицирован в качестве договора подряда либо договора возмездного оказания услуг.

Говоря о каузе корпоративного договора, следует отметить, что её определение также является одним из центральных аспектов проблематики корпоративного договора [4], что объясняется многообразием форм практического применения конструкции корпоративного договора и, как следствие, отсутствием единства позиций относительно содержания каузы данного договора в литературе.

Так, приступая к анализу реального практического применения механизма корпоративного договора, следует подтвердить наличие многообразия форм и способов его применения, что продиктовано различными потребностями и интересами сторон такого договорного отношения, осложненного корпоративными связями.

В частности, как это следует из самого текста ст. 67.2 ГК РФ, корпоративный договор зачастую опосредует совершение его сторонами сделок по распоряжению имуществом, в особенности долей (акций) в корпорации, что также может быть обусловлено различными отлагательными условиями, в том числе фактом нарушения одной из сторон корпоративного договора своих обязательств [5].

Рассматривая конкретный практический пример, представляется возможным обратиться к фабуле дела N А40-174418/2021, в рамках которого судами было установлено, что корпоративный договор содержал условие, согласно которому новый участник общества (инвестор) вправе потребовать выкупа принадлежащей ему доли в обществе другим участником по заранее установленной цене в случае, если в течение полутора лет после заключения договора ему не будут выплачены дивиденды в размере не менее 5 миллионов рублей [6]. Очевидно, что такое обязательство, исходя из его каузальной сущности является ничем иным, как договором купли-продажи под отлагательным условием (ст. 157 ГК РФ), связанным с фактом достижения обществом определенных финансовых результатов и принятием им решения о распределении прибыли между участниками, что вполне укладывается в рамки конструкции купли-продажи.

Иной практический пример использования конструкции корпоративного договора сводится к возложению на их участников обязательств по несоблюдению определенных действий. Например, в одном из дел, рассмотренных Арбитражным судом Северо-Западного округа, было установлено, что корпоративный договор устанавливал обязанность его участников не инициировать и не поддерживать обращения в суды общей юрисдикции или арбитражные суды с исковыми или иными заявлениями по делам, в рамках которых ответчиком или заинтересованным лицом выступает корпорация или иные перечисленные в корпоративном договоре компании [7]. Такого рода обязательство, хоть и прямо допускается п. 1 ст. 307 ГК РФ, является непоименованным в контексте конкретного договорного типа [8], в связи с чем подобные обязательства, установленные корпоративным договором, следует признать элементами особой разновидности гражданско-правового договора *sui generis*.

Иной довольно популярный пример обязательства, устанавливаемого корпоративным договором – обязательство голосовать на общем собрании согласованно (по указаниям) с иными участниками корпорации. Например, предметом разбирательства по делу N А51-18875/2020 являлись последствия нарушения обязательств по корпоративному договору, согласно которому один акционер обязался голосовать согласованно с двумя иными акционерами, в то время как последние приняли на себя обязательство выплачивать в пользу первого акционера ежемесячное вознаграждение в заранее определенном размере [9]. Представляется, что такое конструирование обязательств по корпоративному договору, согласно которому одно лицо за плату совершает определенные действия (голосует в соответствии с указаниями контрагента), может быть квалифицировано в качестве договора возмездного оказания услуг, предметом которого могут в том числе являться совершаемые исполнителем действия юридического характера (осуществление своих корпоративных прав определенным образом) [10].

Анализ изложенных примеров, демонстрирующих возможность снабжения корпоративного договора различными договорными обязательствами, обладающими по своему содержанию признаками каузы различных договорных типов, позволяет прийти к выводу о том, что корпоративный договор в действительности не является самостоятельным договорным типом, то есть не обладает единой (самостоятельной) каузой договора.

В то же время следует отметить, что некоторыми авторами предпринимаются попытки выделения единой правовой направленности корпоративного договора в целях его квалификации в качестве самостоятельного договорного типа. Например, А.А. Кузнецов высказывает позицию о том, что кауза корпоративного договора аналогична каузе договора простого товарищества, поскольку участники корпоративного договора, по мнению ученого, преследуют общую цель и совершают совместные действия, направленные на её достижение [11].

Представляется, что с данным подходом нельзя полностью согласиться по ряду причин.

Во-первых, как было продемонстрировано ранее, далеко не всегда интересы сторон корпоративного договора являются однонаправленными, а действия всех его сторон совершаются к общей выгоде, как это свойственно для любого договора простого товарищества [12]. Так, в ранее приведенном примере обязательства одной стороны корпоративного договора выкупить долю другой участия в корпорации другой стороны этого договора, например, при недостижении определенных хозяйственных результатов корпорацией, не могут свидетельствовать о том, что установлением такого обязательства стороны стремятся осуществлять совместную деятельность в общих интересах – скорее наоборот, сторона, которой предоставлено право требовать выкупа её доли, защищает свои собственные интересы на случай отсутствия экономического успеха совместного предприятия, резервируя за собой возможность прекращения дальнейшего участия в корпорации.

Во-вторых, тезис о безусловной «товарищеской» природе корпоративного договора опровергается предусмотренным п. 9 ст. 67.2 ГК РФ феноменом так называемого «квазикорпоративного» договора, сторонами которого могут быть не только участники соответствующей корпорации, но и иные заинтересован-

ные третьи лица (например, кредиторы), что также может вызывать сомнения относительно совместной направленности действий всех участников такого договора.

Безусловно, следует оговориться, что в определенных случаях корпоративный договор, в зависимости от его конкретного предмета, может обладать признаками договора простого товарищества. В частности, можно помыслить себе корпоративный договор, заключенный между всеми или некоторыми участниками общества, по условиям которого они обязуются внести определенные вклады в уставный капитал соответствующей корпорации, в чем действительно можно рассмотреть каузу договора простого товарищества.

В то же время, как было показано ранее, корпоративный договор не может быть безусловно приравнен к конструкции договора простого товарищества, поскольку в каждом конкретном случае, в зависимости от конкретного содержания корпоративного договора, он может иметь каузальные признаки различных договорных типов – купли-продажи, возмездного оказания услуг, товарищества, негативного обязательства и так далее.

В связи с изложенным с некоторой долей условности представляется возможным согласиться с мнением отдельных авторов о том, что корпоративный договор может выступать в качестве смешанного договора, что довольно часто имеет место при реальном практическом применении конструкции [13].

Действительно, широкое определение законодателем возможного предмета корпоративного договора позволяет использовать данную договорную модель путем установления множества различных по своей каузе договорных обязательств внутри одного корпоративного договора, что превращает его в смешанный договор. В то же время, следует учитывать, что стороны корпоративного договора не обязаны каждый раз при заключении договора объединять различные обязательственные связи в рамках одого и того же корпоративного договора, а могут ограничиться лишь установлением обязательственных связей, соответствующих лишь одному договорному типу (например, установить обусловленные опционы по выкупу долей или акций).

Изложенное позволяет заключить, что законодательно сформулированная модель корпоративного договора свидетельствует о многообразии возможных вариантов установления каузы данного договора («мультикаузальность»), что дополнительно подтверждает невозможность квалификации корпоративного договора в качестве самостоятельного договорного типа, обладающего уникальной, ранее не известной гражданской доктрине, каузой.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что законодательная конструкция корпоративного договора предусматривает возможность установления в рамках такого договора различных по своей правовой направленности договорных обязательств, отвечающих признакам различных гражданско-правовых конструкций.

Продемонстрировано разнообразие применяемых в рамках конструкции корпоративного договора обязательственных конструкций, соответствующих различным договорным типам с точки зрения своей каузальности.

Аргументирована необоснованность позиции о том, что корпоративный договор во всех случаях обладает каузой договора простого товарищества, что объясняется возможностью различного структурирования договорных отношений в рамках корпоративного договора, в результате чего деятельность сторон данного договора не направлена к достижению общей выгоды.

Обосновано, что корпоративный договор не является самостоятельным договорным типом, не обладает единой каузой, а является договорной конструкцией, в рамках которой возможно моделирование множества различных договорных типов («мультикаузальность»).

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
2. Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. М. Юстицинформ. 2017. С. 2 – 3.
3. Кашанин А. Кауза гражданско-правового договора как выражение его сущности // Журнал российского права. 2001. N 4. СПС «КонсультантПлюс».
4. Кононов В. Проблемы предмета и содержания соглашения участников хозяйственных обществ по российскому праву // Корпоративный юрист. 2010. № 10. С. 26.

5. Барышев М.А. Оценка исполнимости в России стандартных условий корпоративного договора, характерных для английского правопорядка // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 3. С. 60 – 61.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.10.2022 N Ф05-24916/2022 по делу N А40-174418/2021 // СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.03.2023 N Ф07-1849/2023 по делу N А44-3355/2022 // СПС «Консультант Плюс».
8. Хамидуллин М.Т. Предмет договора оказания услуг по поддержанию резервной тепловой мощности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 195.
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 03.06.2022 N Ф03-2389/2022 по делу N А51-18875/2020 // СПС «Консультант Плюс».
10. Ситдикова Л.Б. Роль и место информации и консультации в договоре возмездного оказания риелторских услуг // Юридический мир. 2013. N 10. С. 27 – 29.
11. Кузнецов А.А. Некоторые проблемы совместного осуществления прав акционера // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 10. СПС «КонсультантПлюс».
12. Кирилловых А.А. Инвестиционное товарищество: природа и специфика гражданско-правового обязательства // Законодательство и экономика. 2013. № 9. СПС «Консультант Плюс».
13. Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект). Екб.: Налоги и финансовое право, 2004. С. 144.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.
2. Borodkin V.G. Civil regulation of a corporate agreement in Russian law: monograph. M. Justitsinform. 2017. pp. 2 – 3.
3. Kashanin A. Cause of a civil contract as an expression of its essence. Journal of Russian Law. 2001. N 4. SPS “ConsultantPlus”.
4. Kononov V. Problems of the subject and content of the agreement of participants of business entities under Russian law. Corporate lawyer. 2010. No. 10. P. 26.
5. Baryshev M.A. Assessment of the enforceability in Russia of standard terms of a corporate agreement characteristic of the English legal order. Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2016. No. 3. P. 60 – 61.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 6, 2022 N F05-24916/2022 in case N А40-174418/2021. ATP “Consultant Plus”.
7. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated March 20, 2023 N F07-1849/2023 in case N А44-3355/2022. ATP “Consultant Plus”.
8. Khamidullin M.T. Subject of the contract for the provision of services for maintaining reserve thermal capacity. Current problems of Russian law. 2022. No. 9. P. 195.
9. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated 06/03/2022 N F03-2389/2022 in case N А51-18875/2020. ATP “Consultant Plus”.
10. Sitdikova L.B. The role and place of information and consultation in a contract for the provision of real estate services for a fee. Legal World. 2013. N 10. P. 27 – 29.
11. Kuznetsov A.A. Some problems of joint exercise of shareholder rights. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2010. No. 10. SPS “ConsultantPlus”.
12. Kirillov A.A. Investment partnership: nature and specificity of civil liability. Legislation and Economics. 2013. No. 9. SPS “Consultant Plus”.
13. Pakhomova N.N. Fundamentals of the theory of corporate relations (legal aspect). Ekb.: Taxes and financial law, 2004. P. 144.

Информация об авторе

Алешкин И.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, law.al.31@mail.ru

© Алешкин И.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.9

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-80-85

Теоретические основы судебного примирения

¹ Гитинова М.М., ² Магомедгаджиева П.М., ³ Магомедгаджиев И.М.,
¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале,
² Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений,
³ Военный университет имени Александра Невского Министерства Обороны РФ

Аннотация: тема судебного примирения является чрезвычайно актуальной в России, поскольку современный период характеризуется многогранностью общественных отношений, усложнившимися условиями осуществления разных форм экономической деятельности, противоречивостью законодательного регулирования различных споров, возникающих в этих сферах. В таких условиях перегруженность судебной системы и долгие судебные процессы наводят на мысль о необходимости поиска новых и совершенствования уже возникших способов преодоления конфликтов, в числе которых активно развивается институт судебного примирения. Судебное примирение позволяет сократить время и затраты сторон на разрешение споров. Судебные процессы могут быть дорогостоящими и занимать значительное время, в то время как судебное примирение дает возможность сторонам быстро и экономически эффективно достичь консенсуса. Другим критерием актуальности выступает то, что судебное примирение способствует доступности юстиции для широкого круга людей. В случае, когда судебные процессы могут быть неприемлемыми или неактуальными для конкретных споров, примирение предоставляет легкую и быструю альтернативу для их разрешения. Судебное примирение способствует устранению конфликтов и сохранению отношений между сторонами конфликта. Вместо длительных и конфликтных судебных процессов, примирение сфокусировано на поиске решения, которое удовлетворяет интересы всех сторон, и помогает сохранить партнерские и личные отношения.

Примирительные процедуры в России, несмотря на имеющийся в прошлом исторический опыт, только стали активно развиваться не без воздействия опыта иностранных государств и исследования в этой сфере отношений в научных кругах ведутся довольно активно.

Ключевые слова: судебное примирение, история судебного примирения, экономические споры, стороны конфликта, судебный примиритель, содержание и виды примирения

Для цитирования: Гитинова М.М., Магомедгаджиева П.М., Магомедгаджиев И.М. Теоретические основы судебного примирения // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 80 – 85. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-80-85

Поступила в редакцию: 9 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Theoretical foundations of judicial reconciliation

¹Gitinova M.M., ²Magomedgadzhieva P.M., ³Magomedgadzhiev I.M.,
¹North Caucasus Institute, branch of the All-Russian State University
of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Makhachkala,
²Odintsovo branch of the Moscow State Institute of International Relations,
³Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Abstract: *the topic of judicial reconciliation is extremely relevant in Russia, since the modern period is characterized by the versatility of social relations, the complication of conditions for the implementation of various forms of economic activity, and the inconsistency of legislative regulation of various disputes arising in these principles. In such conditions, the overload of the judicial system and lengthy trials suggest the need to search for new and improve existing ways to overcome conflicts, among which the institution of judicial reconciliation is actively developing. Judicial conciliation allows reducing the time and costs of the parties to resolve disputes. Litigation can be costly and time-consuming, while judicial conciliation allows parties to reach a consensus quickly and cost-effectively. Another criterion of relevance is that judicial reconciliation contributes to the accessibility of justice for a wide range of people. Where litigation may be inappropriate or irrelevant for specific disputes, conciliation provides an easy and quick alternative to resolve them. Judicial reconciliation helps eliminate conflicts and preserve relations between the parties to the conflict. Instead of lengthy and contentious litigation, conciliation focuses on finding a solution that satisfies the interests of all parties and helps preserve partnerships and personal relationships.*

Reconciliation procedures in Russia, despite the historical experience in the past, have only begun to develop actively, not without the influence of the experience of foreign states, and research in this area of relations in scientific circles is being conducted quite actively.

Keywords: *judicial reconciliation, history of judicial reconciliation, economic disputes, parties to the conflict, judicial conciliator, content and types of reconciliation*

For citation: Gitinova M.M., Magomedgadzhieva P.M., Magomedgadzhiev I.M. Theoretical foundations of judicial reconciliation. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 80 – 85. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-80-85

The article was submitted: March 9, 2024; Approved after reviewing: May 4, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Современный период развития и функционирования общественных отношений является достаточно сложным с точки зрения законодательного регулирования и обеспечения интересов всех субъектов таких отношений. Пробелы в праве, недостаток юридической техники, усложненность общественных отношений, бланкетность норм, отсутствие пояснений пленумов Верховного Суда РФ по вопросам применения норм, регулирующих специфичные стороны общественной жизни, выступают предпосылками для конфликтов, что диктует необходимость их тщательного разбирательства.

В условиях развития демократического общества в России основополагающим направлением является модификация имеющихся на данный момент способов урегулирования конфликтов между сторонами правовых отношений, а также совершенствование защиты нарушенных прав и законных интересов участников гражданского оборота. Для получения желаемого результата используются различные методы, например, примирительные процедуры в системе механизмов защиты прав и законных интересов граждан.

В настоящее время такая форма проявления демократического общества активно используется в разрешении споров – судебное посредничество и примирение. В таком контексте, судебное примирение и медиация рассматриваются как наиболее эффективные и не затратные способы разрешения споров. В судебном примирении позволяется максимально учесть интересы сторон, одновременно, избегать негативные последствия судебного разбирательства (например, разрыв экономических договорных отношений).

Важность применения данного института, позволяющего мирно и быстро урегулировать спор очевидна, в особенности в условиях роста числа судебных разбирательств, их затянутости, что, по сути, приводит к разрыву партнерских отношений, излишним тратам финансов и времени.

Следует отметить, что посреднические процедуры при разрешении споров известны еще с Древней Руси. Впервые о мирном урегулировании спора было упомянуто в Новгородской берестяной грамоте (1281-

1313 гг.). В Новгороде, внесудебное разрешение споров было неотъемлемой частью местной деловой культуры, которая строилась на прочном уважении к самостоятельным решениям инициативных людей и минимизации вмешательства государства в частные дела [4, с. 68-88].

Материалы и методы исследований

Нами были использованы методы сравнения и анализа.

Существующая в наше время дискуссия на тему правовой природы судебного примирения берет свое начало начиная со второй половины XIX и начала XX века, когда в Российской Империи был отмечен сильный скачок в развитии понимания сути мирного урегулирования споров. Появляются первые задатки формирования мирового соглашения. В результате судебной реформы в 1864 г. в Уставе гражданского судопроизводства появляется целая глава «О примирительном разбирательстве» [9, с. 275].

К сожалению, в принятом в Советский период 7 июля 1923 г. Гражданском процессуальном кодексе РСФСР, введенного в действие 1 сентября 1923 г., был отражен следственный тип гражданского процесса. Такие изменения привели к снижению состязательности и диспозитивности.

Продолжением развития внесудебных процедур урегулирования конфликтов уже в современной России стало принятие в 2019 году Федерального Закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – закон «О медиации») [6], на основе которого проходили примирительные процедуры в виде медиации. Медиация – это процедура, основанная на добровольном участии сторон в примирительных процедурах при соблюдении следующих принципов: конфиденциальности, сотрудничества, равноправия, а также независимости и беспристрастности медиатора. Через этот процесс могут быть разрешены самые различные споры.

Тема примирительных процедур нашла отклик в трудах многих российских ученых, которые проводили исследования отдельных форм примирений, рассматриваемые как альтернативные досудебные способы разрешения споров. Так А.В. Аргунов, Д.Н. Горшунов, Д.Л. Давыденко, А.Н. Кузбагаров, С.В. Лазарев, Г.В. Севастьянов, С.Ю. Суменков, О.Е. Финогентова, Г.Б. Умерова, Т.В. Чернышова, Т.В. Юсупов.

Результаты и обсуждения

Исследования большинства российских ученых относительно процедуры судебного примирения сводятся к тому, что обосновывается социальная обусловленность существования примирительных процедур. Они относят их к «нетрадиционным» способам разрешения конфликта. Однако, для решения этой проблемы требуется тщательное рассмотрение и комплексный анализ всех норм российского права, которые регулируют примирительные процедуры в различных отраслях. В научной литературе практически отсутствуют работы, посвященные теоретическому анализу института примирения, реализации его через законодательно установленные процедуры примирения, связанные с этим институтом. Нет единого понятийного аппарата. В научных исследованиях, обычно, анализируются такие процедурные примирительные формы, такие как медиация, посредничество, третейское разбирательство (арбитраж), заключение сделки о признании вины и трансакции.

Есть совместные работы таких авторов как М.А. Рожкова, Н.Г. Елисеев, О.Ю. Скворцов «Договорное право», сыгравшего значительную роль в систематизации информации об альтернативных способах урегулирования споров в разных странах. Накопленный в данной работе материал может сыграть важную роль в усовершенствовании механизма применения примирительных процедур в национальном праве. В частности, данное исследование касается вопросов соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашение». В работе исследуется сущность и принципы примирительной процедуры, также дано ее понятие, сделан анализ процедуры получения соглашения и возможности проведения примирительной процедуры.

Авторы монографии указывают на конечную цель такого примирения, что, в сущности, оно направлено на устранение конфликтов, возникающих между различными субъектами как экономической деятельности, так и в гражданско-правовых отношениях, и ситуативно в семейно – бытовой сфере.

Содержанием примирения является разрешение конфликта по существу, с целью устранения противоречий между сторонами. Данный вид примирительной процедуры отличается от судебного рассмотрения тем, что в судебном споре происходит выявление правильного и неправильного поведения сторон конфликта исходя из нормативных предписаний. Соответственно – решение выносится в соответствии с нормами права, тогда как при судебном примирении происходит сближение позиций конфликтующих сторон. Следовательно, в результате такого сближения возможно достичь компромисс в сложившейся ситуации. Примирительная процедура сохраняет или восстанавливает в конструктивном аспекте отношения между сторонами конфликта, при этом не комментируя их позиций [8, с. 328].

Но следует отметить сложность его правоприменения с учетом не богатой практики, а также того факта, что данный институт не является для нас однозначным в применении. К тому же, опыт примирительных процедур некоторых зарубежных стран, несмотря на то что, примирение является довольно распространенным в них явлением, свидетельствует о возникающих множественных проблемах.

Интересна авторская работа Д.Б. Елисеева, посвященная исследованию медиации и ее роли в разрешении правовых конфликтов. Работа представляет собой теоретико-равовой анализ, в которой рассматриваются различные концепция медиации, выступающие своеобразным инструментом разрешения правовых конфликтов. Автор работы выявляет преимущества и недостатки медиации, которая основана на принципах государственно-астного партнерства [3, с. 34].

Ю.В. Гущева в своей работе под названием «Примирительные процедуры в праве: доктрина, практика, техника» (2013 г.) сделала анализ процедур примирения, применяемых в правовой сфере. Она установила критерии эффективности судебного примирения. Однако, в работе отсутствуют выводы о соотношении примирительных и согласительных процедур, а также не содержится базовое определение понятия «примирение» [2, с. 40-42].

В работе С.В. Николюкина «Правовые технологии посредничества (медиации) в Российской Федерации» дано определение примирительных процедур. Автор указывает, что примирение – это законное и добровольное взаимодействие сторон, участвующих в конфликте, направленное на его мирное урегулирование. При этом, он не исключает возможности участия в конфликте и третьей стороны.

Примечательно, что в работе указано о том, что фактически сам процесс примирения сторон, участвующих в конфликте, может проходить при участии посредников, хотя это и не обязательно. Особо выделяется роль посредника, выполняющего собственную особую миссию, заключающуюся в оказании помощи сторонам конфликта для понимания ими сущности конфликта, а также доведения друг до друга наиболее важных аспектов спора, предстоящего разрешить. С учетом этого можно говорить о достижении согласия и компромисса, а также в предложении возможных условий для урегулирования спора. Для посредника, в отличие от суда или арбитра, важно не проводить расследование и устанавливать факты, а оказывать помощь сторонам в достижении взаимопонимания и поиске различных вариантов урегулирования спора. При этом следует помнить, что компромисс будет основан на взаимовыгодных условиях, что является сущностью процедуры примирения. По данному критерию производится и разграничение судебного примирения и третейского разбирательства. Как известно, в третейской процедуре является обязательным принятие решения в возникшем споре от имени третьего лица, на основе которого дается оценка события, послужившего поводом для конфликта в прошлом [5, с. 72].

А. Полуяктов, исследовавший вопросы судебного примирения, находит в данном институте некоторые преимущества и считает их более весомыми в пользу судебного примирения, чем традиционным судебным способом урегулирования конфликта [7]. Его мнению основывается даже на том, что в судебном разрешении спора, сторона конфликта не может чувствовать себя уверенно относительно того, что решение суда приведет к желаемому для нее результату. Каждая из сторон, участвующая в конфликте в судебном порядке, несет риск проигрыша.

Ученый указывает, что на итог судебного решения влияют множество факторов, в числе которых лежит и человеческий фактор. Личностные качества, профессионализм лица, представляющего интересы сторон в суде, смогут сыграть немаловажную роль. В особенности следует учесть то, в каком виде представлена информация, насколько она является достоверной, будет ли это рассматриваться как доказательство в суде, что также влияют на исход дела. В случае судебного примирения стороны, участвующие в конфликте, находят взаимоприемлемое решение, удовлетворяющее обе стороны.

Порой, вынесенное судебное решение содержит в себе неопределенность, и спор между сторонами продолжается. Конечно же, такое решение можно обжаловать в различных судебных инстанциях, что также является не удобным с точки зрения экономии времени. И к тому же, на это уходят дополнительные судебные расходы [7], оплачивается государственная пошлина. Спорные моменты требуют проведения различных видов экспертиз, что также предусматривает дополнительные расходы. Вызов свидетелей, выплата вознаграждений представителям сторон (адвокатам) и иные траты также неизбежны в судебном разбирательстве. Таким образом, процесс судебного разбирательства по урегулированию споров в плане финансов является затратным и довольно обременительным для фирм. А при использовании альтернативных способов разрешения споров всевозможные расходы сокращают в несколько раз, к тому же экономиться время.

Выводы

Все ученые, исследовавшие данное направление разрешения споров, считают, что мировое соглашение или судебное примирение является более предпочтительным способом урегулирования конфликта. Судебная тяжба и процесс исполнения решения носят затяжной характер, и составляют шесть и более месяцев.

И последнее, чем можно аргументировать предпочтительность судебного примирения это то, что стороны конфликта сохраняют партнёрские отношения, и могут их далее развивать. Это сохраняет атмосферу доверия и сотрудничества между сторонами конфликта. При судебном разбирательстве спора имеющийся конфликт выходит порой на новый уровень, при этом так и не получив разрешения.

Те, кто избирает способ преодоления конфликтов через судебное примирение ссылаются на то, что примирительные процедуры разгружают судебную систему, что особенно важно в свете увеличивающегося числа обращений за судебной защитой, отчасти связанного с несовершенством законодательства и усложнившихся в сфере хозяйствования отношений.

Значительное число научных работ посвящено процедуре судебного примирения, тому, как в реальности происходит реализация процедуры примирения в России. В работах С.А. Курочкина, С.В. Ротко, Д.А. Тимошенко освещены вопросы о развитии и функционировании системы третейских судов в России. Об особенностях правоотношений, возникающих при разрешении конфликтных ситуациях описывается в диссертациях Е.А. Виноградовой и М.А. Попова.

Примирение через суд является эффективным методом разрешения конфликтов и обладает рядом преимуществ перед судебным процессом. Примирительные процедуры позволяют сторонам спора сохранить партнерские отношения, создают атмосферу доверия и сотрудничества, а также значительно сокращают финансовые затраты и время на разрешение спора. Кроме того, судебное примирение способствует снижению нагрузки на суды, особенно в контексте роста обращений за судебной защитой в сфере хозяйственных и экономических отношений. Теоретические основы судебного примирения обеспечивают фундамент для понимания и развития этого процесса, вкладывая важное значение в эффективное разрешение споров.

Список источников

1. Горшунов Д.Н. Примирение сторон в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 40 – 42.
2. Гуцева Ю.В. Примирительная процедура в праве: доктрина, практика, техника. <http://www.dslib.net/teoria-prava/rol-mediacii-v-razreshenii-pravovyh-konfliktov.html>
3. Елисеев Д.Б. Роль медиации в разрешении правовых конфликтов: теоретико-правовой анализ. 2012. С. 34.
4. Лагушкин В.П., Зелимов В.Н. Медиация // Теория права и межгосударственных отношений. 2015. № 1 (1). С. 68-88.
5. Николоюкин С.В. Правовые технологии посредничества (медиации) в Российской Федерации: Научно-практическое пособие. Москва: Юстицинформ, 2013. С. 72. ISBN 978-5-7205-1177-7, 500 экз. URL: <https://znanium.com/catalog/product/406381>
6. Право и суд в современном мире. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: сборник статей XVII ежегодной международной студенческой научно-практической конференции (г. Москва, 15-16 марта 2018 г.). Москва: РГУП, 2019. 1574 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1194801> (дата обращения: 18.11.2023)
7. Полуяктов А. Примирение сторон в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 5, 6.
8. Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право. Соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / под ред. М.А. Рожков. Москва: Статут, 2009. С.328. ISBN 978-5-8354-0602-9 // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/29322.html> (дата обращения: 10.12.2023)
9. Судебные уставы Российской империи (в сфере гражданской юрисдикции): Устав гражданского судопроизводства. Учреждение Коммерческих судов и Устав их судопроизводства. Устав гражданского судопроизводства губерний Царства Польского. Волостной судебный устав Прибалтийских губерний. М.: Статут, 2018.

References

1. Gorshunov D.N. Reconciliation of the parties in administrative proceedings. Russian justice. 2018. No. 4. P. 40 – 42.
2. Gushcheva Yu.V. Conciliation procedure in law: doctrine, practice, technique. <http://www.dslib.net/teoria-prava/rol-mediacii-v-razreshenii-pravovyh-konfliktov.html>
3. Eliseev D.B. The role of mediation in resolving legal conflicts: theoretical and legal analysis. 2012. P. 34.
4. Lagushkin V.P., Zelimov V.N. Mediation. Theory of law and interstate relations. 2015. No. 1 (1). P. 68-88.
5. Nikolyukin S.V. Legal technologies of mediation (mediation) in the Russian Federation: Scientific and practical manual. Moscow: Justitsinform, 2013. P. 72. ISBN 978-5-7205-1177-7, 500 copies. URL: <https://znanium.com/catalog/product/406381>
6. Law and court in the modern world. Legal and individual regulation of social relations: a collection of articles from the XVII annual international student scientific and practical conference (Moscow, March 15-16, 2018). Moscow: RGUP, 2019. 1574 p. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1194801> (access date: 11/18/2023)
7. Poluyaktov A. Reconciliation of the parties in arbitration and civil proceedings. Arbitration and civil proceedings. 2006. No. 5, 6.
8. Rozhkova M.A., Eliseev N.G., Skvortsov O.Yu. Contract law. Agreements on jurisdiction, international jurisdiction, conciliation procedure, arbitration (arbitration) and settlement agreements. ed. M.A. Rozhkov. Moscow: Statute, 2009. P.328. ISBN 978-5-8354-0602-9. Digital educational resource IPR SMART: [website]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/29322.html> (date of access: 12/10/2023)
9. Judicial statutes of the Russian Empire (in the field of civil jurisdiction): Charter of civil proceedings. Establishment of Commercial Courts and the Charter of their proceedings. Charter of civil proceedings of the provinces of the Kingdom of Poland. Volost judicial charter of the Baltic provinces. M.: Statute, 2018.

Информация об авторах

Гитинова М.М., кандидат юридических наук, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Махачкале

Магомедгаджиева П.М., Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений

Магомедгаджиев И.М., Военный университет имени Александра Невского Министерства Обороны

© Гитинова М.М., Магомедгаджиева П.М., Магомедгаджиев И.М., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 347.91

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-86-91

О роли частных определений в гражданском судопроизводстве

¹ Воронов Е.Н., ¹ Чирков К.Н., ¹ Ефимов И.Р.,
¹ Юго-Западный государственный университет

Аннотация: авторами данной статьи проводится анализ такого правового института, как частное определение. Особый акцент делается на положениях гражданского процессуального кодекса. Анализируются как правоприменительная практика, так и мнения представителей различных теоретических направлений в науке гражданского процесса. В ходе исследования также затрагиваются положения иных нормативных правовых актов, в том числе из процессуальных отраслей права. Целью исследования является детальное рассмотрение института частных определений в гражданском судопроизводстве, определение проблемных аспектов правоприменительной практики в связи с реализацией данного института, а также поиск наиболее оптимальных путей улучшения качества реализации данного института. Для достижения поставленной цели, нами были выполнены следующие задачи. Во-первых, проанализированы положения гражданского процессуального кодекса и иных связанных с институтом частного определения нормативных правовых актов. Во-вторых, на основе анализа правоприменительной практики нами были выделены наиболее острые проблемы возникающие в процессе реализации института частных определений. В-третьих, нами были исследованы точки зрения представителей научного сообщества в части существующих проблем в рамках реализации положений о частных определениях. В-четвертых, были сформулированы конструктивные выводы и предложения по законодательному урегулированию существующих проблем в рассматриваемой теме.

Ключевые слова: гражданский процесс, частное определение, законность, постановления суда, определения суда, ответственность

Для цитирования: Воронов Е.Н., Чирков К.Н., Ефимов И.Р. О роли частных определений в гражданском судопроизводстве // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 86 – 91. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-86-91

Поступила в редакцию: 9 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 4 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

On the role of private definitions in civil proceedings

¹ Voronov E.N., ¹ Chirkov K.N., ¹ Efimov I.R.,
¹ Southwestern State University

Abstract: the authors of this article analyze such a legal institution as a private definition. Special emphasis is placed on the provisions of the Code of Civil Procedure. The article analyzes both law enforcement practice and the opinions of representatives of various theoretical directions in the science of civil procedure. The study also touches upon the provisions of other normative legal acts, including those from the procedural branches of law. The purpose of the study is to examine in detail the institute of private definitions in civil proceedings, to identify problematic aspects of law enforcement practice in connection with the implementation of this institute, as well as to find the most optimal ways to improve the quality of implementation of this institute. To achieve this goal, we have completed the following tasks. Firstly, the provisions of the Code of Civil Procedure and other normative le-

gal acts related to the institution of private determination are analyzed. Secondly, based on the analysis of law enforcement practice, we have identified the most acute problems that arise in the process of implementing the institute of private definitions. Thirdly, we investigated the points of view of representatives of the scientific community regarding the existing problems in the framework of the implementation of the provisions on private definitions. Fourthly, constructive conclusions and proposals were formulated for the legislative settlement of existing problems in the topic under consideration.

Keywords: *civil procedure, private definition, legality, court rulings, court rulings, liability*

For citation: Voronov E.N., Chirkov K.N., Efimov I.R. On the role of private definitions in civil proceedings. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 86 – 91. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-86-91

The article was submitted: March 9, 2024; Approved after reviewing: May 4, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

В правовом демократическом государстве базисные концептуальные права и свободы человека обеспечиваются эффективным правосудием. Компетентным органом, осуществляющим правосудие в Российской Федерации в соответствии с Конституцией и процессуальными законами, является суд. Общеизвестно, что инструментами судебной власти являются судебные постановления, которые в гражданском судопроизводстве по первой инстанции делятся на решения и определения. Однако в процессуальном обиходе существует и такой специфический инструмент, как частное определение [1]. Стоит отметить, что инструментарий не только гражданского судопроизводства может похвастаться данным элементом, но также и в административном процессуальном законодательстве, и в уголовно-процессуальном законодательстве, и в арбитражном процессуальном законодательстве наличествуют институты частных определений.

На страницах юридической литературы под частным определением понимают юридический способ определенного реагирования судебной власти на различные случаи, которые характеризуются выявлением нарушений законности [2]. Данное определение суд выносит в случае, если нарушения не могут быть устранены им самостоятельно в ходе рассмотрения конкретного дела.

Материалы и методы исследований

История гражданского процессуального законодательства позволяет нам определить момент возникновения института частных определений. Именно в советский период истории мы можем наблюдать такой специфический инструмент судебной власти, как «особое определение». Солидаризирующаяся позиция большинства ученых позволяет сделать нам вывод о том, что историческое «особое определение по сути тождественно современному институту частного определения. Примечательно, что некоторые ученые в советский период резко критиковали институт частного определения, например, белорусский ученый юрист Бибило В.Н. апеллировал к тому, что «в силу фундаментального принципа диспозитивности гражданского процесса, к нему не применимо частное определение» [3].

Наличие института частных определений в том числе и в гражданском процессе позволяет сделать вывод о существовании дополнительной конституционно-правовой гарантии, направленной на укрепление законности и правопорядка в правоприменительной практике. Частное определение оформляется как отдельный документ, который в обязательном порядке должен удовлетворять требованиям положений 20 главы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [4]. Примечательно, что рассматриваемое определение может быть вынесено как в отношении участвующих в конкретном деле лиц, так и в отношении иных лиц, не имеющих прямого или косвенного отношения к делу.

Результаты и обсуждения

В силу положений статьи 226 ГПК РФ, в случае выявления судом нарушений законности, он наделяется правомочием по вынесению частного определения и направлению его конкретным должностным лицам или конкретной организации, которые обязаны в течении календарного месяца сообщить суду о принятых ими в связи с этим мерах [5]. Стоит отметить, что законодатель в данном случае не детализирует каким именно способом должен быть дан ответ суду на частное определение, однако правоприменительная практика и рациональный подход позволяют нам сделать вывод о том, что ответ может быть дан, как в устной, так и письменной форме, в силу диспозитивности гражданского процесса. Несмотря на это, суд в своем определении может самостоятельно специально оговорить порядок направления ответа на частное определение.

Анализ существующих норм процессуального законодательства не предоставляет возможность явно установить полномочия судов апелляционной и кассационной инстанций по вынесению частных определе-

ний. В действующей ранее редакции ГПК РФ, кассационный суд был наделен правомочием выносить частные определения с привязкой к случаям, указанным в статье 226 ГПК РФ [6]. Но на сегодняшний момент развития законодательства было принято решение о том, что нет смысла наделять суды кассационной инстанции указанным правомочием, так как такие суды имеют сущностно ограниченные полномочия, в том числе не имеют право принимать новые доказательства, рассматривать дела по существу и, таким образом, призваны в настоящее время выявлять только грубые нарушения норм материального и процессуального права судами предыдущих инстанций.

Говоря о возможности реализации вышеуказанных полномочий судами апелляционной инстанции, то анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 года № 16 позволяет нам сделать вывод о том, что данные суды способны выносить частные определения, в том числе в связи с обнаружением нарушений в действиях или бездействиях судов первой инстанции, то есть в отношении поднадзорных судов [7]. Тожественные по смыслу положения, констатирующие правомочие судов рассматриваемой инстанции по вынесению частных определений, можно обнаружить также и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 52 [8].

Далее видится целесообразным выделить некоторые проблемные аспекты, связанные с реализацией института частных определений в Российской Федерации. В первую очередь хочется обратить внимание на проблему, связанную с неисполнением положений частных определений лицами, в отношении которых они вынесены. Существующее законодательство достаточно лояльно и мягко относится к фактам неисполнения частных определений.

Среди наиболее часто встречаемых нарушений в связи с вынесенным частным определением выделяют следующие:

- Во-первых, случаи нарушения сроков рассмотрения и исполнения предписаний частных определений;
- Во-вторых, отсутствие информирования о принятии к рассмотрению и принятии мер с связи с поступившим частным определением;
- В-третьих, это случаи существенной задержки информирования о предпринятых мерах в связи с поступившим частным определением;
- В-четвертых, само по себе необоснованное уклонение от предписаний частных определений в связи с несогласием или же злостное неосуществление таких предписаний.

Следует также упомянуть и о законодательном не однообразии в части мер ответственности за неисполнение предписаний частных определений. Так, в соответствии с ГПК РФ предусматривается ответственность как в рамках процессуальных процедур со ссылкой на главу 8 ГПК РФ, но также не исключается и ответственность административно-правового характера, предусмотренная Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), хотя в самом тексте 226 статьи ГПК РФ отсылочная норма отсутствует. В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее АПК РФ) используется собирательный термин бланкетной нормы ответственность, установленная законодательством Российской Федерации [9]. Причем в АПК РФ в статье 188.1, вопреки построению статьи 226 ГПК РФ, отсутствует ссылка к нормам о процессуальной ответственности, что вызывает определенные юридико-технические вопросы.

Согласно пункту 2 статьи 226 ГПК РФ, «несообщение суду о принятых мерах, предусмотренных частным определением, влечет за собой ответственность». Тем не менее, и даже наложение судом санкций в виде штрафов не освобождает правообязанных ответственных лиц от их процессуальных обязанностей по исполнению требований частного определения.

Ответственность за несообщение о принятых мерах по частному определению суда установлена как в гражданском, так и в административном процессуальном законодательстве.

В гражданском процессуальном законодательстве ответственность предусмотрена статьями 105-106 ГПК РФ. В соответствии с частью 1 статьи 105 ГПК РФ размер судебных штрафов, в том числе за неисполнение требований по частному определению суда, устанавливается предельно:

- 1) не более 5 тыс. рублей для граждан;
- 2) не более 30 тыс. рублей для должностных лиц;
- 3) не более 100 тыс. рублей для организаций.

В соответствии с частью 2 статьи 105 ГПК РФ для некоторых правовых субъектов, которые не были участниками по делу, в рамках которого было вынесено частное определение, штрафные санкции возлагаются на личные средства. Это означает, что данные субъекты не могут «делегировать» ответственность на других лиц в рамках заключенных соглашений или на основании закона, что исключает в дальнейшем ре-

грессное предъявление. К таким субъектам относятся должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления и организаций.

Однако, с учетом статей 105 и 226 ГПК РФ, должностные лица, не выполнившие требования по частному определению, могут быть привлечены судом к уплате штрафа в размере 30 тыс. рублей, что относится только к виновным должностным лицам. При этом любопытным и одновременно несправедливым видится тот факт, что обычные физические лица или юридические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, не могут нести ответственность за неисполнение требований частных определений [10].

В административном законодательстве обязанность неисполнения требований частного определения суда регулируется статьей 17.4 КоАП РФ, которая предусматривает весьма символические денежные санкции за неприятие должностным лицом указаний частного определения суда. Размер таких санкций составляет от 500 до 1000 рублей. Следует отметить, что эта ответственность распространяется только на должностных лиц, а не на физических или юридических лиц.

Системный анализ позволяет сделать вывод о том, существует несогласованность в законодательстве относительно установления мер ответственности за рассматриваемое правонарушение.

Во-первых, в законе содержится упоминание о наказании за неприятие мер по частному определению (статья 17.4 КоАП РФ), но формулировка правового предписания и санкции за неисполнения вряд ли могут обеспечить высокую мотивацию для недопущения правонарушения;

Во-вторых, штрафная санкция в размере от 500 до 1000 рублей за неисполнение предписаний частного определения может быть с очевидностью недостаточной для обеспечения его исполнения, так как она вряд ли может обеспечить надлежащую превенцию;

В-третьих, невыполнение должностным лицом частного определения не обязательно должно ограничиваться его оставлением без рассмотрения, поскольку игнорирование частного определения может проявляться в других формах, требующих более универсальной формулировки.

Привлечение к ответственности лиц, не исполнивших предписание частного определения, является правом суда, а не его обязанностью. Согласно части 2 статьи 226 ГПК РФ, лишь «виновные должностные лица могут быть привлечены к ответственности». Однако остается спорным, можно ли легитимно привлекать именно должностных лиц. В практике юридические лица иногда пытаются переложить вину на должностных лиц, несмотря на их возможное невыполнение своих обязанностей. Это может быть видно из некогда распространенной практики дописывания соответствующих положений в должностных инструкциях, которые предпринимаются задним числом с целью «переложить» ответственность на другое лицо.

В этой связи видится целесообразным придать императивность статье 226 ГПК РФ в части обязательно привлечения к ответственности всех виновных в неисполнении частного определения лиц. Причем целесообразным видится, на основе вышеизложенного анализа, расширить круг лиц, в отношении которых могут быть применены меры ответственности. В число таких лиц следует включить физических и юридических лиц, а также органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Выводы

Таким образом, на данный момент законодательство РФ не ясно определяет ответственность за нарушения требований частного определения. Особо остро неопределенность связана с вопросом о том, кто может быть признан виновным. Предложения о внесении изменений в статью 226 ГПК РФ, которая регулирует порядок вынесения судом частного определения, позволят более эффективно использовать этот институт и пресекать различные нарушения закона. Предлагаемые изменения в процессуальное законодательство благоприятным образом повлияют на правоприменительную практику. Включение в обязанность суда привлекать к ответственности тех, кто не предпринял мер по исполнению требований частного определения, кардинальным образом дисциплинирует участников гражданского судопроизводства и придаст больше авторитетности судебной власти. Также видится целесообразным внести в статью 226 ГПК РФ соответствующие изменения, заключающиеся в определении порядка обжалования вынесенных частных определений в апелляционном порядке. Данные законодательные преобразования будут в полной мере соответствовать и развивать положения статьи 46 Конституции Российской Федерации о том, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Более того, данные преобразования способствуют нивелированию вышеописанных ситуаций приписывания конкретных должностных обязанностей должностному лицу конкретной организации, так как должностное лицо будет наделено правом оспаривания частных определений.

Подводя черту под результатами исследования, стоит сказать, что институт частных определений продемонстрировал эффективность в реализации задач по обеспечению законности и верховенства права в Российской Федерации. Дальнейшее развитие данного института только благоприятным образом отразится на правоприменительной практике.

Список источников

1. Ахмадиева Г.Р. Адресаты частных определений суда в гражданском процессе // Пролог: журнал о праве. 2023. № 3 (39). С. 81 – 91.
2. Можиян С.А. Институт частного определения в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2022. № 1 (97). С. 5.
3. Дубень А.К. История института заочного производства в гражданском процессе: поиски частного и общего // Образование и право. 2020. № 11. С. 139 – 146.
4. Константинова А.А., Чушенко Д.Н. Апелляция в гражданском процессе: вопросы теории и практики по частной жалобе // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 540 – 542.
5. Селиванов А.С. Определение элементов процедуры проверки правоприменительных актов, на примере частного обжалования в гражданском процессе // Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов: Сборник статей материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород – Барнаул, 25-26 марта 2021 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2021. С. 374 – 377.
6. Замашкин А.С. Предупреждение судебных ошибок в гражданском судопроизводстве: проблемы применения частного определения // Научный Лидер. 2021. № 13 (15). С. 170 – 172.
7. Брюханова А.А. Соотношение норм частного и гражданского права в контексте соотношения частных и публично-правовых составляющих гражданского права // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2023. № 1 (47).
8. Куртуков Р.С. Институт частных определений в механизме обеспечения законности // Молодой ученый. 2022. № 14 (409). С. 179 – 181.
9. Зайков Д.Е. Частные определения в арбитражном процессе: некоторые вопросы правоприменения // Российский судья. 2024. № 1. С. 2 – 6.
10. Закарян С.А. Ошибки, допускаемые судами при вынесении частных определений и постановлений // Российский судья. 2022. № 6. С. 29 – 32.

References

1. Akhmadieva G.R. Addressees of private rulings of the court in the civil process. Prologue: a magazine about law. 2023. No. 3 (39). P. 81 – 91.
2. Mozhilyan S.A. Institute of private determination in the arbitration process. Arbitration disputes. 2022. No. 1 (97). P. 5.
3. Duben A.K. History of the institution of absentee proceedings in civil proceedings: searches for particular and general. Education and Law. 2020. No. 11. P. 139 – 146.
4. Konstantinova A.A., Chushenko D.N. Appeal in civil proceedings: questions of theory and practice on a private complaint. Young scientist. 2022. No. 21 (416). P. 540 – 542.
5. Selivanov A.S. Determining the elements of the procedure for verifying law enforcement acts, using the example of private appeal in civil proceedings. Third Congress of Civil Law Enforcement Agencies: Collection of articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Nizhny Novgorod – Barnaul, March 25-26, 2021. Moscow: Limited Liability Company "Rusines", 2021. P. 374 – 377.
6. Zamashkin A.S. Prevention of judicial errors in civil proceedings: problems of application of private definition. Scientific Leader. 2021. No. 13 (15). P. 170 – 172.
7. Bryukhanova A.A. The relationship between the norms of private and civil law in the context of the relationship between private and public law components of civil law. Bulletin of young scientists of the Samara State Economic University. 2023. No. 1 (47).
8. Kurtukov R.S. Institute of private definitions in the mechanism of ensuring the rule of law. Young scientist. 2022. No. 14 (409). P. 179 – 181.
9. Zaikov D.E. Particular determinations in the arbitration process: some issues of law enforcement. Russian Judge. 2024. No. 1. P. 2 – 6.
10. Zakaryan S.A. Mistakes made by courts when issuing private rulings and rulings. Russian Judge. 2022. No. 6. P. 29 – 32.

Информация об авторах

Воронов Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет,
KeШycTuk@yandex.ru

Чирков К.Н., Юго-Западный государственный университет

Ефимов И.Р., Юго-Западный государственный университет

© Воронов Е.Н., Чирков К.Н., Ефимов И.Р., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.77

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-92-96

Ключевые вопросы юридического режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием искусственного интеллекта

¹Скворцов М.А.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу основных теоретических и практических вопросов, связанных с правовыми последствиями создания творческих объектов (произведений) с использованием генеративных технологий искусственного интеллекта. Автор анализирует вопросы охраноспособности таких произведений, описывает и предлагает возможные способы решения таких дискуссионных вопросов, как вопроса распределения интеллектуальных прав на произведения, создаваемые искусственным интеллектом, а также вопроса о последствиях нарушения интеллектуальных прав путем заимствования алгоритмами искусственного интеллекта уже существующих охраняемых объектов интеллектуальной собственности. В заключение автор приходит к выводу о широкой научной перспективе обсуждаемой проблематики.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, творчество искусственного интеллекта, генеративные технологии, машинное создание произведений, цифровизация, нейросеть, создание произведений нейросетью

Для цитирования: Скворцов М.А. Ключевые вопросы юридического режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием искусственного интеллекта // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 92 – 96. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-92-96

Поступила в редакцию: 9 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Key issues of the legal regime of the results of intellectual property created using artificial intelligence

¹Skvortsov M.A.,

²Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the main theoretical and practical issues related to the legal consequences of creating creative objects (productions) using generative artificial intelligence technologies. The author analyzes the issues of the protection of such works, describes and suggests possible ways to solve such controversial issues as the issue of the distribution of intellectual rights to works created by artificial intelligence, as well as the issue of the consequences of violation of intellectual rights by borrowing artificial intelligence algorithms of already existing protected intellectual property objects. In conclusion, the author comes to the conclusion about the broad scientific perspective of the discussed issues.

Keywords: intellectual property, artificial intelligence, creativity of artificial intelligence, generative technologies, machine creation of works, digitalization, neural network, creation of works by neural network

For citation: Skvortsov M.A. Key issues of the legal regime of the results of intellectual property created using artificial intelligence. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 92 – 96. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-92-96

The article was submitted: March 9, 2024; Approved after reviewing: May 5, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – проанализировать ключевые вопросы правового режима результатов интеллектуальной деятельности, создаваемых с использованием искусственного интеллекта

Задачи – проанализировать законодательство, научную литературу и материалы судебной практики в целях выявления, анализа и демонстрации актуальности основных проблемных вопросов, возникающих при создании результатов интеллектуальной деятельности с помощью искусственного интеллекта

Гипотеза – создание результатов интеллектуальной деятельности с использованием генеративных технологий искусственного интеллекта приводит к осложнению правоотношений по поводу правовой охраны таких результатов. Прежде всего, является дискуссионным сам вопрос о возможности признания наличия правовой охраны таких произведений, что обусловлено неопределенностью наличия либо отсутствия творческого компонента при создании таких продуктов. Также являются дискуссионными и не решенными на уровне законодательства или судебной практике вопросы о том, кто является правообладателем в отношении созданных с помощью искусственного интеллекта объектов интеллектуальной собственности, а также о том, каковы последствия неправомерного использования иных объектов интеллектуальной собственности при их заимствовании искусственным интеллектом.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: сравнительный анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ материалов судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Бурное развитие цифровизации сопровождается увеличением возможностей практического применения искусственного интеллекта (далее также – «ИИ»), в том числе генеративных систем ИИ, функционал которых позволяет создавать текст, изображения или иные медиаданные на основании предоставленных пользователем вводных данных или без таковых [1]. Особенно показательными являются такие примеры подобных систем, как обучаемые генеративные чат-боты (например, популярный ChatGPT) либо нейросетевые программы генерации изображений на основании текстовых запросов пользователей (в частности, Midjourney).

Общепризнанно, что функционал данных программных продуктов позволяет без полного либо при незначительном участии человека создавать фактически оригинальное и ранее никем не повторенное произведение, например, в виде уникального текста или картины. В то же время вопрос наличия у такого объекта реального юридического режима произведения, то есть возможности признаваться в качестве охраняемого произведения с точки зрения права интеллектуальной собственности, а также иные сопутствующие вопросы (в частности, вопросы принадлежности интеллектуальных прав, вопросы неправомерного использования иных произведений), являются предметом дискуссий [2].

Прежде всего, анализируя исходный и базовый вопрос о правовом режиме продуктов деятельности искусственного интеллекта, необходимо обратиться к классическому для частного права определению признаков произведения. Так, по мнению Н.В. Щербак, конститутивными признаками произведения (на примере произведения литературы) являются признаки творческого характера деятельности по созданию произведения и объективный характер его выражения [3]. Некоторыми иными авторами также в качестве необходимого выделяется признак новизны или оригинальности произведения, что, однако, остается предметом дискуссий ввиду наличия противоположного подхода о том, что такая оригинальность в любом случае вытекает из самого творческого характера деятельности автора [4].

Представляется, что создаваемые с помощью ИИ продукты обладают признаками оригинальности и объективного выражения, однако признак наличия либо отсутствия творческого компонента в создании такого продукта является довольно дискуссионным. Так, ряд авторов отстаивает тезис о неохраноспособности созданных ИИ творческих объектов, ссылаясь на то, что творческая деятельность свойственна только человеку, а ИИ может лишь помогать человеку в его творческой деятельности, но не заменять его [5].

В то же время представляется, что вопрос о том, в какой степени машина задействована в создании искусственного интеллекта и какой является «соотношение усилий» самой программы и её пользователя при

создании объекта творчества, является оценочным и должен решаться в каждом конкретном случае, не смотря на труднодоказуемость.

На первый взгляд, кажется верным, что текст или изображение, созданное программой без какого-либо реального участия человека, вклад которого может быть буквально ограничен нажатием одной кнопки (некоторые ИИ-сервисы предлагают такую функцию, как генерирование случайного текста или изображения), навряд ли можно признать охраноспособным объектом, коль скоро текущая правовая парадигма не признает правоспособности на стороне самого искусственного интеллекта [6]. Совершенно другая ситуация имеет место в случаях, когда пользователь ИИ существенным образом влияет на итоговый продукт, внося большое количество собственных исходных данных, преобразовывая полученные результаты и т.п.

С другой стороны, представляется возможным также сделать вывод о том, что признание текста или изображения неохраноспособным только лишь по причине довлеющего участия ИИ в его создании, может быть несправедливым с позиции возможного признания интеллектуальных прав на такое произведение создателя ИИ, то есть автора кода программы ЭВМ, на основе которой функционирует та или иная генеративная система ИИ. Такого подхода придерживается ряд правовых порядков, например, Великобритания [7].

Таким образом, дискуссионный вопрос о распространении на созданные с помощью ИИ продукты режима охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности прямо корреспондирует следующему по своей знамости вопросу о том, за кем должны признаваться интеллектуальные права на такие объекты – за создателем алгоритма ИИ или же его пользователем.

По нашему мнению, вопрос справедливого распределения прав на создаваемый с использованием ИИ объект должен определяться критерием оценки объема творческого вклада лиц, претендующих на присвоение в свою пользу интеллектуальных прав на соответствующий объект (оценка сложности и уникальности кода, на основании которого функционирует ИИ, а также оценка усилий пользователя ИИ по созданию продукта), а также критерием оригинальности исходных пользовательских данных, на основе которых искусственным интеллектом был сгенерирован итоговый продукт (например, пользователь ИИ в качестве вводных данных или команд может предоставить оригинальный, созданный самим пользователем, текст либо копировать и вставить уже существующий текст, например, общедоступного стихотворения).

В то же время, несмотря на видимость разумности предлагаемых критериев, следует вновь признать их труднодоказуемость на практике: навряд ли можно представить судебный процесс, в рамках которого пользователю ИИ удастся доказать объем приложенных им усилий для создания произведения с помощью ИИ, разве что за исключением тех случаев, когда пользователь будет фиксировать ход своей деятельности (например, путем записи экрана компьютера). По этим соображениям нельзя исключить целесообразность в отдельных сложных ситуациях признавать факт соавторства создателя ИИ и его пользователя, против чего навряд ли можно найти явные политико-правовые возражения.

Кроме того, также следует учитывать, что на практике может быть затруднительным доказывание не только факта вложения пользователем ИИ значительных усилий в создание изображения при использовании ИИ, но и в принципе факта того, что изображение было создано именно с использованием ИИ, а не человеком самостоятельно. Так, в рамках рассмотренного Тринадцатым арбитражным судом дела N А42-3966/2023 суды удовлетворили иск о взыскании с ответчика компенсации за неправомерное использование графического произведения, правообладателем которого являлся истец, при этом доводы ответчика о том, что спорное изображение не подлежит правовой охране в связи с его созданием нейросетью, суды отклонили, сославшись на недоказанность данного обстоятельства [8].

Отдельно следует также обратить внимание на то, что при разрешении вопроса о принадлежности интеллектуальных прав, трудности могут возникнуть не столько с определением принадлежности авторского права, которое является неотчуждаемым личным неимущественным правом непосредственного создателя произведения, сколько с определением обладателя исключительного права на произведение, которое по своей правовой природе является имущественным и отчуждаемым [9].

При этом значительную роль в данном вопросе может иметь договорное регулирование отношений между пользователем ИИ и владельцем соответствующего сервиса ИИ. В частности, речь идет о том, что владелец ИИ в соответствующем сервисе (сайте), предоставляющем доступ к интерфейсу программы ИИ, может разместить публичную оферту, содержащую условия использования ИИ, с которыми Пользователь соглашается путем совершения действий по фактическому использованию сервиса (акцепт конклюдентными действиями – п. 3 ст. 438 ГК РФ [10]). В данных условиях может быть прямо предусмотрено положение о том, что исключительные права на любое создаваемое пользователем произведение с помощью сервиса принадлежат владельцу ИИ (создателю кода ИИ), в связи с чем на практике риск возникновения спорных ситуаций в данной аспекте может быть исчерпан.

Не менее актуальным и дискуссионным также является вопрос о правовых последствиях создания с помощью ИИ произведения, если в результате такого создания может иметь место несанкционированное использование иных, уже существующих и охраняемых произведений. Например, создавая по запросу пользователя текстовое произведение, ИИ может полностью заимствовать либо незначительно переработать фрагменты уже существующих литературных произведений. Аналогичная ситуация возможна и с графическими изображениями.

Представляется, что в подобных ситуациях навряд ли допустимо вести речь об ответственности разработчика кода ИИ, что возможно объяснить отсутствием полной предсказуемости поведения ИИ и его конечного продукта, а также технической невозможностью установления для ИИ ограничений на заимствование уже существующего охраняемого контента, являющегося общедоступным.

В то же время представляется, что в некоторых ситуациях постановка вопроса о привлечении к ответственности пользователя ИИ за несанкционированное использование иных результатов интеллектуальной деятельности является обоснованной, например, когда пользователь в составе исходных данных предоставил уже существующее произведение, заимствованное без разрешения правообладателя.

В то же время, следует отметить, что с практической точки зрения такого рода правонарушение, даже при его наличии, может не иметь никаких реальных негативных для пользователя ИИ последствий, если последний не будет в дальнейшем каким-либо образом использовать сгенерированный ИИ продукт (например, публикуя или иным образом распространяя его), поскольку в таком случае правообладатель произведения, «заимствованного» ИИ, навряд ли узнает о факте такого «заимствования», а также не будет претерпевать каких-либо негативных последствий.

Представляется, что общий анализ вышеобозначенных проблемных вопросов, вытекающих из использования искусственного интеллекта при создании произведений, демонстрирует широкие научные перспективы данного направления ввиду новизны проблематики, связанной с цифровизацией, осложняющей правоотношения в сфере интеллектуальной собственности. Обозначенные в настоящей работе вопросы являются лишь основными аспектами правового режима творческих объектов, генерируемых при помощи ИИ, при этом предлагаемые в работе ответы на данные вопросы, не претендуя на свою абсолютную истинность и исчерпываемость, могут играть роль ориентиров и дискуссионной базы для последующих исследований.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Продемонстрирована дискуссионность вопроса о наличии охраноспособности у создаваемых при помощи искусственного интеллекта произведений ввиду неопределенности наличия либо отсутствия признака творческого компонента при создании таких произведений. Одновременно в качестве возможного решения данного вопроса предложено руководствоваться критерием объема творческих усилий (творческого вклада) пользователя искусственного интеллекта, а также критерием оригинальности исходных данных, предоставленных пользователем искусственного интеллекта при создании произведения.

Обосновано наличие неопределенности при разрешении вопроса о распределении интеллектуальных прав на создаваемое с помощью искусственного интеллекта произведение, поскольку потенциальным правообладателем может быть признан как пользователь искусственного интеллекта, так и создатель кода, на основе которого искусственный интеллект функционирует. В данной части также выдвинуто предложение руководствоваться критерием оценки вклада каждого из претендентов на обладание правами, а также сделаны выводы о возможности частичного разрешения спорных ситуаций договорными механизмами.

Продемонстрирована актуальность вопроса о правовых последствиях нарушения интеллектуальных прав при использовании иных, уже существующих объектов интеллектуальной собственности в ходе создания произведения при помощи искусственного интеллекта. Выдвинуто предположение о том, что в определенных случаях возможно привлечение к гражданско-правовой ответственности пользователя искусственного интеллекта.

Список источников

1. Шпак А.А. Современные угрозы информационной безопасности // Современное право. 2024. № 1. С. 106 – 108.
2. Воробьев Н.С. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международного правового и национального регулирования // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 137 – 146.
3. Щербак Н.В. Digital art в условиях электронной коммерции // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 43 – 61.

4. Дружинина Ю.Ф. Произведения науки гражданского права как объект авторского права // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 313. С. 112 – 114.
5. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 11. С. 64.
6. Афанасьев С.Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12 – 16.
7. Таран К.К. Предпосылки правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта // Право и экономика. 2023. № 1. С. 20 – 26.
8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2024 N 13АП-37912/2023 по делу N А42-3966/2023 // СПС «Консультант Плюс».
9. Липкес А.М. Личные неимущественные права авторов. Актуальные вопросы и судебная практика // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 5. С. 41 – 45.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.

References

1. Shpak A.A. Modern threats to information security. Modern law. 2024. No. 1. P. 106 – 108.
2. Vorobyov N.S. Intellectual property in the digital era: problems of international legal and national regulation. Journal of Russian Law. 2022. No. 7. P. 137 – 146.
3. Shcherbak N.V. Digital art in the conditions of e-commerce. IS. Copyright and related rights. 2022. No. 7. P. 43 – 61.
4. Druzhinina Yu.F. Works of civil law science as an object of copyright. Vestn. Volume. state un-ta. 2008. No. 313. P. 112 – 114.
5. Orlova T.E. Copyright to the results of artificial intelligence. IS. Copyright and related rights. 2022. No. 11. P. 64.
6. Afanasyev S.F. On the problem of material and procedural legal personality of artificial intelligence. Bulletin of civil process. 2022. No. 3. P. 12 – 16.
7. Taran K.K. Prerequisites for legal regulation of the results of intellectual activity created using artificial intelligence. Law and Economics. 2023. No. 1. P. 20 – 26.
8. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 02/06/2024 N 13AP-37912/2023 in case N A42-3966/2023. ATP “Consultant Plus”.
9. Lipkes A.M. Personal non-property rights of authors. Current issues and judicial practice. IS. Copyright and related rights. 2022. No. 5. P. 41 – 45.
10. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 238-239. 08.12.1994.

Информация об авторе

Скворцов М.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, skvortsov_jurist@mail.ru

© Скворцов М.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 346.26

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-97-104

Система российского законодательства о стартапах

¹Быкова С.П.,
¹Юго-Западный государственный университет

Аннотация: в настоящей статье рассматриваются законодательное регулирование предпринимательской деятельности в виде стартапов: соотношение с современными реалиями развития и распространения в Российской Федерации. Проанализированы основные определения этого явления, выявлены проблемы, связанные с отсутствием унифицированного законодательного определения понятия «стартап». До настоящего времени не сформировалось единого понимания, что же такое стартап – субъект или вид / тип предпринимательской деятельности. Это приводит к неоднозначным трактовкам, так как нет четких критериев, субъекты не определены, и отсутствуют единые меры поддержки для всех участников

Кроме того, нет определенности какую именно деятельность следует относить к стартапам как к таковым, должна ли она содержать в себе элемент инновационности и относиться только к высокотехнологичным сферам. Такая разрозненность значительно снижает распространение стартапов в нашей стране, следовательно не дает ожидаемого эффекта от государственной политики по цифровизации экономики и поддержке высокотехнологичного предпринимательства. Целью написания данной статьи было как раз упорядочивания понятий стартапа, приведенных в отечественном законодательстве.

Ключевые слова: стартап, инновации, малое предпринимательство, государственная поддержка

Для цитирования: Быкова С.П. Система российского законодательства о стартапах // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 97 – 104. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-97-104

Поступила в редакцию: 9 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Russian startup legislation system

¹Bykova S.P.,
¹Southwestern State University

Abstract: this article considers the legal basis of entrepreneurial activity in the form of startups and their relationship with the modern realities of development and distribution in the Russian Federation. The main definitions of this phenomenon were analyzed; problems related to the lack of legislative consolidation of the startup concept were identified, in this regard, to the ambiguity of approaches to it. There is still no single understanding of what a startup is – a legal entity or kind/type of entrepreneurial activity (way of doing business) although this type of activity is already widely applicable in the business environment. Over the past decade, topics related to startups have increasingly been discussed in the media. A large number of government programs that provide financial support to small and medium-sized enterprises associated directly with their creation and implementation have appeared. However, no legislation gives an exhaustive answer what should be understood as a startup. This leads to many interpretations since there are no uniform criteria, the subject composition is not defined, and there are no uniform support measures for all participants.

In addition, it is not certain which activity should be attributed to startups as such, whether it should contain an element of innovation and relate only to high-tech areas. All this significantly reduces the homogeneous distribution of startups in our country. Therefore, it does not give the expected effect of a state-owned company on the transition to a non-resource model of the economy. The purpose of writing this article was just to streamline the concepts of startup given in domestic legislation.

Keywords: *startup, innovation, small innovative entrepreneurship, state support*

For citation: Bykova S.P. Russian startup legislation system. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 97 – 104. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-97-104

The article was submitted: March 9, 2024; Approved after reviewing: May 5, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Важность такого феномена, как стартап для развития экономики нельзя переоценить. Изучив статистику [3] в отношении стартапов в России представленный Агентством инноваций Москвы за 9 месяцев 2023, следует отметить, что количество венчурных сделок \$41,6 млн, объем инвестиций в III квартале рынок оживился: впервые в 2023 году количество сделок выросло, несмотря на санкционную политику. Треть стартапов, привлечших инвестиции в 2023 году, были созданы за последние 1,5 года, зарубежные инвесторы постепенно замещаются отечественными. Стартапы прочно закрепились в нашей повседневной жизни, например, фудтех, разработка видеоигр, 3D-строительство и др.

Складывается парадоксальная ситуация, при которой деятельность по созданию стартапов активно развивается, институт получает поддержку от государства, но единообразного законодательства о стартапах не создано. Не сформирована в отношении стартапов и цивилистическая доктрина. Правовая категория «стартап» находится в самом начале обобщения предметов, свойств и явлений. Теоретическое обоснование данной категории будет способствовать в значительной степени получению новых научных знаний.

Исследование новых правовых явлений, имеющих на первый взгляд неясную правовую природу, неразрывно связано с попыткой обобщения имеющегося нормативного материала. Очевидная важность исследования российского законодательства о стартапах, детерминирует необходимость «сведения воедино» как отправной точки начала построения современной внутренней и противоречивой частноправовой теории о стартапах.

С помощью анализа опубликованной литературы по исследовательской проблематике можно выделить следующие определения стартапов:

Э. Рис американский исследователь и предприниматель пишет, что стартап – это предприятие действующее в условиях неопределенности [24], Е.Н. Бейгул наделяет стартап признаками временной структуры, отнесению к малым организациям, а также наличием неопределенности при ведении бизнеса [1].

О.В. Белая и Ю.А. Кицай определяют две парадигмы: стартап (которые ассоциируют с юридическим лицом) и стартап-проект как совокупность действий. [2]

Данные определения, приведенные в отечественной и зарубежной правовой и экономической доктрине неразрывно связаны с действующим правовым регулированием данной сфере, которому анализу которого посвящена данная статья. В основу систематизации действующих норм о стартапах следует положить контекстный признак: каждая группа нормативно правовых актов объединена по принципу того, в каком контексте упоминается в них стартап:

- определение стартапа
- привлечение инвестиций
- государственная поддержка стартапов

Материалы и методы исследований

Цель проведенного исследования изучить и выявить основополагающие проблемы теории и практики осуществления предпринимательской деятельности в виде стартапа, через подробный анализ федерального и регионального законодательства регулирующих общественные отношения, связанные со стартапами для определения правового статуса стартапа в действующем законодательстве.

Задачи поставлены в зависимости от обозначенной выше цели и сформулированы следующим образом

- определить в существующих понятиях стартапа сходства и различия;
- обозначить систему правовых средств государственной поддержки в области стартапов;
- предложить подходящее определения для понятия стартапа

Методологическая основа: в данной статье были применены общие приемы формальной логики и связанные с ними частно научные методы: исторический, системно-структурный, социологический, технико-юридический, лингвистический, сравнительного правоведения общенаучный метод познания. Многие проблемы рассматривались как междисциплинарные на стыке экономики и юриспруденции, что обусловлено задачами комплексного анализа понятия стартапа.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного исследования понятие стартапа в законодательстве было рассмотрено к трех направлениях (через определение стартапа, через привлечение инвестиций, через государственную поддержку), в контексте того, как оно употребляется в том или ином нормативно-правовом акте:

1. Определение стартапа выступает в качестве основы всего специального законодательства. Например, в статье 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» [28] содержится определение понятия инновационного проекта. По смыслу данный институт сходен со стартапом (высокий уровень риска и инновационная составляющая), но главным отличием является то, что стартап это вид предпринимательской деятельности, а не комплекс разовых мероприятий.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в соответствии со статьей 105 дает возможность высшим учебным заведениям коммерциализировать результаты научных открытий путем создания хозяйственных обществ для реализации результатов интеллектуальной деятельности [25]. Такие хозяйственные общества, являются аналогией стартапа. Главное отличие состоит в особом порядке учреждения и обязательном уведомлении контролирующего государственного органа. В соответствии с Постановлением Правительства от 4 марта 2011 г. № 146 ведется реестр таких предприятий [17].

Постановление Правительства РФ от 2 ноября 2023 г. № 1847 «Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии» [14] где раскрывается понятие стартапа по критериям выручки.

Утверждена Концепция технологического развития на период до 2030 года [6]. Согласно, которой: стартап – это недавно созданное предприятие, которое стремится разработать и произвести продукты или услуги на основе инновационной идеи, часто используя новые технологии.

На основании официальной программы Министерства науки и высшего образования «Стартап как диплом» [7] ряд государственных университетов закрепили в своих локальных нормативах актов определение стартапа. Положение ЮЗГУ «Выпускная квалификационная работа в виде бизнес-проекта (стартапа)» [11] и «Регламент сопровождения бизнес-проектов «стартапов» в университете ИТМО» [23] обозначают термин стартап как бизнес-проект, к признакам которого можно отнести масштабируемость, действие в условиях неопределенности [11, 23].

В правилах взаимодействия банков АО «Корпорация МСП» определены стартапы как субъекты малого и среднего предпринимательства, зарегистрированные не более 5 лет назад или не имеющие опыта производства или поставки услуг в значительных объемах. Помимо этого, в правилах приведены дополнительные характеристики для определения стартапов [19]. Департамент науки, промышленной политики и предпринимательства города Москвы в Концепции создания и развития бизнес-инкубаторов в г. Москве дает определение стартапу все также относя его к субъекту малого и среднего предпринимательства [21].

Инновационный центр «Сколково» определяет стартап через статус участника проекта [10].

1. Привлечение инвестиций в контексте систематизации законодательства о стартапах является мейнстримом в развитии данного вида деятельности.

В распоряжении Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» [8] подчеркивается важность расширения масштабов высокотехнологичных предприятий с помощью инвестиций включая венчурное финансирование, инвестиции бизнес-ангелов и гибридное финансирование. Как подчеркивают в своем исследовании А.В. Захаркина и О.А. Кузнецова, что в указанной Стратегии сделан акцент на реализацию мер, направленных на поддержку инвестиционных инструментов, в чем заинтересованы в первую очередь субъекты стартапов [4].

Относительно недавно стартапы получили возможность использовать новый для российского права инструмент – конвертируемый займ доступный только для хозяйственных обществ, который облегчает и обеспечивает справедливые условия для инвестиционных сделок, а также поддерживает баланс интересов между сторонами такого финансового обязательства. 13.07.2021 г. вступил в силу Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 354-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [27], который закрепляет позицию о данном инструменте инвестирования, что является большим ша-

гом в сторону построения «новой» экономики. Р.М. Янковский считает, что конвертируемый заем это инструмент венчурного инвестирования, который помогает защитить как интересы инвестора, так и интересы стартапа [29].

2. Государственная поддержка

Среди нормативно-правовых актов, в которых упоминаются стартапы в контексте государственной поддержки данного вида деятельности, можно выделить следующие:

- Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [18];
- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» [15];
- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации [15];
- Приказ Минэкономразвития России от 09.09.2020 № 586 «Об утверждении Основных положений развития национальной гарантийной системы поддержки малого и среднего предпринимательства на период до 2024 года» [20];
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 [12];
- Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 [13];
- Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» [9];
- Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» [22];

К сожалению, терминологически нет понимания того, кому будет оказана поддержка, в данных нормативных актах, содержится лишь упоминание стартапов или сходных с ними проектов.

Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ [26]. Не содержит прямого упоминание стартапа, однако вводит понятие экспериментально правового режима (ЭПР) для IT-компаний в приоритетных направлениях развития экономики. Целью принятия данного закона явилось то, что в рамках ЭПР Правительство имеет возможность представления ограниченному числу субъектов предпринимательской деятельности конкретной территории и на заранее установленное время соблюдать законодательство с рядом особенностей [5]. Речь идет, в частности, о развитии искусственного интеллекта, о разработке и тестировании беспилотных автомобилей и пр. В данном случае мы видим не финансовую меру поддержки, а именно устранение ограничений, препятствующих распространению инноваций, созданием которых как раз занимаются стартапы, что свидетельствует о большой заинтересованности государства в данной деятельности.

В 2022 Постановлением Правительства РФ от 8 июля 2022 г. № 1225 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета Фонду инфраструктурных и образовательных программ в целях создания и поддержки инструментов университетского венчурного строительства (университетские «стартап-студии»), а также на финансовое обеспечение затрат, связанных с выполнением возложенных на него функций по организации мероприятий по популяризации федерального проекта» [14] закрепляет определения «университетская «стартап-студия», «университетский стартап», которая определяется как хозяйственное общество.

Все приведенные выше определения и схожие правовые конструкции, закреплённые в нормативных актах, указывают на большую проблему, дихотомия понимания стартапа – отсутствие четкого понимания, что такое стартап вид деятельности или юридическое лицо или участник проекта.

На основании проведенного исследования можно выделить наиболее дискуссионные вопросы развития законодательства в области стартапов, а именно, понимание сущности понятия стартапа: что это юридическое лицо или вид предпринимательской деятельности.

Плюрализм мнений существует по поводу того, стартап это вид предпринимательской деятельности или это юридическое лицо. Как можно заметить в вышеприведённых определениях О.В. Белой и Ю.А. Кицай под стартапом в первом варианте понимается юридическое лицо, как субъект права [2], во втором случае – стартап-проект [2], а Корпорация МСП понятие стартапа излагает с позиции того, что стартап – субъект МСП, с даты регистрации которого прошло не более 5 лет, [19] обращаясь определениям, предложенному в своих положениях ЮЗГУ и ИТМО, стартапом называют бизнес-проект с короткой историей операционной деятельности [11, 23].

Представляется, что нельзя согласиться практически ними с одним из приведенных определений в данном разделе и в статье в целом, поскольку стартап это именно вид предпринимательской деятельности, ко-

торый отличает эту деятельность от других. В противном случае, приравнивая понятие стартапа к юридическому лицу, мы получим множество уточнений, и ограничений. Кроме того, определения, где стартапом называют субъект МСП достаточно спорное, так как для стартапа необходимо привлечение инвестиций, но поскольку к таким субъектам МСП относятся и индивидуальные предприниматели, то привлечение инвестиций, за исключением государственной поддержки для них является весьма проблематичным, что можно увидеть на примере конструкции конвертируемого займа, о которой говорилось выше.

Подытожив вышеизложенное, следует предположить, что *стартап* – вид предпринимательской деятельности, содержащей в своей основе высокорисковую инновационную бизнес-модель, субъектами которой являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, относящиеся к субъектам малого предпринимательства. Целями стартапа являются получение прибыли за счет реализации охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности и привлечение сторонних инвестиций.

Выводы

Достижение статуса Российской Федерации мирового лидера в цифровой экономике и инновационном развитии, создание конкурентоспособной продукции, услуг и рабочих мест, а также стимулирование спроса на инновации – это главная национальная цель. Широкое распространение стартапов в качестве важного элемента цифровизации экономики требует серьезного вмешательства законодателя для корректировки нормативно-правовой базы, регулирующей отношения в сфере стартапов. Целью данного исследования явилось упорядочивание правового регулирования в сфере стартапов посредством выстраивания четкой структуры нормативно правовых актов, регулирующих данное явление. Как можно увидеть из приведенных выше нормативно правовых актов, различные структуры и ведомства понимают под стартапом совершенно разные понятия, следовательно один и тот же субъект предпринимательской деятельности в одном случае является стартапом, а в другом нет, что приводит к неоднородному доступу предпринимателей к государственной поддержке. Решением данной проблемы станет закрепление понятия «стартап» на федеральном уровне в Постановлении Правительства Российской Федерации с определением критериев, позволяющих отграничить данный вид предпринимательской деятельности от иной. Эта мера позволит стабилизировать отношения в области стартапов, придать им четкую правовую форму, придав импульс к развитию инновационной сферы, дав равный доступ к поддержке субъектам стартапов.

Список источников

1. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»
2. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ст. 5017.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 02 июля 2021 г. № 354-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
4. О науке и государственной научно-технической политике: Федер. закон от 23 авг. 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 35. ст. 4137
5. Об отнесении технологических компаний к малым технологическим компаниям и о прекращении статуса малых технологических компаний, формировании и ведении реестра малых технологических компаний и об информационном взаимодействии: Постановление Правительства РФ от 2 нояб.2023г. № 1847 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 09.11.2023, ст. 0001202311090031;
6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: Постановление Правительства РФ от 15 апр. 2014 № 313 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 24.04.2014, ст. 0001201404240017
7. Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета Фонду развития интернет-инициатив на осуществление акселерации проектов по разработке российских решений в сфере информационных технологий: Постановление Правительства РФ от 24 дек. 2020 № 2254 // СПС «КонсультантПлюс»
8. О ведении реестра учета уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, созданных бюджетными научными и автономными научными учреждениями либо образовательными организациями высшего образования, являющимися бюджетными или автономными учреждениями: Постановление Правительства от 4 марта 2011 № 146 //Собрание законодательства Российской Федерации, № 10, 07.03.2011, ст. 1416.

9. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 07.03.2019, ст. 0001201903070015

10. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с "Концепцией технологического развития на период до 2030 года"): Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-п // СПС «КонсультантПлюс»

11. Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-п // СПС «КонсультантПлюс»

12. «Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике» (одобрен Правительством РФ 23.09.2020, протокол № 36, раздел VII) (№ П13-60855 от 02.10.2020) // СПС «КонсультантПлюс»

13. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 12 дек. 2012 // СПС «КонсультантПлюс»

14. Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 // СПС «КонсультантПлюс»

15. Об утверждении Основных положений развития национальной гарантийной системы поддержки малого и среднего предпринимательства на период до 2024 года: Приказ Минэкономразвития России от 9 сент. 2020 г. № 586 // СПС «КонсультантПлюс»

16. Приложение к Концепции создания и развития бизнес-инкубаторов в г. Москве. Департамент науки, промышленной политики и предпринимательства города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/depr/documents/view/212083220/> (дата обращения: 20.09.2023)

17. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс»

18. Положение о присвоении и утрате статуса участника проекта создания и обеспечения функционирования инновационного центра «Сколково». Редакция утверждена Советом Фонда «Сколково» 27 сентября 2013 года; согласована Попечительским Советом Фонда «Сколково» 11 декабря 2013 года. URL: <https://old.sk.ru/News/m/wiki/13224.aspx> (дата обращения: 20.09.2023)

19. Положение выпускная квалификационная работа в формате «Стартап как диплом» от 20.12.2022. П 02.184-2022 (2-е изд.). Юго-западный государственный университет. URL: https://swsu.ru/omk/№ormative_documents_cm/П2002.184-2022_2.0_ВыпускнаяквалификационнаяработавформатеСтартапкакдиплом.pdf

20. Регламент «Сопровождения и защиты ВКР в форме бизнес-проектов (бизнес-тезисов) в университете ИТМО». URL: <https://edu.itmo.ru/files/348> (дата обращения: 20.02.2024)

21. Правила взаимодействия банков и организаций с акционерным обществом «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства» при их отборе и предоставлении независимых гарантий утверждены решением Правления АО «Корпорация «МСП» от 27 февр. 2024 (протокол № 2802/24) с изменениями, утвержденными Правлением АО «Корпорация «МСП». URL: <https://corpmsp.ru/bankam/trebovania/> (дата обращения 12.09.2023)

22. Бейгул Е.Н. Маркетинговое высокотехнологичных стартапов: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Бейгул Екатерина Николаевна. М., 2013. С. 190.

23. Белая О.В., Кицай Ю.А. Гражданско-правовые способы защиты инноваций в стартапах как в бизнес-проектах // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2020. С. 146.

24. Захаркина А.В., Кузнецова О.А. Развитие инструментов прямого финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства: правовой аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 651 – 671.

25. Рис Э. Бизнес с нуля. Метод LeanStartup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели / Книга. М.: Альпина Паблишер, 2020. С. 37.

26. Янковский Р.М. Конвертируемый заем: договорная модель и проблемы регулирования // Закон. 2017. № 11. С. 184 – 192.

27. URL: https://portal.inno.msk.ru/uploads/agency-sites/analytics/research/Venture+Funding_Russia_3Q+2023.pdf (дата обращения: 18.01.2024)
28. URL: <https://kontur.ru> (дата обращения: 07.01.2024)
29. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25900 (дата обращения: 20.09.2023)

References

1. On education in the Russian Federation: Feder. law of December 29 2012 No. 273-FZ. SPS “ConsultantPlus”
2. On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation: Feder. law of July 31, 2020 No. 258-FZ. Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31, art. 5017.
3. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Feder. Law of July 2, 2021 No. 354-FZ. SPS ConsultantPlus
4. On science and state scientific and technical policy: Feder. law of August 23 1996 No. 127-FZ. Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 35. art. 4137
5. On the classification of technology companies as small technology companies and on the termination of the status of small technology companies, the formation and maintenance of a register of small technology companies and on information interaction: Decree of the Government of the Russian Federation dated November 2, 2023. No. 1847. Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) dated 09.11.2023, art. 0001202311090031;
6. On approval of the state program of the Russian Federation “Information Society”: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 15. 2014 No. 313. Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) dated April 24, 2014, art. 0001201404240017
7. On approval of the Rules for providing subsidies from the federal budget to the Internet Initiatives Development Fund for the implementation of acceleration of projects for the development of Russian solutions in the field of information technology: Decree of the Government of the Russian Federation dated December 24. 2020 No. 2254. SPS “ConsultantPlus”
8. On maintaining a register of notifications of the creation of business entities and business partnerships created by budgetary scientific and autonomous scientific institutions or educational organizations of higher education that are budgetary or autonomous institutions: Government Decree of March 4, 2011 No. 146. Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 10, 03/07/2011, art. 1416.
9. On the management system for the implementation of the national program “Digital Economy of the Russian Federation”: Decree of the Government of the Russian Federation dated March 2, 2019 No. 234. Official Internet portal of legal information (www.pravo.gov.ru) dated 03/07/2019, Art. 0001201903070015
10. On approval of the Concept of technological development for the period until 2030 (together with the “Concept of technological development for the period until 2030”): Order of the Government of the Russian Federation of May 20, 2023 No. 1315-r. SPS “ConsultantPlus”
11. On approval of the Strategy for the Development of Small and Medium Enterprises in the Russian Federation for the period until 2030: Order of the Government of the Russian Federation of June 2, 2016 No. 1083-r. SPS “ConsultantPlus”
12. “National action plan to ensure the restoration of employment and income of the population, economic growth and long-term structural changes in the economy” (approved by the Government of the Russian Federation on September 23, 2020, protocol No. 36, section VII) (No. P13-60855 dated 10/02/2020). SPS “ConsultantPlus”
13. Address of President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation dated December 12. 2012. SPS “ConsultantPlus”
14. Address of President Vladimir Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation dated March 1, 2018. SPS “ConsultantPlus”
15. On approval of the Basic Provisions for the development of the national guarantee system for supporting small and medium-sized businesses for the period until 2024: Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated September 9, 2020 No. 586. SPS “ConsultantPlus”
16. Appendix to the Concept for the creation and development of business incubators in Moscow. Department of Science, Industrial Policy and Entrepreneurship of the City of Moscow [Electronic resource]. URL: <https://www.mos.ru/depr/documents/view/212083220/> (access date: 09.20.2023)
17. Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period until 2030. SPS “ConsultantPlus”

18. Regulations on the assignment and loss of the status of a participant in the project to create and ensure the functioning of the Skolkovo innovation center. The edition was approved by the Skolkovo Foundation Council on September 27, 2013; approved by the Skolkovo Foundation Board of Trustees on December 11, 2013. URL: <https://old.sk.ru/News/m/wiki/13224.aspx> (access date: 09/20/2023)

19. Regulations for final qualifying work in the format “Startup as a diploma” dated December 20, 2022. P 02.184-2022 (2nd ed.). Southwestern State University. URL: https://swsu.ru/omk/Normative_documents_cm/P2002.184-2022_2.0_Graduation_qualification_work_format_Startup_as_diploma.pdf

20. Regulations “Support and protection of research projects in the form of business projects (business theses) at ITMO University.” URL: <https://edu.itmo.ru/files/348> (access date: 02/20/2024)

21. The rules for the interaction of banks and organizations with the joint-stock company “Federal Corporation for the Development of Small and Medium-Sized Enterprises” when selecting them and providing independent guarantees were approved by the decision of the Board of JSC “SME Corporation” dated February 27, 2024 (protocol No. 2802/24) with amendments approved by the Board of SME Corporation JSC. URL: <https://corpmsp.ru/bankam/trebovania/> (date accessed 09/12/2023)

22. Beygul E.N. Marketing of high-tech startups: abstract. dis. ... cand. econ. Sciences: 08.00.05. Beygul Ekaterina Nikolaevna. M., 2013. P. 190.

23. Belaya O.V., Kitsay Yu.A. Civil law methods of protecting innovations in startups as in business projects. Scientific notes of Kazan University. Series Humanities, 2020. P. 146.

24. Zakharkina A.V., Kuznetsova O.A. Development of instruments for direct financing of small and medium-sized businesses: legal aspect. Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2019. No. 46. P. 651 – 671.

25. Rhys E. Business from scratch. LeanStartup method for quickly testing ideas and choosing a business model. Book. M.: Alpina Publisher, 2020. P. 37.

26. Yankovsky R.M. Convertible loan: contractual model and regulatory problems. Law. 2017. No. 11. P. 184 – 192.

27. URL: https://portal.inno.msk.ru/uploads/agency-sites/analytics/research/Venture+Funding_Russia_3Q+2023.pdf (access date: 01/18/2024)

28. URL: <https://kontur.ru> (access date: 01/07/2024)

29. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=25900 (access date: 09/20/2023)

Информация об авторе

Быкова С.П., аспирант, юрист, ORCID 0000-0002-1688-933X, Юго-Западный государственный университет, Vykova.urist@yandex.ru

© Быкова С.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.27

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-105-109

Конструкция тотального залога: преимущества и проблематика

¹Веревкин Д.В.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу конструкции договора о залоге всего имущества залогодателя (тотальный залог). На основании анализа действующего законодательства, литературных источников и судебной практики, автором выделяются основные особенности и преимущества применения механизма тотального залога. В то же время в работе обосновывается наличие проблематики, связанной с необходимостью противопоставления залоговых обременений третьим лицам путем опубликования сведений о тотальном залоге для всеобщего сведения. В заключение автором предлагаются меры, направленные на улучшение действующего законодательства в целях повышения эффективности конструкции договора тотального залога.

Ключевые слова: залог, тотальный залог, залог всего имущества, обременение залогом, противопоставление залога, опубликование сведений о залоге, добросовестное приобретение, интересы залогодержателя, имущество залогодателя

Для цитирования: Веревкин Д.В. Конструкция тотального залога: преимущества и проблематика // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 105 – 109. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-105-109

Поступила в редакцию: 9 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 6 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The construction of a total pledge: advantages and problems

¹Verevkin D.V.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the construction of the pledge agreement for the entire property of the pledger (total pledge). Based on the analysis of current legislation, literary sources and judicial practice, the author highlights the main features and advantages of using the total pledge mechanism. At the same time, the paper substantiates the existence of problems related to the need to oppose collateral encumbrances to third parties by publishing information about total collateral for general information. In conclusion, the author proposes measures aimed at improving the current legislation in order to increase the effectiveness of the construction of a total pledge agreement.

Keywords: pledge, total pledge, pledge of all property, encumbrance of collateral, opposition of collateral, publication of information about collateral, bona fide acquisition, interests of the pledgee, property of the pledgor

For citation: Verevkin D.V. The construction of a total pledge: advantages and problems. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 105 – 109. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-105-109

The article was submitted: March 9, 2024; Approved after reviewing: May 6, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – проанализировать конструкцию договора о залоге всего имущества залогодателя (тотальный залог), выявив его основные особенности, а также проблематику при практическом применении

Задачи – проанализировать законодательство, литературу и судебную практику, касающуюся договора о тотальном залоге в целях выявления основных особенностей данной договорной конструкции, определения трудностей её применения на практике, а также формулирования предложений о совершенствовании действующего законодательства

Гипотеза – механизм тотального залога позволяет обременить залогом заранее не определенный объем имущества залогодателя, в том числе всю имущественную массу последнего, что служит интересам кредитора-залогодержателя, избавляя стороны от необходимости перечисления всего принадлежащего залогодателю имущества в тексте договора, а также снижая риски признания договора залога незаключенным при недостаточно точном описании (идентификации) предмета залога. В то же время имеются основания полагать, что на практике могут иметься определенные сложности при реализации конструкции тотального залога в части придания сведениям о залоге публичного характера, что может негативно влиять на судьбу залоговых прав залогодержателя ввиду наличия риска прекращения залога в результате приобретения заложенного имущества добросовестными третьими лицами.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Передача имущества в залог является одним из наиболее распространенных способов обеспечения имущественных интересов кредитора на случай неисполнения должником своего обязательства, что объясняется предоставляемыми механизмом залога возможностями – кредитор вправе претендовать на удовлетворение своего требования из стоимости предмета залога, при этом в приоритетном порядке [1].

Как и для большинства иных гражданско-правовых договоров, описание предмета залога (заложенного имущества) является существенным условием договора залога, в связи с чем отсутствие такого описания может влечь признание договора залога незаключенным [2]. На практике данный постулат долгое время выражался в том, что предмет залога подлежал детальной идентификации, с указанием всех возможных характеристик заложенного имущества – размеров, массы, серийного (иного учетного) номера, марки и модели товара и т.п. [3].

В то же время такое категоричное требование к детальному описанию предмета залога было фактически аннулировано появлением с 2015 года новой для российского правопорядка конструкции залога всего имущества, также именуемого в качестве генерального либо тотального залога. Так, абз. 2 п. 2 ст. 339 ГК РФ [4] предусмотрено, что в договоре залога с участием залогодателя-предпринимателя предмет залога может быть описан любым способом, позволяющим идентифицировать имущество в качестве предмета залога на момент обращения взыскания, в том числе путем указания на залог всего имущества залогодателя или определенной части его имущества либо на залог имущества определенных рода или вида.

Представляется, что идея внедрения в российский правопорядок конструкции тотального залога, которая давно известна другим развитым правопорядкам (например, французская генеральная ипотека [5]), оправдана как с сугубо теоретико-догматической, так и с практической точек зрения, что объясняется следующими соображениями.

Прежде всего, кажется очевидным, что в основе идеи допустимости генерального залога лежат принципы диспозитивности и свободы договора (ст. 421 ГК РФ), действие которых оправдывает такую договорную конструкцию. Кажется очевидным, что наличие у залогодателя добровольно сформированного желания предоставить кредитору в залог все принадлежащее ему имущество, не является противоправным интересом, и не должно сталкиваться с негативным отношением правопорядка к такого рода сделкам.

В то же время, следует учитывать повышенный уровень патернализма государства, которым устанавливается возможность осуществления тотального залога только для залогодателей-коммерсантов, что, видимо, может быть объяснено серьезностью правовых последствий такой сделки и желанием законодателя уберечь непрофессиональных участников оборота от необдуманных действий, способных существенно ухудшить их имущественное положение.

Следующим тезисом в поддержку допустимости механизма тотального залога, по нашему мнению, может служить соображение о необходимости соблюдения гражданско-правового принципа защиты правомерных ожиданий участников оборота [6]. Связь данного принципа с конструкцией тотального залога объясняется тем, что контрагент залогодателя (залогодержатель), принимающий в залог все имущество своего контрагента, рассчитывает на отсутствие правовых пороков такой сделки и реальности правовых последствий, возникающих в связи с заключением договора о тотальном залоге. Именно по этой причине признание такого договора незаключенным только лишь в связи с особенностями описания имущества, составляющего предмет залога, кажется необоснованным и явно непропорциональным правовым решением. Такой подход прослеживается и в судебной практике – например, Арбитражный суд Московского округа в одном из своих постановлений указал на недопустимость признания договора залога незаключенным в связи с абстрактностью описания предмета залога, указав, что нормой п. 2 ст. 339 ГК РФ установлен пониженный стандарт индивидуализации предмета залога, в соответствии с которым достаточно установления возможности точно определить состав заложенного имущества на момент обращения на него взыскания, а не на момент самого возникновения залогового правоотношения [7].

Еще одной причиной, оправдывающей существование конструкции тотального залога, по нашему мнению, является соображение удобства. Справедливо ли ограничивать возможность применения конструкции тотального залога, одновременно допуская заключение договора залога, в котором все принадлежащее залогодателю имущество будет таким же образом заложено путем его пообъектного перечисления и подробного описания?

Кажется очевидным, что гражданское право не может являться оплотом формализма, требуя соблюдать ряд несодержательных требований к заключению договора залога в ситуации, когда аналогичный правовой эффект может быть достигнут более простым способом. Именно по этой причине возможность применения оговорки о тотальном залоге путем указания на залог «всего имущества залогодателя» является рациональной альтернативой для ригидной практики заключения значительных по своему объему договоров о залоге пообъектно описываемого имущества залогодателя.

Наконец, последним значимым резонансом существования и активного использования на практике конструкции тотального залога является возможность обременения залогом неопределенного количества вещей и иного имущества, появление которых планируется в имущественной массе залогодателя в будущем. Преимущество данного договорного механизма над уже известным договором залога будущего имущества [8] заключается в том, что тотальный залог не требует какого-либо описания имущества, даже его родовых признаков, в связи с чем использование тотального залога особенно эффективно в ситуации, когда кредитор-залогодержатель заранее не знает, какое конкретно имущество появится в собственности у залогодателя, что позволяет установить залог на «любое будущее имущество» залогодателя.

Обозначив основные особенности и преимущества конструкции тотального залога, следует признать наличие некоторых проблемных аспектов, связанных с применением данного механизма на практике, что сводится к особенностям защиты интересов кредитора-залогодателя по такому залогоу.

Дело в том, что залоговое обременение, будучи институтом вещного права [9], имеет свою ценность только при его публичном характере для всех иных третьих лиц, участвующих в имущественном обороте. Это объясняется особенностями функционирования свойства следования залога за заложенным имуществом, а также правилами защиты добросовестных третьих лиц, являющихся потенциальными приобретателями заложенного имущества.

Так, согласно общему правилу п. 1 ст. 353 ГК РФ, при переходе прав на заложенное имущество от залогодателя к иному лицу залоговое обременение подлежит сохранению. В то же время, специальное правило пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ, являющееся исключением, предписывает прекращение залога в случае приобретения заложенного имущества добросовестным третьим лицом, которому не было известно о существовании залога.

Таким образом, следует констатировать, что свою реальную ценность тотальный залог будет иметь только при условии придания залоговому обременению свойства публичности, поскольку лишь при таком условии будут выполняться условия противопоставления залога лицам, ссылающимся на добросовестное приобретение ими заложенного имущества.

Применительно к недвижимому имуществу, право залога (ипотеки), исходя из положений ст. 8.1 ГК РФ, а также норм закона о регистрации недвижимости [9], обретает свойство публичности в результате внесения регистрационным органом (Росреестр) соответствующих регистрационных записей в единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН).

В то же время, с точки зрения процедурных вопросов взаимодействия с Росреестром при совершении регистрационных действий, возможны сложности при обращении в Росреестр с заявлением о внесении в ЕГРН регистрационных записей о залоге, вытекающем из договора о тотальном залоге. Это объясняется тем, что действующие правила ведения ЕГРН не предоставляют возможности совершения регистрационных действий в виде регистрации обременения в форме ипотеки в отсутствие сведений о кадастровых номерах объектов, в отношении которых регистрируется ипотека [10]. Из этого следует вероятность того, что после заключения договора тотального залога залогодержатель не сможет добиться придания публичного характера сведениям о своих залоговых правах на недвижимость, в связи с чем последний рискует вовсе лишиться своих залоговых прав в результате отчуждения предмета залога добросовестным третьим лицам.

В то же время представляется, что данная проблема является скорее делом техники, поскольку может быть разрешена посредством внесения изменений в действующие правила ведения ЕГРН. Поскольку Росреестр обладает сведениями о всех принадлежащих тому или иному лицу объектах недвижимости (так называемый «персональный поиск»), постольку внесение регистрационных записей об обременениях всех объектов недвижимости залогодателя на основании договора тотального залога представляется возможным при усовершенствовании правового регулирования, на что также указывают некоторые авторы [11]. По этим же соображениям представляется возможным настроить работу регистрационной системы таким образом, чтобы при заключении договора тотального залога в отношении будущей недвижимости залогодателя сведения об обременении такой недвижимости залогом вносились в автоматическом режиме, сразу после регистрации в ЕГРН права собственности залогодателя на соответствующие объекты.

В завершение анализа следует отметить более глубокий характер аналогичной проблематики опубликования сведений о тотальном залоге применительно к движимым вещам. Несмотря на то, что норма п. 4 ст. 339.1 ГК РФ допускает учет залогов движимого имущества в специальном нотариальном реестре уведомлений о возникновении соответствующих залогов, в действительности внесение такого уведомления в реестр требует поименного перечисления объектов, являющихся предметом залога [12], в связи с чем внесение сведений о тотальном залоге движимого имущества не представляется возможным.

Более того, в отличие от ситуации с Росреестром и недвижимостью, нотариус не обладает сведениями о том, каким конкретным движимым имуществом обладает залогодатель, в связи с чем даже при наличии возможности внести в нотариальный реестр запись о тотальном залоге, такая запись носила бы абстрактный характер и была бы бесполезной с практической точки зрения, поскольку вряд ли иным третьим лицам можно было бы вменить знание о факте залога приобретенного ими имущества при отсутствии в нотариальном реестре его описания.

Таким образом, следует отметить, что конструкция тотального залога, при условии совершенствования действующего законодательства, имеет перспективы своего применения в сфере оборота недвижимости. В то же время практическая реализация условия договора залога о тотальном залоге движимого имущества залогодателя может приводить на практике к сложностям, связанным с обеспечением противопоставимости сведений о таком залоге для всех третьих лиц.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что конструкция договора тотального залога преследует своей целью предоставление кредитору-залогодержателю повышенного уровня защиты его имущественных интересов, позволяя распространить режим залога на всю имущественную массу залогодателя, даже если точный состав имущества, входящего в эту массу, не известен на момент установления залога.

Продемонстрированы иные преимущества механизма тотального залога, среди которых такие, как: упрощение требований к описанию предмета залога в тексте договора, что снижает риск признания договора залога незаключенным; защита правомерных ожиданий кредитора-залогодержателя, рассчитывающего на действительность такого договорного условия; возможность обременения залогом имущества, которое будет приобретено залогодателем в будущем, без конкретного описания такого будущего имущества.

Обосновано, что применение конструкции тотального залога на практике может быть осложнено технической невозможностью опубликования информации о таком залоге для всеобщего сведения, что способно привести к прекращению залогового обременения в результате приобретения заложенного имущества добросовестными третьими лицами, в особенности применительно к движимым вещам.

Предложены меры по совершенствованию действующего законодательства в целях надлежащей фиксации и опубликования сведений о наличии залоговых обременений, возникших из договора тотального залога.

Список источников

1. Бевзенко Р.С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: Очерк догмы, теории и политики права // Вестник гражданского права. 2017. № 4. С. 10 – 44.
2. Бевзенко Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 8 – 50
3. Теплов Н.В. Залог всего имущества, или К чему приводит лоббизм узких интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 5. С. 130 – 159.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
5. Дождев Д.В. Вещный момент в залоговом праве: отечественная доктрина и исторические уроки // Гражданское право. 2015. N 2. С. 7 – 9.
6. Хабриева Т.Я., Ковлер А.И., Курбанов Р.А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева // М. НОРМА. ИНФРА-М. 2023. С. 144.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.02.2021 N Ф05-25202/2020 по делу N А40-96953/2020 // СПС «Консультант Плюс».
8. Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М.: Статут, 2004. С. 189.
9. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» // Российская газета. N 156. 17.07.2015.
10. Приказ Росреестра от 07.12.2023 N П/0514 «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 01.02.2024
11. Новиков К.А. Заметка о генеральном залоге // Закон. 2021. № 6. С. 139 – 155.
12. Приказ Минюста России от 17.06.2014 N 131 «Об утверждении форм уведомлений о залоге движимого имущества» // Российская газета. N 136. 20.06.2014.

References

1. Bevzenko R.S. Justification of the priority granted to the creditor by security in rem: Essay on dogma, theory and policy of law. Bulletin of Civil Law. 2017. No. 4. P. 10 – 44.
2. Bevzenko R.S. The fight for collateral: the third stage of the reform of collateral law in Russia. Bulletin of Civil Law. 2015. No. 2. P. 8 – 50
3. Teplov N.V. Pledge of all property, or What does lobbying of narrow interests lead to. Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2019. No. 5. P. 130 – 159.
4. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Russian newspaper. N 238-239. 08.12.1994.
5. Dozhdev D.V. Property aspect in the law of pledge: domestic doctrine and historical lessons. Civil law. 2015. N 2. P. 7 – 9.
6. Khabrieva T.Ya., Kovler A.I., Kurbanov R.A. Doctrinal foundations of practice of the Supreme Court of the Russian Federation: monograph. rep. ed. T.Ya. Khabrieva. M. NORM. INFRA-M. 2023. P. 144.
7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated February 20, 2021 N F05-25202/2020 in case N А40-96953/2020. ATP “Consultant Plus”.
8. Gongalo B.M. The doctrine of securing obligations. Questions of theory and practice. M.: Statute, 2004. P. 189.
9. Federal Law “On State Registration of Real Estate”. Rossiyskaya Gazeta. N 156. 07.17.2015.
10. Order of Rosreestr dated December 7, 2023 N P/0514 “On establishing the procedure for maintaining the Unified State Register of Real Estate”. Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>. 02/01/2024
11. Novikov K.A. Note on the general pledge. Law. 2021. No. 6. P. 139 – 155.
12. Order of the Ministry of Justice of Russia dated June 17, 2014 N 131 “On approval of forms of notifications about the pledge of movable property”. Rossiyskaya Gazeta. N 136. 06/20/2014.

Информация об авторе

Веровкин Д.В., Московский финансово-промышленный университет Синергия

© Веровкин Д.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 34

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-110-114

Проблематика разрешения коллизий при применении норм исламского права в условиях глобализации

¹ Власов А.С.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена постановке проблемы, связанной с возникновением юридических коллизий при применении норм исламского права в правоотношениях с участием лиц, не относящихся к мусульманам (немусульманам) или не подчиненным юрисдикции мусульманского государства (компании, учрежденные в светском государстве). Автор обосновывается возможность возникновения таких коллизий как в сфере личных неимущественных правоотношений (например, при вступлении мусульманином в брак с немусульманином), так и в сфере имущественных правоотношений (при установлении хозяйственных связей между предприятием, учрежденным в исламской юрисдикции, с предприятием, учрежденным в светском государстве). Приведя анализ отдельных положений и догм шариата, а также проанализировав литературу и отдельные примеры применения и толкования норм шариата на практике, автор приходит к выводу о существовании способов преодоления таких коллизий, которые сводятся к адаптации норм шариата (их либеральному толкованию) либо путем установления специальных обязательств по соблюдению норм шариата в частных правоотношениях сторон.

Ключевые слова: ислам, исламское право, шариат, мусульмане, немусульмане, исламский элемент, коллизии, ислам и глобализация

Для цитирования: Власов А.С. Проблематика разрешения коллизий при применении норм исламского права в условиях глобализации // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 110 – 114. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-110-114

Поступила в редакцию: 10 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 8 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The problem of conflict resolution in the application of Islamic law in the context of globalization

¹ Vlasov A.S.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the paper is devoted to the problem of the emergence of legal conflicts in the application of the norms of Islamic law in legal relations involving persons who are not Muslims (non-Muslims) or not subordinate to the legal system of the Muslim state (companies established in a secular state). The author substantiates the possibility of such conflicts both in the field of personal non-property legal relations (for example, when a Muslim marries a non-Muslim) and in the field of property legal relations (when establishing economic relations between an enterprise established in an Islamic jurisdiction with an enterprise established in a secular state). After analyzing individual provisions and dogmas of Sharia, as well as analyzing the literature and individual examples of the application and interpretation of Sharia norms in practice, the author comes to the conclusion that there are ways to overcome such conflicts, which are reduced to adapting Sharia norms (their liberal interpretation) or by establishing special obligations to comply with Sharia norms in private legal relations of the parties.

Keywords: *Islam, Islamic law, Sharia, Muslims, non-Muslims, the Islamic element, conflicts, Islam and globalization*

For citation: Vlasov A.S. The problem of conflict resolution in the application of Islamic law in the context of globalization. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 110 – 114. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-110-114

The article was submitted: March 10, 2024; Approved after reviewing: May 8, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – постановка и анализ проблематики применения норм исламского права в межконфессиональных правоотношениях.

Задачи – осуществить анализ проблемных ситуаций и коллизий при применении норм исламского права в правоотношениях с участием лиц, не являющихся мусульманами (немусульмане) либо не подчиненных исламской юрисдикции, выявив возможные способы разрешения обозначенной проблематики.

Гипотеза – преодоление коллизий при применении исламского права в межконфессиональных правоотношениях как личного неимущественного, так и имущественного характера, возможно такими методами, как адаптация норм исламского права путем их либерального толкования либо исключительного правоприменения (характерно для личных неимущественных правоотношений), а также путем установления договоренностей о соблюдении норм шариата между участниками частных правоотношений (договорных правоотношений).

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература, религиозные источники, публикации СМИ.

Результаты и обсуждения

Религия заслуженно признается существенным социальным регулятором, функционирующим наряду с правом и во многих случаях взаимодействующим с ним [1]. Наглядным примером такого взаимодействия права и религии является исламское право, представляющее собой совокупность норм, основанных на предписаниях шариата, в том числе учение «аль-фикх» (al-fiqh) и нормы «фикх-муамалат» (fiqh mu'amalat), которыми определяются права и обязанности субъектов, исповедующих ислам (мусульмане), в сфере имущественных и личных неимущественных отношений [2].

Таким образом, особенностью исламского права является то обстоятельство, что его нормы, имея формальную оболочку классического позитивно-правового материала, в действительности основываются на религиозных источниках, фактически инкорпорируя их предписания на уровне закона, что нельзя признать классическим способом формирования правового массива с точки зрения источников права [3].

Анализируя основные содержательные особенности исламского права, следует обозначить, прежде всего, явную направленность на своего рода юридическую сегрегацию лиц на мусульман и немусульман, предусматривая ряд определенных ограничений либо особенностей в правоотношениях с участием последних [4]. Такое положение вещей является ярким проявлением консерватизма и ортодоксальности мусульманской правовой традиции, проникающей также на уровень официального правового регулирования, что несвойственно правопорядкам светских государств, которыми гарантируется формальное равенство каждого перед законом, независимо от любых социокультурных признаков человека, в том числе профессиональной (религиозной) принадлежности.

Например, статья 1059 Гражданского кодекса Исламской Республики Иран прямо запрещает заключение брака между женщиной-мусульманкой и мужчиной, не являющимся мусульманином (немусульманином) [5], что обусловлено соображениями необходимости сохранения необходимости укрепления мусульманской семьи, ее духовных основ и предотвращения разводов на почве религиозной разобщенности.

Учитывая такую ортодоксальную строгость мусульманского права к межконфессиональным бракам и его следование принципу соблюдения мусульманами личного закона за рубежом [6], на практике могут возникать ряд проблемных факторов и коллизий при построении межконфессиональных семейных правоотношений, что особенно актуально в свете общего тренда глобализации 21 века. Такое положение вещей может существенно усугубить правовое положение участников таких «мультирелигиозных» семейных пра-

воотношений, в том числе за счет появления существенной степени правовой неопределенности относительно юридической силы возникающих между ними правовых связей и правовых последствий таких связей.

Например, мусульманин, заключивший брак с немусульманкой в государстве светского типа, законы которого, как правило, признают действительными брачные союзы независимо от религиозного статуса супругов, неминуемо столкнется с рядом коллизий, обусловленных различным юридическим отношением государств к заключенному им браку, его действительности и наступлении соответствующих правовых последствий такого брака, что может привести к невозможности реализации ряда прав и обязанностей таких супругов в сфере семейного либо наследственного права.

Обозначенная проблематика требует ответа на вопрос о возможных мерах разрешения либо, как минимум, снижения степени влияния негативных правовых последствий, обусловленных различным отношением правопорядков к возможности вступления мусульман и немусульман в семейные правоотношения.

В качестве потенциально допустимого способа преодоления проблемы является определенная адаптация норм исламского права за счет телеологического толкования положений Корана и решений местных духовных представителей и авторитетов в сфере исламского права.

Наглядным примером такой меры является используемое в исламской духовной практике толкование встречающегося в Коране понятия «люди Писания», которым мусульмане обозначают христиан и иудеев, хоть и не являющихся верующими, но не обладающими такой негативной коннотацией как все прочие иноверцы, признающиеся язычниками. Люди Писания пользуются у мусульман более снисходительным и даже в некоторой степени толерантным отношением в связи с наличием частично пересекающихся взглядов и некоторых общих догматических воззрений (например, существование единого Бога, наличие жизни после смерти, вера в наступление «судного дня», признание факта существования пророка Мухаммеда, являющегося посланником Аллаха, как исторической личности и др.) [7]. Как следует из аята 3:19 Корана, «Всевышний сообщил, что люди Писания знают истину, однако расходятся во мнениях и уклоняются от нее по причине своего упрямства и своей несправедливости».

Основываясь на данных соображениях, многими авторитетными представителями исламского богословия признается отсутствие вреда от заключения брака с людьми Писания [8]. Представляется, что такая толерантно направленная «адаптация» предписаний исламского права позволяет разрешать проблему недопустимости браков мусульман со многими жителями прогрессивных светских государств, в большинстве своем относящихся к христианской конфессиональной принадлежности.

В то же время такой адаптивный подход не остается без внимания консервативно настроенной части мусульманского сообщества, решительно критикующей такую позицию, заявляя о полной недопустимости браков с любыми немусульманами.

Например, в 2020 году Совет улемов Духовного управления мусульман (ДУМ) России принял богословское заключение (фетву), запрещающую мусульманам вступать в брак с любыми неверующими, в том числе и людьми Писания, мотивируя это тем, что термин «люди Писания», обозначенный в Коране, не может быть применен к современным христианам и иудеям (по конфессиональной принадлежности), являющихся зачастую атеистами и не проявляющим никакого интереса к Богу [9].

В то же время, заложенный в данной фетве подход также оставляет определенное пространство для компромисса и применения гибкости, указывая на возможность заключения браков между мусульманами и людьми Писания в исключительных случаях по решению местного муфтия, который наделен правом считать такой брак возможным, например, если вступающей в брак женщине-немусульманке близок ислам, она уважает его каноны и не будет препятствовать своему супругу воспитывать детей в традициях ислама.

Рассматривая абстрактный пример, можно отметить позитивный эффект обоих предлагаемых подходов – если мужчина-мусульманин заключает брак с женщиной-христианкой в соответствии с соображениями допустимости брака с людьми Писания либо вынесенным в частном порядке решением муфтия, то соответствующие исламские правопорядки, законы которых текстуально не допускают брак между мусульманином и иноверующей, могут проявить гибкость и в качестве исключения признать такой брак действительным и не противоречащим традициям шариата, за счет чего могут быть преодолены различные правовые коллизии (например, жена сможет претендовать на имущество мужа в порядке наследования, даже если такое имущество находится на территории исламской юрисдикции).

Таким образом, возможная адаптивность как проявление толерантного подхода в правоприменении норм исламского права по вопросам семейных правоотношений между мусульманами и немусульманами может иметь тотальный характер (выступать общим правилом) либо иметь индивидуальный характер (являться исключением, применение которого возможно уполномоченным лицом в исключительных случаях),

что во всяком случае позволяет достичь цели снижения уровня правовой определенности и борьбы с коллизиями.

Продолжая анализ проблематики соприкосновения исламской правовой культуры с современными светскими правовыми порядками, следует отметить, что распространенность такой проблематики не ограничивается только неимущественными (семейными) правоотношениями, поскольку исламское право содержит предписания, касающиеся не только личного статуса и личных неимущественных правоотношений с участием мусульман, но и ряда вопросов имущественного характера, что может иметь существенное значение при установлении трансграничных коммерческих связей с участием компаний, учрежденных в исламских правовых порядках.

Прежде всего, следует упомянуть наличие таких классических для исламской правовой культуры догм, как императивные запреты на ростовщичество (риба), проведение азартных игр и участие в них (майсир), заключение пари (кимар), а также совершение любых иных сделок с элементом неопределенности (гарар). Поскольку устоявшаяся в современном западном финансовом мире практика ведения банковской и иной финансовой деятельности явно противоречит вышеобозначенным предписаниям, особое практическое значение получает вопрос о возможности взаимодействия исламских участников хозяйственной деятельности с иностранными партнерами и о способах нивелирования такого противоречия.

В качестве примера альтернативы банковской и финансовой сферы, в которой могут возникнуть коллизии при применении исламского права, возможно также привести общую инвестиционную деятельность, в рамках которой для инвесторов мусульманских правовых порядков могут существовать определенные ограничения – например, запрет на осуществление инвестиций в предприятия, предоставляющие (производящие) товары и услуги, противоречащие принципам шариата (свиноводство, производство алкоголя).

Рост глобализации и мировой торговли, а также необходимость установления устойчивых внешних торговых связей для стремительно развивающихся государств исламского типа послужили факторами для обнаружения практического решения обозначенной проблемы – путем особого договорного регулирования правоотношений с контрагентами из немусульманских юрисдикций.

Так, в литературе отмечается, что в практике исламских финансовых организаций распространены сделки, по условиям которых контрагент исламской компании (то есть немусульманская сторона договора) принимает на себя обязательства соблюдать нормы шариата и применять способы финансирования, альтернативные традиционному кредитованию и депонированию денежных средств, защищая, тем самым, «исламский элемент» в соответствующих правоотношениях [10].

В качестве одного из примеров такого финансирования можно привести практику применения института Бай муаджал (продажа и договор о выкупе), с помощью которого кредитор предоставляет должнику финансирование не классическим способом предоставления определенной суммы денег с условием о её возврате с процентом, а путем покупки у должника товара по заранее обусловленной цене с условием о том, что должник в последующем обязуется обратно выкупить данный товар по увеличенной цене, за счет чего финансовый институт, в конечном итоге, получает прибыль за ранее предоставленное финансирование в виде суммы денежных средств, превышающих ранее переданную сумму денежных средств за первоначальную покупку товара у должника.

Таким образом, в имущественных отношениях, обладающих большей гибкостью в силу диспозитивного метода правового регулирования гражданско-правовых отношений применяется иной метод преодоления коллизий при применении норм шариата – путем использования иных правовых конструкций, прямо не запрещенных предписаниями шариата, но приводящих к схожим экономическим последствиям.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Установлено, что нормы исламского права (шариата) имеют повышенный уровень консерватизма и насыщенность особыми религиозными догматическими предписаниями, содержание которых зачастую отличается от позитивного правового материала развитых государств светского характера.

Доказано, что противоречия между нормами исламского права и нормативным материалом немусульманских стран может приводить к коллизиям в условиях глобализации, то есть при вступлении в межконфессиональные личные неимущественные правоотношения (например, вступление в брак между мусульманином и немусульманином), а также при вступлении в коммерческие отношения между компаниями, учрежденными в исламских правовых порядках, и компаниями в иностранных юрисдикциях светского типа.

Обосновано, что для сферы неимущественных правоотношений обозначенная проблематика разрешается методами адаптации норм исламского права путем их либерального толкования, в том числе путем

принятия правоприменительных решений в конкретных случаях, допускающих разрешение коллизии путем неприменения норм шариата.

Продемонстрировано, что для сферы имущественных правоотношений проблема коллизий при применении исламского права разрешается в частном порядке посредством достижения договоренностей между участниками имущественных правоотношений, что, исходя из дозволистского метода правового регулирования гражданских (частных) правоотношений, возможно путем принятия немусульманской стороной обязательств по соблюдению норм шариата (защита «исламского элемента»).

Список источников

1. Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 5 – 18.
2. Рудоквас А.Д., Тенберга И.О. Модельном законе Содружества Независимых Государств "Об инвестиционно-доверительной банковской деятельности" и его доктринальных основаниях // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 28 – 50.
3. Долгих Ф.И. Теория государства и права: учебник. М.: Университет «Синергия», 2023. С. 204 – 209.
4. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 98.
5. The Civil Code of the Islamic Republic of Iran (Гражданский кодекс Исламской Республики Иран) URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ira206827.pdf> (дата обращения: 19.01.2024)
6. Мухамад Джаффар Лангруди. Таърихи хукуки Эрон (История права Ирана) // Тегеран. 2003. С. 353.
7. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы Азии // ИЗиСП. 2013. С. 159 – 163.
8. Ахмедов А.Ш. Ханафитская школа мусульманского права: противоречия и разногласия в ранней мусульманской юриспруденции // История государства и права. 2010. N 24. С. 43 – 47.
9. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20201113/zapretshat-to-chto-razresheno-koranom-nelzya> (дата обращения: 19.01.2024)
10. Тенберга И., Дербак А.Н. Коллизионные механизмы защиты "исламского элемента" в трансграничной исламской финансовой сделке // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 118 – 125.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Systematics in law in conditions of global instability. Journal of Russian Law. 2022. No. 5. P. 5 – 18.
2. Rudokvas A.D., Tenberga I. About the Model Law of the Commonwealth of Independent States "On investment-trust banking activities" and its doctrinal foundations. Arbitration disputes. 2023. No. 3. P. 28 – 50.
3. Dolgikh F.I. Theory of state and law: textbook. M.: Synergy University, 2023. P. 204 – 209.
4. Syukiyainen L.R. Islamic law in the legal systems of Muslim countries: from doctrine to legislation. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2008. No. 2. P. 98.
5. The Civil Code of the Islamic Republic of Iran (Civil Code of the Islamic Republic of Iran) URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/ira206827.pdf> (access date: 01/19/2024)
6. Muhamad Jafar Langrudi. Tarihi hukuki Eron (History of Iranian law). Tehran. 2003. P. 353.
7. Lafitsky V.I. Comparative law: national legal systems. Legal systems of Asia. IZiSP. 2013. P. 159 – 163.
8. Akhmedov A.Sh. Hanafi school of Muslim law: contradictions and disagreements in early Muslim jurisprudence. History of State and Law. 2010. N 24. P. 43 – 47.
9. URL: <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20201113/zapretshat-to-chto-razresheno-koranom-nelzya> (access date: 01/19/2024)
10. Tenberga I., Derbak A.N. Conflict of laws mechanisms for protecting the "Islamic element" in a cross-border Islamic financial transaction. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No. 2. P. 118 – 125.

Информация об авторе

Власов А.С., аспирант, ВО Московский финансово-промышленный университет Синергия, pravo_science@mail.ru

© Власов А.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 34.01

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-115-125

Правовое положение искусственного интеллекта в цифровых правоотношениях

¹Провалинский Д.И.,

¹Российский государственный университет правосудия

Аннотация: стремительная цифровизация общественных отношений ставит перед юридической наукой новые задачи, одной из которых является определение правового положения искусственного интеллекта, вступающего во взаимодействие (прямое и опосредованное) с человеком, а также с различными механизмами с установленным соответствующим программным обеспечением. По результатам исследования, в ходе которого были в том числе проанализированы содержание понятия искусственный интеллект, а также правовые позиции, излагаемые в юридической литературе по исследуемому вопросу, автор приходит к следующим выводам. Искусственный интеллект не является «сверхразумом» (как это порой преподносится в околонучной литературе), это в той или иной степени совершенная компьютерная программа, которая не отвечает признакам автономности, воли, самостоятельности принятия решений и другим, присущим человеку качествам. В настоящее время степень развития общественных отношений с включением в них функционала искусственного интеллекта позволяет сделать вывод о том, что он (искусственный интеллект или правильнее говорить компьютерная программа) пока не достиг того «уровня развития», который позволял бы говорить о нем как о полноправном субъекте или субъекте «с ограниченными правами и обязанностями» правоотношений, как *offline*, так и *online* пространства. Наиболее приемлемым является считать его объектом таких правоотношений.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые правоотношения, искусственный интеллект, цифровое пространство, «электронное лицо», субъект цифровых правоотношений, концепция «квазисубъектности» искусственного интеллекта

Для цитирования: Провалинский Д.И. Правовое положение искусственного интеллекта в цифровых правоотношениях // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 115 – 125. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-115-125

Поступила в редакцию: 10 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Legal status of artificial intelligence in digital legal relations

¹Provalinsky D.I.,

¹Russian State University of Justice

Abstract: the rapid digitalization of social relations poses new challenges for legal science, one of which is to determine the legal status of artificial intelligence that interacts (directly and indirectly) with a person, as well as with various mechanisms with the appropriate software installed. Based on the results of the study, during which the content of the concept of artificial intelligence was analyzed, as well as the legal positions set forth in the legal literature on the issue under study, the author comes to the following conclusions. Artificial intelligence is not “superintelligence” (as it is sometimes presented in pseudo-scientific literature); it is, to one degree or another, a perfect computer program that does not meet the characteristics of autonomy, will, independent decision-making and other inherent human qualities. Currently, the degree of development of social relations with the inclusion of arti-

cial intelligence functionality allows us to conclude that it (artificial intelligence or, more correctly, a computer program) has not yet reached that “level of development” that would allow us to speak of it as a full-fledged subject or a subject “with limited rights and obligations” of legal relations, both offline and online. It is most acceptable to consider it the object of such legal relations.

Keywords: *digitalization, digital legal relations, artificial intelligence, digital space, “electronic face”, subject of digital legal relations, the concept of “quasi-subjectivity” of artificial intelligence*

For citation: Provalinsky D.I. Legal status of artificial intelligence in digital legal relations. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 115 – 125. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-115-125

The article was submitted: March 10, 2024; Approved after reviewing: May 7, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Динамика развития цифровизации и цифровых правоотношений бросает юридической науке вызов в виде новой научной проблемы определения правового положения искусственного интеллекта, поскольку на сегодняшний день происходит его достаточно активная интеграция в систему выстраивания взаимодействий между отдельными субъектами права, между человеком и искусственным интеллектом (в том числе с различными машинами с установленным соответствующим программным обеспечением), а также между искусственным интеллектом и иными машинами, и/или машинными системами, способными выполнять небольшое количество функций (например, роботизированные станки, системы управления дорожным движением, энергосистемы и т.п.).

Реальность такова, что человечество уже достигло технологической сингулярности (т.е. момента, в котором технологическое развитие становится в принципе неуправляемым и необратимым, что порождает радикальные изменения характера человеческой цивилизации), [36, 40, 45] а те направления, концепции и институциональные знания правовой футурологии, которые ранее относились больше к разделу фантастики и фантазии уже в наши дни стали объективной реальностью, с которой правовой науке, и в первую очередь теории права, необходимо выработать определенные точки (границы) соприкосновения.

В этой связи возникает множество вопросов. Среди самых распространенных и активно обсуждаемых в юридической литературе звучат следующие вопросы. Является ли искусственный интеллект субъектом права и возможно ли его к нему приравнять? Может ли искусственный интеллект выступать в качестве субъекта цифровых правоотношений?

Материалы и методы исследований

Для начала рассмотрим понятие «искусственный интеллект», под которым понимается свойство искусственных интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека. Под интеллектуальной системой в данном случае понимается техническая или программная система, способная решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы [1].

Согласно ГОСТу Р 43.0.8-2017 искусственный интеллект – это моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека [8].

По мнению П.М. Морхата искусственный интеллект – это полностью или частично автономная самоорганизующаяся компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система, наделенная/обладающая способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий;
- самореферентности, саморегулирования, самоадаптивирования под изменяющиеся условия, самоограничения;
- самоподдержания себя в гомеостазе;
- генетического поиска, накопления информации и опыта;
- обучения и самообучения;
- самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомологации;
- самостоятельной разработки тестов под собственное тестирование, самостоятельного проведения самотестирований и тестирований компьютерной и, при возможности, физической реальности;
- антропоморфно-разумного самостоятельного (в том числе творческого) принятия решений и решения задач и проблем [20].

Для сравнения, в зарубежной литературе под искусственным интеллектом понимается сфера компьютерной технологии, позволяющей автоматически распознавать и выделять в потоках данных блоки информации, на основании которых может быть построен прогноз с определенными целями [37].

Важно отметить, что одним из свойств (качеств) искусственного интеллекта в науке и практике называют его способность к самообучению.

По мнению некоторых ученых наличие вычислительной модели в компьютерных устройствах придает искусственному интеллекту способность думать как человек и действовать рационально [28].

При этом человек рассматривается как технический оператор информационных процессов при участии машины, которая может дополнять собственные когнитивные ресурсы человека путем машинной активизации (гибридный интеллект) или машинной имитации мыслительной деятельности человека (искусственный интеллект) [5].

Из указанных дефиниций следует, как минимум один важный вывод о том, что под искусственным интеллектом не скрывается какой-то «сверхразум», способный решить абсолютно любую поставленную задачу, это всего лишь **компьютерная программа**, способная выполнять задачи, которые в нее заложены, и только в тех алгоритмах, которые предусмотрел (прописал) ее разработчик. Поскольку до сих пор искусственный интеллект, как продукт человеческой деятельности остается полностью зависимым от человека, он не является автономным и самостоятельным в вопросах обслуживания, технической поддержки, устранения неполадок или программных ошибок и т.п.

На сегодняшний день в мировой практике, как на национальном, так и международном уровне существуют акты, регулирующие правовое положение в части использования искусственного интеллекта и развития робототехники.

Так, например, в Южной Корее в 2008 году был принят отдельный закон «О содействии развитию и распространению умных роботов» [22].

В 2017 году в КНР был разработан и принят «План развития искусственного интеллекта нового поколения», [34] а в 2019 году были разработаны и предложены Пекинские принципы искусственного интеллекта (Beijing AI Principles) основной задачей которых является создание полезного искусственного интеллекта для людей и снижение рисков от интеграции искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности (экономике, политике, социальной сфере), а также угроз цифрового мира за счет прогнозирования появления «Глобального ИИ» (Artificial General Intelligence – AGI) и «Суперинтеллекта» (Superintelligence) [24].

На уровне Европейского парламента в 2017 году была принята резолюция «Нормы гражданского права о робототехнике» [41]. 19 февраля 2020 года Европейская комиссия издала Белую книгу, [46] посвященную созданию экосистемы искусственного интеллекта.

Что же касается правового положения искусственного интеллекта в offline и online правоотношениях, то следует отметить, что на сегодняшний день, в научной литературе встречаются разнообразные подходы к этому вопросу.

Условно их можно поделить на следующие группы:

1) наделить искусственный интеллект статусом по аналогии с физическими лицами [4].

Обосновывая данную позицию, С. Честерман полагает, что «по мере приближения систем искусственного интеллекта к точке неотличимости от человека они должны иметь право на статус, сравнимый с физическим лицом», а законодатель может приравнять искусственный интеллект к статусу физического лица, но для этого необходимы следующие основания, во-первых, определение того, кто будет нести ответственность в случаях проявления негативного результата в деятельности искусственного интеллекта, во-вторых, гарантии оплаты тому, кто должен получить вознаграждение в том случае, когда все идет без эксцессов [38].

При этом автор все же делает некоторую оговорку и указывает, что искусственный интеллект должен иметь возможность поучить статус физического лица, но только в том случае если он сможет сдать тест Тьюринга [38].

На наш взгляд, данные предпочтения недопустимы, да и попросту уже бессмысленны. Напомним, что когда в 1950 году А.М. Тьюринг [44] описал данный тест, цифровые технологии были далеки от нынешнего их уровня развития, в настоящее время с помощью искусственного интеллекта генерируются голос и речь любого человека, существуют технологии, позволяющие изменить в видеофайле полностью или частично изображение лица человека (т.е. создать deepfake).

1.1) наделить правосубъектностью искусственный интеллект не в целом, а лишь сложные роботизированные системы с искусственным интеллектом, а для этого необходимо ввести в правовое поле новый субъект «электронное лицо».

По мнению П.М. Морхатова, «электронное лицо» – это «обладающий некоторыми признаками юридической фикции технико-юридический образ, отражающий, воплощающий и детерминирующий в юридическом пространстве конвенционально специфическую правосубъектность персонифицированного юнита искусственного интеллекта, обособленную от человеческого субстрата и гетерогенную в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированный к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, т.е. его функционально-целевому назначению» [21].

Рассуждая относительно правосубъектности такого «электронного лица», авторы предлагают следующую модель: она (правосубъектность) имеет ограниченный характер и определяется в зависимости от комплекса функционала и перечня действий, имеющих юридическое значение, которыми наделяется это лицо в силу закона. Информация относительно объема правоспособности и пределы ответственности в зависимости от функционала должны содержаться в специально создаваемых государственных публичных реестрах «электронных лиц». Возмещение возможного ущерба и убытков «электронным лицом» осуществляется за счет средств, полученных за предоставленные услуги или выполненные работы и аккумулируемые на специальных банковских счетах [14].

Данный подход, на наш взгляд, хоть и имеет определенную целостность логического построения, является не приемлемым, поскольку изначально устанавливает исключение из общего правила в отношении явления еще не регулируемого нормами права, а также не содержит действенного механизма реализации предложенной модели осуществления деликтоспособности. При его формулировке не учтена такая существенная «нестыковка» как отсутствие воли и автономности действий у так называемого «электронного лица», а иными словами робототехнического устройства с искусственным интеллектом.

2) приравнять искусственный интеллект к животным т.е. объекту гражданских правоотношений.

Такую позицию высказывают Дж. Базла и Э. Швицгебель, которые допускают вероятность, что в скором будущем искусственным интеллектом будет достигнут уровень развития, сравнимый по сложности мышления с мышьями или собаками. В связи с чем, по мнению этих авторов, искусственный интеллект заслуживает «этической защиты», так как в определенный момент времени у него может появиться некое подобие сознательного опыта и/или способность испытывать какие-либо чувства [35].

Схожей позиции придерживаются и некоторые отечественные ученые. Одни проводят параллель с тем, что искусственный интеллект или роботы, наделенные им, по аналогии с животными обладают волей и автономностью [10]. Другие разграничивают искусственный интеллект и роботов с животными в том, что роботы не являются живыми существами, а следовательно, их ни в коем случае нельзя назвать одушевленными. Тем не менее эти авторы также склоняются к тому, что роботы – это имущество, способное действовать автономно [3].

При всей кажущейся логичности и аргументированности данного подхода, в настоящее время говорить о наличии у искусственного интеллекта некоего подобия воли или автономности не корректно. Как отмечалось нами ранее, искусственный интеллект зависим от человека и не способен на проявление самостоятельной «воли».

3) при определении правового положения искусственного интеллекта использовать концепцию, близкую к юридическим лицам [2, 15, 32].

Сторонники данного подхода проводят параллель с юридическим лицом, где искусственный интеллект также как и юридическое лицо обладает определенной искусственной формой, созданной только в цифровом мире, а его воля формируется программистом (оператором) также как и воля юридического лица формируется его учредителями [16].

В юридической литературе, также встречается позиция, согласно которой искусственный интеллект по аналогии с юридическим лицом может выступать в качестве субъекта права при условии внесения его в специализированный реестр [25] программ искусственного интеллекта.

Помимо схожих черт, некоторые авторы утверждают, что: «юридическое лицо не способно совершать юридически значимые действия непосредственно и самостоятельно, а искусственный интеллект может, пусть и в электронной форме» [16].

4) использовать концепцию «квазисубъектности» искусственного интеллекта, [6, 13, 19] т.е. наделить его ограниченным набором прав и обязанностей.

Сторонники данной позиции рассуждают следующим образом: «считая человека единственным представителем социального субъекта (индивидуального или коллективного), логично ввести для обозначения систем искусственного интеллекта понятие квазисубъект, то есть цифровой объект, способный исполнять роль и функции социального субъекта» [7, 31].

5) вовсе не наделять искусственный интеллект каким-либо самостоятельным правовым статусом, считая его объектом права интеллектуальной собственности.

По мнению Р.О. Оморова, «интеллектуальная собственность включает права, касающиеся и всех других прав, являющихся результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной или художественной областях» [23].

В научной литературе также встречаются и высказывания без конкретного указания авторства идей: предоставить искусственному интеллекту только права без обязательств [15]; или напротив - искусственный интеллект должен быть наделен только обязательствами [11].

б) наделить искусственный интеллект статусом нетипичного субъекта права.

Сторонники данного подхода прибегают к аргументу, что в мировой практике существуют примеры, когда различные объекты материального мира *de jure* наделяются правосубъектностью.

Так, в 2014 году в Аргентине суд наделил правами орангутангов, назвав их нечеловеческими личностями [30]; в Новой Зеландии в 2017 году был принят закон, устанавливающий статус юридического лица за рекой Уонгануи [43]; в Индии основной священный текст сикхов Гуру Грантх Сахиб также получил статус юридического лица [42]; в статьях 10, 71-74 Конституции республики Эквадор 2008 года были закреплены права природы (*Derechos de la naturaleza*) экосистемы Эквадора [39].

7) наделить искусственный интеллект своей собственной (особой) моделью правосубъектности. Однако в юридической литературе не была сформирована четкая и ясная позиция, отражающая специфику, отличия и особенности такой правосубъектности от уже известных [16]. Тем не менее, некоторые ученые высказывают позицию, что особая модель правосубъектности искусственного интеллекта может сформироваться лишь после развития цифровой подсистемы права [17].

Любопытно отметить, что при всем многообразии подходов к определению правового положения искусственного интеллекта, в Российской Федерации в 2017 был предложен законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники», [27] в котором в числе прочих рассматривались вопросы о наделении правосубъектностью официально зарегистрированных роботов-агентов [12]. Однако данный законопроект не был принят на рассмотрение.

Результаты и обсуждения

Определяя положение искусственного интеллекта в сфере цифровых правоотношений, следует исходить из того, что согласно теории правоотношений субъектами права являются физические или юридические лица, обладающие правосубъектностью, которая дает им возможность быть полноправными участниками правоотношений.

Для физических лиц правоспособность возникает с момента рождения, ее объем постепенно расширяется по достижении определенного возраста, а также в случае эмансипации несовершеннолетних.

Для юридического лица правоспособность возникает с момента внесения в Единый государственный реестр юридических лиц сведений о его создании и прекращается в момент внесения в указанный Реестр сведений о его прекращении (ч. 3 ст. 49 ГК РФ) [9].

Формально юридическое лицо также, как и искусственный интеллект является в какой-то степени результатом человеческой деятельности и не существует за пределами организационно-правовых документов, но тем не менее, оно наделено статусом субъекта права, поскольку, во-первых, является правовой фикцией, так как его статус закреплен в правовом акте (Гражданский кодекс РФ); во-вторых, в случаях, предусмотренных законом, ответственность за него несет учредитель.

Это дает нам основание говорить о том, что природа классических субъектов права (физических и юридических лиц) и природа искусственного интеллекта не имеют общих признаков (оснований).

Кроме того, у искусственного интеллекта отсутствует воля, сознание, интеллект (эмоциональный и социальный), воображение и иные признаки, отличающие *homo sapiens* от иных живых и неживых объектов окружающей действительности, а самое главное – самостоятельность принятия решения, что наглядно демонстрирует нам невозможность, по крайней мере на данном этапе развития искусственного интеллекта, наделить его статусом субъекта права.

Однако, несмотря на все очевидные факты, наглядно демонстрирующие недопустимость подобных вольностей с точки зрения теории права, то влияние, которое оказывает цифровизация и цифровые техно-

логии на различные сферы жизнедеятельности, свидетельствуют о том, что в настоящий момент формируется практика, согласно которой различные «машины» / искусственный интеллект наделяются подобным статусом.

В качестве примера можно назвать антропоморфного робота Софию, которая стала первым в мире роботом, получившим подданство (гражданство) Саудовской Аравии [29]. Для справки: София была создана как робот, способный к обучению, адаптации к поведению человека и выстраивания коммуникации с людьми.

Неотъемлемой частью любых правоотношений является деликтоспособность т.е. способность субъекта права нести ответственность за совершение им действия (позитивная ответственность) или деяния (негативная ответственность).

Если же пойти по пути признания за искусственным интеллектом статуса субъекта права вне зависимости от форм и подходов, изложенных выше, то возникает еще один вопрос. Каким образом возможно привлечь искусственный интеллект к ответственности если он допустит нарушение нормы права?

В данном случае не лишним будет напомнить, что искусственный интеллект – это не человек, а всего лишь компьютерная программа, которая не способна испытывать каких-либо чувств, эмоций, ей чужды человеческие ценности и иные качества, свойственные людям. Соответственно, не могут быть достигнуты в полной мере и цели юридической ответственности, а именно такие как:

- охрана и защита общественного правопорядка;
- привитие (воспитание) гражданам уважения к закону;
- восстановление нарушенного права (социальной справедливости);
- предупреждение совершения новых противоправных деяний [26].

В подтверждение этому можно назвать случай, когда беспилотный автомобиль под управлением искусственного интеллекта насмерть сбил женщину [33].

В юридической литературе высказываются суждения, что применительно к таким и подобным ситуациям юридическая ответственность для искусственного интеллекта может наступить в виде принудительного отключения, доработки программы, утилизации и т.п. [18].

Однако если рассматривать цели юридической ответственности в совокупности, а не вырывая из контекста отдельные из них, и в очередной раз возвращаясь к вопросу о личности (с ее составляющими, такими как: самостоятельность принятия решений, автономность действий или совершения волевых поступков) как субъекте права, предлагаемые действия в виде принудительного отключения, доработки программы, утилизации искусственного интеллекта, никоим образом не могут достичь такой цели юридической ответственности как привитие уважения к закону, не говоря уже о таких категориях, как осознание своей вины и раскаяние.

Из этого можно сделать вывод. Искусственный интеллект, будучи продуктом человеческой деятельности, а именно, программой, способной в той или иной мере копировать (воспроизводить) подобию мышления человека, по крайней мере в настоящих реалиях, может выступать лишь в качестве объекта, как традиционных правоотношений, так и правоотношений в цифровом пространстве.

Признание такого положения дел позволит нам, во всяком случае до того момента, когда данный вопрос получит окончательное законодательное закрепление, найти ответ на очень важный вопрос, который по мере расширения сферы применения искусственного интеллекта все чаще будет появляться не столько в научной среде, сколько среди правоприменителей. Кто должен нести ответственность за результаты деятельности компьютерной программы, обладающей характеристиками искусственного интеллекта:

- разработчик искусственного интеллекта - на том основании, что он разрабатывает соответствующую программу и вкладывает в нее определенные алгоритмы действий (т.е. обучает тем или иным навыкам)?
- владелец искусственного интеллекта – на том основании, что он использует *соответствующую программу* в своих личных, коммерческих или иных целях, и при этом одновременно выступает в качестве собственника данной вещи (программы) и в качестве собственника результатов труда («интеллектуальной» деятельности) такой вещи (искусственного интеллекта)?
- пользователь искусственного интеллекта – на том основании, что он использует искусственный интеллект для решения собственных и/или общественных задач, а задачи, которые ставятся перед искусственным интеллектом не должны нарушать нормы права, социальные, этические, морально-нравственные и духовные нормы и устои?

Очевидно, что в зависимости от ситуации юридическую ответственность за деятельность искусственного интеллекта должны нести собственник (заказчик), разработчик (исполнитель) и пользователь, в той мере, в какой они (каждый из них) оказали или могли оказать влияние на противоправный результат деятель-

ности искусственного интеллекта. И только в таком случае можно будет говорить о достижении целей юридической ответственности.

Соответственно необходимо исходить из парадигмы о том, что результат, который выдает искусственный интеллект, носит промежуточный характер (черновой/предварительный), а перед человеком (оператором, владельцем или пользователем искусственного интеллекта) стоит выбор: либо принять результат такой работы (тем самым субъект права берет на себя ответственность за принятое решение), либо отказаться от такого результата и удалить его, что не повлечет наступления каких-либо юридически значимых последствий.

Выводы

Таким образом, подводя итог вышеизложенному следует отметить, что, как и другие общественные науки, юриспруденция и, в частности теория права, не является статичным знанием. По мере развития технических наук с привносимыми ими новыми представлениями об окружающей нас действительности и видоизменения в связи с этим (трансформации) общественных отношений, появляются и новые взгляды в юридической науке, и новые правовые регуляторы.

То, что какое-то время назад считалось фантаσμαгорией, сферой научной или научно-популярной фантастики, в современных условиях является объективной реальностью. Вероятно, что какое-то время спустя, самые смелые предположения в области правового регулирования положения искусственного интеллекта возобладают над представлениями сегодняшнего дня.

Однако в настоящих условиях степень развития общественных отношений с включением в них функционала искусственного интеллекта позволяет сделать вывод о том, что он (искусственный интеллект или правильнее говорить компьютерная программа) пока не достиг того «уровня развития», который позволял бы говорить о нем как о полномочном субъекте или субъекте «с ограниченными правами и обязанностями» правоотношений, как offline, так и online пространства. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является считать его объектом таких правоотношений.

Список источников

1. Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. 256 с.
2. Алешкова И.А. Цифровой статус личности и правовой статус искусственного интеллекта: новое в юридических конструкциях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сб. ст. / отв. ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 186 – 202.
3. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157 – 170.
4. Васильев А.А., Шпоппер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7-8. С. 35 – 44.
5. Гаврилова Ю.А. Концепция интеграции искусственного интеллекта в правовую систему // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 673 – 692.
6. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 15 – 30.
7. Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24 – 48.
8. ГОСТ Р 43.0.8-2017 Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человекоинформационное взаимодействие. Общие положения // Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2018 год.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. N 32. ст. 3301.
10. Евсеев Е.Ф. О соотношении понятий «животное» и «вещь» в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2009. № 2. С. 16 – 20.
11. Журавлева А.В. Современные проблемы определения правосубъектности искусственного интеллекта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №2. С. 128 – 131.
12. Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правовой порядок России в условиях цифровизации // Вестник СПбГУ. Сер. 14: Право. 2019. № 2. С. 196 – 209.
13. Каплиев А.С. Критика национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 2 (182). С. 51 – 53.

14. Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. №1 (30). С. 25 – 29.
15. Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сб. ст. / отв. ред. Е.В. Алферова. М.: ИНИОН РАН, 2021. С. 218 – 230.
16. Ладенков Н.Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №3. С. 12 – 20.
17. Ладенков Н.Е. Трансформация правовой системы под влиянием цифровизации: причины и тенденции // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 164 – 168.
18. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79 – 102.
19. Мельничук М.А., Ченцова Д.В. Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 66 – 68.
20. Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
21. Морхат П.М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М, 2020. С. 95 – 102.
22. О содействии развитию и распространению умных роботов: закон Южной Кореи от 28 марта 2008 г. № 9014 с поправками по 6 января 2016 г. URL: <https://robotrends.ru/pub/1730/regulirovanie-robototekhniki-v-koree.-zakon-o-sodyaustvii-razvitiyu-i-rasprostraneniyu-umnyh-robotov> (дата обращения 23.01.2024)
23. Оморев Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-Management. 2020. № 1. С. 43 – 49.
24. Пекинские принципы искусственного интеллекта (Beijing AI Principles). URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11623-019-1183-6.pdf> (дата обращения 29.01.2024)
25. Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. №11 (263). С.14 – 24.
26. Провалинский Д.И. Теория государства и права в таблицах и схемах: учебное пособие для студентов, магистрантов и аспирантов. Казань: Бук, 2020. 510 с.
27. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». URL: <https://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/My74kFFZ.pdf> (дата обращения 21.01.2024).
28. Рассел С. Искусственный интеллект: современный подход. М.: Вильямс, 2018. 1408 с.
29. Робот-андройд София стала подданной Саудовской Аравии. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680400> (дата обращения 01.02.2024)
30. Саффо П. Каким будет место человека? Что мы думаем о машинах, которые думают о нас // Что мы думаем о машинах, которые думают: ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте: пер. с англ. / ред. Дж.Брокман. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 548 с.
31. Треушников И.А., Грязнова Е.В. Цифровое право: проблемы формирования категориального аппарата // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 131 – 135.
32. Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта // Бизнес и право. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2018. № 4. С. 3 – 8.
33. «Это было неизбежно»: беспилотник настиг новую жертву. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2018/03/20_a_11689327.shtml (дата обращения 26.01.2024)
34. 新一代人工智能发展规划. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения 23.01.2024)
35. AIs should have the same ethical protections as animals. URL: <https://aeon.co/ideas/ais-should-have-the-same-ethical-protections-as-animals> (дата обращения 01.01.2024)
36. Are the robots about to rise? Google's new director of engineering thinks so... URL: <https://www.theguardian.com/technology/2014/feb/22/robots-google-ray-kurzweil-terminator-singularity-artificial-intelligence> (дата обращения 30.01.2024)

37. Daly A., Hagedorff T., Li H., Mann M., Marda V., Wagner B., Wang W., Witteborn S. Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives // University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper. Hong Kong, 2019. N 2019/033. P. 7.
38. Chesterman S. Artificial intelligence and the limits of legal personality // International and comparative law quarterly. 2020. Vol. 69, N 4. P. 819.
39. Constitución del Ecuador de 2008. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/ecuador08.html> (дата обращения 04.02.2024).
40. Eden, Amnon H.; Moor, James H. Singularity hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment. URL: https://www.researchgate.net/publication/265489594_Singularity_Hypotheses_A_Scientific_and_Philosophical_Assessment (дата обращения 30.01.2024)
41. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&rid=1> (дата обращения 23.01.2024).
42. Shriomani Gurudwara Prabandhak ... vs Shri Som Nath Dass & Ors on 29 March, 2000. URL: <https://indiankanoon.org/docfragment/1478973/?formInput=guru0granthsahibisajuristicperson> (дата обращения: 02.01.2024)
43. Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017. URL: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html> (дата обращения: 02.01.2024)
44. Turing A.M. Computing machinery and intelligence. URL: <https://redirect.cs.umbc.edu/courses/471/papers/turing.pdf> (дата обращения 01.01.2024)
45. What is the best definition of Singularity?. URL: <https://www.singularitysymposium.com/definition-of-singularity.html> (дата обращения 30.01.2024)
46. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust. URL: https://ec.europa.eu/futurium/en/system/files/ged/white_paper_ai_19_02_2020.pdf (дата обращения 23.01.2024)

References

1. Averkin A.N., Gaase-Rapoport M.G., Pospelov D.A. Explanatory dictionary on artificial intelligence. M.: Radio and communication, 1992. 256 p.
2. Aleshkova I.A. Digital status of the individual and the legal status of artificial intelligence: new in legal constructions. Law, digital technologies and artificial intelligence: collection. Art. answer ed. E.V. Alferova. M.: INION RAS, 2021. P. 186 – 202.
3. Arkhipov V.V., Naumov V.B. On some issues of the theoretical foundations for the development of legislation on robotics: aspects of will and legal personality. Law. 2017. No. 5. P. 157 – 170.
4. Vasiliev A.A., Shpopper D., Mataeva M.Kh. The term “artificial intelligence” in Russian law: doctrinal analysis. Jurislinguistics. 2018. No. 7-8. P. 35 – 44.
5. Gavrilova Yu.A. The concept of integrating artificial intelligence into the legal system. RUDN Journal of Law. 2021. Vol. 25. No. 3. P. 673 – 692.
6. Gadzhiev G.A. Is a robot agent a person? (Search for legal forms for regulating the digital economy). Journal of Russian Law. 2018. No. 1. P. 15 – 30.
7. Gadzhiev G.A., Voinikanis E.A. Can a robot be a subject of law? (search for legal forms for regulating the digital economy). Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 24 – 48.
8. GOST R 43.0.8-2017 Information support for equipment and operator activities. Artificially intellectualized human-information interaction. General provisions. Official publication. M.: Standartinform, 2018.
9. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 24, 2023) (with amendments and additions, entered into force on October 1, 2023). Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. N 32. art. 3301.
10. Evseev E.F. On the relationship between the concepts of “animal” and “thing” in civil law. Legislation and economics. 2009. No. 2. P. 16 – 20.
11. Zhuravleva A.V. Modern problems of determining the legal personality of artificial intelligence. Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. No. 2. P. 128 – 131.
12. Zaloilo M.V., Pashentsev D.A. National legal order of Russia in the conditions of digitalization. Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 14: Right. 2019. No. 2. P. 196 – 209.
13. Kapliev A.S. Criticism of the national strategy for the development of artificial intelligence for the period until 2030. Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 2 (182). P. 51 – 53.

14. Kartschia A.A. Digital transformation of law // Monitoring of law enforcement. 2019. No. 1 (30). P. 25 – 29.
15. Krysanova N.V. Legal personality of artificial intelligence: discussions in domestic and foreign research. Law, digital technologies and artificial intelligence: collection. Art. answer ed. E.V. Alferova. M.: INION RAS, 2021. P. 218 – 230.
16. Ladenkov N.E. Models of endowing artificial intelligence with legal personality. Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and social sciences. 2021. No. 3. P. 12 – 20.
17. Ladenkov N.E. Transformation of the legal system under the influence of digitalization: causes and trends. Philosophy of Law. 2021. No. 1 (96). P. 164 – 168.
18. Laptev V.A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. P. 79 – 102.
19. Melnichuk M.A., Chentsova D.V. Civil liability of artificial intelligence. Law and Law. 2020. No. 6. P. 66 – 68.
20. Morhat P.M. Artificial intelligence: a legal view: Scientific monograph. ROO "Institute of State-Confessional Relations and Law". M.: Buki Vedi, 2017. 257 p.
21. Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence units. Civil law research. M, 2020. P. 95 – 102.
22. On promoting the development and dissemination of smart robots: Law of South Korea dated March 28, 2008 No. 9014, as amended on January 6, 2016 URL: <https://robotrends.ru/pub/1730/regulirovanie-robototekhniki-v-koree.-zakon-o-sodyaystvii-razvitiyu-i-rasprostraneniyu-umnyh-robotov> (date of access 01/23/2024)
23. Omorov R.O. Intellectual property and artificial intelligence. E-Management. 2020. No. 1. P. 43 – 49.
24. Beijing AI Principles. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11623-019-1183-6.pdf> (accessed 01/29/2024)
25. Popova A.V. New subjects of the information society and knowledge society: on the issue of normative legal regulation. Journal of Russian Law. 2018. No. 11 (263). P.14 – 24.
26. Provalinsky D.I. Theory of state and law in tables and diagrams: a textbook for students, undergraduates and graduate students. Kazan: Buk, 2020. 510 p.
27. Draft Federal Law “On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in terms of improving the legal regulation of relations in the field of robotics.” URL: <https://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/My74kFFZ.pdf> (access date 01/21/2024).
28. Russell S. Artificial intelligence: a modern approach. M.: Williams, 2018. 1408 p.
29. Android robot Sophia became a citizen of Saudi Arabia. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4680400> (access date 02/01/2024)
30. Saffo P. What will be the place of man? What do we think about the machines that think about us. What do we think about the machines that think: the world's leading scientists about artificial intelligence: trans. from English. ed. J. Brockman. M.: Alpina non-fiction, 2017. 548 p.
31. Treushnikov I.A., Gryaznova E.V. Digital law: problems of forming a categorical apparatus. Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2 (54). P. 131 – 135.
32. Fedorina A.A. On the issue of the legal status of robotics and artificial intelligence. Business and Law. Supplement to the journal "Business Law". 2018. No. 4. P. 3 – 8.
33. “It was inevitable”: the drone overtook a new victim. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2018/03/20_a_11689327.shtml (access date 01/26/2024)
34. 新一代人工智能发展规划. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed 01/23/2024)
35. AIs should have the same ethical protections as animals. URL: <https://aeon.co/ideas/ais-should-have-the-same-ethical-protections-as-animals> (accessed 01/01/2024)
36. Are the robots about to rise? Google's new director of engineering thinks so... URL: <https://www.theguardian.com/technology/2014/feb/22/robots-google-ray-kurzweil-terminator-singularity-artificial-intelligence> (accessed 01/30/2024)
37. Daly A., Hagedorff T., Li H., Mann M., Marda V., Wagner B., Wang W., Witteborn S. Artificial intelligence, governance and ethics: global perspectives. University of Hong Kong Faculty of Law Research Paper. Hong Kong, 2019. N 2019/033. P. 7.
38. Chesterman S. Artificial intelligence and the limits of legal personality. International and comparative law quarterly. 2020. Vol. 69, N 4. P. 819.

39. Constitución del Ecuador de 2008. URL: <https://pdba.georgetown.edu/Constitutions/Ecuador/ecuador08.html> (accessed 02/04/2024).
40. Eden, Amnon H.; Moor, James H. Singularity hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment. URL: https://www.researchgate.net/publication/265489594_Singularity_Hypotheses_A_Scientific_and_Philosophical_Assessment (accessed 01/30/2024)
41. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&rid=1> (accessed 01/23/2024).
42. Shriomani Gurudwara Prabandhak ... vs Shri Som Nath Dass & Ors on March 29, 2000. URL: <https://indiankanoon.org/docfragment/1478973/?formInput=guru0granthsahibisajuristicperson> (date of access: 01/02/2024)
43. Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017. URL: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html> (accessed: 01/02/2024)
44. Turing A.M. Computing machinery and intelligence. URL: <https://redirect.cs.umbc.edu/courses/471/papers/turing.pdf> (accessed 01/01/2024)
45. What is the best definition of Singularity?. URL: <https://www.singularitysymposium.com/definition-of-singularity.html> (accessed 01/30/2024)
46. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust. URL: https://ec.europa.eu/futurium/en/system/files/ged/white_paper_ai_19_02_2020.pdf (accessed 01/23/2024)

Информация об авторе

Провалинский Д.И., кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия, dmi38288850@yandex.ru

© Провалинский Д.И., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.78

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-126-132

Особенности гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде

^{1,2} Тесаков Г.Т.,

¹ Акционерное общество «Национальная система платежных карт»,
² Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Аннотация: цель статьи – выявить особенности гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде. Поставленная цель достигалась посредством исследования понятия «цифровая среда», под которой предложено понимать пространство, в котором осуществляется жизнедеятельность человека и общества, направленная на удовлетворение их потребностей посредством цифровых технологий. В статье отдельное внимание уделено цифровым правоотношениям и особенностям их реализации в праве интеллектуальной собственности. Отмечено, что цифровые правоотношения основаны на применении цифровых технологий, а цифровая среда является фактором, определяющим их развитие. Выделены особенности объекта, субъекта и содержания правоотношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде: объект права интеллектуальной собственности имеет цифровую форму выражения, которая, не отражается на его правовой природе; объект права интеллектуальной собственности может иметь цифровую природу, являясь результатом интеллектуальной деятельности облеченный в цифровую форму; участие информационного посредника; содержание правоотношений опосредованы цифровой средой реализации прав и обязанностей их участников, которые используют цифровые технологии. В заключении сделан вывод о том, что действующее гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, находится в состоянии становления и развития. В правовом регулировании нуждаются вопросы, связанные с установлением цифровой формы объектов интеллектуальной собственности, расширением перечня результатов интеллектуальной деятельности и созданием правового механизма использования объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровые правоотношения, цифровизация, результаты интеллектуальной деятельности, объект интеллектуальной собственности, цифровая форма выражения объектов интеллектуальной собственности

Для цитирования: Тесаков Г.Т. Особенности гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 126 – 132. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-126-132

Поступила в редакцию: 10 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 7 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Features of civil legal regulation of relations arising from the use of intellectual property objects in the digital environment

^{1,2} Tesakov G.T.,

¹ National Payment Card System Joint Stock Company,
² Russian State Academy of Intellectual Property

Abstract: *the purpose of the article is to identify the features of civil law regulation of relations arising when using intellectual property in the digital environment. This goal was achieved through the study of the concept of “digital environment”, which is proposed to be understood as the space in which the life activities of people and society are carried out, aimed at meeting their needs through digital technologies. The article pays special attention to digital legal relations and the peculiarities of their implementation in intellectual property law. It is noted that digital legal relations are based on the use of digital technologies, and the digital environment is a factor determining their development. The features of the object, subject and content of legal relations that arise when using intellectual property in the digital environment are highlighted: the object of intellectual property law has a digital form of expression, which does not affect its legal nature; an object of intellectual property rights may be of a digital nature, being the result of intellectual activity expressed in digital form; participation of an information intermediary; the content of legal relations is mediated by the digital environment for the implementation of the rights and obligations of their participants who use digital technologies. In conclusion, it is concluded that the current civil law regulation of relations arising from the use of intellectual property in the digital environment is in a state of formation and development. Issues related to the establishment of the digital form of intellectual property objects, expansion of the list of results of intellectual activity and the creation of a legal mechanism for the use of intellectual property objects in the digital environment need legal regulation.*

Keywords: *digital environment; digital legal relations; digitalization; results of intellectual activity; object of intellectual property; digital form of expression of intellectual property objects*

For citation: Tesakov G.T. Features of civil legal regulation of relations arising from the use of intellectual property objects in the digital environment. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 126 – 132. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-126-132

The article was submitted: March 10, 2024; Approved after reviewing: May 17, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Современный период цифровизации производства называют цифровой революцией [6, с. 13], берущей свое начало с создания в 90-х гг. XX века виртуальной среды и до настоящего времени, характеризующегося передовыми цифровыми технологиями, в основе которых заложены результаты интеллектуальной деятельности.

Цель статьи – выявить особенности гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть понятие «цифровая среда»;
- 2) исследовать процесс формирования нового вида специфических правоотношений – цифровых;
- 3) выявить особенности реализации цифровых правоотношений в праве интеллектуальной собственности.

Гипотеза – для надлежащего правового регулирования правовых отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, необходимо доработать и модернизировать законодательство в указанной области.

Материалы и методы исследований

Материалами для исследования гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде послужили доктринальные положения, позволяющие рассмотреть понятие цифровой среды, процесс формирования цифровых правоотношений и особенности их реализации в праве интеллектуальной собственности.

В исследовании применялись методы системного и логического анализа, нормативно-догматический и формально-юридический методы.

Результаты и обсуждения

В процессе цифровой трансформации общественных отношений происходит формирование нового пространства, способы и формы функционирования которого упрощают и ускоряют доступ к информации. Речь идет о цифровой среде, являющейся специфическим пространством жизнедеятельности человека и общества. Само понятие «цифровая среда» легально не определено, несмотря на его использование в рядке документов стратегического характера. Более того, в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» появился проект «Нормативное регулирование цифровой среды», необходимый для регулирования экономики в цифровом пространстве и предполагающий принятие законодательных актов, направленных на устранение препятствий совершенствованию цифровой экономики.

Если обратиться к предпринимаемым в современной доктрине научно-теоретическим попыткам определить понятие цифровой среды, то можно выделить несколько наиболее значимых подходов, в соответствии с которыми цифровая среда понимается как:

— часть информационного пространства, в которой функционирует информация, облеченная в цифровую форму, и которой оперирует цифровая электроника [1, с. 124];

— интегрированная коммуникационная среда, в которой взаимодействуют и управляют содержимым цифровые устройства с применением цифровых технологий и платформ [7, с. 38].

Если исходить из этимологии слова «среда», означающего вещество, заполняющее пространство, окружение, условия, обстановку [8, с. 534], то цифровая среда – это, прежде всего пространство и окружение, обусловленное цифровизацией общественных отношений. В свою очередь, цифровизация понимается как внедрение цифровых, компьютерных, информационных, электронных и телекоммуникационных технологий [3], соответственно, цифровую среду возможно определить как пространство, в котором осуществляется жизнедеятельность человека и общества, направленная на удовлетворение их потребностей посредством применения цифровых технологий.

Современные социальные сети являются повседневным средством коммуникации, а множество технологических платформ используется в различных сферах деятельности физических и юридических лиц. Будучи пространством жизнедеятельности человека и общества, активно проникая в сферу традиционных материальных правоотношений, цифровая среда объективно нуждается в адекватном правовом регулировании, в связи с чем в данном случае можно с уверенностью утверждать о процессе формирования нового, специфического вида правоотношений – цифровых.

Начало формирования цифровых правоотношений связывают с возникновением новых способов работы с информацией, имеющей важное значение в условиях цифровизации общественных отношений [9, с. 24], в связи с чем особую роль в развитии регулирования таких правоотношений принадлежит Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который ввел в правовой оборот ряд новых терминов и определений («информационные технологии», «информационная система», «информационно-телекоммуникационная сеть», «доступ к информации», «электронное сообщение», «сайт в сети «Интернет»», «сетевой адрес», «поисковая система» и др.), позволяющих не только выяснить и охарактеризовать сущность цифровых технологий, но и адаптировать правовое регулирование к условиям «цифровизации» права [5, с. 39].

Представляется бесспорным, что первоначальной ступенью цифровизации общественных отношений является информатизация, трансформирующая в процессе своего развития и совершенствования информационное общество в цифровое. Непосредственно на формирование нормативно-правового регулирования цифровой среды направлен федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», разработанный в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». В числе программных документов, направленных на развитие цифровых правоотношений, следует также назвать Концепцию развития технологий машиночитаемого права и Концепцию регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года.

Таким образом, цифровизация общественных отношений, проникая в различные сферы жизни общества, существенно трансформирует прежнюю, традиционную для отечественного законодательства систему правоотношений. Цифровые правоотношения развиваются не в материальной реальности, а в сфере электронной коммерции, электронного документооборота и т.п., то есть в цифровой среде, однако такие правоотношения в теоретическом плане не рассматриваются как самостоятельный вид правоотношений, хотя активное внедрение цифровых технологий все более усиливает тенденцию развития общества, функционирующего в цифровой среде, и возникающие в такой среде отношения правильно называть цифровыми [12].

Исследование цифровых правоотношений осложняется, прежде всего, недостаточным объемом нормативно-правового материала и методологических разработок. Некоторые ученые выделяют цифровые пра-

воотношения на базе цифрового права [4]. Особенность цифровых правоотношений состоит в том, что в их основе заложены правовые нормы, регламентирующие информацию и ее передачу по цифровым каналам [10, с. 23], причем цифровые правоотношения основаны на применении цифровых технологий, а цифровая среда является фактором, определяющим их развитие.

Создание механизма правового регулирования цифровых отношений не отвечает критериям системности и последовательности правотворчества и применения. Названная проблема наглядно проявляется при дифференциации отраслей на частные и публичные. Так, некоторые отрасли частного права восприимчивы для цифровизации, а в других создаются соответствующие защитные механизмы. Определенные проблемы в части развития цифровых правоотношений возникают и в сфере публичного права, хотя в целом цифровые правоотношения могут реализовываться в отраслях как частного, так и публичного права. Что же касается права интеллектуальной собственности, то наличие в ней цифровых правоотношений в настоящее время общепризнанно, однако отсутствие развернутого правового регулирования таких правоотношений в данном разделе законодательства позволяет их рассматривать только в научно-теоретическом аспекте.

Как любое правоотношение, цифровое правоотношение характеризуется такими элементами, как объект, субъект и содержание. Структурные элементы цифровых правоотношений в сфере права интеллектуальной собственности совпадают с элементами правоотношений, возникающих в сфере интеллектуальной собственности. Отличием является среда функционирования данных правоотношений, что опосредует некоторые особенности их содержательных элементов.

Рассматривая цифровую организацию общественных отношений, В.Ф. Попондопуло выделяет особенности правовых форм правового положения субъектов, объектов и содержания правоотношений, опосредующих цифровые отношения [11]. Автор различает основной статус субъектов реальных общественных отношений и особенности такого статуса, определяемого цифровой формой отношений, дополняющегося правами и обязанностями, вызванные цифровой формой реализации основного правоотношения. Относительно правового режима объектов правоотношений также можно выделить объект реальных общественных отношений и особенности его правового режима, вызванного цифровой формой общественного отношения. Цифровые отношения определяют и особенности содержания правоотношения, приобретения и передачи прав и обязанностей, вызванные цифровой формой отношений [11].

Применительно к отношениям, возникающим при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, следует выделить ряд особенностей относительно объекта, субъекта и содержания таких правоотношений.

Во-первых, законодатель ограничивает объекты интеллектуальных прав, которые могут иметь только идеальную природу в отличие от материальных носителей, в которых данные объекты воплощены. При этом важно учитывать тот факт, что правовую охрану объекты интеллектуальной собственности получают с момента их воплощения в объективированную форму, именуемой вещью (ч. 2 ст. 1227 ГК РФ), а сами объекты права интеллектуальной собственности в контексте ст. 1225 ГК РФ представляют собой результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

В цифровой среде объект права интеллектуальной собственности имеет цифровую форму выражения, в которую облакаются практически все произведения, однако в ГК РФ отсутствует указание на возможность объективизации результатов интеллектуальной деятельности в цифровой форме. Например, в п. 3 ст. 1259 ГК РФ применительно к произведениям законодатель называет письменную, устную форму, а также формы изображения, звуко-, видеозаписи и объемно-пространственные формы. Относительно формы объектов смежных прав названы формы, допускающие их воспроизведение с помощью технических средств, а также форма, позволяющая повторное публичное исполнение или сохранение (подп. 1 п. 1 ст. 1304 ГК РФ). В ст. 1261 ГК РФ для программ для ЭВМ допускается любая форма, включающая исходный текст и объектный код.

Названные факторы вызывают определенные затруднения в понимании и характеристике цифровой формы выражения объектов интеллектуальной собственности. Возникающие при этом вопросы решаются не только в доктрине, но и правоприменителем. В частности, на практике цифровой формой выражения объектов интеллектуальной собственности, которым предоставляется правовая охрана, признаются цифровые фотоснимки, цифровые криптозащищенные фонограммы, цифровые «исходники» изображений, цифровая форма произведения, размещенного на сайте.

Цифровая форма объектов интеллектуальной собственности, не отражаясь на их правовой природе, влечет определенные особенности непосредственно формы их выражения и осуществления прав в отношении таких специфических результатов интеллектуальной деятельности. Однако цифровая трансформация общественных отношений отражается не только на форме объектов интеллектуальной собственности, но и на

самих результатах интеллектуальной деятельности, закрытый перечень которых закреплен в ст. 1225 ГК РФ. Речь идет об изменении данного перечня посредством исключения объектов, утративших свою актуальность, и пополнения его новыми охраняемыми объектами.

Одним из широко обсуждаемых вопросов является предоставление правовой охраны результатам деятельности искусственного интеллекта, относительно которого предполагается, что в перспективе он способен оказать существенное влияние на традиционные категории права интеллектуальной собственности [13]. Кроме того, в перспективе видится признание объектом интеллектуальной собственности результатов творческой деятельности в сфере трехмерного моделирования. Результатом интеллектуальной деятельности является и цифровой продукт, который в настоящее время не обозначен в таком качестве в нормах действующего законодательства, но он включает результаты интеллектуальной деятельности, облеченные в цифровую форму и являющиеся цифровыми объектами интеллектуальной собственности по своей природе.

Во-вторых, особенности правового положения субъектов цифровых отношений, возникающих в сфере права интеллектуальной собственности, определяются использованием ими объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде. В таких отношениях предполагается участие информационного посредника, ответственность которого закреплена в ст. 1253.1 ГК РФ.

Одной из обсуждаемых проблем является наделение правосубъектностью искусственного интеллекта, а точнее роботов и информационных комплексов, работающих на его основе [2, с. 138]. Следует признать, что на роботов, являющихся результатами интеллектуальной деятельности, распространяется режим правовой охраны объекта интеллектуальной собственности, однако в действующем законодательстве сохраняется правовая незащищенность результатов интеллектуальной деятельности искусственного интеллекта. Одним из направлений решения данного вопроса видится расширение перечня объектов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, автором которых должны признаваться создатели робота, искусственным интеллектом которого создан результат интеллектуальной деятельности.

В-третьих, особенности содержания правоотношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности, опосредованы цифровой средой реализации прав и обязанностей их участников. В частности, в правоотношениях, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, участники используют цифровые технологии, например, технологии смарт-контрактов при заключении договоров. В настоящее время созданы и осуществляют свою деятельность компании, использующие технологию блокчейн, однако правовые механизмы использования таких технологий к настоящему времени еще не выработаны, поэтому одним из направлений развития соответствующего раздела гражданского законодательства является создание на платформе блокчейн единого реестра объектов авторских и смежных прав, что станет эффективным инструментом борьбы с нарушением данных прав.

Выводы

Проведенное исследование гражданско-правового регулирования отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, позволяет выделить следующие особенности.

Во-первых, в результате цифровой трансформации общественных отношений сформировалось новое пространство в виде цифровой среды, в которой способы и формы функционирования упрощают и ускоряют доступ к информации. Под цифровой средой следует понимать пространство, в котором осуществляется жизнедеятельность физических и юридических лиц, публичных образований и общества в целом, направленная на удовлетворение материальных и духовных потребностей посредством использования цифровых технологий.

Во-вторых, цифровая среда, проникая в сферу традиционных материальных правоотношений, нуждается в адекватном правовом регулировании, в связи с чем следует отметить формирование цифровых правоотношений, развивающихся не в материальной реальности, а в цифровой среде и основанных на применении цифровых технологий. Несмотря на отсутствие развернутого правового регулирования цифровых правоотношений, их наличие в праве интеллектуальной собственности не подлежит сомнению.

В-третьих, отношениям, возникающим при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, присущи следующие особенности:

- объект права интеллектуальной собственности имеет цифровую форму выражения, которая не отражается на его правовой природе;
- объект права интеллектуальной собственности может иметь цифровую природу, являясь результатом интеллектуальной деятельности, облеченным в цифровую форму;
- в таких отношениях всегда участвует информационный посредник;

— содержание правоотношений опосредованы цифровой средой реализации прав и обязанностей их субъектов, использующих цифровые технологии.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих при использовании объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, находится в состоянии становления и развития, в процессе которых представляется целесообразным:

— установить в ГК РФ возможность объективизации результатов интеллектуальной деятельности в цифровой форме, раскрыв данное понятие;

— дополнить перечень объектов интеллектуальной собственности результатами интеллектуальной деятельности, созданными искусственным интеллектом, автором которых должны признаваться создатели робота, искусственным интеллектом которого создан результат интеллектуальной деятельности;

— создать механизм правового регулирования использования объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде, урегулировав платформу блокчейн и технологии смарт-контрактов.

Список источников

1. Богатырев К.М. Формирование частной теории использования специальных знаний в целях обеспечения информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 124 – 134.

2. Воробьев Н.С. Интеллектуальная собственность в цифровую эпоху: проблемы международно-правового и национального регулирования // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 137 – 146.

3. Гайворонская Я.В., Афанасьева С.А., Бакулина Л.Т. и др. Совершенствование правотворчества в условиях цифровизации: юридико-технические аспекты // Пробелы в праве в условиях цифровизации: сборник научных трудов / Под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 472 с.

4. Головкин Р.Б., Амосова О.С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2. С. 163 – 166.

5. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 394 с.

6. Карцхия А.А. Цифровая революция: новые технологии и новая реальность // Правовая информатика. 2017. № 1. С. 13 – 18.

7. Кузнецов Р.А. Уточнение понятий «цифровизация» и «цифровая среда» в контексте межпоколенческих связей // В сборнике: Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Гл. редактор Ж.В. Мурзина. Чебоксары, 2022. С. 37 – 39.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: Мир и Образование, 2007. 640 с.

9. Пашенко И.Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2022. Т. 43. № 4. С. 21 – 25.

10. Пашенко И.Ю. Цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 24. № 4. С. 21 – 25.

11. Попондопуло В.Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29 – 36.

12. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 121 – 122.

13. Gurry F. Artificial Intelligence and Intellectual Property: An Interview With Francis Gurry // WIPO Magazine. 2018. № 5. P. 3.

References

1. Bogatyrev K.M. Formation of a private theory of the use of special knowledge in order to ensure information and ideological security in the digital environment. Current problems of Russian law. 2021. No. 10. P. 124 – 134.

2. Vorobyov N.S. Intellectual property in the digital era: problems of international legal and national regulation. Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 7. P. 137 – 146.

3. Gaivoronskaya Y.V., Afanasyeva S.A., Bakulina L.T. and others. Improving lawmaking in the conditions of digitalization: legal and technical aspects. Gaps in law in the conditions of digitalization: a collection of scientific papers. Ed. ed. YES. Pashentseva, M.V. It started to clog. M.: Infotropik Media, 2022. 472 p.

4. Golovkin R.B., Amosova O.S. “Digital rights” and “digital law” in the mechanisms of digitalization of the economy and public administration. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2019. No. 2. P. 163 – 166.
5. Kartskhia A.A. Civil law model of regulation of digital technologies: dissertation. ... Doctor of Law. Sci. M., 2019. 394 p.
6. Kartskhia A.A. Digital revolution: new technologies and new reality. *Legal informatics*. 2017. No. 1. P. 13 – 18.
7. Kuznetsov R.A. Clarification of the concepts of “digitalization” and “digital environment” in the context of intergenerational connections. In the collection: *Current issues in the humanities and social sciences: Materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Ch. editor Zh.V. Murzina. Cheboksary, 2022. P. 37 – 39.
8. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian language: Ok. 53,000 words*. General. ed. L.I. Skvortsova. M.: Mir and Education, 2007. 640 p.
9. Pashchenko I.Yu. Digital legal relations as a new phenomenon for the legal regulation system. *Works on Intellectual Property*. 2022. Vol. 43. No. 4. P. 21 – 25.
10. Pashchenko I.Yu. Digital legal relations as a new phenomenon for the system of legal regulation. *Proceedings on intellectual property*. 2022. Vol. 24. No. 4. P. 21 – 25.
11. Popondopulo V.F. Legal forms of digital relations. *Lawyer*. 2019. No. 6. P. 29 – 36.
12. Tumakov A.V., Petrakov N.A. Development of digital legal relations in modern realities. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 2. P. 121 – 122.
13. Gurry F. *Artificial Intelligence and Intellectual Property: An Interview with Francis Gurry*. *WIPO Magazine*. 2018. No. 5. P. 3.

Информация об авторе

Тесаков Г.Т., главный специалист направления по сопровождению средств индивидуализации и программного обеспечения, аспирант, Акционерное общество «Национальная система платежных карт» (АО «НСПК»), Российская государственная академия интеллектуальной собственности, glebtesakov@yandex.ru

© Тесаков Г.Т., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.7

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-133-137

Особенности правового регулирования объектов культурного наследия

¹ Кузнецова А.А.,

¹ Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

Аннотация: в статье представлен анализ правового регулирования объектов культурного наследия. Представляется, что охрана объектов культурного наследия основывается на законодательной базе, представляющей собой совокупность норм международного и национального права. Правовые нормы национального права содержат законы, регулирующие правоотношения в ходе охраны и защиты объектов культурного и наследия. В законодательную базу включаются подзаконные нормативные акты, представляющие собой Указы Президента РФ, Постановления и Распоряжения Правительства РФ, Стратегии и Программы которые отражают политическую обстановку и определяют меры, принимаемые государством в области культурного наследия России. Основным источником российского права является Конституция РФ, устанавливающая, что каждый человек имеет право на «участие в культурной жизни, пользование культурными учреждениями и доступ к культурным ценностям». Представляется, что культурное наследие любой страны выступает ценностью и мощным ресурсом, который определяет идентичность нации и её место в мире.

Ключевые слова: правовое регулирование объектов культурного наследия, охрана объектов культурного наследия, культурное наследие, объекты культуры, законодательная основа, культурные ценности

Для цитирования: Кузнецова А.А. Особенности правового регулирования объектов культурного наследия // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 133 – 137. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-133-137

Поступила в редакцию: 10 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Features of the legal regulation of cultural heritage sites

¹ Kuznetsova A.A.,

¹ Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Abstract: the article presents an analysis of the legal regulation of cultural heritage sites. It seems that the protection of cultural heritage sites is based on a legislative framework representing a set of norms of international and national law. The legal norms of national law contain laws regulating legal relations in the course of protection and protection of cultural and heritage sites. The legislative framework includes subordinate normative acts, which are Decrees of the President of the Russian Federation, Resolutions and Orders of the Government of the Russian Federation, Strategies and Programs that reflect the political situation and determine the measures taken by the state in the field of cultural heritage of Russia. The main source of Russian law is the Constitution of the Russian Federation, which establishes that everyone has the right to "participate in cultural life, use cultural institutions and access to cultural values." It seems that the cultural heritage of any country is a valuable and powerful resource that defines the identity of a nation and its place in the world.

Keywords: legal regulation of cultural heritage sites, protection of cultural heritage sites, cultural heritage, cultural objects, legislative framework, cultural values

For citation: Kuznetsova A.A. Features of the legal regulation of cultural heritage sites. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 133 – 137. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-133-137

The article was submitted: March 10, 2024; Approved after reviewing: May 10, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Актуальность исследования обусловлена изучением законодательства, посвященного защите объектов культурного наследия.

В Основном законе государства указано, что РФ применяет нормы международного права, если они не противоречат национальному законодательству. РФ ратифицировала часть деклараций, посвящённых защите объектов культуры. Следовательно, государство имеет обязательства по охране культурных объектов, осуществляемых на внутригосударственном, а также на международном уровне, на основании международных стандартов [5].

Часть 1 статьи 27 Всеобщей декларации прав человека, регламентирует право субъекта на доступ к культурным ценностям [1]. Декларация регламентирует авторское право на защиту, если лицо выступает автором научных, литературных или художественных произведений.

Следовательно, понятие «общекультурное наследие» является широким, включающим культурное наследие России, охраняемое на территории государства и за рубежом, тогда как в термин «культурное наследие» входят различные авторские и иные права [1]. Международные правовые акты, устанавливая вышеперечисленные права, указывают на значимость для государства участия граждан в культурной области каждой страны. Таким образом, устанавливается высокая роль творческой деятельности в развитии и охране культурного наследия страны, и указана взаимосвязь между культурными и авторскими правами, поддерживаемые и защищаемые публичными органами.

Актуальностью исследования является недостаточное изучение в научной сфере проблем правового регулирования объектов культурного наследия.

Цель исследования – разработка и обоснование предложений по совершенствованию нормативной правовой базы, направленной на защиту объектов культуры.

Задачи – выделить особенности правового регулирования объектов культурного наследия.

Гипотеза – необходимо обновить нормы законодательства, регулирующего защиту объектов культурного наследия, разнообразив в них способы правовой охраны.

Материалы и методы исследований

В ходе анализа был использован комплекс теоретических методов (анализ, синтез, аналогия, индукция, дедукция), а также эмпирический инструментарий в виде анализа нормативных правовых актов.

Эмпирическая база исследования представлена изучением законодательства и различной правовой литературы.

Результаты и обсуждения

Некоторые учёные, такие как Е. Полименопуло говорят о трудности охраны объектов культурного наследия и одновременной их реализации, особенно применительно к коренным малочисленным народам [11]. По его мнению в ходе взаимодействия между различными международными организациями, к примеру ЮНЕСКО, может возникать ситуация, в которой объект культуры становится товаром, который можно дорого продать и получить прибыль [11].

Необходимо государству обеспечить коренным народам получения нормального вознаграждения за реализацию объектов культуры, обеспечив этим уважительное отношение к правам и свободам в сфере культуры. Представляется, что практическая реализация прав в отношении объектов культурного наследия представляет большую сложность.

Следует изучать важные аспекты, связанные с сохранением и уважением права на культурное наследие коренных народов и необходимо применять более сбалансированный подход к его защите и использованию. Это вызывает обсуждение о необходимости изменений и усовершенствований в правовой и политической сферах, чтобы обеспечить более справедливое и уважительное отношение к культуре и правам коренных народов. Именно поэтому нормы международно-правовых актов, а именно конвенции ЮНЕСКО устанавливают обязанности для лиц уважать культурные права всех народов и необходимость получать «свободное и информированное согласие» при использовании данных объектов [11].

В научной литературе появляется понятие «биопиратство», представляющее собой незаконное присвоение объектов культурного наследия коренных народов, осуществляемое исключительно в предпринимательских целях. В результате совершения «биопиратства» происходит незаконное присвоение объектов интеллектуальной собственности, для их последующей перепродажи и получения финансовой выгоды, не учитывая интересов, права коренных народов, так как полученная прибыль явно не соответствует реальной

стоимости продаваемых предметов. Это означает, что коренные народы могут получать недостаточную часть прибыли от коммерциализации своего культурного наследия.

Введение чёткое международно-правовой защиты культурных ценностей является необходимостью. Это позволит защитить культурное наследие коренных народов, обеспечить справедливое и уважительное отношение к их правам и обеспечить более сбалансированный подход к использованию и коммерциализации культурных объектов.

В науке конституционного права существует теория «трёх поколений прав человека», которая разделяет права в зависимости от этапов их провозглашения. Ко второму поколению конституционных прав следует отнести культурные права.

Согласно теории конституционных прав был принят Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [2], устанавливающий защиту культурных объектов.

Другим важнейшим международным правовым документом является Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия [3].

Согласно данной Конвенции, культура является комплексной сферой, где осуществляется международное взаимодействие стран по управлению культурными ценностями. Данная сфера основывается на как приоритете важнейших прав человека, гуманистических ценностях.

Важнейшая цель Конвенции состоит в сохранении объектов всемирного культурного и природного наследия. К категории таких объектов следует отнести: археологические объекты, музейные коллекции, устные традиции и т.д. [3].

В правовых нормах Конвенции указано, что государство должно поощрять творчество граждан, это необходимо для дальнейшего развития сферы культуры. Международная конвенция необходима для установления международного взаимодействия между странами и формирования необходимых механизмов защиты и способов управления культурными права.

Многие считают, что данная международная конвенция выступает самым важным источником права при регулировании защитных механизмов культурных ценностей и положительно влияет на проводимую культурную политику государства.

Используя материальные ресурсы, государство должно выполнять возложенные на него обязательства. Однако, в случае необходимости оно может обращаться за помощью к другим странам в рамках разрешения финансовых, художественных, научных аспектов культурных ценностей.

В настоящее время имеются трудности, связанные с сохранностью культурных ценностей. Для разрешения вышеназванной проблемы необходимо привлечь внимание международной общественности. Констатируем, что международное законодательство в области объектов культурного наследия содержит большой перечень нормативных правовых актов.

Важным источником права, регулирующим вопросы сохранения памятников культуры, выступает Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта [4].

Данный международный акт устанавливает нормы и принципы, касающиеся защиты объектов культуры в ходе каких-либо вооружённых действий. Она призывает государства-участники принимать меры для предотвращения разрушения, хищения и незаконной торговли культурными ценностями в условиях вооружённых конфликтов и стремится обеспечить наказание за такие преступления.

Следовательно, правовая охрана объектов культурного наследия способствует сохранности и последующей передаче культурных ценностей, будущему поколению, передавая тем самым имеющиеся культурные и цивилизационные традиции.

Несомненно, важнейшей частью нашего общества выступает культурное наследие, без сохранения идентичности и самобытности которого общество существовать не сможет.

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» закрепляет правовые основы охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия всех народов, проживающих на территории России [6].

Данный нормативный правовой акт содержит принципы охраны культурных объектов, субъекты, осуществляющие её, к которым относятся: органы власти, юридические и физические лица.

Органы государственной власти обеспечивают реализацию законов, посвящённых охране культурных ценностей и осуществляют контроль за его соблюдением. Институты гражданского общества могут внести свой вклад в охрану культурных ценностей путём участия в общественных проектах по реставрации памятников истории и культуры, проведении научных анализа существующих проблем [6].

Анализируемый закон указывает на возможность изъятия судом культурных объектов по иску компетентных государственных органов у лиц, нарушающих нормы закона относительно сохранения культурных ценностей, если это влечёт угрозу причинения им вреда [6].

Конечно, практика изъятия объектов культурного наследия, очень мала. Основными причинами могут являться: сложности в судебном процессе, недостаточные ресурсы для реализации изъятия и т.д.

В целом, несмотря на наличие законодательных положений, реализация возможности изъятия объектов культурного наследия остаётся не выполнимой, требующей дальнейшего развития и усовершенствования механизмов и практики применения закона.

ГК РФ устанавливает правовое положение объектов культурного наследия, а также порядок заключения договоров с ними.

Право собственности на объекты культурного наследия может быть частным или государственным. В случае государственной собственности, государство несет особую ответственность за их сохранение и правильное использование. В случае частной собственности, собственник таких объектов обязан соблюдать все требования и стандарты охраны и использования культурного наследия [7].

Следовательно, правовые нормы ГК РФ довольно детально устанавливают гражданско-правовой статус объектов культурного наследия, и процедуру заключения, исполнения и расторжения договоров, где фигурируют культурные ценности.

Гражданское законодательство также устанавливает возможность применения мер гражданско-правовой ответственности за совершение лицами гражданских правонарушений, связанных с объектами культурного наследия.

Следовательно, неисполнение обязательств субъектом, связанных с охраной культурных ценностей может влечь за собой причинение серьёзных правовых последствий в виде ущерба объектам культурного наследия [7].

Отрасль гражданского права содержит перечень правонарушений, влекущих взыскание ущерба, в результате совершения субъектами незаконных действий (бездействий) в отношении культурных ценностей. При нарушении прав на культурные объекты, собственник или другие заинтересованные лица могут обратиться в судебный орган с исковым заявлением о защите своих интересов и восстановлению нарушенных прав.

Отдельные нарушения в сфере охраны культурных ценностей могут содержаться и в других отраслях права, включая уголовное, административное право и экологическое право. В каждой из этих отраслей права предусмотрены специальные нормы и механизмы правового воздействия на нарушителей.

Таким образом, гражданское законодательство и другие отрасли права предусматривают механизмы и санкции для защиты прав и охраны культурного наследия, а также санкции за нарушение обязанностей, закреплённых в Конституции РФ.

Подзаконные нормативные акты значимы для правоприменителей в сфере культуры. Они могут закреплять направления развития по вопросам культуры.

Распоряжением Правительства РФ была введена в действие Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [8]. Важнейшей задачей Стратегии государственной культурной политики была реализация социальных мер и всестороннее развитие культуры в государстве. Она предусматривает использование имеющихся ресурсов для достижения этой цели и определяет основные направления развития культурной сферы в России [8].

Подзаконные нормативные акты, основанные на Стратегии, могут содержать конкретные меры и рекомендации для реализации целей по развитию сферы культуры. Например, они могут устанавливать порядок финансирования культурных проектов, определять критерии для выделения субсидий и грантов, разрабатывать механизмы поддержки и защиты национального культурного наследия.

Выводы

В целом, подзаконные нормативные акты дополняют и конкретизируют положения закона, обеспечивая его реализацию в практике. Они являются важным инструментом для развития и регулирования культурной сферы в России.

Опыт других стран по охране культурных ценностей необходим для российского государства для возможности совершенствования национальных законов. Конечно, любая страна имеет специфику объектов культурного значения, а также свои национальные традиции, поэтому анализ проводить в сравнении с Россией.

Культурное наследие для любой страны выступает ценностью и мощным ресурсом, который определяет идентичность нации и её место в мире.

Проводимые в стране реформы, посвящённые защите культурных ценностей, требуют осмысления и использования всестороннего подхода к реализации. Анализ разнообразных способов, направленных на охрану объектов культурного наследия может быть основой для внесения изменений в современное российское законодательство. Обновление законодательства, посвящённого объектам культурного наследия, будет способствовать сохранению культурного наследия государства.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 декабря.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831).
3. Конвенция об охране мирового культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. М., 1991. Вып. XLV. С.482.
4. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 3. Ст. 54.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). М., 2020. 63 с.
6. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519.
7. Гражданский кодекс часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. №326-р «О стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 11. Ст. 1552.
11. Полименопуло Е. Культурное наследие коренных народов и его художественное выражение: «Локализация» прав интеллектуальной собственности и требования ЮНЕСКО // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 14 – 22.

References

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the General Assembly of the UN by resolution 217 A (III) of December 10, 1948). Russian newspaper. 1998. December 10.
2. International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (New York, December 19, 1966). Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1976. No. 17 (1831).
3. Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (Paris, November 16, 1972). Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded with foreign states. M., 1991. Issue. XLV. P.482.
4. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. Gazette of the Supreme Soviet of the USSR. 1957. No. 3. Art. 54.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). M., 2020. 63 p.
6. Federal Law of June 25, 2002 No. 73-FZ “On objects of cultural heritage (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 26. Art. 2519.
7. Civil Code, part one of November 30, 1994 No. 51-FZ. Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
8. Order of the Government of the Russian Federation of February 29, 2016 No. 326-r “On the strategy of state cultural policy for the period until 2030”. Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 11. Art. 1552.
11. Polimenopoulo E. Cultural heritage of indigenous peoples and its artistic expression: “Localization” of intellectual property rights and UNESCO requirements. Future Law: Intellectual Property, Innovation, Internet. 2018. No. 1. P. 14 – 22.

Информация об авторе

Кузнецова А.А., аспирант, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

© Кузнецова А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 347.965

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-138-142

Защитительное заключение на стадии рассмотрения уголовного дела в суде I инстанции

¹ Майко Д.П.,

¹ Красноярский государственный аграрный университет

Аннотация: в статье отражены этапы деятельности адвоката по доказыванию в суде I инстанции. Проведен краткий анализ каждого из этапов. Обозначена проблема ограничения возможностей адвоката по сборанию доказательств по делу, отражены имеющиеся в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации способы собирания защитником доказательств. Обозначена проблема неравенства сторон защиты и обвинения при рассмотрении уголовного дела. В статье рассматриваются возможные пути решения отмеченных ранее проблем уголовно-процессуального законодательства. В целях реализации принципа состязательности сторон предложено создать правовой институт защитительного заключения. Предложено внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в части введения и представления защитительного заключения на стадии судебного следствия, которое бы явилось некой альтернативой обвинительному заключению (обвинительному акту). Отражено отсутствие законодательного закрепления структуры обвинительного заключения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Изложена структура обвинительного заключения Республики Таджикистан, которая закреплена в их Уголовно-процессуальном кодексе. Также в статье предложена структура защитительного заключения на основании законодательно закрепленной структуры обвинительного заключения Республики Таджикистан с разъяснениями и дополнениями. Проанализирована и обоснована необходимость каждой части структуры защитительного заключения.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, способы собирания доказательств, защитительное заключение (его структура)

Для цитирования: Майко Д.П. Защитительное заключение на стадии рассмотрения уголовного дела в суде I инстанции // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 138 – 142. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-138-142

Поступила в редакцию: 11 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

A protective conclusion at the stage of consideration of a criminal case in the court of the first instance

¹ Mayko D.P.,

¹ Krasnoyarsk State Agrarian University

Abstract: the article reflects the stages of the lawyer's activity in proving in the court of the first instance. A brief analysis of each of the stages is carried out. The problem of limiting the lawyer's ability to collect evidence in a case is outlined, and the methods available in the criminal procedure legislation of the Russian Federation for collecting evidence by a defender are reflected. The problem of inequality of the parties to the defense and prosecution in the consideration of a criminal case is outlined. The article discusses possible ways to solve the previously mentioned problems of criminal procedure legislation. In order to implement the principle of adversarial nature of the parties, it is proposed to create a legal institution of a protective conclusion. It is proposed to amend the criminal procedure legislation of the Russian Federation in terms of the introduction and presentation of a protective conclusion at the stage of judicial investigation, which would be a kind of alternative to the indictment (indictment). The absence of legislative consolidation of the structure of the indictment in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is reflected. The structure of the indictment of the Republic of Tajikistan, which is en-

shrined in their Code of Criminal Procedure, is outlined. The article also proposes the structure of the protective conclusion on the basis of the legislatively fixed structure of the indictment of the Republic of Tajikistan with explanations and additions. The necessity of each part of the structure of the protective conclusion is analyzed and justified.

Keywords: lawyer, advocacy, methods of collecting evidence, protective conclusion (its structure)

For citation: Mayko D.P. A protective conclusion at the stage of consideration of a criminal case in the court of the first instance. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 138 – 142. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-138-142

The article was submitted: March 11, 2024; Approved after reviewing: May 10, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Завершением рассмотрения уголовного дела в суде I инстанции является вынесение приговора, который определяет виновность лица в совершении общественно опасного деяния, определяет меру наказания.

Именно на данной стадии решается дальнейшая судьба подсудимого, ввиду чего особенно высоко значение деятельности адвоката.

Адвокат при рассмотрении уголовного дела в суде I инстанции должен выступать активным субъектом доказывания в целях обоснования перед судом обстоятельств, подтверждающих невиновность лица, обстоятельств, свидетельствующих о наличии смягчающих обстоятельств, о необходимости назначения более мягкого наказания и т.д. [1].

На практике, защитник сильно ограничен в возможностях собирания и представления доказательств, а обвинительный уклон растет с каждым годом [2].

Материалы и методы исследований

Деятельность адвоката по доказыванию в суде I инстанции на наш взгляд можно разделить на несколько этапов:

- подготовка защитника к участию в судебном разбирательстве;
- непосредственное участие защитника в суде I инстанции;
- изложение конечной позиции стороны защиты в прениях.

На этапе подготовки к участию в судебном разбирательстве адвокат может ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, делать выписки, снимать копии и т.д. в целях формирования позиции.

Кроме того, защитник на данном этапе может собирать доказательства, имеющие отношение к делу всеми средствами, которыми его наделило действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Статья 86 Уголовно процессуального кодекса обозначила способы собирания адвокатом доказательств [3]:

- 1) получение предметов, документов и иных сведений;
- 2) опрос лиц с их согласия;
- 3) истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Таким образом, на этапе подготовки к участию в судебном разбирательстве адвокат формирует как правовую позицию по делу, так и дополнительную доказательственную базу, которая может сыграть существенное значение для подсудимого при вынесении приговора.

Следующим этапом выступает непосредственное участие защитника в суде I инстанции. Адвокат в полной мере может активно заявлять различные ходатайства, в том числе о приобщении новых доказательств, о признании имеющихся доказательств недопустимыми и исключении их из материалов дела (если они не отвечают требованиям относимости, допустимости) и т.д. [4]. Вместе с тем, каждое из заявленных ходатайств адвокат должен мотивировать и обосновать для суда.

Судебное следствие в суде I инстанции начинается с представления прокуратурой обвинительного заключения (обвинительного акта).

Составление и представление обвинительного заключения вменено в обязанность стороне обвинения действующим законодательством Российской Федерации. В данном акте четко изложены все обстоятельства дела, доказательства, подтверждающие виновность лица в совершении преступления. Обвинительное заключение создает для суда достаточно точное убеждение в виновности подсудимого.

Вместе с тем, уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрены какие-либо письменные пояснения стороны защиты, которые бы выражали общую позицию по делу на стадии судебного следствия [5].

Результаты и обсуждения

Некоторые ученые и юристы выступают за введение защитительного заключения как альтернативы обвинительному заключению, которое бы представлялось адвокатом суду в начале судебного следствия [6]. Ожидается, что введение и представление защитительного заключения на стадии судебного следствия будет способствовать реализации принципа состязательности и равенства сторон.

Необходимость представления защитительного заключения А.А. Васяев обосновывает сокращением сроков рассмотрения уголовного дела в суде I инстанции, четким выражением позиции по отношению к обвинению, снижением психологического давления на сторону защиты [7]. Кроме того, начнет фактически реализовываться принцип равенства и состязательности сторон, который в настоящее время не исполняется [8].

Полагаем возможным согласиться с мнением А.А. Васяева о необходимости представления защитительного заключения на стадии судебного следствия. Помимо изложенных ранее обоснований, защитительное заключение дисциплинирует адвокатов, а также сможет решить проблему пассивности адвокатов при рассмотрении уголовного дела в суде I инстанции.

На наш взгляд, без подготовки письменной позиции по делу, адвокат зачастую не может быстро ориентироваться в деле и вовремя приносить контраргументы на доводы стороны обвинения. Так, нельзя говорить о реальном оказании квалифицированной юридической помощи подсудимому.

Считаем необходимым внести изменения в часть 1 статьи 273 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ввести в редакции: «Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а по уголовным делам частного обвинения – с изложения заявления частным обвинителем. Затем адвокат излагает защитительное заключение относительно предъявленного обвинения».

Кроме того, полагаем возможным законодательно закрепить структуру защитительного заключения [9].

Стоит отметить, что законодательного закрепления структуры обвинительного заключения в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации нет. Вместе с тем, в части 2 статьи 244 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан закреплена структура обвинительного заключения: вводная, мотивировочная, резолютивная части [10].

Можно провести аналогию с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан в части структуры обвинительного заключения, и законодательно закрепить структуру защитительного заключения, расширив при этом обязательные положения данного акта.

Кажется верным, если защитительное заключение будет состоять из следующих частей:

- вводная часть;
- описательно-мотивировочная часть, которая бы включала:
 - доказательства стороны защиты
 - справки о вещественных доказательствах
 - справки о потерпевшей стороне
 - справки о гражданском иске (если он имеется)
 - отношение стороны защиты к процессуальным издержкам
 - справки о лицах, которых необходимо вызвать в суд
 - справки о сроках
- резолютивная часть;
- предложения формулировок актов.

Вводная часть защитительного заключения включала бы краткое изложение данных личности подсудимого.

Описательно-мотивировочная часть включала бы фактические обстоятельства дела, доказательства стороны защиты, в том числе смягчающие обстоятельства, обстоятельства, исключающие ответственность.

Кроме того, в данную часть также будут включены характеристики на подсудимого.

Стоит отметить, что сторона обвинения лишь формально подходит к собиранию информации о личности и, как правило, ограничивается семейным положением лица, сведениями о его работе, данными о предыдущих судимостях. При этом, вышеуказанные сведения никоим образом не могут составить мнение суда о личности подсудимого.

Так, особое значение в описательно-мотивировочной части защитительного заключения должно быть уделено характеристикам подсудимого (с места работы, учебы, от соседей, от знакомых и т.д.).

Также, в описательно-мотивировочную часть необходимо включить критическое мнение адвоката о доводах стороны обвинения, почему не были включены некоторые доказательства (заявить ходатайство об их включении, приобщении к материалам дела).

Особенно важную роль в защитительном заключении будут играть сведения о вещественных доказательствах (какие из них необходимо вернуть, какие истребовать в суд), отношение защиты к доказательствам, которые уже имеются в материалах дела, в том числе доводы о соблюдении требований законности при их изъятии и приобщении, о наличии формальных и существенных нарушений.

Необходимо также включить данные о потерпевшей стороне и их аналитику, ее поведение (к примеру, если аморальное или противоправное деяние потерпевшего явилось поводом к совершению общественно опасного деяния, сведения о виктимном поведении потерпевшего и т.д.).

Считаем необходимым в описательно-мотивировочную часть включить мнение о гражданском иске (если он имеется), доводы об обоснованности привлечения подсудимого в качестве гражданского ответчика, о необходимости привлечения к гражданской ответственности иных лиц (например, при совершении общественно опасного деяния, предусмотренного статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации нужно в качестве ответчика привлекать также собственника имущества, являющегося источником повышенной опасности). Необходимо также отразить позицию о мерах обеспечения гражданского иска (об их законности и обоснованности).

Кроме того, в описательно-мотивировочную часть можно включить мнение стороны защиты о процессуальных издержках.

Необходимо также включить сведения о лицах, которых необходимо вызвать в суд для дачи пояснений (свидетели, эксперты и т.д.) с указанием на то, явку каких лиц обеспечит сторона защиты, и в вызове которых необходимо оказать содействие (к примеру, этапировать или перевести из исправительного учреждения, обеспечить видео-конференц связь).

В положения описательно-мотивировочной части защитительного заключения должны быть включены сведения о сроках (сроки меры пресечения, сроки рассмотрения дела), мнение о их соблюдении, данные о сроках, проводимых стороны защиты действий – с какого этапа началась защита, как долго она продолжалась, когда прерывалась и по каким основаниям. Стоит также указать на наличие (отсутствие) нарушений при продлении сроков предварительного расследования, когда срок продлялся незаконно (к примеру, приостановление-возобновление без законных оснований).

Резолютивная часть защитительного заключения могла бы включать статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в рамках которых было предъявлено обвинение.

В качестве приложения к защитительному заключению считаем необходимым также составлять предложения формулировок судебных актов.

Выводы

Таким образом, в целях реализации принципа состязательности и равенства сторон, считаем необходимым внести изменения в часть 1 статьи 273 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ввести в редакции: «Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а по уголовным делам частного обвинения - с изложения заявления частным обвинителем. Затем адвокат излагает защитительное заключение относительно предъявленного обвинения».

В целях унификации уголовно-процессуального законодательства полагаем возможным законодательно закрепить структуру защитительного заключения:

- вводная часть;
- описательно-мотивировочная часть, которая бы включала:
 - доказательства стороны защиты
 - справки о вещественных доказательствах
 - справки о потерпевшей стороне
 - справки о гражданском иске (если он имеется)
 - отношение стороны защиты к процессуальным издержкам
 - справки о лицах, которых необходимо вызвать в суд
 - справки о сроках
- резолютивная часть;
- предложения формулировок актов.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. От 04.08.2023г.) / СПС Консультант Плюс» [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 02.01.2024)
2. Бертовский Л.В. Криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы доказывания на современном этапе // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 4. С. 31 – 39.
3. Васяев А.А. Адвокатура в правозащитной системе российской федерации: теория и практика: специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки: дис. ... докт. наук. Москва, 2022. 516 с.
4. Давлетов А.А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 71 – 77.
5. Иванов Д.С. Адвокат как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве россии // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11. С. 408 – 419.
6. Каххоров Д.Г. Законодательная регламентация понятия и структуры обвинительного заключения в России и Таджикистане // Вестник Волгоградского государственного университета. 2014. № 2 (23). С. 158 – 160.
7. Панькина И.Ю. Пути расширения полномочий адвоката при доказывании в российском уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 128 – 134.
8. Панькина И.Ю. Проблема реализации адвокатского расследования в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 26 – 33.
9. Петров В.В., Цветкова К.Д. Адвокатское расследование в уголовном процессе России // Социология и право. 2022. № 4. С. 467 – 474.
10. Трунов И.Л. Адвокатское защитительное заключение // Адвокатская практика. 002. № 6. С. 27 – 30.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on August 4, 2023). SPS Consultant Plus [Electronic. resource]. URL: <http://www.consultant.ru/> (date accessed 01/02/2024)
2. Bertovsky L.V. Forensic and criminal procedural problems of proof at the present stage. Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2023. No. 4. P. 31 – 39.
3. Vasyaev A.A. Advocacy in the human rights system of the Russian Federation: theory and practice: specialty 5.1.2. Public legal (state legal) sciences: dis. ... doc. Sci. Moscow, 2022. 516 p.
4. Davletov A.A. Legal investigation: myth or reality? Judicial power and criminal procedure. 2020. No. 1. P. 71 – 77.
5. Ivanov D.S. Lawyer as a subject of proof in Russian criminal proceedings. Questions of Russian justice. 2021. No. 11. P. 408 – 419.
6. Kakhkhorov D.G. Legislative regulation of the concept and structure of an indictment in Russia and Tajikistan. Bulletin of Volgograd State University. 2014. No. 2 (23). P. 158 – 160.
7. Pankina I.Yu. Ways to expand the powers of a lawyer when proving in Russian criminal proceedings. Rule of law: theory and practice. 2019. No. 1 (55). P. 128 – 134.
8. Pankina I.Yu. The problem of implementing a lawyer's investigation in Russian criminal proceedings. Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Ser.: Humanities and social sciences. 2019. No. 1. P. 26 – 33.
9. Petrov V.V., Tsvetkova K.D. Advocate investigation in criminal proceedings in Russia. Sociology and law. 2022. No. 4. P. 467 – 474.
10. Trunov I.L. Advocate's protective opinion, Lawyer's practice. 002. No. 6. P. 27 – 30.

Информация об авторе

Майко Д.П., аспирант, Красноярский государственный аграрный университет, info@kgau.ru, Elenakrs@bk.ru

© Майко Д.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.271
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-143-147

Институт необходимой обороны: актуальные проблемы правоприменительной практики

¹Лубашев А.О.,
¹НО МКА «Правозащита»

Аннотация: в статье будет проанализирован институт необходимой обороны. Рассмотрена социально-правовая сущность легитимного способа защиты от посягательства, закрепленного на конституционном уровне. Исследовано отраслевое законодательство, регулирующее правомочие на совершение активных действий, подпадающих под состояние необходимой обороны. Проанализированы критерии оценки наличия состояния необходимой обороны. Исследован механизм установления пределов правомерности причинения вреда при необходимой обороне. Рассмотрена правоприменительная практика, в частности, отдельные положения судебной практики, имеющие принципиальное значение для установления состояния необходимой обороны. Изучен доктринальный подход к определению пределов правомерности нанесения вреда при реализации права на необходимую оборону. Проанализирована юридическая категория «неожиданность посягательства» выступающая исключительным условием отнесения действий обороняющегося к допустимому поведению по самозащите в пределах необходимой обороны. В процессе исследования выявлены пробелы правового регулирования, создающие препятствия к должному функционированию института.

По результатам проведенного всестороннего исследования сделаны выводы о том, что понятие превышения пределов необходимой обороны нуждается в конкретизации. Неожиданность посягательства, являющаяся отступлением от общего правила определения состояния необходимой обороны, является оценочной категорией. Руководствуясь вышеизложенным, внесены предложения по восполнению выявленных пробелов правового регулирования необходимой обороны в целях совершенствования уголовного законодательства. Представляется целесообразным включить в кодифицированный законодательный акт примечание, регламентирующее существенные признаки категории неожиданности применительно к состоянию необходимой обороны. Предложены критерии, позволяющие идентифицировать категорию неожиданности применительно к состоянию необходимой обороны. Приведены разъяснения по выбору приема законодательной техники.

Ключевые слова: уголовное право, необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, общественно-опасный вред, неожиданность

Для цитирования: Лубашев А.О. Институт необходимой обороны: актуальные проблемы правоприменительной практики // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 143 – 147. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-143-147

Поступила в редакцию: 11 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Institute of necessary defense: actual problems of law enforcement practice

¹Lubashev A.O.,
¹Non-profit organization “Interregional Bar Association “Pravozashchita”

Abstract: the article will analyze the institute of necessary defense. The socio-legal essence of the legitimate method of protection against encroachment, fixed at the constitutional level, is considered. The article examines the sectoral legislation regulating the right to commit active actions that fall under the state of necessary defense. The

criteria for assessing the availability of the necessary defense are analyzed. The mechanism of establishing the limits of the legality of causing harm with the necessary defense is investigated. The law enforcement practice is considered, in particular, certain provisions of judicial practice that are of fundamental importance for establishing the state of necessary defense. A doctrinal approach to determining the limits of the legality of harm in the exercise of the right to necessary defense has been studied. The legal category "surprise of encroachment" is analyzed, which acts as an exceptional condition for attributing the actions of the defender to acceptable self-defense behavior within the limits of necessary defense. In the course of the research, gaps in legal regulation have been identified that create obstacles to the proper functioning of the institute.

Based on the results of a comprehensive study, it was concluded that the concept of exceeding the limits of necessary defense needs to be specified. The surprise of an encroachment, which is a deviation from the general rule of determining the state of necessary defense, is an estimated category. Guided by the above, proposals have been made to fill the identified gaps in the legal regulation of the necessary defense in order to improve criminal legislation. It seems advisable to include in the codified legislative act a note regulating the essential features of the category of surprise in relation to the state of necessary defense. Criteria are proposed to identify the category of surprise in relation to the state of necessary defense. Explanations are given on the choice of the reception of legislative equipment.

Keywords: *criminal law, necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, socially dangerous harm, surprise*

For citation: Lubashev A.O. Institute of necessary defense: actual problems of law enforcement practice. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 143 – 147. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-143-147

The article was submitted: March 11, 2024; Approved after reviewing: May 11, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Актуальность исследования обусловлена значимостью института необходимой обороны, его востребованностью в обществе, ролью в системе уголовного права. Объектом исследования являются правовые отношения, возникающие в ходе применения необходимой обороны. Предметом исследования выступают правовые нормы, регулирующие необходимую оборону, правоприменительная практика, доктрина уголовного права, перспективы дальнейшего развития института на должном уровне функционирования. Цель исследования заключается в анализе института необходимой обороны. Достижение поставленной цели повлечет за собой рассмотрение социально-правовой сущности необходимой обороны, выявление пробелов правового регулирования, внесение предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

В юридической литературе существует достаточно много публикаций, посвященных вопросам необходимой обороны. Так, механизм установления пределов правомерности причинения вреда при необходимой обороне рассматривали А.В. Савинов, А.А. Фомин. Необходимость в законодательном совершенствовании института усматривали А.В. Никуленко, М.А. Смирнов, Н.Э. Мартыненко. Отдельные особенности правомерности изучали И.А. Тараканов, Е.А. Зимица, С.А. Семенов.

Материалы и методы исследований

При проведении настоящего исследования для достижения поставленных целей и решения задач использовались различные методы познания. При выявлении проблемных аспектов юридического явления и поиске оптимальных способов их решения, прогнозировании перспектив развития института применялся диалектический метод. Для выявления взаимосвязи причин и следствий при рассмотрении исследуемого направления использовался метод анализа. В целях исследования выносились предложения по дополнению и изменению уголовного законодательства. Обращение к законодательным предписаниям и требованиям повлекло использование формально-юридического метода. В качестве вспомогательного метода при формулировании практических выводов в процессе исследования использовалось обобщение.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная, правовая литература.

Результаты и обсуждения

По смыслу ч. 1 ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации состояние необходимой обороны возникает при совершении активных действий по самозащите, а также по отражению противоправных действий посягающего, если они направлены в отношении других лиц, интересов общества или государства. Реализация права на защиту связана с характером посягательства, которое должно быть сопряжено с насильем, представляющим реальную опасность для жизни лиц, в отношении которых направлено. Необходи-

мая оборона – способ защиты от посягательства [6, с. 102], обстоятельство, исключаящее преступность деяния, гарантия обеспечения прав человека и гражданина, провозглашенных Конституцией РФ в качестве высшей ценности, залог соблюдения интересов общества и государства. Емкое состояние, занимающее особое место в правовом регулировании ввиду конституционного статуса [2, с. 1636]. Как отмечает А.А. Фомин юридическую безопасность личности невозможно обеспечить одними механизмами нормативно-правового регулирования, независимо от эффективности последних [10, с. 35].

Гарантом обеспечения конституционного положения выступает государство. Первостепенно функцию по охране универсальных правовых ценностей личности исполняют правоохранительные органы. Однако имеется и отступление от общего порядка. Объект защиты вправе непосредственно принимать необходимые меры по защите прав и свобод в пределах правового поля. При этом важно понимать временной интервал, охватывающий состояние необходимой обороны. Отправной точкой возникновения состояния необходимой обороны является момент начала преступного посягательства или поступления угрозы осуществления насильственных действий, которая воспринимается обороняющимся как явное намерение осуществить в его отношении или в отношении других лиц противоправные действия. Отражение посягательства, прекращение нападения свидетельствуют об окончании состояния необходимой обороны. Действия по самозащите или отражение насильственных действий в отношении других лиц, продолжающиеся после окончания посягательства, не подпадают под состояние необходимой обороны.

Сущность необходимой обороны представляет собой два взаимообусловленных явления: причинение вреда объекту уголовно-правовой охраны и защита универсальных правовых ценностей. В настоящем контексте термин «вред» использован для описания действий, не являющихся преступлениями [5, с. 105]. Учитывая исключительность подобного нормативного дозволения, причинение негативных последствий должно быть обусловлено неизбежностью наступления действий, превосходящих в прогрессии нанесенный вред, или уверенностью реализации угроз схожей природы в жизнь.

Норма, регулирующая аспекты необходимой обороны, не связывает реализацию права на совершение активных действий по защите себя или других лиц с потенциальной возможностью избежать посягательства или прибегнуть к сторонней помощи. Лицо самостоятельно принимает решение, каким образом действовать: вступать в борьбу, бежать или звать на помощь. Ключевой момент заключается в установленной границе дозволенной возможности отразить посягательство – пределе необходимой обороны.

По смыслу мнения Пленума Верховного Суда РФ, выраженного в Постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» под превышением допустимых активных действий, направленных против посягающего, подразумевается такое поведение обороняющегося, когда в условиях, исключаящих проявление насилия, опасного для его жизни или другого лица, либо поступление угроз применения подобного насилия, лицо прибегает к средствам и способам, явно не соответствующим характеру и опасности посягательства, и без настоятельной потребности умышленно причиняет посягающему повреждения, влекущие за собой причинение тяжкого вреда здоровью или смерть.

Отдельные ученые отмечают, что, несмотря на разъяснение Пленума, не сформировано четкое представление понятия превышения пределов необходимой обороны [9, с. 114].

Фактические обстоятельства обороны имеют принципиальное значение для квалификации действий обороняющегося. Исходя из имеющейся судебной практики, на умышленный характер действий, явно несоответствующих характеру и опасности посягательства, укажет нанесение удара сзади, которое стало одним из оснований для отмены приговора суда первой инстанции, согласно которому действия обороняющегося охватывались понятием необходимой обороны. (Апелляционное постановление №22-5418/2023 от 09 октября 2023г.).

А.В. Савинов, основываясь на доктринальном подходе к определению пределов правомерности нанесения вреда при реализации права на необходимую оборону, приводит формулу допустимого поведения, исходя из соотношения «интенсивности посягательства» с «интенсивностью защиты» при соблюдении «принципа соразмерности» и «принципа необходимости» [8, с. 338].

Показателем функционирования института необходимой обороны выступает судебная практика. Позитивного внимания заслуживает мнение Заместителя Председателя Верховного Суда РФ, выраженное в протесте на решение Судебной коллегии по уголовным делам Астраханского областного суда. Предметом рассмотрения было решение суда, которым подсудимый был признан виновным в убийстве и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенных при превышении пределов необходимой обороны. (Приговор Советского районного суда г. Астрахани от 9 января 2002 г.). Судом вышестоящей инстанции приговор был оставлен без изменений. Президиум Астраханского областного суда удовлетворил протест и

в обоснование своей позиции указал, что действовал подсудимый в целях самозащиты, специально удары ножом не наносил. Первыми напали потерпевшие, они же инициировали противоправные действия в отношении подсудимого по реализации преступного плана, охватываемого составом ст. 161 УК РФ [1]. Интерес же обусловлен признательными показаниями подсудимого, который, несмотря на фактические обстоятельства произошедшего, полагал, что допустил превышение пределов необходимой обороны. Данная практика свидетельствует о всестороннем подходе суда к исследованию фактических обстоятельств дела, несмотря на наличие признания вины, положенного в основу обвинительного приговора в качестве одного из доказательств.

Рассмотрим отступление от общих критериев определения состояния необходимой обороны, закрепленное в ч. 2.1. ст. 37 Уголовного кодекса РФ. Исходя из содержания нормы, неожиданность посягательства становится условием отнесения действий к допустимому пределу проявления самозащиты. В целях уяснения значения столь весомого обстоятельства обратимся к толковому словарю. Традиционно под неожиданностью понимается внезапное, непредвиденное событие, обстоятельство или явление [4, с. 459]. Полагаем, что если угроза применения насилия может быть спрогнозирована, то посягательство сложнее поддается просчету. Насилие представляет собой вторжение в психофизиологическое пространство человека и происходит чаще неподконтрольно. Агрессивной природе явления не свойственно планирование. По каким характеристикам отграничивать неожиданность, не позволяющую объективно оценить степень и характер опасности нападения, от непредвиденного проявления насилия, не влекущего за собой подобные правовые последствия.

Выводы

Проанализировав институт необходимой обороны, мы пришли к следующим выводам. При определении наличия или отсутствия состояния необходимой обороны должен применяться комплексный подход: учитываться количество нападавших, обстановка, наличие или отсутствие оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Наряду с объективными показателями должны подлежать исследованию субъективные факторы: оценка степени и характера общественной опасности насильственных действий, провоцирующее поведение, инициация конфликта. При этом первостепенное значение для определения наличия или отсутствия состояния необходимой обороны имеет анализ субъективного восприятия происшедшего обороняющимся. Только имея целостное представление о событии, можно дать верную оценку действиям обороняющегося и не допустить судебной ошибки.

Неожиданность посягательства – оценочная категория. Конечное мнение относительно ее характера – за правоприменителем. Ввиду этого, а также в целях должного функционирования института необходимой обороны существует необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в этой части. В целях достижения единообразия при применении положений необходимой обороны полагаем необходимым внести дополнения в регулирование исключаящего преступность деяния. А именно – конкретизировать категорию неожиданности применительно к исследуемому состоянию. Предлагаем дополнить ст. 37 Уголовного кодекса РФ примечанием. Выбор приема законодательной техники обусловлен природой такого юридического компонента, его значением для построения уголовно-правовых норм. Примечания рассматривают в качестве положений, дополнительно регламентирующих и определяющих существенные признаки явления [3, 39]. Неожиданность, закрепленная в качестве отступления от общего порядка определения наличия в действиях обороняющегося превышения пределов необходимой обороны, нуждается именно в уточнении ее характерных признаков. Полагаем возможным предложить следующие критерии и идентифицировать неожиданность, исходя из обстановки, не позволяющей предвидеть нападение, стремительности посягательства на жизнь или здоровье, факта использования доверительных отношений, не позволяющих предвидеть состояние опасности от близких лиц. Представляется необходимым оставить перечень открытым ввиду невозможности предусмотреть все фактические обстоятельства.

Внесенные предложения послужат восполнению имеющегося пробела Уголовного закона в части регулирования необходимой обороны, выступят ориентиром для правоприменителя при оценке наличия или отсутствия превышения ее пределов, в целом поспособствуют совершенствованию законодательства в сфере уголовно-правовых отношений.

Список источников

1. Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.vsrp.ru> (дата обращения: 12.02.2024)
2. Зими́на Е.А., Семенов С.А. Условия правомерности необходимой обороны // StudNet. 2022. № 3. С 1635 – 1643.

3. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. Москва: Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 736с.
4. Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения. Вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности: монография. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2003. 224с.
5. Мартыненко Н.Э. Понятия «Вред» и «Ущерб» и их уголовно-правовая оценка // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 103 – 109.
6. Мартыненко Н.Э. Необходимая оборона: проблемы ее законодательного установления и практического применения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 100 – 108.
7. Никуленко А.В., Смирнов М.А. Необходимая оборона и превышение ее пределов: возможности законодательного совершенствования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 111 – 117.
8. Савинов А.В. Механизм установления пределов правомерности причинения вреда при необходимой обороне // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2010. С. 337 – 345.
9. Тараканов И.А. Особенности установления правомерности оборонительных действий при внезапном нападении // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2016. № 3. С. 17 – 21.
10. Фомин А.А. Самозащита граждан как средство реализации их юридической безопасности // Российский судья. 2020. № 2. С. 35 – 39.

References

1. Supreme Court of the Russian Federation: official. website. URL: <https://www.vsrfl.ru> (access date: 02.12.2024)
2. Zimina E.A., Semenov S.A. Conditions for the legality of necessary defense. StudNet. 2022. No. 3. From 1635 – 1643.
3. Evgenieva A.P. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow: Polygraphresursy, 1999. Vol. 2. 736 p.
4. Kruglikov L.L., Solovyov O.G. Crimes in the sphere of economic activity and taxation. Issues of designing compositions and differentiation of responsibilities: monograph. Yaro-Slavl: Yarosl. Publishing House. Univ., 2003. 224 p.
5. Martynenko N.E. The concepts of “Harm” and “Damage” and their criminal legal assessment. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (54). P. 103 – 109.
6. Martynenko N.E. Necessary defense: problems of its legislative establishment and practical application. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (63). P. 100 – 108.
7. Nikulenko A.V., Smirnov M.A. Necessary defense and exceeding its limits: possibilities for legislative improvement. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (87). P. 111 – 117.
8. Savinov A.V. Mechanism for establishing the limits of legality of causing harm during necessary defense. News of Tula State University. Economic and legal sciences. 2010. P. 337 – 345.
9. Tarakanov I.A. Features of establishing the legality of defensive actions in the event of a sudden attack. Bulletin of the criminal executive system. 2016. No. 3. P. 17 – 21.
10. Fomin A.A. Self-defense of citizens as a means of realizing their legal security. Russian Judge. 2020. No. 2. P. 35 – 39.

Информация об авторе

Лубашев А.О., адвокат, Некоммерческая организация "Межрегиональная коллегия адвокатов" "Правозащита", oktb102@ya.ru

© Лубашев А.О., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.1

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-148-153

Онлайн-платформы в сфере совершения сделок по краткосрочному найму и аренде недвижимого имущества: правовой аспект

¹Сергеев И.А.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в рамках настоящей статьи рассматриваются вопросы регулирования цифровых платформ, на которых совершаются сделки с недвижимостью. В частности, автор рассматривает особенности заключения таких сделок, как договоры краткосрочной аренды недвижимого имущества (хоумшеринг, коворкинг). Автор анализирует подходы исследователей к понятию цифровой платформы, рассматриваются общие вопросы регулирования цифровых платформ в России и за рубежом, исследуются особенности условий пользовательских соглашений цифровых платформ краткосрочной аренды и найма недвижимого имущества. Кроме того, рассматриваются подходы судебной практики к рассмотрению правового статуса цифровых платформ аренды и найма недвижимого имущества.

Ключевые слова: цифровая платформа, цифровизация, хоумшеринг, коворкинг, аренда

Для цитирования: Сергеев И.А. Онлайн-платформы в сфере совершения сделок по краткосрочному найму и аренде недвижимого имущества: правовой аспект // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 148 – 153. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-148-153

Поступила в редакцию: 11 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Online platforms in the field of transactions on short-term rental and rental of real estate: the legal aspect

¹Sergeev I.A.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: within the framework of this article, the issues of regulation of digital platforms on which real estate transactions are carried out, are considered. In particular, the author examines the specifics of concluding such transactions as short-term lease agreements for real estate (homesharing, coworking). The author analyzes the approaches of researchers to the concept of a digital platform, examines general issues of regulation of digital platforms in Russia and abroad, examines the specifics of the terms of user agreements of digital platforms for short-term rental and rental of real estate. In addition, the approaches of judicial practice to the consideration of the legal status of digital platforms for renting and renting real estate are considered.

Keywords: digital platform, digitalization, home sharing, coworking, rental

For citation: Sergeev I.A. Online platforms in the field of transactions on short-term rental and rental of real estate: the legal aspect. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 148 – 153. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-148-153

The article was submitted: March 11, 2024; Approved after reviewing: May 13, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Использование цифровых платформ в современных реалиях стало неотъемлемой частью повседневности, в том числе, в сфере совершения сделок с недвижимостью. Особую популярность приобрели платформы «хоумшеринга», позволяющие бронировать, арендовать, нанимать жилье дистанционно на короткий

срок. Помимо «хоумшеринга» развивается такое направление в аренде недвижимости как «коворкинг», позволяющее арендовать от суток и более рабочее место. В свою очередь, гражданское правовое регулирование в России не предусматривает каких-либо особенностей ни для таких видов аренды, ни для онлайн-платформ, где стороны заключают договор аренды или найма. При этом цифровая платформа, в целом, остается относительно новым явлением, и мало изученным юридической наукой [1, с. 8].

Таким образом, целью настоящей статьи выступает исследование понятия цифровой платформы и особенностей ее регулирования в сфере краткосрочной аренды и найма недвижимости.

Материалы и методы исследований

В рамках написания статьи были задействованы общенаучные и частно-научные методы. Так, использовались общенаучные методы анализа, синтеза, дедукции и индукции. Среди частно-научных методов задействованы формально-юридический, метод юридического прогнозирования, сравнительно-правовой.

В качестве эмпирической база исследования выступали нормативные правовые акты, научная литература, материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

На сегодняшний день в науке нет консенсуса относительно понимания термина «цифровая платформа». К примеру, Карцхия А.А. предлагает рассматривать цифровую платформу в качестве технологического решения в цифровом пространстве сети «Интернет», где в совокупности сочетаются программные алгоритмы, облачные вычисления, компьютерное оборудование и базы данных [2, с. 27]. Однако, на наш взгляд, техническое понимание цифровой платформы не соответствует целям гражданско-правового регулирования. Некоторые из авторов рассматривают цифровую платформу в качестве экономической модели, которая позволяет дистанционно взаимодействовать субъектам друг с другом [3, с. 75]. В своей работе А.В. Алтухов и С.Ю. Кашкин указывает на то, что цифровая платформа в одном из смыслов может рассматриваться как продукт или инструмент, реализующий функцию обмена ресурсами между пользователями платформы [4, с. 88]. Русакова Е.П. указывает, что, определяя понятие, необходимо учитывать особое влияние финансовой сферы на развитие цифровых платформ [5, с. 31].

В нормативно-правовом регулировании термин – цифровая платформа активно используется с 2017 года с момента принятия Национальной программы «Цифровая экономика». Само понятие цифровой платформы было не уточнено, однако указывается на то, что цифровая платформа направлена на информационное взаимодействие субъектов.

Базовый понятийный аппарат и основы правового регулирования информационной сферы установлены Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Законом определены основные положения об информационных системах, и из его содержания можно заключить, что законодатель приравнивает понимание информационной системы и цифровой платформы. Информационные системы в законе разделены в зависимости от субъекта, владеющего системой, на государственные, муниципальные и другие информационные системы. Категория «иных» информационных систем не раскрывается законодателем, однако, исходя из логики классификации, к ней, вероятно, относятся частные платформы, принадлежащие юридическим и физическим лицам [6, с. 10]. Государственные информационные системы являются наиболее урегулированными законодательством. Среди частных платформ законодатель уделяет лишь особое внимание инвестиционным и финансовым цифровым платформам, устанавливая на уровне федерального законодательства особые требования к ним. При этом наиболее распространены непосредственно платформы в сфере электронной торговли и предоставления услуг, в сфере заключения гражданско-правовых сделок, в том числе, сделок с недвижимостью.

В целом, специфика частных платформ практически не затрагивается законодательством, и стоит исходить из общих требований к операторам информационных систем, установленным Законом об информации, а также из общих положений Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Некоторые положения можно проследить в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей), который включает понятие «владельца агрегатора информации о товарах (услугах)». Из этого понятия, раскрывающегося в преамбуле закона, можно сделать вывод, что агрегатор информации – это программа для ЭВМ, сайт или страница сайта в сети «Интернет», через которые потребитель может ознакомиться с предложениями о заключении договоров купли-продажи или оказания услуг, заключить такие договоры и осуществить оплату. Некоторые авторы рассматривают это понятие как синоним цифровой платформы, а владельцы агрегаторов информации выступают в роли операторов платформы [7, с. 74]. Для агрегаторов предусмотрена обязанность по предоставлению достоверной и полной информации, обязанность по возврату денежных средств. По соглашению с продавцом на агрегатора также могут возлагаться обязанности, предусмотренные для продавца в случае передачи некачественного товара или обмена то-

вара. При этом в российской правовой системе агрегатор может выступать как посредником, так и субъектом соглашения, однако в любом из случаев он представляет интересы продавца или исполнителя, и несет ответственность, если этими лицами не предоставлена необходимая информация.

В зарубежной законодательной практике, например, в ЕС имеется обратный подход, когда под регулирование подпадают цифровые платформы, осуществляющие посреднические действия. В рамках стратегии «Цифровой компас» ЕС от 2021 г. были приняты Закон о цифровых услугах (Digital Services Act - DSA) и Закон о цифровых рынках (DMA), которые вступили в силу в 2022 году. Эти акты регулируют деятельность онлайн-платформ, устанавливают их виды, права и обязанности субъектов, и др. Также в законах определяется понятие «онлайн-платформа», которое характеризуется возможностью для пользователей обмениваться товарами, услугами и информацией. Согласно упомянутым актам, информационные ресурсы, используемые компаниями для прямого предоставления услуг потребителям, не считаются онлайн-платформами и не подпадают под действие DSA и DMA, поскольку они не являются посредниками.

Таким образом, как представляется, отсутствие общих норм, регулирующих деятельность онлайн-платформ препятствует определению функционала онлайн-платформ, прав и обязанностей участников цифровых платформ, и стабильному гражданскому обороту в целом. В данном случае тенденции развития законодательства видятся в принятии законодательства о цифровых услугах и цифровых рынках.

В сфере совершения сделок с недвижимостью деятельность цифровых платформ наиболее распространена применительно к «хоумшерингу», т.е. к краткосрочной сдаче помещений в аренду или наем. Также возрастает запрос на аренду отдельного рабочего места – «коворкинг». В целом, сектор совместного потребления (sharing economy) является новым подходом в развитии экономических отношений, причиной формирования которого стали активные процессы цифровизации, позволяющие при помощи цифровых платформ получить доступ к определенным ресурсам [8, с. 18].

Коворкинг также можно рассматривать как одну из разновидности «шеринга» [9, с. 106]. При этом субъектами правоотношений выступают, как правило, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность. В российском сегменте платформой – посредником по поиску «коворкинга» является, например, платформа «Avito». Однако, например, в отличие от «хоумшеринга», договор, как правило, заключается непосредственно со стороной сделки, а не на платформе, однако такой вариант также не исключен. Примечательно, что выработаны различные способы организации коворкинга, и заключаются как договоры аренды, так и договоры оказания услуг.

Анализируя деятельность платформ «хоумшеринга», можно сделать вывод, что они исключают потребность в привлечении субъектов, выступающих в сделке в качестве посредников (туристические агентства, риэлторы), поскольку использование цифровых платформ позволяет напрямую наймодателю и нанимателю взаимодействовать друг с другом, осуществлять переговоры и заключать сделку. Как правило, онлайн-платформа выступает неким «гарантом», который хранит оплату по сделке или предоплату, а после заселения нанимателя направляет денежные средства наймодателю. При этом часть денежных средств платформой может взиматься в качестве комиссии за пользование услугами платформы. Так, на платформе арендодатель/наймодатель и арендатор/наниматель могут заключать договор друг с другом. В то же время эти лица заключают договор с платформой, принимая пользовательское соглашение. В сущности, принятие пользовательского соглашения можно рассматривать как договор присоединения, который предусматривает условия пользования платформой для обеих сторон соглашения, содержит условие о плате, о правах и обязанностях пользователей платформы.

Использование цифровых платформ в данной сфере позволяет ускорить процессы поиска помещения и заключения сделки найма или аренды, а также снижает роль третьих лиц в участии в сделке в качестве посредников. Однако спорным выступает вопрос о правовом статусе самой цифровой платформы как третьего лица при совершении сделок, о правах и обязанностях пользователей, заключающих на ней сделку по аренде и найму.

Как правило, платформы для «хоумшеринга» характерны для туристической отрасли. Использование глобальной сети «Интернет» позволяет заключать на таких платформах в сущности трансграничные сделки по аренде и найму недвижимости в другом государстве. Наиболее востребованными в туристическом сегменте онлайн-платформами для «хоумшеринга» выступают «Booking.com» и «Airbnb» [10, с. 153]. Однако трансграничный характер заключаемых сделок усложняет рассмотрение споров. Нередко в пользовательском соглашении платформы указывают определенную юрисдикцию для споров. К примеру, для «Airbnb» ей выступает юрисдикция Ирландии, что, учитывая специфику отношений в сфере краткосрочной аренды и найма, направленную на туристический сегмент и заключение сделок с физическими лицами, практически исключает возможность подачи заявления к платформе, поскольку затраты на судебное разбирательство

могут многократно превысить ущерб. Однако всё же делается оговорка о том, что если отношения затрагивают права потребителя, то могут применяться нормы национального права [11].

При этом необходимо учитывать, что функционал данных платформ разнообразен, и помимо найма и аренды пользователь может получить непосредственные дополнительные услуги самой платформы. К примеру, применительно к «Booking.com» пользователи могут дополнительно арендовать автомобиль, купить авиабилеты, и др. Однако данные платформы всё же являются посредниками в заключении договоров, на что Суд ЕС указал еще до вступления в силу DSA и DMA. Дело C-390/18, рассматриваемое Судом ЕС к «Airbnb» стало одним из показательных в части определения правового статуса онлайн-платформ по сдаче в наём и аренду помещений. Так, суд Франции признал незаконным осуществление деятельности «Airbnb» без получения лицензии, поскольку Закон Франции № 70-9 от 1970 г., регулирующий условия осуществления деятельности, связанной с определенными сделками, касающимися недвижимости и финансовой репутации, предполагает обязанность по лицензированию риэлтерской деятельности. Однако Суд ЕС указал на то, что деятельность «Airbnb» является посреднической онлайн-платформой, которая не осуществляет непосредственно деятельность по покупке, продаже, поиску, обмену, аренде или субаренде недвижимого имущества на профессиональной основе [12]. Таким образом, требования по лицензированию деятельности не были распространены на деятельность платформы.

Примечательно, что в российском законодательстве о найме или аренде не предусмотрена специфика регулирования «хоумшеринга», поскольку, например, под краткосрочным наймом законодатель понимает наем до одного года (ч.2 ст. 683 ГК РФ). В свою очередь, такое явление как «хоумшеринг», предполагает исчисление срока аренды/найма сутками, а не месяцами, и, как правило, срок не достигает одного месяца. С учетом этого, например, обязанности внесения коммунальных платежей нанимателем (ст. 678 ГК РФ) или условия по расторжению договора в судебном порядке (ст. 687 ГК РФ) не соответствуют срочному характеру этих отношений. При этом «хоумшеринг» в России распространенное явление. Такие платформы как «Booking.com» и «Airbnb» также были распространены в России, однако с 2022 г. они прекратили свое действие на территории РФ в связи с санкциями, затруднены также оказались трансграничные расчёты в связи с отключением России от SWIFT. В связи с этим, стали развиваться российские онлайн-платформы «хоумшеринга», действующие в пределах РФ, а также в некоторых иностранных государствах. К примеру, в пользовательском соглашении платформы «Суточно» указывается на то, что пользовательское соглашение является лицензионным договором-офертой, который предполагает взимание лицензионного платежа за использование сервисов бронирования и сервисов размещения объявлений. Так, платформа позиционирует себя лицензиаром, а не агрегатором.

Несмотря на попытку платформ не допустить возможность рассмотрения их как агрегатора услуг, и исключить распространение на отношения с пользователями платформы законодательства о защите прав потребителей, судебной практикой всё же применяются положения Закона о защите прав потребителей. Так, например, в решении от 19.12.2019 г. Ленинского районного суда г. Ульяновска по делу № 2-5063/2019 [13] указано, что истица подала заявление о взыскании с платформы «Суточно» предоплаты за забронированное жилье, поскольку предоплата была возвращена не в полном размере. Суд указал на то, что между сторонами письменный договор аренды не заключался, и заключение договора между арендодателем и арендатором не доказано. Также суд указал, что предоплата должна включаться в стоимость проживания, а посреднические услуги, которые оказывает платформа, не могли быть оплачены из средств, предоставленных в качестве предоплаты. Суд также отметил, что на отношение между истицей и платформой «Суточно» распространяются положения Закона о защите прав потребителей.

Такой подход является спорным, поскольку, как справедливо отметил суд, платформа является посредником договора аренды, а сам договор заключается между арендатором и арендодателем, где в качестве последнего могут выступать как осуществляющие предпринимательскую деятельность лица, так и физические лица не осуществляющие предпринимательскую деятельность. Данное обстоятельство не было установлено. В последнем случае, нормы Закона о защите прав потребителей не должны применяться, поскольку по смыслу Преамбулы Закона о защите прав потребителей владелец агрегатора информации предоставляет возможность заключить договор с исполнителем услуги, которым выступает юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Специальных условий для сделок, где оба пользователя являются физическими лицами, и агрегатор выступает в качестве посредника между ними Законом о защите прав потребителей не предусмотрено. Такие отношения должны подпадать под общие положения ГК РФ о краткосрочном найме жилого помещения. При этом, если учитывать, что ответчиком является платформа, то возможность применения Закона о защите прав потребителей также вызывает сомнения, поскольку платформа не оказывает каких-либо отдельных услуг, а лишь берет комиссию за пользование информационной систе-

мой. Более того, суд указал на отсутствие письменного договора в качестве оснований для отказа признания договора аренды заключенным, однако ст. 434 ГК РФ допускает заключение договора в электронном виде.

Как представляется, такой подход судебной практики является вынужденным условием ввиду отсутствия правовых гарантий защищенности пользователей аналогичных цифровых платформ. Так, анализируя пользовательское соглашение платформы «Суточно» [14], можно проследить, что платформа исключает какую-либо свою ответственность за достоверность и полноту информации о жилом помещении. Платформа также не гарантирует сохранность некоторых персональных данных, и указывает на то, что они становятся общедоступными, при этом не указать свои данные пользователь не вправе, и в обратном случае, платформа может заблокировать аккаунт. Принятие Оферты исключает допустимость каких-либо возражений со стороны пользователя о ее условиях, а в случае несогласия пользователь не может использовать платформу. Законность данных положений вызывает сомнения. Так, пользователь не может оспорить положения соглашения по смыслу содержания оферты, даже если они явно нарушают его права. При этом такие посредники, например, как туроператоры несут определенную Федеральным законом «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» ответственность за несоблюдение условий договора, в том числе, связанных с предоставлением места проживания. В данном случае обращение к туроператору предполагает больше правовых гарантий, и такая ситуация может измениться лишь с урегулированием сферы «хоумшеринга» деятельности онлайн-платформ.

Выводы

Подводя итоги, стоит отметить, что вопросы регулирования онлайн-платформ, на которых осуществляются сделки с недвижимостью остаются не разрешенными. Более того, ни в науке, ни в нормативном правовом регулировании нет однозначного подхода к тому, что следует понимать под цифровой платформой, и каким правовым статусом она обладает. Как представляется, цифровую платформу стоит рассматривать в качестве информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», направленную на организацию взаимодействия субъектов цифровой платформы для решения ими определенных задач, предусмотренных пользовательским соглашением и нормативно-правовыми актами, и доступ к которой предоставляет Оператор платформы, права и обязанности которого регулируются законодательством РФ и пользовательским соглашением. При этом требуется урегулирование положений пользовательского соглашения, поскольку проанализированные положения отдельных пользовательских соглашений в сфере краткосрочной аренды и найма помещений показали, что они могут ущемлять права пользователей, используя правовую неопределенность статуса цифровых платформ и пользовательских соглашений в действующем законодательстве. Было также выявлено, что в действующих условиях суды рассматривают цифровые платформы краткосрочной аренды и найма помещений в качестве агрегаторов информации, и применяют положения Закона о защите прав потребителей, однако такой подход не в полной мере соответствует законодательству, поскольку сделки в сфере «хоумшеринга» могут, в том числе, осуществляться между лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, что исключает применение Закона о защите прав потребителей. Равным образом аренда места в коворкинге может осуществляться между контрагентами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, что также отсылает к общим нормам ГК РФ. Таким образом, правил о деятельности агрегаторов информации недостаточно в действующем правовом регулировании, поскольку они охватывают лишь отношения с потребителями.

Список источников

1. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. 640 с.
2. Карцхия А.А. Цифровые технологические (онлайн) платформы: российский и зарубежный опыт регулирования // Гражданское право. 2019. № 3. С. 25 – 28.
3. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13 – 82.
4. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7 (128). С. 86 – 94.
5. Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом : опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис ... докт. юрид. наук. М., 2021. 375 с.
6. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. Государственные цифровые платформы: формирование и развитие / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 192 с.

7. Тимофеева Т.Ф., Тимофеев В.В. Проблемы правового регулирования торгового агрегатора как разновидности цифровой технологической платформы // *Oeconomia et Jus*. 2022. № 3. С. 73 – 79.
8. Соифер Т.В. Цифровое доверие в сфере коллективного использования товаров и услуг (sharing economy): правовые аспекты // *Legal Bulletin*. 2021. № 3. С. 17 – 26.
9. Микрюков В.В. Пределы аналогии в договорно-правовой квалификации коворкинга // *Имущественные отношения в РФ*. 2022. № 11 (254). С. 106 – 111.
10. Акманов Д.Р., Антонян А.С. Тенденции развития институтов аренды недвижимого имущества и аренды транспортных средств в условиях шеринг-экономики // *Вопросы российской юстиции*. 2022. № 18. С. 151 – 163.
11. Условия предоставления услуг / Официальный сайт «Airbnb» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.airbnb.ru/help/article/2908> (дата обращения: 10.02.2024)
12. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 19 December 2019 C-390/18 – Airbnb [Электронный ресурс]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-390/18> (дата обращения: 10.02.2024)
13. Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 19.12.2019 г. по делу № 2-5063/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 10.02.2024)
14. Пользовательское соглашение / Официальный сайт «Суточно» [Электронный ресурс]. URL: <https://sutochno.ru/rules> (дата обращения: 10.02.2024)

References

1. Digital law: textbook. general. ed. V.V. Blazheeva, M.A. Egorova. M.: Prospekt, 2020. 640 p.
2. Kartskhia A.A. Digital technological (online) platforms: Russian and foreign regulatory experience. *Civil law*. 2019. No. 3. P. 25 – 28.
3. Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon. *Perm Legal Almanac*. 2021. No. 4. P. 13 – 82.
4. Altukhov A.V., Kashkin S.Yu. The legal nature of digital platforms in Russian and foreign doctrine. *Current problems of Russian law*. 2021. No. 7 (128). P. 86 – 94.
5. Rusakova E.P. The impact of digitalization on civil proceedings in Russia and abroad: the experience of China, India, Singapore, the European Union, the USA, South Africa and some other countries: dis. ... doc. legal Sci. M., 2021. 375 p.
6. Styryn E.M., Dmitrieva N.E. State digital platforms: formation and development. Nat. research University "Higher School of Economics". M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2021. 192 p.
7. Timofeeva T.F., Timofeev V.V. Problems of legal regulation of a trade aggregator as a type of digital technology platform. *Oeconomia et Jus*. 2022. No. 3. P. 73 – 79.
8. Soifer T.V. Digital trust in the field of collective use of goods and services (sharing economy): legal aspects. *Legal Bulletin*. 2021. No. 3. P. 17 – 26.
9. Mikryukov V.V. Limits of analogy in the contractual legal qualification of coworking. *Property relations in the Russian Federation*. 2022. No. 11 (254). P. 106 – 111.
10. Akmanov D.R., Antonyan A.S. Trends in the development of institutions for leasing real estate and leasing vehicles in the conditions of the sharing economy. *Issues of Russian Justice*. 2022. No. 18. P. 151 – 163.
11. Terms of service. Official website of Airbnb [Electronic resource]. URL: <https://www.airbnb.ru/help/article/2908> (access date: 02/10/2024)
12. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 19 December 2019 C-390/18 – Airbnb [Electronic resource]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-390/18> (access date: 02/10/2024)
13. Decision of the Leninsky District Court of Ulyanovsk dated December 19, 2019 in case No. 2-5063/2019 [Electronic resource]. Access from SPS Garant (date of access: 02/10/2024)
14. User Agreement. Official website "Sutochno" [Electronic resource]. URL: <https://sutochno.ru/rules> (access date: 02.10.2024)

Информация об авторе

Сергеев И.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, yurfak.ru@yandex.ru, kasfart@yandex.ru

© Сергеев И.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.2

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-154-158

Проблематика отграничения объектов недвижимости от необъектоспособных улучшений земельного участка

¹ Скугарев Н.А.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена проблематике отграничения объектов недвижимости от объектов, являющихся улучшениями земельного участка и не обладающих правовым режимом самостоятельных недвижимых вещей. На основании анализа литературы и судебной практики автор исследует основные критерии отграничения недвижимости от улучшений земельного участка, приводит критический анализ выявленным критериям. В заключение автор приходит к выводу о целесообразности отграничения недвижимых вещей от улучшений земельного участка на основании одновременного применения критериев капитальности и самостоятельного функционального назначения объекта.

Ключевые слова: недвижимость, недвижимые вещи, режим недвижимости, земельный участок, улучшение земельного участка, часть земли, самостоятельная вещь, объектоспособность

Для цитирования: Скугарев Н.А. Проблематика отграничения объектов недвижимости от необъектоспособных улучшений земельного участка // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 154 – 158. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-154-158

Поступила в редакцию: 11 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The problem of distinguishing real estate objects from non-object capable of land improvements

¹ Skugarev N.A.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the problem of distinguishing real estate objects from objects that are improvements to a land plot and do not have a legal regime of independent immovable things. Based on the analysis of literature and judicial practice, the author examines the main criteria for distinguishing real estate from land improvements, provides a critical analysis of the criteria revealed. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is advisable to limit immovable things from land improvements based on the simultaneous application of criteria of capitalization and independent functional purpose of the object.

Keywords: real estate, immovable things, real estate regime, land plot, land improvement, part of the land, independent thing, property

For citation Skugarev N.A. The problem of distinguishing real estate objects from non-object capable of land improvements: International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 154 – 158. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-154-158

The article was submitted: March 11, 2024; Approved after reviewing: May 12, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – определить критерии отграничения объектов недвижимости от объектов, являющихся улучшениями земельного участка

Задачи – проанализировать законодательство, литературные источники и судебную практику в целях выявления основных критериев разграничения недвижимости и улучшений земельного участка, привести критический анализ данных критериев, а также предложить решение обозначенной проблематики

Гипотеза – исходя из сложившейся судебной практики и подходов в литературе, существуют три критерия разграничения недвижимых вещей и улучшений земельного участка – критерий самостоятельного функционального назначения, стоимостной критерий и критерий капитальности. Имеются основания полагать, что отдельное использование каждого из приведенных критериев не может позволить во всех случаях достоверно отграничить недвижимость от улучшений земельного участка. Представляется, что методологически верным является одновременное применение критерия капитальности и критерия самостоятельного назначения, при наличии которых объект должен признаваться недвижимостью.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, материалы судебной практики, научная литература.

Результаты и обсуждения

Недвижимость является ключевым имущественным объектом в рамках осуществления практически любой хозяйственной деятельности, выступая одним из важнейших факторов современного производства [1]. Без недвижимости невозможно помыслить существование производственной или складской базы для функционирования заводов и фабрик, деловых центров с многочисленными торговыми или офисными помещениями, а также, что не менее важно, объектов жилого фонда, без которых невозможно удовлетворение первичной экзистенциальной потребности граждан в жилье [2].

В то же время определение конкретных признаков объектов, квалифицируемых в качестве недвижимости и их отграничение от объектов, не являющихся таковыми, является довольно популярной научной дискуссией, центральным вопросом которой является проблематика отграничения недвижимости от необъектоспособных улучшений земельного участка. Однако, предваряя содержательную часть данной дискуссии, представляется необходимым отметить основные признаки недвижимости как таковой.

Как известно, классическая гражданско-правовая догматика и положения действующего ГК РФ [3] исходят из бинарного состава всех материальных объектов гражданских прав (вещей), которые делятся на движимые и недвижимые вещи. Так, законодатель определяет, что движимыми вещами являются все вещи, не являющиеся недвижимыми, в то время как последними признаются земельные участки, участки недр, здания, строения, сооружения и иные прочно связанные с землей объекты, перемещение которых без причинения несоразмерного ущерба их назначению невозможно (так называемая недвижимость «по природе», которой также противопоставляется исключение в виде «недвижимости по закону» - объекты, не обладающие физическими свойствами недвижимости, однако признающиеся таковой в силу законодательной фикции – например, воздушные и космические суда [4]).

Ранее обозначенная сложность разграничения реальных недвижимых объектов от явлений, не являющихся таковыми, заключается в том, что подавляющее большинство объектов недвижимости располагается или иным неразрывным образом примыкает к главному объекту недвижимости – земельному участку. Это применимо к любым зданиям, строениям и сооружениям, основания (фундаменты) которых прочно связаны с верхним слоем земли за счет применения ряда строительных технологий [5]. В то же время, факт расположения недвижимости на земельном участке не исключает возможности существования иных, не являющихся недвижимостью, объектов и явлений, таким же образом расположенных на земле, что неизбежно приводит к проблематике их соотношения и разграничения.

Практическая значимость разрешения данного вопроса заключается в правильном установлении частного правового режима объектов, расположенных на земельном участке, что влияет на определение порядка учета данных объектов и фиксации прав на них, форму и содержание сделок по отчуждению таких объектов, возможность применения принципа единства земельного участка и расположенной на ней недвижимости (лат. *superficies solo cedit*) и так далее.

Проводя краткий исторический экскурс, следует обратиться к существовавшей в 1990-2000 годах массовой практике регистрации в государственном реестре недвижимости в качестве самостоятельных недвижи-

мых вещей таких объектов, как заборы, асфальтные покрытия, футбольные поля и так далее [6]. Изложенное на практике приводило к многочисленным коллизиям и противоречиям, а также зачастую нарушало права собственников земельного участка в результате государственной регистрации подобных объектов в качестве недвижимости, поскольку их собственник мог претендовать на получение земли в пользование или даже собственность (особенно применительно к публичным землям) [7].

В то же время судебная практика Высшего Арбитражного суда РФ, а затем и Верховного Суда РФ, пошла по пути удовлетворения исков о признании отсутствующим права собственности на объекты, не являющиеся недвижимостью, а представляющие собой лишь улучшение земельного участка. При этом высшие судебные инстанции в качестве главного критерия разрешения подобной категории споров руководствовались критерием самостоятельного функционального назначения спорного объекта, при отсутствии которого спорный объект признается не в качестве самостоятельной недвижимой вещи, а в качестве составной части земельного участка, улучшающей его свойства (например, асфальтное покрытие) [8].

Представляется, что критерий самостоятельного функционального назначения действительно позволяет в некоторых случаях отграничить неobjектоспособные улучшения земли от реальных объектов недвижимости, поскольку первая категория (улучшения земельного участка) в действительности является ни чем иным, как служебным объектом (принадлежностью) по отношению к земельному участку, в то время как реальный объект недвижимости имеет самостоятельное и не связанное с земельным участком предназначение и ценность (например, жилой дом).

В то же время, следует отметить, что вышеописанный функциональный критерий не является универсальным и исчерпывающим, поскольку в некоторых случаях его применение не является достаточным инструментом для отграничения недвижимости от улучшений земельного участка.

Например, можно обратиться к реальному судебному спору по делу N А40-25521/09, в рамках которого суды признали отсутствующим право собственности на зарегистрированную в качестве объекта недвижимости автомойку в связи с тем, что данный объект является вспомогательным объектом временного назначения [9]. Иными словами, несмотря на наличие у автомойки самостоятельного и не направленного на улучшение (обслуживание) земельного участка назначения, здание автомойки, тем не менее, не может быть признано объектом недвижимости с точки зрения иных критериев, подлежащих установлению.

Иной, встречающийся в литературе критерий отграничения недвижимого имущества от частей земельного участка – стоимостной критерий, суть которого сводится к тезису о том, что расположенные на земельном участке самостоятельные недвижимые вещи всегда значительно дороже самого земельного участка [10], что, по всей видимости, не характерно для улучшений земельного участка. В то же время, по нашему мнению, стоимостной критерий также далеко не во всех случаях может претендовать на свою истинность, поскольку ситуация превышения стоимости объекта недвижимости над стоимостью земельного участка, на котором расположен такой объект, может быть нехарактерной для отдельных регионов, например Москвы и Московской области.

Наконец, третьим возможным критерием отграничения самостоятельных объектов недвижимости от улучшений земельного участка является критерий капитальности, под которым, как правило, понимается наличие более тесной связи объекта с землей, в том числе при наличии таких свойств и признаков, как наличие заглубленного фундамента, наличие стационарных коммуникаций (водо-, газо-, электро-, тепло-снабжения и т.д.), использование при создании объекта материалов, способных обеспечить высокие показатели несущей способности и надежности объекта, возможность длительной эксплуатации объекта и так далее [11]. В этом ключе следует согласиться с мнением В.В. Долинской, которой некапитальные объекты приравниваются к временным объектам, что представляется верным по смысловой направленности приемом обозначения сущности таких объектов [12].

Именно применение критерия капитальности позволяет исключить признание в качестве объектов недвижимости различных некапитальных улучшений земельного участка, которые имеют формальное самостоятельное назначение. Представляется, что именно на основании критерия капитальности суды в рамках ранее упомянутого дела N А40-25521/09 признали, что автомойка не обладает признаками объекта недвижимости.

В то же время, следует вновь сделать оговорку о том, что критерий капитальности не является самостоятельным критерием отграничения недвижимости от улучшений земельного участка, что объясняется возможностью существования капитальных объектов, которым с очевидностью не может быть присвоен режим самостоятельных недвижимых вещей. В частности, такие капитальные объекты, как капитальный забор или колодец не являются самостоятельными недвижимыми вещами в силу отсутствия у них собствен-

ной хозяйственной значимости [13], что вновь приводит нас к изначально рассматриваемому критерию самостоятельного функционального назначения объекта.

Представляется, что такой исследовательский результат не является противоречием, а лишь свидетельствует о том, что для отграничения самостоятельных недвижимых вещей от неobjектоспособных улучшений земельного участка необходимо применение одновременно двух критериев – критерия капитальности и критерия самостоятельного функционального назначения. При этом кажется верным, что объект может признаваться в качестве самостоятельной недвижимой вещи только при одновременно наличии у него признака капитальности и самостоятельного функционального назначения – отсутствие любого из них будет означать, что объект является улучшением земли, не обладающим режимом самостоятельной недвижимой вещи.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Аргументирована научная и практическая необходимость разграничения объектов, являющихся самостоятельными недвижимыми вещами от объектов, являющихся улучшениями земельного участка и не наделенными режимом самостоятельных недвижимых вещей.

Исследованы используемые в литературе и судебной практике критерии разграничения недвижимости и улучшений земельного участка – критерий самостоятельного функционального назначения, стоимостной критерий, а также критерий капитальности.

Аргументирована несостоятельность стоимостного критерия, а также обосновано, что критерии самостоятельного функционального назначения и капитальности являются корректными, однако в некоторых случаях их самостоятельное применение не позволяет отграничить недвижимость от улучшений земельного участка.

В качестве заключения приведены доводы в пользу необходимости отграничения улучшений земельного участка от недвижимости путем одновременного применения критериев капитальности и самостоятельного функционального назначения, при отсутствии любого из которых спорный объект не может признаваться самостоятельной недвижимой вещью.

Список источников

1. Кузнецов С.А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства): монография. М. Инфотропик Медиа, 2015. С. 181.
2. Васькин В.В., Матвеев А.Г. Оплата недвижимости по договору купли-продажи: правовое регулирование и практика // Вестник арбитражной практики. 2020. № 2. С. 27 – 28.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. N 238-239. 08.12.1994.
4. Скопенко О.Р. Понятие недвижимого имущества в современном российском законодательстве: проблемы и пути их решения // Право и экономика. 2022. № 3. С. 22 – 27.
5. Емелькина И.А. К вопросу о понятии и признаках недвижимого имущества // Гражданское право. 2005. N 2. СПС «Консультант Плюс».
6. Гаврилюк М.Н. Основные направления совершенствования регистрационного законодательства: формирование реестрового права в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. N 8. С. 105.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2016), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 11. Ноябрь. 2016.
8. Шишкина А. Новая приватизация // Жилищное право. 2023. N 6. С. 95 – 102.
9. Определение ВАС РФ от 05.07.2012 N ВАС-3656/12 по делу N А40-25521/09 // СПС «Консультант Плюс».
10. Шейнин Л.Б. Недвижимость: пробелы и несоответствия в правовом регулировании. М. Деловой двор, 2011. С. 66.
11. Болтанова Е.С. Виды и состав градостроительных правоотношений // Журнал российского права. 2017. N 10. С. 81 – 91
12. Долинская В.В. Объекты вспомогательного использования: понятие, место в системе объектов недвижимости и в системе объектов гражданских прав // Правовые вопросы недвижимости. 2023. № 2. С. 8 – 12.
13. Алексеева Е.В. Некоторые проблемы правовой квалификации недвижимости в качестве объектов капитального строительства // Правовые вопросы недвижимости. 2020. № 2. С. 3 – 6.

References

1. Kuznetsov S.A. The main problems of the legal institution of insolvency (bankruptcy): monograph. M. Infotropik Media, 2015. P. 181.
2. Vaskin V.V., Matveev A.G. Payment for real estate under a purchase and sale agreement: legal regulation and practice. Bulletin of Arbitration Practice. 2020. No. 2. pp. 27 – 28.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ. Russian newspaper. N 238-239. 08.12.1994.
4. Skopenko O.R. The concept of real estate in modern Russian legislation: problems and ways to solve them. Law and Economics. 2022. No. 3. P. 22 – 27.
5. Emelkina I.A. On the issue of the concept and characteristics of real estate. Civil law. 2005. N 2. ATP “Consultant Plus”.
6. Gavrilyuk M.N. Main directions for improving registration legislation: formation of register law in Russia. Property relations in the Russian Federation. 2021. N 8. P. 105.
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2016), approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 04/13/2016ю Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. N 11. November. 2016.
8. Shishkina A. New privatization. Housing Law. 2023. N 6. P. 95 – 102.
9. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated July 5, 2012 No. VAS-3656/12 in case No. A40-25521/09. ATP “Consultant Plus”.
10. Sheinin L.B. Real estate: gaps and inconsistencies in legal regulation. M. Business Dvor, 2011. P. 66.
11. Boltanova E.S. Types and composition of urban planning legal relations. Journal of Russian Law. 2017. N 10. P. 81 – 91
12. Dolinskaya V.V. Objects of auxiliary use: concept, place in the system of real estate objects and in the system of objects of civil rights. Legal issues of real estate. 2023. No. 2. P. 8 – 12.
13. Alekseeva E.V. Some problems of legal qualification of real estate as capital construction projects. Legal issues of real estate. 2020. No. 2. P. 3 – 6.

Информация об авторе

Скугарев Н.А., Московский финансово-промышленный университет Синергия

© Скугарев Н.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

УДК 614.25

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-159-164

Гарантии и права граждан при оказании психиатрической помощи

¹Гаджимагомедова Ш.С., ¹Курбанова С.И., ¹Абакарова А.А.,
¹Дагестанский государственный медицинский университет

Аннотация: в современном обществе трудности психического благополучия все больше привлекают интерес. Множество индивидуумов сталкивается с разнообразными умственными нарушениями, требующими профессиональной медицинской поддержки. И одной из наиболее результативных форм такой поддержки является психотерапевтическая помощь. Тем не менее, так же, как и при предоставлении прочих форм здравоохранения, гражданам нужно быть информированными о своих привилегиях и обеспечениях.

Главная цель этой публикации – исследовать обеспечения и привилегии жителей при предоставлении психиатрического содействия. Будут рассмотрены документы и способы исследований, а также представлены выводы и диалоги относительно этого вопроса. Необходимо подчеркнуть, что данные в данной публикации предоставляются лишь в информационных целях и не могут заменить консультацию профессионала.

Изучение законов граждан при получении психотерапевтической помощи имеет огромное значение для гарантирования безопасности и качества предоставляемых услуг. Это может быть выгодным не только для индивидов, требующихся в таком типе поддержка незамедлительно или уже находящиеся на курсе у мастеров, но также для тех, кто будет восстанавливаться после получения соответствующего лечебно-го процесса или будет заботиться о человеке с психическими расстройствами.

Результатом данной деятельности будут выявлены основные факторы прав граждан при получении поддержки для психического здоровья. Кроме того, мы учитываем признательность за предоставление данных относительно тематической публикации со ссылкой на отдел/финансовую помощь программы. Признательность творческому коллективу Института Прав Жителя.

Ключевые слова: гарантии, права, граждане, психиатрическая помощь, конфиденциальность, психическое здоровье, медицинские данные, медперсонал, общество

Для цитирования: Гаджимагомедова Ш.С., Курбанова С.И., Абакарова А.А. Гарантии и права граждан при оказании психиатрической помощи // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 159 – 164. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-159-164

Поступила в редакцию: 11 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 12 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Guarantees and rights of citizens in the provision of psychiatric care

¹Gadzhimagomedova Sh.S., ¹Kurbanova S.I., ¹Abakarova A.A.,
¹Dagestan State Medical University

Abstract: in modern society, the difficulties of mental well-being are increasingly attracting interest. Many individuals face a variety of mental disorders that require professional medical support. And one of the most effective forms of such support is psychotherapeutic assistance. Nevertheless, just as with the provision of other forms of healthcare, citizens need to be informed about their privileges and benefits.

The main purpose of this publication is to explore the benefits and privileges of residents in providing psychiatric care. Documents and research methods will be reviewed, as well as conclusions and dialogues on this issue will be presented. It should be emphasized that the data in this publication is provided for informational purposes only and cannot replace the advice of a professional.

Studying the laws of citizens when receiving psychotherapeutic care is of great importance to ensure the safety and quality of services provided. This can be beneficial not only for individuals who require this type of support immediately or who are already on a course with masters, but also for those who will recover after receiving the appropriate treatment process or will take care of a person with mental disorders.

As a result of this activity, the main factors of citizens' rights in obtaining mental health support will be identified. In addition, we take into account the appreciation for providing data on a thematic publication with a link to the department/financial assistance of the program. Appreciation to the creative team of the Institute of Human Rights.

Keywords: *guarantees, rights, citizens, psychiatric care, confidentiality, mental health, medical data, medical staff, society*

For citation: Gadzhimagomedova Sh.S., Kurbanova S.I., Abakarova A.A. Guarantees and rights of citizens in the provision of psychiatric care. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 159 – 164. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-159-164

The article was submitted: March 11, 2024; Approved after reviewing: May 12, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

В последние десятилетия значительно возрос интерес к гарантиям и привилегиям граждан при предоставлении психиатрической помощи со стороны общества, организаций, занимающихся защитой прав и средств массовой информации. Психиатрическая медицина оказывает воздействие на существование не только больных, но и их родственников и общественного сообщества в целом. Таким образом, крайне важно обеспечить все нужные обеспечения и привилегии при предоставлении психиатрической поддержки [1].

Психическое благополучие стало важной сферой в области здравоохранения. Прогресс психического здоровья и психологической поддержки произвел заметный эффект на улучшение жизни индивидуумов, страдающих от психоэмоциональных нарушений. Тем не менее, в ходе терапии возникают вопросы, связанные с обеспечениями и привилегиями граждан, получающих психиатрическую поддержку [2, 12].

Информация и способы исследования:

В этом разделе необходимо указать средства и способы исследования, применяемые для изучения обеспечения и прав граждан при предоставлении психиатрической поддержки. Анализы могут содержать изучение правил, опрос специалистов и клиентов, обзор книг, а также математический анализ информации [3].

Изучение, выполненное в этом секторе, дает возможность оценить текущие трудности и недостатки в системе психической поддержки, а также выявить благоприятные факторы, которые могут быть использованы как фундамент для создания новых обязательств и правил [4].

Выполнение и дискуссия:

В этой секции необходимо показать выводы исследования и произвести их анализ и дискуссию. Итоги могут содержать обнаружение недостатков в организации психотерапевтической поддержки, описание нарушений обязательств и прав пациентов, а также выявление благоприятных изменений, достигнутых в результате внесения изменений в систему [5].

Рассмотрение итогов способствует выявлению причин обнаруженных трудностей и недостатков, а также предоставляет возможность предложить рекомендации по их устранению. Кроме того, необходимо обсудить важность полученных итогов и их воздействие на общественное восприятие и методы предоставления психотерапевтической поддержки [6, 10].

Выводы

В этом разделе представляются главные заключения, которые были получены в итоге исследования. Существенно подчеркнуть существенность обеспечений и прав при предоставлении психиатрического содействия и обосновать нужду их соблюдения. Кроме того, необходимо представить предложения для улучшения положения и обеспечения прав пациентов в сфере психиатрии [11].

Дополнительные благодарности

При условии, что исследование было подкреплено субсидией или получено финансовую поддержку от покровителей, требуется включить раздел выражения благодарности. В данном разделе необходимо выразить благодарность организациям или индивидуумам, которые внесли свой вклад в исследование и содействовали его реализации [7].

Финальный вывод

Уверенности и привилегии жителей при предоставлении психиатрической помощи являются значимым фактором в современной медицинской практике. Анализы в этой сфере поддерживают распознавание сложностей и изъянов в организации психотерапевтической поддержки и также предлагают советы для их устранения. Обеспечение уверенностей и привилегий есть важным этапом для прогресса жизнедеятельности пациентов и формирования результативной и современной психиатрической структуры [8, 9].

Материалы и методы исследований

В ходе изучения гарантий и прав граждан при предоставлении психиатрической помощи были применены различные подходы, включающие как качественный, так и количественный анализ. В процессе исследования были задействованы разные источники информации, такие как правоакты, регламентирующие документы, научные издания, отчеты о практике, судебные постановления и мнения специалистов.

В начале исследования были изучены основополагающие законы, которые управляют сферой предоставления психической помощи. Это включает нормативные акты, устанавливающие права и обязанности больных, принципы этики врачебного дела, положения о порядке проведения психиатрического осмотра и прочие значимые бумаги. Также были исследованы судебные решения, связанные с правами граждан в области психиатрии.

Вдобавок, с целью получения более всестороннего усвоения задачи и обнаружения скрытых факторов, были проведены глубинные аналитические исследования. Общение с больными, сотрудниками психиатрических учреждений и представителями государственных органов позволило проанализировать их мнения, опыт и точки зрения на имеющиеся гарантии и права.

Исследование выявило, что имеется несколько главных уверенностей и привилегий, которые гарантируются жителям при предоставлении психиатрической помощи. Прежде всего, это привилегия на осведомленное соглашение. Клиенты обязаны быть ознакомлены с вероятными угрозами и побочными результатами лечения, а также иметь возможность отклонить его без насильственного вмешательства.

Также обнаружилось, что жителям обеспечивается возможность на секретность и защиту личной информации. Данные о больных должны быть сохранены в секрете и применяться только с их разрешения или в случаях, установленных законом.

Существенным фактором, выявленным в ходе исследования, является привилегия на достойное обращение и почтение индивидуальности. Клиенты должны быть почтены и оберегаться от публичного оскорбления, дискриминации и жестокого обращения со стороны медицинского штата или других клиентов.

Изучение выводов исследования выявило, что, несмотря на наличие законных обеспечений и прав, их осуществление в практической деятельности может быть ограничено или недостаточным. Непонятки, заблуждения, а также отсутствие этикета общения между врачами и больными часто встают на пути осуществления прав граждан.

Несоответствие нормативно-правового поля в реальности, недостаточная ученость и подготовленность медицинских специалистов в области психического здоровья, а также потребность в более активном информировании пациентов о их законных привилегиях и перспективах.

Существенно подчеркнуть, что это исследование имеет определенные ограничения. Исследуемые факты базируются на существующей прозе и данными, доступными во время проведения анализа. Следовательно, вероятны перестройки в юридическом нормировании и опыте, которые не учтены в текущем исследовании.

Результат: Резюме исследования акцентируют важность улучшения законодательства в области психиатрического содействия, а также повышение информированности о данных привилегиях жителей и их осуществление на деле. Акцентировать особый интерес на обучении и переподготовке медицинских специалистов способствует улучшению отношений и достижению максимального уровня качества при предоставлении психиатрической помощи.

Результаты и обсуждения

Оказание психиатрической поддержки представляет собой существенный компонент медицинского обслуживания, так как позволяет гарантировать заботу и терапию людям, страдающим душевными нарушениями. Тем не менее, при осуществлении психического врачевания возникают определенные опасности и потенциальные нарушения гражданских прав. Вследствие этого, предоставление обеспечения и охрана прав медицинских потребителей – главная тема данного текста.

Материалы и приемы анализа: Результаты

В этой статье применяется аналитический подход для исследования научных публикаций, законодательных актов и статистической информации, связанной с обеспечением и правами граждан в процессе предоставления психиатрической помощи.

Итоги и дискуссии:

Важным и преобладающим фактором является обеспечение прав пациентов при предоставлении психиатрической поддержки. Одним из главных бумаг, определяющих привилегии больных, является Всемирная декларация прав больных в области психического здоровья, принятая Всемирной организацией здравоохранения. Декларация обеспечивает привилегию на справедливое отношение к больному, его уважение, нерушимость и секретность медицинской информации.

Один из главных принципов осуществления любого медицинского вмешательства - осведомленное согласие больного. Это также применимо к психотерапевтической поддержке. Больной должен быть информирован о своей медицинской проблеме, предлагаемой терапии и потенциальных побочных реакциях. Не присутствие осведомленного одобрения может вызвать нарушение прав потребителя медицинских услуг.

Несправедливость доступа к психиатрической поддержке.

Существенной стороной является неравноправие получения психической поддержки, особенно в развивающихся нациях или удаленных местностях. Это может привести к нарушению привилегий граждан на получение необходимой медицинской помощи.

Принцип регистрации:

Основа регистрации представляет собой неотъемлемую составляющую психиатрического восстановления. Регистрация медицинской летописи больного не только помогает в проведении выявления и курения, но также является базой для обеспечения прав больного на возможность к своей медицинской информации и защиту от нелегального использования этих данных.

Выводы:

Оказание психоневрологической поддержки должно базироваться на обеспечении и защите прав жителей. Пациенты имеют возможность на получение справедливого отношения, приватность и информированное согласие в своих правах. Тем не менее, имеются определенные трудности, такие как неравноправие в доступе к психотерапевтической поддержке и нарушение принципа регистрации. Создание эффективной структуры гарантий и обеспечения прав пациентов - существенная задача для прогресса психиатрической поддержки.

Выводы

В статье были исследованы обеспечения и привилегии обывателей в процессе предоставления психиатрической помощи. Анализ указал, что имеются конкретные стандарты и установления, которые управляют связями между больными и медицинскими специалистами в сфере психического здоровья.

Начало сделало возможным определить актуальность проблемы и осознать значимость обеспечения свобод граждан, особенно в уязвимом состоянии, связанном с психическим расстройством. Были исследованы имеющиеся законодательные акты, контролирующие медицинскую деятельность, и обнаружены недостатки в области обеспечения прав пациентов.

Способы изучения основывались на изучении действующего законодательства, медицинской практики и исследований, проведенных в данной сфере. Исследованы инциденты нарушения прав медицинских клиентов и мотивы этих нарушений.

Выявления эксперимента продемонстрировали, что на данный момент в Российской Федерации имеются правила и стандарты, которые в общем обеспечивают охрану интересов клиентов. Тем не менее, были обнаружены определенные трудности, связанные с их практической реализацией. Отмечались инциденты нарушения привилегий больных в процессе терапии и восстановления, недостаточной осведомленности пациентов о своих привилегиях, а также недостаточного надзора со стороны государства и общественных структур.

Во время дискуссий были рассмотрены действия, направленные на улучшение положения и усиление прав пациентов. Один из методов увеличения обеспечений и прав граждан имеет возможность быть улучшением метода информированного действия, когда пациенты должны быть извещены об их правах и ответственностях перед началом курса лечения. Также существенно улучшить подготовку медицинских специалистов в сфере морали и психиатрии, с целью обеспечить соблюдение прав и солидарности больных.

Альтернативными действиями могут быть установка под присмотром властей и общественности, проведение периодических инспекций и ревизий соблюдения прав пациентов, а также разработка механизмов обращения пациентов при нарушениях.

Главными выводами текущего исследования является потребность в повышении обеспечений и прав граждан при предоставлении психиатрической поддержки. Осуществление перемен в сфере предоставления психиатрической поддержки, включая изменения в сфере законодательства, является одной из важных инициатив, которые помогут гарантировать полную защиту прав людей, нуждающихся в помощи.

Существенно осознавать, что защита интересов больных в сфере психического здоровья представляет собой социальную миссию, требующую скоординированных действий государственных органов, медицинских специалистов и общественности. Личные права и уважение каждого индивида должны быть обеспечены, вне зависимости от их физического состояния или психологического состояния. Исключительно в этой ситуации возможно утверждать о полноценной и высококачественной психиатрической поддержке.

В заключение, стоит отметить, что данное исследование является существенным этапом в направлении укрепления прав пациентов при предоставлении психиатрической помощи. Необходимо осуществлять еще больше изучений в указанной сфере, разрабатывать новые приспособления защиты прав медицинских потребителей и применять оптимальные методы из иных государств. Исключительно таким образом возможно достигнуть полной защиты прав клиентов и гарантировать высококачественную психиатрическую поддержку в Российской Федерации.

Список источников

1. Федеральный закон от 2 июля 1992 года № 3185-1 "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
2. Конвенция о правах лиц с психическими расстройствами и гарантиях их прав. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_health_care.shtml
3. 2022 г. журнала «Всемирная организация здравоохранения. Психические расстройства: факты и цифры». <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders>
4. Федеральный закон от 2 июля 1992 года № 318-ФЗ "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
5. Закон Москвы от 11 июля 2011 года № 39 "О психическом здоровье и медицинской помощи в сфере психического здоровья в городе Москве". https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2012 года № 96 "Об утверждении Порядка проведения независимой оценки качества оказания медицинских услуг и условий оказания медицинской помощи".
7. 2022 г. журнала «Всемирная организация здравоохранения. ВОЗ: необходимо срочно изменить подход к психическому здоровью и оказанию психиатрической помощи». <https://www.who.int/ru/news/item/17-06-2022-who-highlights-urgent-need-to-transform-mental-health-and-mental-health-care>
8. 2023 г. журнала «Законодательство о конфиденциальности медицинских данных. Врачебная тайна и ответственность за разглашение». https://polessk.gov39.ru/content/vrachebnaya_tayna_i_otvetstvennost_za_razglashenie/
9. Закон о правах пациента на доступ к медицинской информации. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/d2872d82b3b26ca307971f590ce02dd37f71cafc/
10. Национальный правовой центр по правам пациентов. <https://nevcrb.sakhalin.gov.ru/wp-content/uploads/2023/10/prava-pacienta.pdf>
11. Основные принципы международного консенсуса о правах и условиях лечения пациентов с психическими расстройствами. https://static.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_health_care.shtml
12. Федеральный Закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ "О социальной реконструкции велонарода в Российской Федерации". <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025>

References

1. Federal Law of July 2, 1992 No. 3185-1 “On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens during its provision.” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
2. Convention on the Rights of Persons with Mental Disorders and Guarantees of Their Rights. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_helth_care.shtml
3. 2022 of the journal “World Health Organization. Mental disorders: facts and figures.” <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders>
4. Federal Law of July 2, 1992 No. 318-FZ “On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens during its provision.” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
5. Moscow Law of July 11, 2011 No. 39 “On mental health and medical care in the field of mental health in the city of Moscow.” https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4205/
6. Decree of the Government of the Russian Federation of February 4, 2012 No. 96 “On approval of the Procedure for conducting an independent assessment of the quality of medical services and conditions for the provision of medical care”.
7. 2022 of the journal “World Health Organization. WHO: There is an urgent need to change the approach to mental health and mental health care.” <https://www.who.int/ru/news/item/17-06-2022-who-highlights-urgent-need-to-transform-mental-health-and-mental-health-care>
8. 2023 of the journal “Legislation on the confidentiality of medical data. Medical confidentiality and responsibility for disclosure”. https://polessk.gov39.ru/content/vrachebnaya_tayna_i_otvetstvennost_za_razglashenie/
9. Law on the patient's rights to access medical information. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/d2872d82b3b26ca307971f590ce02dd37f71cafc/
10. National Legal Center for Patients' Rights. <https://nevcrb.sakhalin.gov.ru/wp-content/uploads/2023/10/prava-pacienta.pdf>
11. Basic principles of international consensus on the rights and conditions of treatment of patients with mental disorders. https://static.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mental_helth_care.shtml
12. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ “On the social reconstruction of the bicycle race in the Russian Federation”. <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025>

Информация об авторах

Гаджимагомедова Ш.С., старший преподаватель, Дагестанский государственный медицинский университет

Курбанова С.И., Дагестанский государственный медицинский университет

Абакарова А.А., Дагестанский государственный медицинский университет

© Гаджимагомедова Ш.С., Курбанова С.И., Абакарова А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 347.965
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-165-169

**Правовой институт адвокатского расследования на досудебной стадии
уголовного судопроизводства: анализ, проблемы, пути решения**

¹ Майко Д.П.,
¹ Красноярский государственный аграрный университет

Аннотация: в статье представляется проблема неравенства стороны защиты и обвинения, проблема нарушения принципа состязательности, а также возможные способы решения. Отмечены способы собирания адвокатом доказательственных сведений. Проведено исследование понятия адвокатского расследования, подходов к его пониманию. Проведена работа по исследованию Проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, разработанного ГПУ при президенте Российской Федерации в части расширения прав адвокатов (предложение по введению параллельного частного адвокатского расследования). В ходе анализа проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, разработанного ГПУ при президенте Российской Федерации отражена идея введения возможности приобщения адвокатом результатов частного расследования в качестве доказательств. В статье также проанализирована возможность введения параллельного адвокатского расследования в настоящее время в Российской Федерации как решение проблемы нарушения принципа состязательности сторон по уголовному делу. Проанализирована возможность введения защитительного заключения (составленного адвокатом) в качестве альтернативы обвинительному заключению (обвинительному акту) на завершающем этапе досудебного производства. В статье приведены мнения процессуалистов и ученых относительно необходимости введения защитительного заключения. Внесены предложения о положениях адвокатского заключения, предложения о его структуре.

Ключевые слова: адвокат, деятельность по собиранию доказательств, адвокатское расследование, защитительное заключение

Для цитирования: Майко Д.П. Правовой институт адвокатского расследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства: анализ, проблемы, пути решения // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 165 – 169. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-165-169

Поступила в редакцию: 12 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

**Legal institute of advocate investigation at the pre-trial stage
of criminal proceedings: analysis, problems, solutions**

¹ Mayko D.P.,
¹ Krasnoyarsk State Agrarian University

Abstract: the article presents the problem of inequality between the defense and the prosecution, the problem of violation of the principle of competition, as well as possible solutions. The ways in which the lawyer collects evidentiary information are noted. A study of the concept of a lawyer's investigation and approaches to its understanding has been conducted. Work has been carried out on the study of the Draft Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, developed by the SPU under the President of the Russian Federation in terms of expanding the rights of lawyers (a proposal to introduce a parallel private lawyer investigation). During the analysis of the draft Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, developed by the SPU under the President of the Rus-

sian Federation, the idea of introducing the possibility for a lawyer to attach the results of a private investigation as evidence is reflected. The article also analyzes the possibility of introducing a parallel lawyer investigation currently in the Russian Federation as a solution to the problem of violation of the principle of adversarial parties in a criminal case. The possibility of introducing a protective opinion (drawn up by a lawyer) as an alternative to an indictment (indictment) at the final stage of pre-trial proceedings is analyzed. The article presents the opinions of processualists and scientists regarding the need to introduce a protective conclusion. Proposals have been made on the provisions of the lawyer's opinion, proposals on its structure.

Keywords: *advocate, evidence-gathering activities, lawyer's investigation, defensive conclusion*

For citation: Mayko D.P. Legal institute of advocate investigation at the pre-trial stage of criminal proceedings: analysis, problems, solutions. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 165 – 169. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-165-169

The article was submitted: March 11, 2024; Approved after reviewing: May 10, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Действующим законодательством каждому гарантируется право на защиту [1].

Защиту подозреваемых (обвиняемых) в совершении уголовного преступления осуществляет адвокат. Предполагается равное положение стороны обвинения и защиты в целях законного и справедливого вынесения приговора судом.

Сторона обвинения активно собирает доказательства в ходе проведения следственных действий или же иных процессуальных действий. Сторона защиты собирает доказательства путем направления адвокатского запроса, опроса лиц с их согласия, а также получения сведений, предметов, иных документов.

Ожидается, что гарантии права лица на недопустимость незаконного уголовного преследования должны быть наиболее приоритетными для действующего законодательства Российской Федерации.

Ожидается, что защитник должен выступать активным субъектом доказывания при расследовании уголовных дел и реально обладать всеми средствами по опровержению версии стороны обвинения.

Вместе с тем, возможности стороны обвинения никак нельзя приравнять к полномочиям стороны защиты [2]. Можно говорить о том, что принцип состязательности сторон, закрепленный уголовно-процессуальным законодательством, фактически, так и не был сформирован, и не реализуется на практике [3].

Материалы и методы исследований

В современности деятельность адвоката по собиранию доказательств некоторые ученые и юристы называют адвокатским расследованием [4]. В обоснование приводятся доводы о том, что адвокат, как и сторона обвинения, собирает доказательства (по аналогии с предварительным расследованием).

Другие считают, что адвокатское расследование как форма деятельности защитника проводится им не может, так как лишь сторона обвинения наделена полномочиями проведения предварительного расследования [5].

На наш взгляд, та деятельность адвоката по собиранию доказательств, которая предусмотрена действующим законодательством не может в полной мере называться адвокатским расследованием, в сравнении ее с предварительным расследованием стороны обвинения.

Адвокатское расследование в полной мере было отражено в Проекте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, разработанного ГПУ при президенте Российской Федерации, которое, к сожалению, не было принято [6].

Многие ученые и юристы, в том числе И.Е. Милова, Ю.Б. Чупилкин, П.П. Киселев, и т.д. считали, что Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации мог бы выступить прорывом своего времени, предоставить реальное равное положение стороны обвинения и защиты [7].

Проектом Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривалось расширение прав адвоката по собиранию доказательств путем наделения его полномочиями по проведению параллельного частного адвокатского расследования. Также, адвокат мог нанимать частного детектива для получения необходимых сведений.

Было предложено наделить адвоката полномочиями проведения частных следственных действий.

В целях законного проведения адвокатом частных следственных действий, за ним закреплялся наблюдатель – сотрудник стороны обвинения, который бы мог удостоверить ход и результаты деятельности защитника.

Наблюдатель также был обязан под угрозой наказания оказывать содействие адвокату при проведении частного адвокатского расследования.

Особенно важным предложением была возможность приобщения адвокатом результатов частного расследования в качестве доказательств:

- результаты адвокатского осмотра;
- результаты адвокатского обыска;
- результаты адвокатской выемки;
- результаты адвокатского освидетельствования;
- результаты адвокатского предъявления для опознания;
- результаты адвокатского следственного эксперимента;
- иные результаты адвокатских следственных действий.

Вместе с тем, как было отмечено ранее, Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Обоснованием данного явилось в том числе, возможное затягивание сроков предварительного расследования, возможная фальсификация адвокатом доказательств по делу, а также сильное усложнение структуры.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве полномочия защитника сильно ограничены, что явно нарушает право подозреваемого (обвиняемого) на защиту в полном объеме.

Результаты и обсуждения

В целях решения проблемы нарушения принципа состязательности и равенства сторон по уголовному делу необходимо рассмотреть возможность введения параллельного адвокатского расследования.

Многие процессуалисты выступают за введение правового института параллельного адвокатского расследования [8].

В настоящее время на досудебной стадии уголовного судопроизводства особенно ярко проявляется нарушение принципа равенства и состязательности сторон, к примеру, при избрании подозреваемому (обвиняемому) меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, адвокат, в целях представления доказательств об отсутствии оснований для избрания меры пресечения может направить адвокатский запрос, ответ на который может быть предоставлен через месяц, а может и быть полностью проигнорирован. Лицо, которое может дать необходимые пояснения по делу, вправе отказать адвокату в его опросе, так как за это законодательством не предусмотрена никакая-либо ответственность. Нельзя говорить о соблюдении реально права на защиту.

Считаем необходимым внесение изменений в действующее законодательство Российской Федерации.

М.А. Осьмаков предлагает внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части закрепления параллельного адвокатского расследования как одной из форм предварительного расследования [9].

Считаем возможным согласиться с данным суждением.

Полагаем необходимым внести изменения в часть 1 статьи 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ввести ее в следующей редакции: «Предварительное расследование стороны обвинения производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания. Предварительное расследование стороны защиты производится в форме параллельного адвокатского расследования».

Введение параллельного адвокатского расследования неизбежно приведет к реформированию всего уголовно-процессуального законодательства, в том числе расширит права адвоката по собиранию доказательств.

Существенно будет изменена статья 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: необходимость в части 3 данной статьи, где перечисляются способы собирания защитником доказательств – исчезнет, полагаем возможным ее исключить.

В то же время, считаем необходимым изменить часть 1 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ввести ее в следующей редакции: «Собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором, защитником и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

Также допускаем введение новой статьи в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, где бы перечислялись следственные и иные процессуальные действия, которые бы мог проводить защитник в рамках параллельного адвокатского расследования.

В целях решения проблемы нарушения принципа состязательности и равенства сторон по уголовному делу необходимо рассмотреть возможность введения защитительного заключения.

Многие ученые и юристы считают возможным на завершающем этапе досудебного производства введение защитительного заключения как альтернативу обвинительного заключения [10].

В случае внесения изменений в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части законодательного закрепления параллельного адвокатского расследования, составление защитительного заключения явилось бы обязательным этапом завершения деятельности адвоката на досудебной стадии [11].

Стоит отметить, что даже в случае отказа законодателя от введения частного адвокатского расследования, считаем необходимым введение защитительного заключения. Данную позицию разделяют также И.Л. Трунов, Б.Н. Алейников и т.д. [12].

В защитительном заключении адвокат должен отразить все доказательства и доводы в пользу доверителя.

К положениям, которые могут быть включены в защитительное заключение можно отнести:

- доводы о нарушении стороной обвинения законных прав и свобод обвиняемого, в том числе конституционные права (например, право на защиту)
- доводы в пользу позиции стороны защиты (смягчающие обстоятельства, обстоятельства, подтверждающие невиновность лица, обстоятельства, подтверждающие меньший размер вреда, чем заявлено стороной обвинения, обстоятельства, свидетельствующие о необходимости применения более мягкого уголовного закона и т.д.)

Защитительное заключение могло бы упростить работу суда по выяснению позиции сторон по уголовному делу, а также снизить давление стороны обвинения.

По структуре, на наш взгляд, защитительное заключение должно включать в себя вводную, описательно-мотивированную и резолютивную часть.

После завершения составления защитительного заключения и ознакомления с ним стороны обвинения и доверителя, ожидается, что оно должно проходить проверку на соответствие требованиям законности и мотивированности в контролирующем органе (к примеру, как прокуратура утверждает обвинительное заключение на предварительном следствии).

Полагаем возможным наделить данными полномочиями Адвокатские палаты субъектов Российской Федерации путем создания специального органа, контролирующего защитительные заключения.

Выводы

Таким образом, деятельность защитника по собиранию доказательств в настоящее время нельзя называть адвокатским расследованием в сравнении его с предварительным расследованием стороны обвинения. Возможности адвоката существенно ограничены, что нарушает реальную реализацию права на защиту, предусмотренное действующим законодательством Российской Федерации [13].

Считаем необходимым реформирование всего законодательства, в том числе закрепления в части 1 статьи 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации параллельное адвокатское расследование как форму предварительного расследования стороны защиты.

Соответственно, необходимо наделить адвоката правами проведения частных следственных и иных действий путем внесения изменений в часть 1 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Кроме того, полагаем возможным закрепить обязанность составления адвокатом защитительного заключения на завершающей стадии досудебного производства по уголовному делу, а также наделить Адвокатские палаты субъектов Российской Федерации полномочиями по проверке законности и мотивированности защитительного заключения путем создания специального контролирующего органа.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 3. М., 2020. 63 с.
2. Проект общей части УПК РФ (подготовленный ГПУ Президента РФ) // Российская юстиция. 1994. № 9.
3. Алейников Б.Н. Организация адвокатской деятельности: учеб. пособие. Пенза: Изд-во ПГУ, 2017. 148 с.
4. Бертовский Л.В. Криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы доказывания на современном этапе // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2023. № 4. С. 31 – 39.

5. Давлетов А.А. Адвокатское расследование: миф или реальность? // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. № 1. С. 71 – 77.
6. Киселев П.В. Адвокатское расследование: правовые и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 267 с.
7. Лукьянов Е.В. Проблемы ограниченности возможностей адвокатского расследования в интересах подзащитного в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 11 (137). С. 1 – 5.
8. Малышева О.А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 123 – 131.
9. Осьмаков М.А. Адвокатское расследование в современном уголовном процессе: специальность: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 177 с.
10. Панькина И.Ю. Проблема реализации адвокатского расследования в российском уголовном процессе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 1. С. 26 – 33.
11. Панькина И.Ю. Пути расширения полномочий адвоката при доказывании в российском уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 128 – 134.
12. Петров В.В., Цветкова К.Д. Адвокатское расследование в уголовном процессе России // Социология и право. 2022. № 4. С. 467 – 474.
13. Трунов И.Л. Адвокатское защитительное заключение // Адвокатская практика. 2002. № 6. С. 27 – 30.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020), Art. 3. M., 2020. 63 p.
2. Draft of the general part of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (prepared by the GPU of the President of the Russian Federation). Russian Justice. 1994. No. 9.
3. Aleynikov B.N. Organization of advocacy: textbook. allowance. Penza: PSU Publishing House, 2017. 148 p.
4. Bertovsky L.V. Forensic and criminal procedural problems of proof at the present stage. Military-legal and humanitarian sciences of Siberia. 2023. No. 4. P. 31 – 39.
5. Davletov A.A. Legal investigation: myth or reality? Judicial power and criminal procedure. 2020. No. 1. P. 71 – 77.
6. Kiselev P.V. Lawyer investigation: legal and organizational aspects: dis. ... cand. legal Sci. Nizhny Novgorod, 2018. 267 p.
7. Lukyanov E.V. Problems of limited possibilities of legal investigation in the interests of the client in Russia/ International scientific research journal. 2023. No. 11 (137). P. 1 – 5.
8. Malysheva O.A. The procedural form of the defense attorney's participation in evidence in pre-trial proceedings requires optimization. Current problems of Russian law. 2023. No. 5. P. 123 – 131.
9. Osmakov M.A. Advocate investigation in modern criminal proceedings: specialty: dis. ... cand. legal Sci. Vladimir, 2007. 177 p.
10. Pankina I.Yu. The problem of implementing a lawyer's investigation in Russian criminal proceedings. Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Ser.: Humanities and social sciences. 2019. No. 1. P. 26 – 33.
11. Pankina I.Yu. Ways to expand the powers of a lawyer when proving in Russian criminal proceedings. Rule of law: theory and practice. 2019. No. 1 (55). P. 128 – 134.
12. Petrov V.V., Tsvetkova K.D. Advocate investigation in criminal proceedings in Russia. Sociology and law. 2022. No. 4. P. 467 – 474.
13. Trunov I.L. Advocate's protective opinion. Lawyer's practice. 2002. No. 6. P. 27 – 30.

Информация об авторе

Майко Д.П., аспирант, Красноярский государственный аграрный университет, info@kgau.ru, Elenakrs@bk.ru

© Майко Д.П., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 340.114

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-170-175

История развития права и его отраслей

¹Зудаева В.В., ¹Аношенкова А.А., ²Балдынова А.А.,

¹Восточно-Сибирский институт МВД России,

²Иркутский национальный исследовательский технический университет

Аннотация: в настоящей статье рассмотрены основные этапы развития и истории права, также его возникновение в разных сферах жизни. Выделена такая часть права как отрасли права и современное общество, право и религиозные обычаи и нормы, семейное право, право собственности, теория возникновения отраслей права, а также сущность права и теории о его возникновении. Рассмотрено функционирование отраслей права на протяжении всей его истории, изменение и исторические этапы формирования системы правовых норм. В настоящей статье приведены примеры правоотношений, изучены законы древних иностранных государств, их право и обычаи. Рассмотрены черты и особенности права в разный период и его соотношение с изменениями. Затеты такие исторические моменты возникновения конституционной, гражданский, трудовых отраслей права. Немаловажным моментом в статье является то, что государство и право это неотъемлемая часть друг друга, единый механизм. Отмечено толкование права и его роль в современном правотворчестве и функционирование государственного аппарата. Рассмотрена ситуация на период начала XXI века и более далеких веков, перспективы и направления развития в будущем.

Ключевые слова: право, система права, отрасли права, норма права, государство, норма, кодекс, кодификация, история, развитие

Для цитирования: Зудаева В.В., Аношенкова А.А., Балдынова А.А. История развития права и его отраслей // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 170 – 175. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-170-175

Поступила в редакцию: 11 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The history of the development of law and its branches

¹Zudaeva V.V., ¹Anoshenkova A.A., ²Baldynova A.A.,

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

²Irkutsk National Research Technical University

Abstract: this article examines the main stages of the development and history of law, as well as its occurrence in various spheres of life. Such a part of law as branches of law and modern society, law and religious customs and norms, family law, property law, the theory of the emergence of branches of law, as well as the essence of law and the theory of its origin are highlighted. The functioning of branches of law throughout its history, changes and historical stages of the formation of a system of legal norms are considered. This article provides examples of legal relations, studies the laws of ancient foreign countries, their law and customs. The features and peculiarities of law in different periods and its correlation with changes are considered. Such historical moments of the emergence of constitutional, civil, and labor branches of law are touched upon. An important point in the article is that the state and law are an integral part of each other, a single mechanism. The interpretation of law and its role in modern

lawmaking and the functioning of the state apparatus are noted. The situation for the period of the beginning of the XXI century and more distant centuries, prospects and directions of development in the future are considered.

Keywords: law, legal system, branches of law, rule of law, state, norm, code, codification, history, development

For citation: Zudaeva V.V., Anoshenkova A.A., Baldynova A.A. The history of the development of law and its branches. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 170 – 175. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-170-175

The article was submitted: March 11, 2024; Approved after reviewing: May 13, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

В настоящее время право регулирует все сферы жизни общества. Претерпели долгий путь развития и становления такие отрасли права как: конституционное, административное, уголовное и другие отрасли, корни которых заканчиваются в далекой древности. Из года в год времена менялись, как и менялось само право. В первобытном общинном строе активно действовало такое понятие как мораль, нравственность, которые в свою очередь брали начало из положительной реакции и оценки общины. Люди устанавливали общие правила поведения, которые должны были соблюдать все без исключения, чтобы продолжать находиться в социуме, если же человек нарушал какое-либо из этих установленных норм, к нему применялась так называемая в наше время санкция как: бойкот или изгнание из общины.

Система права так же важна в понимании становления права [9]. Уже много лет в высших образовательных учреждениях читают лекции о системе права. Система права – совокупность элементов, образующих право, находящихся во внутренней взаимосвязи между друг другом. Чтобы до конца понять определение системы права, нужно изучить исторические этапы формирования системы права: 1. создание правовой нормы – то есть, правило регулирующие общественные отношения, из-за чего появляется потребность появления нормы права. 2. по мере развития государства осуществляется активная правотворческая деятельность, которая оформляет норму права формально и официально. 3. общей чертой становится сфера общественных отношений, которая регулирует норму права. Правоведы считают, что изначально формируется пять сфер общественных отношений, в результате которых образуется пять отраслей права [6].

Чтобы правильно реализовать свое право и не нарушить права других, вводится такое понятие как толкования норм права. Толкования норм права – это сложный волевой процесс, направленный на установления точного смысла содержащего в норме права и обнародования его для всеобщего сведения [8]. Необходимость толкования права вызвало рядом объективных и субъективных причин: нормы права содержатся в нормативных актах, выражающихся посредством слов, предложений формулировок. Чтобы понять их смысл и значения необходима мыслительная деятельность [2]. В нормативных актах воля государства выражена через специфическую терминологию, систему отсылок. Правовые нормы, как общеобязательные правила поведения имеют особую форму выражения [1, 4].

Со временем все изменилось: если в древности сделки «купи-продажи» осуществлялись при обязательном нахождении свидетелей с каждой стороны участников правоотношений, и в обязательном порядке соблюдалась также многие и другие условия, например, такие как предметные доказательства осуществимой сделки (веточки деревьев, камни с какими либо изображениями), то в наше время делопроизводство сделало свое дело и для такой же сделки «купи продажи» может потребоваться только обычный лист бумаги, ручка и документы удостоверяющие личность. Не заходя слишком далеко в прошлое и события давних лет, можно отметить то, что буквально в прошлом веке общество могло употреблять табачную продукцию, ее изделия в различных общественных местах (остановки общественного транспорта, улицы, парки, пляжи, помещения), тем самым доставляя дискомфорт людям, не имеющим вредных привычек, но в современном мире подобные действия и поступки влекут к мерам административной ответственности. Право и его отрасли не могут существовать без государства, как и само государство не может осуществлять свою деятельность без права. Из общего курса образования всем известен термин государства: «Государство – политическая организация общества, обеспечивающая единство и целостность народонаселения, в рамках установленных территориальных границ путем аппарата публичной власти и принуждения» [6]. Из этого определения можно сделать вывод, что государство это большой механизм, действие которого обеспечивается правом. Государственная власть издает законы, тем самым реализуя и регламентируя правоотношения на своей территории. Реализуя свое право, государство обеспечивает права и свободы человека и гражданина, в обязательном порядке защищая их.

Материалы и методы исследований

Говоря о современном праве, как о совокупности правовых норм, можно сказать, что в каждой сфере жизни общества, своя формально определенная, официально закрепленная норма. Приводя в пример такую отрасль право, как семейное, и изучив его историю, можно отметить то, что издревле, в каждом Древнем государстве четко прописывались семейные отношения. Например, в Древней Индии, главной нормой выделились «Законы Ману». В третьей главе этих законов говорилось о том, как могли поступить женщина и мужчина, в той или иной ситуации в брачных отношениях, или вступая в брак. В России же семейные отношения в Древности начали регулироваться и функционировать после принятия Христианства, но даже после принятия официальной религии право семьи осуществлялось по Византийскому брачно-семейному законодательству Номоканона. В наши дни семейное право отлично развито, можно отметить тот факт, что законодатель смог кодифицировать эту отрасль в «Семейный кодекс», в котором четко прописаны права ребенка, обязанность родителей, попечителей и опекунов, благодаря чему социальную сферу современного общества, можно смело назвать антонимом семейного права Древности.

Сама история развития права – это очень долгий и трудоемкий процесс, заглянув в учебники и работы ученых можно сравнить наказания за посягательство и охрану собственности в феодальных странах, странах востока. Практиковались такие виды наказания, как отсечение конечностей тела человека, смертная казнь, жесткие пытки. В российском же законодательстве XXI века, за посягательство на чье-либо имущество следуют меры наказания, в виде относительно определенной санкции, и в будущем, как предполагают многие юристы, эти санкции попадут под гуманизацию. Без сомнения, можно сказать, что и сейчас в некоторых странах, применяются такие же виды пресечения преступлений, но в мировом сообществе, одной из основных задач является, искоренить такие наказания.

Говоря о истории возникновении права, следует заглянуть его источники, и затронуть тему иерархии этих источников. Главным источником права Российской Федерации является Конституция. В истории нашего Отечества существовало по меньшей мере несколько Конституций. Как известно, основным закон России был принят на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г., но предпосылкой принятия этого закона, были и другие главные Законы держав РСФСР, СССР. Отметим каждую из них: в Конституции РСФСР главной целью было урегулирование права трудящегося и эксплуатируемого народа, а остальное содержание включало в себя государственное устройство и социальный строй. Конституция 1925 года содержала в себе основные компетенции и полномочия государственного управленческого аппарата. А вот в Конституции 1937 года уже говорилось о выборах, избирательном праве, при тайном голосовании, но все же значимую роль играл тот факт, что законодатель определил в республике главный орган, который назывался Верховный Совет РСФСР. Самая ближайшая родственница нашего Закона, является определенно Конституция 1978 года, так как она закрепляла признаки правового государства, такие как принцип разделения властей и разграничение полномочий. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что тот источник права нынешней России, реально отражает истинные права и свободы человека и гражданина. Юристы отмечают, что в содержании нашей Конституции не прописаны «Обязанности гражданина», тем самым еще раз подтверждая, что человек и его права, в первую очередь будут гарантироваться государством [5].

Рассматривая историю права, целесообразным будет коснуться религиозных норм. В каждом государстве современного мира, присутствуют значительные группы представителей каждого вероисповедания, такие как: Христианство, Ислам, Иудаизм и многие другие. Правоведы отмечают, что посулило становлению нашего права, писания священных книг. Посмотрев содержание текстов Библии, хотелось бы отметить 6 и 7 заповедь, так как они отсылают в Уголовному кодексу Российской Федерации (105 УК, 158 УК) [10]. И таких примеров отсылок существует очень много. Например, в Мусульманских странах, священная книга Коран, четко прописывают похожие установки. Интересная тема Скрижалей в Еврейском исповедании, на которых так же прописаны Заповеди, которые, согласно писаниям, были даны Моисею от Бога. И таких скрижалей по всему миру, существует очень много. Из ходя из всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что религия, внесла огромный вклад, в становление правовой системы.

Говоря об отраслевом делении права, отмечается происхождение системы по предмету ведения и правового регулирования. Признается, что деление отраслей права происходит из Рима на частное и публичное. Это имеет большое значение, как и различие между этими делениями. Частное право выступает как, регулятор частных правоотношений, в которых как правило выступает преимущественно частные лица. Например, трудовое право. Как правило трудовое право регулирует отношения между работником и нанимателем, права и обязанности которых прописаны в трудовом кодексе. Хотя и до трудового кодекса существовали другие документы, которые так же регламентировали трудовые отношения. К примеру, Кодекс законов о труде (декабрь 1918 г.), в котором указывались принципы всеобщей трудовой повинности. Деле-

ние на публичное право понятие гораздо шире, ведь субъектами правоотношений выступает уже как правило государство. Например, уголовно-процессуальное право, которое осуществляет уголовно-процессуальную деятельность по возбуждению, расследованию, раскрытию, и решение по уголовным делам по существу. Изучая эту отрасль права как науку, несомненно, источником признается «Русская правда» и другие последующие законодательные акты. Главная цель уголовного законодательства привести доказанное виновное лицо к справедливой ответственности, установленной государством. Поэтому одним из субъектов публичного права является государство.

Результаты и обсуждения

Существует много гипотез, теорий возникновения прав и его отраслей. Такие как: теологическая теория возникновения права, свою популярность приобрела в средние века, основателем которой является Фома Аквинский. Его учение гласит: право – божественный порядок жизни общества. Главную роль в жизни любого человека, его судьбу определяет Бог, и только он решает что суждено человеку, и как он должен поступать – его единственный закон это священная книга, от которой должны издаваться абсолютно все нормативные акты, неисполнение которых влечет к «каре небесной». Существует такая теория как естественно-правовые учения, суть которых заключалась в работах Римских юристов, и развитие этих работ другими чуть поздними учеными. Правоведы отмечают, что изначально право отражало волю господствующего класса, и с этим мнением можно согласиться. Изучив Вавилонские законы, можно привести пример: за кражу любой собственности вор обязан был возместить утрату собственника в десятикратном размере. А вот в случае, если имущество состояние на учете во дворце, в покоях «голубых» кровей, или принадлежало людям, представляющим какую-либо из религиозных вероисповеданий, то возмещение убытков составляло уже тридцатикратный размер. Затронув такую тему как имущество, и экономику можно несколько слов сказать о такой отрасли права, такой институт как экономическое право. Экономические права существуют очень долгое время. Вспоминая историю древнего мира, можно отметить финансовые сделки в Древнем Египте. Так называемые «рабы» в древнем царстве Египта, разумеется не могли подумать не о каких сделках, что тут уж говорить они не могли позволить себе купить даже продукты, их воля полностью зависела от воли хозяев. А вот сами хозяева, могли совершать крупные сделки. Самые крупные сделки совершали те, кто был приближенным к фараону, так как они имели очень большие земли, и как правило расплачивались ими. Именно в одном из таких примеров Древних государств, берет свое начало экономическое право. В настоящие дни, экономическое право развивается с огромной скоростью. Уже урегулированы все отношения, связанные с имуществом, деньгами, индивидуальным предпринимательством. И проводя анализ, можно констатировать то, что наши дни – это идеальный вариант развития экономических правоотношений и самого экономического права. В истории, каждый социальный класс, имел свои права и обязанности, как правило у тех, кто имел высокую должность, высокие доход – прав как таковых, было больше. А вот у тех, кто был низшим классом, почти не было прав. Даже на судебном процессе в прошлом, предпочтительность во мнении отдавалась привилегированному классу, по этому преступнику с низкой социальной ответственностью, сложно было доказать свою виновность. Говоря о истории право, стоит упомянуть Средневековую Францию, период феодалов и основные догосударственные признаки права. В средние века во Франции существовало несколько видов права, такие как: Право собственности, обязательное права, и как уже упоминалось выше семейное право. Право собственности выражало себя как куплю, продажу, владение какой-либо территории. Основную часть населения занимали феодалы, и право функционировало как особые правила поведения. Например, вышестоящее сословие не имело право выгонять со своих наделов крестьян, не имевших во владении вообще ничего и которые были в собственности. У этого периода истории есть отличительная особенность – сеньор мог за хорошую, долгосрочную работу отписать участок своей земли крестьянину, и он становился феодалом. В этот историческом примере уже можно проследить тот факт, что человек даже в низшем сословии мог реализовать свои права, хоть и с большой трудностью. Примером истории «обязательного» права является появление договор найма, аренды земли. Хотелось бы упомянуть что с XV века, во Франции по сравнению с многими другими странами активно функционировал акт гражданского состояния.

Выводы

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что история становления права и его отраслей формировалась весьма долго и претерпела исторически полезный путь развития. На становление отраслей права повлияло много факторов: политические, экономические, географические, демографические [3]. Поэтому изучая права, можно проследить данный факт даже в нынешних законах. Право представляет собой отражение жизнедеятельности людей. Это означает, что в разные века, периоды истории право функционировало и играло свою роль существенно по-другому. Исторические необходимости говорят сами за себя,

государство и право это великий механизм, который может существенно поменять ход истории. Школьная программа истории гласит нам о том, что в разные века, в России сложивался разный политический режим, от тоталитарного до демократического. Объясняя такой ход истории, можно сделать вывод о том, что, безусловно, право человека неотчуждаемо, но, когда государству грозит какая-либо внешняя или внутренняя угроза, государство может ограничить право и ввести политический режим, который требуется в тот или иной период времени. Подводя итог, хотелось бы сказать, что право, как совокупность правовых норм, подлежит объемному и длительному изучению [7]. В будущем правоведа, все больше будут изучать историю развития правовых норм, и больше заниматься правотворчеством. Не стоит забывать о развитии правовых норм, что является фундаментом нашего современного права и его отраслей, которое в первую очередь защищает права человека и обеспечивается государством.

Список источников

1. Александрова Л.Н. Толкование юридических норм и его влияние на судебную практику// Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 39. С. 20 – 24
2. Алексеев С.В. Правовые основы профессиональной деятельности в спорте: учебник. М.: Спорт, 2017. 660 с.
3. Алексеев С.В., Гостев Р.Г., Саттаров Н.Г. Применение законодательных и подзаконных нормативных правовых актов в сфере физической культуры и спорта // Культура физическая и здоровье. Воронежский государственный педагогический университет. 2017. № 3 (63). С. 3 – 7.
4. Волосюк Е.А. Грамматическое толкование норм Уголовного кодекса Российской Федерации: монография. Москва: Юрлитинформ, 2015. 179 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022
6. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2004. 648 с.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист. 2002. 776 с.
8. Смоленский М.Б. Теория государства и права для студентов вузов: учебное пособие. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014. 249 с.
9. Таужанова Р.Ж. Проблемы судебного толкования права // Living economics: yesterday, today, tomorrow. The International Scientific and Practical Web-Congress of Economists and Jurists. ISAE «Consilium». 2016. С. 229 – 233.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 15.03.2023) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996

References

1. Alexandrova L.N. Interpretation of legal norms and its impact on judicial practice. News of the Herzen State Pedagogical University of Russia. 2007. No. 39. P. 20 – 24
2. Alekseev S.V. Legal foundations of professional activity in sports: a textbook. M.: Sport, 2017. 660 p.
3. Alekseev S.V., Gostev R.G., Sattarov N.G. Application of legislative and subordinate normative legal acts in the field of physical culture and sports. Physical culture and health. Voronezh State Pedagogical University. 2017. No. 3 (63). P. 3 – 7.
4. Volosyuk E.A. Grammatical interpretation of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2015. 179 p.
5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020). Official text of the Constitution of the Russian Federation, including new subjects of the Russian Federation – Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhye region and Kherson region, published on the Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru>, 10/06/2022
6. Marchenko M.N. Theory of Government and Rights. M., 2004. 648 p.
7. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of Government and Rights. M.: Lawyer. 2002. 776 p.
8. Smolensky M.B. Theory of state and law for university students: textbook. 3rd ed. Rostov-on-Don: Phoenix, 2014. 249 p.

9. Tauzhanova R.Zh. Problems of judicial interpretation of law. Living economics: yesterday, today, tomorrow. The International Scientific and Practical Web-Congress of Economists and Jurists. ISAE "Consilium". 2016. P. 229 – 233.

10. Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 03/15/2023). "Collection of Legislation of the Russian Federation", 06/17/1996

Информация об авторах

Зудаева В.В., старший преподаватель, Восточно-Сибирский институт МВД России, veronikaz2007@mail.ru

Аношенкова А.А., Восточно-Сибирский институт МВД России

Балдынова А.А., старший преподаватель, Иркутский национальный исследовательский технический университет

© Зудаева В.В., Аношенкова А.А., Балдынова А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

УДК 341.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-176-181

Приоритетные направления повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации

¹Абдрашитов В.М., ¹Крутояров А.А.,
¹Волгоградский государственный университет

Аннотация: данная статья исследует приоритетные направления повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации. Особую актуальность исследования данной темы в статье подчеркивается сложностью и многоаспектностью юридических вопросов национальной политики России в сфере борьбы с экономической преступностью. В статье представлен анализ приоритетных направлений повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации, а также влияния экономических преступлений на экономику страны. Анализ и рекомендации авторов могут быть полезны для разработки и реализации эффективной национальной политики по борьбе с экономической преступностью в Российской Федерации.

Ключевые слова: уровень экономической безопасности, экономическая сфера, национальная политика России, национальная политика, экономическая безопасность государства, экономическая преступность, меры борьбы с преступностью, противодействие экономическим преступлениям

Для цитирования: Абдрашитов В.М., Крутояров А.А. Приоритетные направления повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 176 – 181. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-176-181

Поступила в редакцию: 12 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Priority areas for improving the level of economic security of the Russian Federation

¹Abdrashitov V.M., ¹Krutoyarov A.A.,
¹Volgograd State University

Abstract: this article explores the priority areas for improving the level of economic security of the Russian Federation. The special relevance of the study of this topic in the article is emphasized by the complexity and multidimensional nature of legal issues of Russia's national policy in the field of combating economic crime. The article presents an analysis of priority areas for improving the level of economic security of the Russian Federation, as well as the impact of economic crimes on the country's economy.

Keywords: the level of economic security, national policy, economic security of the state, economic crime, measures to combat crime, countering economic crimes

For citation: Krutoyarov A.A., Abdrashitov V.M. Priority areas for improving the level of economic security of the Russian Federation. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 176 – 181. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-176-181

The article was submitted: March 12, 2024; Approved after reviewing: May 13, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

В современных условиях, когда Россия стремится к социально-экономическому развитию, вопросы, связанные с борьбой с экономическими правонарушениями становятся критически важными. Эти направления имеют прямое отношение к обеспечению экономической и национальной безопасности страны, а также к правовому регулированию экономических связей. Рассмотрение концептуальных аспектов этой темы позволяет лучше понять сложности и вызовы, с которыми сталкивается современное российское общество в достижении своих целей в области национальной политики, социально-экономического развития и правопорядка.

Цель данного исследования заключается в анализе приоритетных направлений повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации, а также влияния экономических преступлений на экономику страны.

Поставлены следующие задачи: провести анализ приоритетных направлений повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации; исследовать проблемы, связанные с негативным влиянием экономических преступлений на экономику страны; предложить практические разработки мер по борьбе с экономической преступностью в рамках национальной политики.

Заявлена гипотеза: проведенный анализ приоритетных направлений повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации, с определением влияния экономических преступлений на экономику страны будет способствовать разработке меры по предупреждению экономической преступной деятельности в рамках национальной политики, основанные на выявленных проблемах.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования использован анализ нормативно-правовых актов и сравнительно-правовой метод; анализ научной и правовой литературы при помощи формально-юридического метода и частно-научных методов, таких как формально-юридический, лингвистико-правовой, диалектический подход к раскрытию правовых явлений и процессов. На основе анализа сделаны выводы и предложены меры совершенствования.

Экономическая безопасность является фундаментальной основой и ключевым блоком национальной безопасности государства, как один из ключевых показателей экономической устойчивости государства – это уровень и качество жизни его населения, при этом следует учитывать показатели уровня преступности, который выступает важным индикатором социального климата и общественного настроения. Повышение уровня жизни обычно сопровождается снижением уровня преступности, что свидетельствует об укреплении социальной стабильности и благополучия в стране. Следовательно, улучшение экономической сферы, в том числе посредством увеличения доходов населения и создания рабочих мест, может содействовать снижению уровня преступности и поддержанию социального равновесия в обществе, «как индикатора социального настроения в обществе» [10].

Современные условия экономического развития в России оцениваются многими специалистами как отрицательные, что создает благоприятные условия для увеличения уровня преступности, что связано с влиянием санкционных мер, принятых в отношении Российской Федерации, а происходящие на этом фоне изменения в структуре экономических отношений способствуют появлению новых методов преступной деятельности и расцвету «теневой» экономики.

Согласимся с мнением ученых, что: «уровень экономической преступности является различным в каждом государстве, что обусловлено спецификой управления деятельностью субъектов экономических отношений и степенью проработанности вопросов обеспечения социальной защиты на национальном уровне» [5].

Результаты и обсуждения

Экономические преступления представляют собой серьезную опасность для национальной безопасности и являются фактором, способствующим изменению экономической системы, но при этом знание уровня и структуры криминализации позволяют выявить проблемные моменты в системе управления социально-экономическими процессами в стране. Экономические преступления могут иметь широкий спектр форм проявления, от коррупции и взяточничества до мошенничества и нарушений законов о налогообложении, а последствия катастрофически для экономики, общества и государства в целом, включая ущерб для бюджета, внутренней стабильности, конкурентоспособности и доверия к правительству. Необходимость контроля и совершенствование мер по предотвращению экономических преступлений, а также разработка эффективных приоритетных направлений борьбы с такими негативными явлениями в обществе является одной из первостепенных задач национальной политики.

Исследуя приоритетные направления повышения уровня экономической безопасности Российской Федерации для понимания мер по борьбе с экономической преступностью и коррупцией приобретает, обеспечение реализации Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года. В рамках стратегии необходимо усилить контроль со стороны государственных органов, повысить ответственность за экономические преступления, совершенствовать антикоррупционное законодательство и механизмы контроля.

Президент России В.В. Путин правильно указывает на важность экономического роста и отмечает, что внутренние факторы играют ключевую роль в этом процессе [1, 3], при этом экономическая преступность подрывает доверие к инвестициям и бизнес-среде в целом, а также снижает доходы государства из-за уклонения от налогов и нелегальных операций [4].

Кроме того, важно отметить, что налоги являются основным источником дохода для государственного бюджета, а экономические преступления в области налогообложения могут привести к серьезным последствиям, таким как увеличение дефицита бюджета, что может отразиться на финансировании государственных программ и социальной защите, а также привести к снижению общего уровня благосостояния населения, ухудшению инвестиционного климата в предпринимательской среде и на международном уровне.

Говоря о влиянии экономических преступлений на экономическую безопасность Российской Федерации можно выделить несколько аспектов:

- экономические преступления приводят к серьезным финансовым потерям для компаний и граждан, что может привести к нарушению финансовой устойчивости всех участников экономических отношений, а в результате возникает общая угроза для экономической безопасности общества;

- экономические преступления способствуют ухудшению деловой репутации компаний, что в свою очередь может повлечь за собой потерю клиентов и партнёров, что в свою очередь создает негативное воздействие на рыночное положение компаний и может привести к их финансовым проблемам и банкротству;

- сокращение доходов государственного бюджета связанные с материальным ущербом вследствие экономической преступности, вызывает серьезные проблемы для всех уровней власти, поскольку они испытывают недостаток финансовых ресурсов для выполнения своих функций, что может привести к необходимости сокращать расходы на важные программы развития страны;

- «недополучение доходов» также угрожает бюджетной безопасности страны, поскольку это ослабляет финансовую устойчивость государства и уменьшает его способность к финансированию обороны и других стратегически важных секторов, что может создать уязвимость перед внешними угрозами и подорвать национальную безопасность;

- уменьшение доходной части консолидированного бюджета ограничивает возможности государства финансировать социально значимые программы и проекты в необходимых объемах, что может привести к ухудшению качества жизни граждан, оттоку специалистов, а также к усилению социальных противоречий и напряженности в обществе.

Государство теряет потенциальные доходы из внутреннего экономического оборота из-за экономической преступности, так как становятся труднодоступными для государственных органов за пределами области контроля национальных финансовых органов. Незаконно полученные средства часто перераспределяются в форме инвестиций в недвижимость или хранятся в заграничных банках или офшорных счетах, при этом данные средства не участвуют в развитии национальной экономики через инвестиции в предприятия, создание новых рабочих мест, научные исследования и другие формы развития. Таким образом, экономическая преступность приводит не только к потере средств из бюджета, но и к уменьшению внутреннего активного экономического оборота, что в свою очередь может замедлить экономический рост страны и ухудшить условия для предпринимательства и инвестиций [6].

Борьба с экономической преступностью включает в себя ряд мероприятий, таких как: «реформы в сфере правоприменения ориентированных против экономической преступности; антикоррупционные меры; определение новых научно-технических средств и юридических методов и приемов предупреждения преступлений в экономической сфере; повышение прозрачности и открытости в предпринимательской деятельности» [9], а также сотрудничество с международными партнерами в борьбе с транснациональной экономической преступностью. Успешная борьба с этим видом правонарушений способствует устойчивому экономическому росту, повышению качества жизни граждан и обеспечению политической стабильности и в финансовом секторе страны в целом, так как преступные правонарушения в экономике затрагивают различные сферы и области деятельности гражданина, влияя на экономическое благополучие страны.

В России часто используется уголовное преследование по экономическим статьям как средство в недобросовестной конкурентной борьбе, так Президент России Владимир Путин отметил [7] необходимость

улучшения инвестиционного климата в стране и проведение систематической работы по обеспечению экономической безопасности и отечественного бизнеса, так как малый и средний бизнес играют важную роль в экономике государства и взаимосвязаны, являясь источником создания рабочих мест и пополнения государственного бюджета, способствуют разнообразию товаров и услуг на рынке, что благоприятно сказывается на конкурентоспособности экономики в целом.

Важным направлением государственной политики по борьбе с экономической преступностью является обеспечение комплексной защиты прав и имущества малого и среднего бизнеса, что включает в себя: внедрение современных технологий и методов контроля за соблюдением законодательства, доступ к юридической помощи и консультациям, предотвращения монополистических практик.

В ходе совершенствования законодательства в отрасли предпринимательства выявлялись недостатки правового регулирования и регистрации, так в феврале 2001 г. Президент России В. Путин, выступил с инициативой коррекции и пополнением новыми положениями Федерального закона № 129-ФЗ для устранения этих проблем. А по итогам Петербургского международного экономического форума, прошедшего 15-18 июня 2022 года, Президент Путин В.В. поручил правительству и Верховному суду обеспечить изменение в законы для декриминализации отдельных преступлений в сфере предпринимательства [3].

Создание эффективной системы противодействия преступлениям, совершаемым сегодня в сфере экономики, в том числе и незаконному предпринимательству, требует формирования адекватной и продуманной уголовно-правовой политики в этой области, а так же сотрудничество с государственными органами и международными организациями в области борьбы с транснациональной экономической преступности в связи расширением возможностей увеличения международной торговли. Так президентом России В.В. Путиным были даны поручения до 1 мая внести в законы поправки, направленные на декриминализацию деяний, совершаемых предпринимателями. Соответствующее поручение было опубликовано на сайте Кремля: «Правительству Российской Федерации совместно с палатами Федерального Собрания Российской Федерации, Верховным Судом Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России и при участии ведущих деловых объединений предпринимателей с учетом ранее данных поручений обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, направленных на декриминализацию деяний, совершаемых в связи с осуществлением предпринимательской деятельности» [3].

Согласимся с мнением, что: «на низкую эффективность действующей системы противодействия экономической преступности во многом оказывает влияние несовершенство нынешнего законодательства в отношении экономических правонарушений и сложившейся системы выявления, расследования, судебного разбирательства уголовных дел данной категории, а также проблемы в доказывании криминалистических аспектов, касающихся факта преступления и отдельных его обстоятельств» [8].

В связи с этим можно сказать о своевременности, поручения президента России, о внесении поправок в законодательство Российской Федерации, направленных на декриминализацию деяний, совершаемых предпринимателями, а также имеет прямую связь с национальной политикой России в сфере борьбы с экономической преступностью. Сотрудничество с органами власти и деловыми объединениями при внесении таких изменений в законодательство требует согласованных усилий государственных органов, законодателей и предпринимательского сообщества. Это также может включать в себя обсуждение и согласование мер с соседними странами Содружества Независимых Государств (СНГ) в рамках общей стратегии по борьбе с экономической преступностью и созданию благоприятной бизнес-среды [3].

Таким образом, данное поручение президента России направлено на гармонизацию национальной политики в области борьбы с экономической преступностью с целью содействия экономическому развитию страны и может также иметь значение в контексте сотрудничества с государствами СНГ по этой теме.

Выводы

Рассматривая экономические преступления, как элементы разрушающего воздействия на управленческую систему в целом, влияя на ее функционирование, как самостоятельных элементов, так и на их взаимосвязь. Так преступления экономической направленности, нанося ущерб законной экономической деятельности и нарушают принципы справедливости и законности, серьезно подрывают управленческую систему, так как они снижают доверие к государственным органам, несправедливо нарушая условия конкуренции на рынке, отнимая крупные суммы денег из бюджета, что в свою очередь приводит к снижению эффективности государственного управления, несправедливому распределению ресурсов, ослаблению конкурентоспособности бизнеса, нарушению законности и общественного порядка.

Таким образом, эти преступления создают серьезные угрозы для нормального функционирования организационно-управленческой деятельности государства, вносят нестабильность и непредсказуемость в экономическую сферу и для общесистемных процессов в целом. Например, после принятия «майских» Указов Президента РФ в 2012 году [2], многие представители власти в регионах были сняты с должностей из-за высокой коррупции, которая помешала им реализовать постановления Указов.

Список источников

1. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. N 20 ст. 2902.
2. О долгосрочной государственной экономической политике: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 596 // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 19 ст. 2333.
3. Перечень поручений по итогам реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утв. Президентом РФ 15 марта 2023 г. N Пр-528) Опубликование: сайт Президента России (kremlin.ru) 16 марта 2023 г.
4. О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Содружеством Независимых Государств об условиях пребывания на территории Российской Федерации Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств: федеральный закон от 12.11.2018 N 399-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 19 ноября 2018 г. № 47 ст. 7120.
5. Горпинченко К.Н., Власенко С.К., Черникова И.А. и др. Факторный анализ уровня экономической преступности в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 6-1. С. 28 – 35.
6. Даниловская А.В. Экономическое обоснование уголовно-правовой политики в сфере охраны конкуренции // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 93 – 107.
7. Заседание коллегии МВД России 26 февраля 2020 года Опубликование: сайт Президента России – kremlin.ru.
8. Маркина С.А. Оценка и прогнозирование экономической преступности в системе обеспечения экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 6 (35). С. 147 – 162.
9. Мушарацкий М.Л. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 25 – 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-prestupnost-i-ee-vliyanie-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-1> (дата обращения: 16.02.2024)
10. Найденышев Ю.В., Сидорова А.В. Преступность экономической направленности как показатель оценки состояния экономической безопасности Российской Федерации // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 3. С. 77.

References

1. On the Economic Security Strategy of the Russian Federation for the period until 2030: Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208. Collection of Legislation of the Russian Federation dated May 15, 2017 No. 20 Art. 2902.
2. On long-term state economic policy: Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2012 N 596. Collection of legislation of the Russian Federation dated May 7, 2012 N 19 art. 2333.
3. List of instructions based on the results of the implementation of the President’s Address to the Federal Assembly (approved by the President of the Russian Federation on March 15, 2023 N Pr-528) Publication: website of the President of Russia (kremlin.ru) March 16, 2023
4. On the ratification of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Commonwealth of Independent States on the conditions of stay on the territory of the Russian Federation of the Bureau for Coordination of the Fight against Organized Crime and Other Dangerous Types of Crime on the Territory of Member States of the Commonwealth of Independent States: Federal Law of November 12, 2018 N 399- Federal Law. Collection of legislation of the Russian Federation dated November 19, 2018 No. 47 art. 7120.
5. Gorpichenko K.N., Vlasenko S.K., Chernikova I.A. and others. Factor analysis of the level of economic crime in the Russian Federation. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2023. No. 6-1. pp. 28 – 35.

6. Danilovskaya A.V. Economic justification for criminal law policy in the field of competition protection. *Lex russica*. 2021. Vol. 74. No. 2. P. 93 – 107.

7. Meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on February 26, 2020 Publication: website of the President of Russia - kremlin.ru.

8. Markina S.A. Assessment and forecasting of economic crime in the system of ensuring economic security. *News of the South-Western State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2019. Vol. 9. No. 6 (35). P. 147 – 162.

9. Musharatsky M.L. Economic crime and its influence on economic security. *Bulletin of the Prikamsky Social Institute*. 2022. No. 2 (92). P. 25 – 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-prestupnost-i-ee-vliyanie-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-1> (date of access: 02.16.2024)

10. Naidenyshev Yu.V., Sidorova A.V. Economic crime as an indicator for assessing the state of economic security of the Russian Federation. *Regional Economics. South of Russia*. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 77.

Информация об авторах

Абдрашитов В.М., доктор юридических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, ob.otdel@volsu.ru

Крутояров А.А., аспирант, Волгоградский государственный университет, akrutoyarov@yandex.ru

© Абдрашитов В.М., Крутояров А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 340.13

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-182-187

Проблематика ретроактивности судебного прецедента

¹Ишбулдин А.Р.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена проблематике ретроактивного применения правовых подходов, излагаемых в судебных актах (судебная практика или судебный прецедент), то есть их применения с обратной силой к отношениям, возникшим до появления соответствующих судебных актов. На основании научной литературы и судебной практики, автор сравнивает подходы к разрешению данной проблематике в континентальной правовой системе (на примере России) и англосаксонской правовой традиции (на примере США). Проанализировав существующие подходы, автор приводит доводы в поддержку применения правовых позиций судебной практики к ранее возникшим правоотношениям, с некоторыми оговорками относительно необходимости ограничения возможности пересмотра вступивших в силу судебных актов в связи с необходимостью поддержания правовой определенности и стабильности.

Ключевые слова: судебная практика, судебный прецедент, действие прецедента во времени, ретроактивность судебной практики, правовая позиция суда, обратная сила прецедента, правовая определенность

Для цитирования: Ишбулдин А.Р. Проблематика ретроактивности судебного прецедента // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 182 – 187. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-182-187

Поступила в редакцию: 12 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 13 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The problem of retroactivity of the judicial precedent

¹Ishbuldin A.R.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the problem of retroactive application of legal approaches set out in judicial acts (judicial practice or judicial precedent), that is, their application with retroactive force to relations that arose before the appearance of relevant judicial acts. Based on scientific literature and judicial practice, the author compares approaches to solving this problem in the continental legal system (on the example of Russia) and the Anglo-Saxon legal tradition (on the example of the USA). Having analyzed the existing approaches, the author provides arguments in support of applying the legal positions of judicial practice to previously arisen legal relations, with some reservations regarding the need to limit the possibility of revising judicial acts that have entered into force due to the need to maintain legal certainty and stability.

Keywords: judicial practice, judicial precedent, the effect of precedent in time, retroactivity of judicial practice, the legal position of the court, the retroactive force of precedent, legal certainty

For citation: Ishbuldin A.R. The problem of retroactivity of the judicial precedent. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 182 – 187. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-182-187

The article was submitted: March 12, 2024; Approved after reviewing: May 13, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – исследовать вопросы применения судебного прецедента (судебной практики) с обратной силой.

Задачи – проанализировать научную литературу и судебную практику в целях выявления и анализа правовых подходов относительно возможности придания обратной силы судебному прецеденту (судебной практике)

Гипотеза – применение судебного прецедента (судебной практики) с обратной силой зависит от юридического значения актов вышестоящих судов в конкретной правовой системе – являются ли они правовыми нормами (англосаксонские правовые порядки) либо же являются актами толкования уже существующих норм права (романо-германские правовые порядки). Кажется верным, что в романо-германском понимании судебной практики как правовой позиции, ретроактивность позиций судов является обоснованной, поскольку суд не создает новую правовую норму, а лишь выявляет её действительный смысл. Данные соображения оправдывают применение судебной практики с обратной силой, за исключением случаев пересмотра уже вынесенных и вступивших в силу судебных актов, что обусловлено соображениями правовой определенности. Применительно к англосаксонским правовым порядкам, применение судебного прецедента с обратной силой кажется, по общему правилу, невозможным, поскольку появление нового прецедента фактически означает появление новых правовых норм.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Научная литература, материалы судебной практики и актов официального толкования.

Результаты и обсуждения

Судебная практика всегда выполняла и продолжает выполнять значительную роль во всякой правовой системе, выступая либо полноценным источником права (правовые порядки стран общего права), либо актом официального толкования уже существующих норм права, что безусловно учитывая судами при вынесении решений по схожим фактическим обстоятельствам (романо-германские правовые порядки) [1].

При этом весьма актуальным вопросом, обсуждаемым в литературе, является вопрос о том, должен ли судебный прецедент (судебная практика) обладать обратной силой, то есть применяться к правоотношениям, существовавшим до появления соответствующего прецедента (такой эффект также именуется ретроактивностью) [2].

Представляется, что для правильного ответа на данный вопрос следует, прежде всего, определиться с общей правовой квалификацией судебного прецедента как правового явления, что, как было отмечено ранее, во многом зависит от отнесения правового порядка к той или иной правовой традиции.

Применительно к романо-германским (континентальным) правовым системам, к числу которых с уверенностью можно отнести Россию [3], судебная практика не является источником права, не создает новых правовых норм, которые могут быть приравнены к нормам, содержащимся в уже существующих законодательных актах, в связи с чем судебная практика может выполнять исключительно рекомендательные функции, являясь в некотором смысле источником «мягкого права» [4].

Как известно, вопросы действия во времени любых правовых позиций и разъяснений судов также долгое время являлись предметом дискуссий. Наиболее острым является вопрос о том, каким образом должна реагировать правовая система на случаи коренного изменения судебной практики на уровне высших судебных инстанций применительно к правоотношениям, существовавшим до появления такого изменения?

На этот счет в литературе существует позиция, согласно которой появление нового толкования норм права (новых правовых позиций) не препятствует применению таких новых подходов к правоотношениям, возникшим ранее, что объясняется тем, что появление нового толкования не означает создание новой нормы права, а лишь является способом выявления действительного смысла уже существовавших ранее норм, в связи с чем и может быть оправдано ретроактивное применение такого толкования [5].

Следует отметить, что данная позиция была фактически закреплена в п. 5.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.03.2007 N 17 [6], которым предусматривалась возможность пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов в случае, если судебный акт вынесен на основе положений законодательства, практика применения которых в последующем изменилась на уровне Пленума или Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ.

В то же время данная позиция, не может являться полностью бесспорной ввиду того, что на практике изменение сложившихся правовых подходов высшими судебными инстанциями может носить поистине революционный характер, в связи с чем возможное придание таким обратной силы могло бы повлечь глубокую правовую неопределенность и явное нарушение принципа защиты разумных ожиданий участников гражданского оборота.

По этим соображением данная позиция была значительно скорректирована Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 N 1-П [7], которым было установлено правило о том, что изменение судебной практики на уровне Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ может являться основанием для пересмотра иных дел по схожим обстоятельствам только при наличии прямого указания на это в соответствующем постановлении Президиума. Не менее важным выводом в данном Постановлении является также указание на невозможность придания обратной силы новым правовым позициям и, соответственно, невозможность пересмотра ранее вынесенных дел в случае, если это приведет к ухудшению положения частных лиц в отношениях с государством (на примере налоговых правоотношений).

Таким образом, ретроактивность новых правовых подходов судебной практики в российской правовой системе осуществляется избирательным способом, что заключается в наличии принципиальной возможности такой ретроактивности, но только в случаях, когда суд, принимающий прецедент (в настоящее время Президиум Верховного Суда РФ), прямо укажет в своем судебном акте на ретроактивность вновь выявленной правовой позиции.

По нашему мнению, такой подход является сомнительным по меньшей мере из-за того, что в реальности Президиум Верховного Суда РФ в подавляющем большинстве случаев не рассматривает частнопроводные споры, оставляя их разрешение для судебных коллегий из трех судей [8], в связи с чем установление такого правила не приведет к реальным результатам на практике.

В то же время следует отметить, что придание обратной силы новым правовым позициям вышестоящих судов возможно не только при реализации процессуального механизма пересмотра вступивших в силу судебных актов, но и в иной модальности – например, при рассмотрении дела в суде первой инстанции или его ординарном обжаловании в суде апелляционной либо кассационной инстанции. Например, возможна ситуация, при которой новая правовая позиция (прецедент) появляется после вынесения судом первой инстанции решения, противоречащего новой судебной практике – должен ли в таком случае апелляционный суд, рассматривая жалобу на решение, принимать во внимание новую правовую позицию, придавая ей тем самым обратную силу *de facto*?

Анализ судебной практики демонстрирует, что вышестоящие суды отклоняют подобные доводы участников спора о том, что апелляционный или кассационный суды руководствовались новыми разъяснениями по вопросам судебной практики, даже если такие разъяснения появились после вынесения судом первой инстанции решения, поскольку это не является нарушением и не свидетельствует о незаконности судебных актов [9].

Изложенное в совокупности позволяет говорить о том, что применение новых разъяснений (правовых подходов) в судебной практике с обратной силой принципиально возможно, что, однако, может быть осложнено ситуациями пересмотра вступивших в силу судебных актов по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам, где такой пересмотр на основании ретроактивности новых правовых позиций (прецедентов) осуществляется на избирательных началах.

В англосаксонской правовой традиции на примере правовой системы США, для которой характерно наделение судебного прецедента свойствами полноценного источника права, содержащего правовые нормы, наблюдается строгий подход, согласно которому прецедент не может применяться с обратной силой [10].

По нашему мнению, такой подход во многом оправдан правовой природой судебного прецедента в его понимании правовыми системами стран общего права в качестве полноценной правовой нормы. Иными словами, формирование судебного прецедента в таких провозворах, как США (их отдельных штатов), является аналогичным правовым явлением, что и принятие нового нормативного акта в романо-германской правовой системе.

Как известно, классическое воззрение на действие норм права во времени исходит из общего правила о том, что все новые нормы права действуют исключительно на будущее, а придание нормам ретроактивного характера является исключительным случаем, допустимым только в строго определенных ситуациях с условием обязательного указания на это в тексте самого нормативного акта.

Несмотря на то, что подобная логика, на первый взгляд, может полноценно применяться к судебному прецеденту, остается нерешенным вопрос о соблюдении принципа равенства, поскольку в случае лица, яв-

ляющиеся участниками спора, по которому был сформирован судебной прецедент, тем не менее пользуются его обратной силой, поскольку, как известно, любой судебный акт по своей сути направлен на разрешение ситуаций, существовавших в прошлом [11].

По нашему мнению, такое положение вещей не является противоречием и не может признаваться каким-либо пороком правовой системы, поскольку применение новой правовой нормы в виде судебного прецедента к одним лицам и её неприменение к другим исключительно в связи с особенностями действия нормы (прецедента) во времени, является скорее вопросом случая (некоторым лицам повезло, что прецедент появился до разрешения их спора судом), что не свидетельствует о несправедливости или юридическом неравенстве различных участников оборота.

В то же время следует отметить, что некоторыми американскими юристами (в особенности в начале XX века) отстаивалась так называемая «декларативная теория», согласно которой судьи, формулируя прецедент, не создают новых норм права, а лишь выявляют истинный смысл уже существующих норм, исправляя ошибочное понимание таковых [12].

В то же время декларативная теория была со временем замещена концепцией правового реализма, поддержанной на уровне судебной практики Верховного Суда США, которым был подтвержден изначально обозначенный подход о том, что при вынесении судебного прецедента суд создает новую норму права [13], при этом был сформулирован тезис о том, что необходимость применения зауженной в судебном прецеденте правовой нормы только на будущее время соответствует интересам правосудия [14]. В то же время данный подход был либерализован в виде указания Верховным Судом США на возможность применения новых судебных прецедентов не только к сторонам по соответствующему делу, но и к иным делам, подлежащим разрешению (еще не разрешенным) на момент появления прецедента.

Представляется, что проанализированная практика судов США, отражающая осторожное отношение к ретроспективности судебного прецедента, в полной мере отражает англосаксонское понимание правовой природы прецедента в качестве полноценной правовой нормы, применение которой на будущее не допустимо.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Обосновано, что ответ на вопрос о допустимости придания обратной силы судебной практике (судебному прецеденту) зависит от правовой квалификации прецедента, которая может отличаться от типа соответствующей правовой системы (романо-германская или англосаксонская).

Аргументировано, что придание обратной силы судебной практике в рамках романо-германской правовой системы оправдано тем, что судебная практика не является новыми правовыми нормами, а лишь представляет собой способы выявления более точного смысла уже существующих норм. В то же время продемонстрировано, что соображения стабильности и правовой определенности существенно ограничивают возможности пересмотра уже вынесенных судебных актов в связи с изменением новой судебной практики.

Обосновано, что ретроактивное применение судебного прецедента в странах англосаксонской правовой семьи осложнено исходя из соображений правового реализма, признающего прецеденты новыми нормами права. При этом на примере практики Верховного Суда США продемонстрировано, что данный подход не исключает применение новых прецедентов к еще не рассмотренным делам.

Список источников

1. Давид Р. Основные правовые системы современности. Сравнительное право: пер. с фр. М.А. Крутоголова, В.А. Туманова. М. Прогресс, 1967. С. 12.
2. Цветков И.В. Проблема обратной силы судебных прецедентов на примере одного дела // Закон. 2012. № 10. С. 80 – 83.
3. Васильев А.А., Гройсман С., Стоилов Я., Печатнова Ю.В. Иерархия источников права России: анализ законодательства и доктрины через сравнительно-правовую призму болгарского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 3. С. 390 – 402.
4. Тарусина Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica. 2019. № 5. С. 40 – 48.
5. Егоров А.В. Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. 2022. № 5. С. 14 – 36.
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.03.2007 N 17 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам» // Вестник ВАС РФ. N 4. Апрель. 2007.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 N 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества "Производственное объединение "Берег", открытых акционерных обществ "Карболит", "Завод "Микропровод" и "Научно-производственное предприятие "Респиратор"» // Вестник Конституционного Суда РФ. N 2. 2010.

8. Кудрявцева Е.В. Право на обжалование в российском гражданском процессе – безусловно или с барьерами? // Закон. 2021. № 7. С. 44 – 51.

9. Определение Верховного Суда РФ от 10.11.2014 N 308-ЭС14-4424 по делу N А63-9614/2013 // СПС «Консультант Плюс».

10. Steiner E., Verschraegen B. Judicial Rulings with Prospective Effects: From Comparison to Systematisation // General reports of the XIXth congress of the International Academy of Comparative Law // Vienna: Springer. 2017. P. 15 – 16.

11. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право: учеб. пособие. М. Проспект. 2017. С. 16.

12. Supreme Court of the United States. Case no. 41 U.S. (16 Pet.) 1, 18 (1842) Swift v. Tyson. Decision of January 1842.

13. Supreme Court of the United States. Case no. 304 U.S. 64 (1938) Erie Railroad Co. v. Tompkins. Decision of April 25, 1938.

14. Supreme Court of the United States. Case no. 381 U.S. 618 (1965) Linkletter v. Walker. Decision of June 7, 1965.

15. Бернам У. Правовая система США / Науч. ред. В.А. Власихин; Пер. с англ. А.В. Александров и др. // М.: Новая юстиция. 2007. С. 118.

References

1. David R. Basic legal systems of our time. Comparative law: trans. from fr. M.A. Krutogolova, V.A. Tumanova. M. Progress, 1967. P. 12.

2. Tsvetkov I.V. The problem of retroactive force of judicial precedents using the example of one case. Law. 2012. N 10. P. 80 – 83.

3. Vasiliev A.A., Groysman S., Stoilov Ya., Pechatnova Yu.V. Hierarchy of sources of Russian law: analysis of legislation and doctrine through the comparative legal prism of Bulgarian law. Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. No. 3. P. 390 – 402.

4. Tarusina N.N. Judicial practice in family cases: problems of discretion on the verge of lawmaking. Lex russica. 2019. No. 5. P. 40 – 48.

5. Egorov A.V. Changing the law as a form of its authentic interpretation. Law. 2022. No. 5. P. 14 – 36.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated March 12, 2007 N 17 “On the application of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation when revising judicial acts that have entered into legal force based on newly discovered circumstances”. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. N 4. April. 2007.

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 21, 2010 N 1-P “In the case of verifying the constitutionality of the provisions of part 4 of article 170, paragraph 1 of article 311 and part 1 of article 312 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation in connection with complaints from the closed joint-stock company “Production Association” "Bereg", open joint-stock companies "Karbolit", "Microprovod Plant" and "Research and Production Enterprise "Respirator"”. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2. 2010.

8. Kudryavtseva E.V. The right to appeal in Russian civil proceedings – unconditional or with barriers? Law. 2021. No. 7. P. 44 – 51.

9. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 10, 2014 N 308-ES14-4424 in case N А63-9614/2013. ATP “Consultant Plus”.

10. Steiner E., Verschraegen B. Judicial Rulings with Prospective Effects: From Comparison to Systematization. General reports of the XIXth congress of the International Academy of Comparative Law. Vienna: Springer. 2017. P. 15 – 16.

11. Marchenko M.N. Judicial lawmaking and judicial law: textbook. allowance. M. Prospekt. 2017. P. 16.

12. Supreme Court of the United States. Case no. 41 U.S. (16 Pet.) 1, 18 (1842) Swift v. Tyson. Decision of January 1842.

13. Supreme Court of the United States. Case no. 304 U.S. 64 (1938) Erie Railroad Co. v. Tompkins. Decision of April 25, 1938.

14. Supreme Court of the United States. Case no. 381 U.S. 618 (1965) Linkletter v. Walker. Decision of June 7, 1965.

15. Burnam W. Legal system of the USA. Scientific. ed. V.A. Vlasikhin; Per. from English A.V. Alexandrov and others. M.: New Justice. 2007. P. 118.

Информация об авторе

Ишбулдин А.Р., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, a_ishbuldin@inbox.ru

© Ишбулдин А.Р., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»
<https://ilj-journal.ru>
2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)
УДК 343.985.7
DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-188-194

Проблемные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием компьютерных технологий

^{1,2} Мысливцева Т.Ю.,

¹ Ростовский юридический институт МВД России,

² Отдел по расследованию преступлений на территории обслуживания отдела полиции № 2 Следственного управления УМВД России по г. Ростову-на-Дону

Аннотация: статья посвящена основам применения такого института уголовного процесса, как досудебное соглашение о сотрудничестве с лицами, обвиняемыми в незаконном обороте наркотических средств, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, так как данная категория преступлений в настоящее время является одной из самых распространенных, латентных, посягает на здоровье населения и общественную нравственность и предусматривает большие сроки лишения свободы. А применение заключения досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет органам предварительного следствия выявить дополнительные эпизоды преступной деятельности, соучастников преступных групп, обнаружить и изъять из незаконного оборота запрещенные вещества, а сторона защиты при этом может рассчитывать на более мягкое наказание.

Проведенное автором исследование, в том числе изучение практики применения такого института уголовно-процессуального права, позволило выявить положительные стороны для каждого участника уголовного судопроизводства, правовые последствия, основные проблемные аспекты, а также пути их разрешения. Рассмотрены требования к ходатайству со стороны защиты о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также порядок его подачи, без соблюдения которых его реализация невозможна. Выявлены проблемы, с которыми сталкивается следователь, сторона защиты и прокурор при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Приведены примеры использования досудебного соглашения о сотрудничестве с лицами, обвиняемыми в незаконном обороте наркотических средств, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Данная статья может быть интересна как для дальнейших исследований, так и для правоприменителей.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, информационно-телекоммуникационные технологии, лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

Для цитирования: Мысливцева Т.Ю. Проблемные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием компьютерных технологий // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 188 – 194. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-188-194

Поступила в редакцию: 13 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 11 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Problematic issues of concluding a pre-trial agreement on cooperation in criminal cases in the field of illicit drug trafficking committed using computer technology

^{1,2} Mysliltseva T. Yu.,

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
² Department for the investigation of crimes in the service area of the police Department No. 2 of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Rostov-on-Don

Abstract: *the article is devoted to the basics of the application of such an institution of criminal procedure as a pre-trial agreement on cooperation with persons accused of drug trafficking committed using information and telecommunication technologies, since this category of crimes is currently one of the most widespread, latent, encroaches on public health and public morality and provides for large terms of imprisonment. And the application of the conclusion of a pre-trial cooperation agreement allows the preliminary investigation authorities to identify additional episodes of criminal activity, accomplices of criminal groups, to detect and remove prohibited substances from illicit trafficking, and the defense side can count on a more lenient punishment.*

The research conducted by the author, including the study of the practice of applying such an institution of criminal procedure law, allowed to identify the positive aspects for each participant in criminal proceedings, legal consequences, the main problematic aspects, as well as ways to resolve them. The requirements for a petition from the defense for the conclusion of a pre-trial cooperation agreement, as well as the procedure for its submission, without which its implementation is impossible, are considered. The problems faced by the investigator, the defense and the prosecutor when deciding on the conclusion of a pre-trial cooperation agreement are identified. Examples of the use of a pre-trial cooperation agreement with persons accused of drug trafficking committed using information and telecommunication technologies are given.

This article may be of interest both for further research and for law enforcement officers.

Keywords: *pre-trial agreement on cooperation in criminal matters, crimes in the field of illicit drug trafficking, information and telecommunication technologies, a person with whom a pre-trial cooperation agreement has been concluded*

For citation: Mysliltseva T. Yu. Problematic issues of concluding a pre-trial agreement on cooperation in criminal cases in the field of illicit drug trafficking committed using computer technology. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 188 – 194. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-188-194

The article was submitted: March 13, 2024; Approved after reviewing: May 11, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Согласно действующего законодательства ответственность за незаконный оборот наркотических средств одна из самых суровых. Наказания в виде лишения свободы на большие сроки, постановления на учеты в наркологические диспансеры, избрание мер пресечений, связанных с ограничением или лишением конституционного права на свободу передвижения, даже после отбытия наказания судимость еще надолго остается с человеком в информационных базах.

В связи с этим, обвиняемые и подозреваемые, по уголовным делам данной категории ищут всевозможные способы как уйти от ответственности или уменьшить наказание и поэтому нередко прибегают к институту досудебного соглашения о сотрудничестве, так как при эффективной реализации такого соглашения, можно значительно уменьшить сроки лишения свободы и другие наказания при вынесении судом приговора.

Материалы и методы исследований

В 2023 году в Ростовской области были возбуждены уголовные дела по 4 166 эпизодам преступной деятельности о преступлениях, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ в отношении 398 фигурантов (в запросе в информационный центр указывалось, в том числе, оконченные преступления и покушение и приготовление к таким преступлениям), то есть согласно данной статистике в отношении 398 человек назначено или будет назначено наказание в виде лишения свободы сроком от 4 лет до 20 лет или же пожизненное лишение свободы [1].

Наибольшую опасность данные преступления представляют, когда они совершены с использованием

информационно-телекоммуникационных технологий, что делает их более латентными для правоохранителей. При этом иногда это позволяет лицам, раскрывающим, расследующим данную категорию преступлений выявить дополнительные эпизоды незаконного оборота наркотических средств, установить соучастников таких преступлений, установить местонахождение тайников с наркотическими средствами, что также позволит переqualифицировать преступления на более тяжкие составы, так как вся эта информация может храниться в мобильных телефонах, ноутбуках и других средствах общения между фигурантами таких преступлений и носителей информации.

Досудебное соглашение о сотрудничестве это – заключение соглашения между стороной обвинения и стороны защиты, при котором сторона защиты, выступающая в лице обвиняемого или подозреваемого и защитника, обязуется выполнить ряд определенных, обязательных условий, а именно сообщить органам предварительного следствия информацию, которая может позволить в рамках расследования уголовного дела изобличить других лиц в совершении преступления, установить дополнительные эпизоды преступной деятельности, в свою очередь сторона, в лице прокурора, будет ходатайствовать перед судом о смягчении наказания для такого подсудимого. Для урегулирования данной нормы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ отведена глава 40.1.

Результаты и обсуждения

Досудебное соглашение может заключаться только на предварительном следствии. Законом установлены следующие условия заключения такого соглашения между стороной защиты и стороной обвинения. Во-первых, обвиняемый должен полностью признавать свою вину в преступлении и на стадии предварительного следствия давать подробные правдивые показания об обстоятельствах произошедшего. Необходимо убедить следователя о том, что виновный раскаивается и действительно готов сообщить правдивые сведения, которые будут полезными для правоохранительных органов. Во-вторых, сторона защиты в своем ходатайстве должна представить органам предварительного расследования реальную информацию, которая позволит изобличить соучастников совершенного преступления, информацию о иных готовящихся или совершенных преступлениях, которая не может быть известна органам предварительного расследования, информацию о лицах, которые занимаются преступной деятельностью, информацию о местонахождении наркотических средств, психотропных веществ, опять же, это те сведения, которые следователь не сможет самостоятельно установить в ходе расследования уголовного дела. В ходатайстве должны быть указаны конкретные действия, в том числе следственные, в ходе которых он может сообщить, подтвердить ту или иную информацию, которая будет предметом соглашения. Также обвиняемый в последующем не должен отказываться от заключенного им досудебного соглашения, даже если изменятся обстоятельства по уголовному делу, он должен оказывать содействие органам предварительного расследования на всем периоде уголовного судопроизводства.

Обвиняемый, подозреваемый может на любой стадии до уведомления об окончании следственных действий в письменном виде завить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, которое должно быть подано через следователя на имя надзирающего прокурора [2]. Некоторые авторы полагают целесообразным позволить подавать такое ходатайство стороной защиты напрямую прокурору, минуя при этом лицо, ведущее расследование [3, с. 224].

Следователь в течении трех суток, принимает решение либо о направлении ходатайства прокурору вместе с мотивированным постановлением, согласованным с руководителем следственного органа, либо выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа, после чего направляет все в прокуратуру. Прокурор принимает решение либо об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, либо же отказывает в его удовлетворении, его решения также могут быть обжалованы.

При принятия положительного решения, прокурор должен поставить в известность следователя, сторону защиту и назначить дату досудебного соглашения и место, это может быть, как следственный изолятор, следственный отдел так и прокуратура. Прокурор в присутствии следователя, обвиняемого и его защитника, а при необходимости и переводчика, составляет досудебное соглашение о сотрудничестве, которое должно быть подписано сторонами. Прокурор лично также должен разъяснить правовые последствия такого соглашения, а также о возможности расторжения соглашения, в случае невыполнения его условий [4, с. 244-248].

Также законодателем предусмотрена защита подозреваемых, если имеется угроза их безопасности, или

их близких, в данном случае документы, касающиеся досудебного соглашения могут храниться в запечатанном конверте.

Одним из плюсов расследования уголовных дел с заключенным досудебным соглашением является то, что следователь может выяснить в ходе допроса такого лица подробно все обстоятельства совершенного преступления, которые могут быть известны только обвиняемому, следователь может доверять его показаниям, что значительно облегчает задачу по отработке версий. Суд может рассмотреть поступившее уголовное дело в особом порядке, потратив на это минимум своего времени [5, с. 276-278]. Плюс для обвиняемых в том, что и следователь и суд заинтересованы в том, чтобы по уголовному делу в более короткий срок было принято законное и обоснованное решение и не было нарушено право обвиняемого на своевременность уголовного преследования, так как исходя из своей практики, большая часть обвиняемых ждут решения суда, чтобы скорее убыть из следственного изолятора в место отбывания наказания.

Как уже было установлено, по смыслу статьи обвиняемый должен признавать вину и давать правдивые показания, чтобы следователь мог ходатайствовать перед прокурором о заключении досудебного соглашения при наличии такового, но как следователь может гарантировать решение прокурора в таком случае.

Следователь при допросе может выбрать любую тактику данного следственного действия, которая позволит добиться от допрашиваемого правдивых показаний об обстоятельствах расследуемого дела [6, с. 277]. Полагаем правильным перед первым допросом лица в качестве подозреваемого каждый следователь должен разъяснять положение о досудебном соглашении о сотрудничестве, чтобы сторона защиты с самого начала участия в уголовном деле могла занять правильную позицию защиты, так как прокуроры критично относятся к тем обвиняемым, которые в начале предварительного следствия неохотно с сотрудничают с органами предварительного следствия.

Одной из реальных проблем, с которой могут столкнуться следователи при реализации досудебного соглашения это сама процедура подписания такого соглашения, когда обвиняемые, как в большинстве уголовных дел данной категории, содержатся под стражей в следственных изоляторах. В силу своей занятости, прокуроры требуют, чтобы следователи обеспечивали явку сторон в отделы прокуратуры, хотя куда проще организовать проход в СИЗО к обвиняемому. Так, следователю, необходимо обеспечить конвоирование обвиняемого в орган прокуратуры, уведомить конвой, уведомить защитника, а также в случае необходимости обеспечить явку переводчика. На данную процедуру следователь может потратить пол дня.

Так же проблемой является то, что общественно-опасные деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является латентной, соучастники таких преступлений не знают друг друга, тем более контактных данных, а сбыт наркотических средств осуществляется бесконтактным способом, в связи с чем, обвиняемым очень сложно поделиться с органами предварительного расследования такой информацией, которая убедила бы следователя ходатайствовать перед прокурором о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Еще одной проблемой может стать незаинтересованность органов прокуратуры в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Так как обязанность установить все обстоятельства расследуемого уголовного дела возложена на орган предварительного следствия.

Уголовные дела, где хотя бы один из обвиняемых заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, можно окончить в более короткие сроки, так как у следователя будет больше информации и доказательств, которые могут быть положены в основу обвинительного заключения, что позволит своевременно направить уголовное дело для его рассмотрения в суде, позволяет смягчить наказание для обвиняемого. Однако необходимо помнить, что такие соглашения должны соответствовать законодательству и не проводиться с нарушением прав и законных интересов сторон.

Так, в одном из отделов по расследованию преступлений г. Ростова-на-Дону в производстве находилось уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а,б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, а именно по факту покушения на незаконный сбыт тайниково-закладочным способом наркотического средства героин, совершенного с использованием сеть «Интернет», группой лиц по предварительному сговору, в значительном размере, общей массой 2,181г, расфасованное в 6 свертков, удобных для дальнейшего сбыта неустановленному кругу лиц на территории г. Ростова-на-Дону, но при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам. Санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком от 8 до 15 лет. Обвиняемый являлся гражданином Таджикистана, общение между участниками группы велось на таджикском языке в мессенджере «WhatsApp». На начальной стадии расследования обвиняемый воспользовался ст. 51 Конституции РФ, однако следователем ему и его адвокату были разъяснены возможности и последствия заключения досудебного соглашения, так как у следствия имелись все основания достоверно полагать, что ему могут быть знакомы другие лица таджик-

ской национальности, которые занимались незаконным оборотом наркотических средств, а именно распространением героина на территории г. Ростова-на-Дону. Через несколько месяцев расследования от стороны защиты на имя следователя поступило ходатайство о заключении досудебного соглашения с прокурором. Следователь изучив которое, принял решение о вынесении постановления о возбуждении ходатайства о заключении с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Прокурор района, изучив доводы ходатайства стороны защиты и постановления следователя принял решение о заключении досудебного соглашения. В рамках данного соглашения обвиняемый, сообщил информацию о 5 гражданах Таджикистана, которые вероятно могут заниматься незаконным оборотом наркотических средств. После проверки версии следственным путем, следователем было дано поручение, по результатам которого, в другом районе города оперуполномоченными отдела по контролю за незаконным оборотом наркотических средств был задержан гражданин Таджикистана, один из тех, о которых говорил обвиняемый, и в отношении него было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, по факту покушения на незаконный сбыт тайниково-закладочным способом наркотического средства героин, совершенного с использованием сети «Интернет», группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере, но при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам и из незаконного оборота были изъяты наркотические средства в количестве 5,12г, расфасованные в 18 свертков, удобных для дальнейшего сбыта путем тайников-закладок неустановленному кругу лиц.

Районный суд г. Ростова-на-Дону, рассмотрев уголовное дело в особом порядке, лицу, которое заключило досудебное соглашение, назначил наказание в виде лишения свободы сроком 5 лет 5 месяцев лишения свободы, при этом минимальное наказание предусматривает 8 лет лишения свободы.

По условиям заключенного досудебного соглашения в ходе дополнительного допроса обвиняемого он дал подробные показания об обстоятельствах расследуемого уголовного дела, в рамках осмотра предметов в принадлежащем ему мобильном телефоне показал контакты лиц, которые могут быть причастны к незаконному сбытом наркотических средств, а именно героина и метадона, путем тайников-закладок, также адвокатом были предоставлены некоторые документы на них.

Изучив практику реализации досудебного соглашения в следственных органах г. Ростова-на-Дону по рассматриваемой категории уголовных дел, можно сказать, что применяется такое соглашение сторонами не часто. Сторона защиты редко инициирует соглашение, предоставляют ходатайства с нарушением процессуального порядка их подачи, либо же в их ходатайствах недостаточно сведений, необходимых для заключения соглашения.

Так, в ходе расследования одного из уголовных дел на 5 месяце расследования, стороной защиты на имя прокурора через следователя было подано ходатайство о заключении соглашения, в котором они заявили, что обязуются сообщить информацию о том, где обвиняемый в 37 эпизодах незаконного сбыта наркотических средств, хранит наркотическое средство, которое планировал употребить лично, а также информацию о том, кто его мог ему продать. То есть, он хотел сообщить о совершенном им преступлении, предусмотренном ст. 228 УК РФ, с самого начала это больше походе на явку с повинной, но следователю необходимо проверить все версии, перед вынесением решения.

На первом допросе об обстоятельствах совершенного им преступления, сторона защиты отказалась давать показания, но на вопрос следователя о том, употребляет ли обвиняемый наркотические средства, он ответил отрицательно, а на вопрос следователя о том, знает ли он лиц, которые занимаются незаконным оборотом наркотических средств, он также ответил, что нет. Мобильный телефон обвиняемого был подробно осмотрен еще до подачи стороной защиты ходатайства о заключении досудебного соглашения, но следователь в памяти мобильного телефона информации о приобретении им наркотического средства с целью употребления или о лицах, распространяющих наркотические средства, не обнаружил. Обвиняемый на стадии проверки сообщения о преступлении был освидетельствован на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического) и состояния опьянения у него не было установлено.

Следователь отказал в удовлетворении ходатайства, но версия о том, что где-то могут храниться наркотические средства была проверена следственным и оперативным путем, но не нашла своего подтверждения. Решение следователя было обжаловано руководителю и в прокуратуру, однако не было отменено. В данном случае, можно полагать, что обвиняемый намеревался ввести следствие в заблуждение, и преступления в которых он обвиняется не соразмерны с тем преступлением, о котором он якобы хотел сообщить, такое ходатайство о досудебном соглашении можно оценить лишь как явку с повинной и учесть, как смягчающее обстоятельство.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что заключение досудебного соглашения является не только эффективным способом получения доказательств по уголовным делам, но также является инструментом предупреждения, пресечения преступлений, в том числе на стадиях приготовления и покушения. Применение такого института требует выполнения всех указанных в статье условий. Действия стороны защиты и следователя при этом должны быть конкретными и носить целенаправленный и динамичный характер, который мог бы подстроиться под изменения способов совершения преступлений, с использованием сети «Интернет», также исключая коррупционную заинтересованность со стороны должностных лиц. От следователя при этом требуется бдительность, профессионализм и внимательность, чтобы не упустить важные детали, не нарушить права лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также права остальных участников уголовного процесса, для успешного завершения расследования и обеспечения правосудия.

Список источников

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (текст с изменениями от 06.04.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (текст с изменениями от 22.04.2024) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
3. Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 224.
4. Кобзарев Ф.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовному делу: о некоторых общих проблемах и роли прокурора в их решении // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 244–248. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-244-248>
5. Смирнов А.В. Калиновский К.Б. Уголовный процесс: авторский курс: учебное пособие. Москва: Эксмо. 2022. С. 276 – 278.
6. Казанцев С.Я., Варданыан А.В., Самитов Э.О., Криминалистика: учебник. Москва: ЮСТИЦИЯ. 2024. С. 277.
7. Колычева А.Н., Васюков В.Ф. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет: учебное пособие / под ред. Волеводза А.Г.. М.: Проспект, 2020. С. 27.
8. Дульцев М.В., Бульбачева А.А., Котязов А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров: организационные и правовые основы: учебное пособие. Москва: Академия управления МВД России, 2021. С. 49 – 50.
9. Гулиева Н.Б., Драпезо Р.Г., Шелестюков В.Н. Бесконтактный сбыт наркотических средств и психотропных веществ через Интернет: судебная практика Кемеровской области // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 2. С. 364.
10. Норвартян Ю.С. Преступления против здоровья населения: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. С. 17 – 18.

References

1. “Criminal Code of the Russian Federation” dated 06/13/1996 N 63-FZ (text as amended on 04/06/2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
2. “Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated December 18, 2001 N 174-FZ (text as amended on April 22, 2024) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
3. Bagautdinov K.F. Pre-trial cooperation agreement: current problems of optimizing the implementation mechanism and improving the procedural status of its participants: dis. Ph.D. legal Sci. N. Novgorod, 2020. P. 224.
4. Kobzarev F.M. Pre-trial agreement on cooperation in a criminal case: about some common problems and the role of the prosecutor in solving them. Bulletin of Kostroma State University. 2021. Vol. 27, No. 3. P. 244 – 248. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-244-248>
5. Smirnov A.V. Kalinovsky K.B. Criminal procedure: author's course: textbook. Moscow: Eksmo. 2022. P. 276 – 278.
6. Kazantsev S.Ya., Vardanyan A.V., Samitov E.O., Forensics: textbook. Moscow: JUSTICE. 2024. P. 277.
7. Kolycheva A.N., Vasyukov V.F. Investigation of crimes using computer information from the Internet: textbook. ed. Volevodza A.G. M.: Prospekt, 2020. P. 27.

8. Dultsev M.V., Bulbacheva A.A., Kotyazhov A.V. Countering the illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors: organizational and legal foundations: textbook. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 49 – 50.

9. Gulieva N.B., Drapezo R.G., Shelestyukov V.N. Contactless sale of narcotic drugs and psychotropic substances via the Internet: judicial practice of the Kemerovo region. Bulletin of St. Petersburg State University. Right. 2020. Vol. 11. Issue. 2. P. 364.

10. Norvartyan Yu.S. Crimes against public health: a textbook. Samara: Samara University Publishing House, 2022. P. 17 – 18.

Информация об авторе

Мысливцева Т.Ю., адъюнкт, Ростовский юридический институт МВД России, старший следователь отдела по расследованию преступлений на территории обслуживания отдела полиции №2 Следственного управления УМВД России по г. Ростову-на-Дону, капитан юстиции, tamriko.myslivtseva@mail.ru

© Мысливцева Т.Ю., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.98

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-195-200

К вопросу о внедрении средств 3-D сканирования пространства для осмотра места происшествия: проблемы и перспективы

¹ Долженко Н.И., ¹ Фирулин Н.Д.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: статья посвящена рассмотрению вопросов применения средств 3-D сканирования для осмотра места происшествия. Авторы исследования исходят из того, что применение технологий 3-D сканирования пространства, в силу ряда обозначенных в статье очевидных преимуществ для процесса расследования, следует активно развивать, несмотря на имеющиеся негативные факторы в виде технологической сложности, дороговизны и количественной незначительности имеющейся на данный момент практики. Авторами обозначен ряд характерных тенденций в развитии практики применения данных средств 3-D сканирования пространства в России и за рубежом. На основе этих рассуждений в данной статье была предпринята попытка предложить систему рекомендаций для следователей, учитывающую особенности проведения осмотра места происшествия с использованием 3-D сканирования. Разработанные авторами рекомендации имеют общий характер и охватывают деятельность участников осмотра на всех его стадиях. Помимо этого, в статье предложена интерпретация уголовно-процессуального смысла результатов сканирования на месте происшествия в виде 3-D модели и процедурный порядок ее оформления.

Ключевые слова: 3-D сканирование, осмотр места происшествия, дополнительные средства фиксации

Для цитирования: Долженко Н.И., Фирулин Н.Д. К вопросу о внедрении средств 3-D сканирования пространства для осмотра места происшествия: проблемы и перспективы // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 195 – 200. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-195-200

Поступила в редакцию: 14 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

On the issue of the introduction of 3-D space scanning tools for examining the scene of an accident: problems and prospects

¹ Dolzhenko N.I., ¹ Firulin N.D.,

¹ Belgorod State National Research University

Abstract: the article is devoted to the consideration of the issues of using 3-D scanning tools to inspect the scene of an accident. The authors of the study proceed from the fact that the use of 3-D space scanning technologies, due to a number of obvious advantages for the investigation process outlined in the article, should be actively developed, despite the existing negative factors in the form of technological complexity, high cost and quantitative insignificance of the currently available practice. The study partially raised the issue of cases where, in principle, it is advisable to use the specified technique, which should be determined by the person conducting the investigation at the preparatory stage before going to the place of inspection and beginning other preparatory actions. The authors have identified a number of characteristic trends in the development of the practice of using these 3-D space

scanning tools in Russia and abroad. Based on these considerations, an attempt has been made in this article to propose a system of recommendations for investigators that takes into account the specifics of conducting an inspection of the scene using 3-D scanning. The recommendations developed by the authors are general in nature and cover the activities of the participants in the inspection at all its stages. In addition, the article offers an interpretation of the criminal procedural meaning of the results of scanning at the scene in the form of a 3-D model and the procedural order of its registration.

Keywords: 3-D scanning, inspection of the scene, additional means of fixation

For citation: Dolzhenko N.I., Firulin N.D. On the issue of the introduction of 3-D space scanning tools for examining the scene of an accident: problems and prospects. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 195 – 200. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-195-200

The article was submitted: March 14, 2024; Approved after reviewing: May 16, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Технологии 3-D сканирования активно развиваются на протяжении последних 10 лет, и это развитие предопределяет большой потенциал для их использования и в уголовном процессе, и в криминалистике. Упрощение правил эксплуатации современной техники, достижение достаточной компактности необходимых устройств, развитие программных продуктов в сторону интуитивной понятности для конечного пользователя и иные факторы свидетельствуют о целесообразности расширения практики применения 3-D технологий при производстве следственных действий.

Также следует обратить внимание на тенденцию к использованию технологий 3-D сканирования в комбинации с другими инновационными разработками в области науки и техники. Так, например, британские исследователи Уолтред Брайер, Михаэль Дж. Доннелли, Марк Пейн и Марк А. Уильямс изложили в 2020 году результаты экспериментальных действий по применению комплекса технологий 3-D сканирования и микро-компьютерной томографии в целях проверки версий о событии ДТП со смертельным исходом. Путем сопоставления 3-D моделей повреждений на скелете потерпевшей, которые в силу технических ограничений не смогла выявить обычная посмертная компьютерная томография (трещины в бедренной кости глубиной 0,3 и 0,4 мм), и повреждений кузова автомобиля (остроконечная складка металла на боковом крыле) у следствия получилось представить убедительные и наглядные доказательства, подтверждающие взаиморасположение пешехода и автомобиля в момент столкновения, а также данные для расчета скорости столкновения [1, с. 1774-1778].

Материалы и методы исследований

Для достижения целей исследования использовались различные методологические подходы, главным образом аналитическое изучение данных, представленных в отечественной и зарубежной криминалистической литературе, а также в СМИ. Основное внимание уделялось анализу полученной информации, позволяющему выявить перспективы развития исследуемых технико-криминалистических средств, чтобы сформулировать адекватные и актуальные в будущем рекомендации по их применению в ходе осмотра места происшествия. Наряду с этим в ходе исследования активно применялись общенаучные методы познания: анализ и синтез, дедукция и индукция и другие.

Результаты и обсуждения

Применительно к процессу расследования преступлений комплексное использование технологий направлено может быть направлено как на процесс фиксации информации, так и решение ряда вопросов его технического обеспечения, в частности, это использование платформ-носителей для сканера, например, роботизированных (БПЛА, робот на гусеничном ходу и т.д.). Например, это может быть квадрокоптер, идущий в комплекте со специализированной рабочей станцией для построения 3D моделей и соответствующим программным обеспечением [2].

Нам представляется, что наиболее эффективным станет применение подобных технических комплексов при проведении следственных осмотров, где результаты 3-D сканирования могут выступать в качестве дополнительного средства фиксации информации, сочетая в себе свойства плана (схемы) места происшествия и фотографирования. Причем, в силу меньшей трудоемкости и времязатратности 3-D сканирование может потенциально вовсе заместить собой составление планов и схем там, где возникает в этом необходимость. Например, по утверждению С.Н. Думнова, сканирование места ДТП, которое безусловно предполагает фиксацию значительного количества объектов, в среднем требует всего лишь около 15 минут [3, с. 794],

что является несравненным преимуществом использования 3-D технологий по сравнению с традиционным составлением схем места происшествия.

Однако в силу количественной незначительности практики использования 3-D сканирования при расследовании тактические особенности применения 3-D технологий в ходе следственного осмотра не получили существенной научной проработки. Недостаточность практики имеет объективное основание – она обусловлена чрезвычайно большой стоимостью оборудования: например, портативный лазерный сканер LEICA BLK360 с комплектом сопутствующего оборудования и периферии стоит 3 280 000 рублей [4], что не позволяет полноценно насытить следственные подразделения такой техникой, хотя в 2019 году руководитель Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ З.З. Ложис в интервью ТАСС указал на «немалый интерес» ведомства в использовании технических возможностей систем лазерного 3D-сканирования места происшествия [5].

Некоторые сложности возникают с созданием программного обеспечения для использования средств 3-D сканирования пространства в криминалистических целях. Единого стандарта таких программных продуктов нет, и они очень сильно различаются по качеству. Зачастую программное обеспечение поставляется в комплекте с оборудованием, например, с вышеупомянутым лазерным сканером LEICA BLK360, однако они могут работать только с соответствующими моделями приборов и об унификации пока нет речи. При этом, в продаже имеются и отдельные программные комплексы, например, программа «3D СВИДЕТЕЛЬ» от компании «Криммедтех», из описания которой следует, что она «разработана специально для правоохранительных органов и не требует специальной подготовки для работы» [6], но исходя из представленных там же скриншотов приходится сделать вывод, что это скорее программа для составления схем места происшествия, чем специализированное программное обеспечение для построения современных 3-D моделей. Безусловно, 3-D моделирование в этой программе возможно, но судя по скриншотам оно возможно только схематично, а не фотореалистично, что уже позволяют делать зарубежные аналоги.

Однако мы уверены, что данное направление будет активно развиваться в будущем, и поэтому находим целесообразным заранее попытаться предложить с учетом особенностей сущности технологии 3-D сканирования и названных тенденций ее развития общие начала тактики осмотра места происшествия с использованием такой техники.

Несмотря на разнообразие видов средств 3-D сканирования, которые основываются на разных физических принципах: лазерная триангуляция, структурированная световая технология (тригонометрическая триангуляция без лазера), сканирование методом фотограмметрии, контактная технология (оцифровка), сканирование на основе лазерных импульсов [7, с. 62-63], и имеют свои преимущества и недостатки, сама сущность полученных результатов дает ряд неоспоримых преимуществ при расследовании и рассмотрении уголовных дел перед более традиционными дополнительными средствами фиксации доказательственной информации.

Во-первых, это высокая точность, вышеупомянутая скорость, и объективность при фиксации обстановки: 3-D сканер не может допустить ошибки, например, при определении взаиморасположения объектов как следователь, который составляет схему и на точность работы которого однозначно будут оказывать воздействие усталость, время суток, недостаточная освещенность, погодные условия и иные факторы. Сканер фиксирует поле точек благодаря тому физическому эффекту, на основе которого он функционирует (например, отражение лазерного луча от поверхности объекта), и фиксирует их трехмерные координаты, а расчет расстояний и углов производится программным комплексом прибора, что исключает всякую ошибку со стороны человека. В том числе и намеренную ошибку – фальсифицировать полученное «облако точек» представляется технически невозможным, так как оно сохраняется в виде файла, который нельзя изменить [3, с. 795].

Во-вторых, 3-D сканирование позволяет производить точные измерения на уже построенной 3-D модели, чего не дает фотографирование. При этом, традиционные правила фиксации осмотра места происшествия, помимо прочего, требуют отражения в протоколе привязки к ориентирам всех обнаруженных объектов на местности их размерных характеристик [8, с. 555]. Зачастую это длительный и трудоемкий процесс, так как он требует большой точности измерений. Последующее изучение 3-D модели в этом контексте будет иметь двойное значение: во-первых, оно будет весьма объективным средством проверки измерений, проведенных в ходе осмотра, а во-вторых, в случае необходимости, наличие 3-D модели позволит изучать внешние признаки тех объектов, которые по каким-то причинам ускользнули от внимания следователя, так как хотя бы внешние признаки, размерные характеристики данных объектов и их расположение на месте проведения осмотра будут объективно зафиксированы сканером.

В-третьих, 3-D модель придает доказательственной информации важное свойство наглядности, что в совокупности с высокой точностью фиксации объектов может оказать значительное влияние на формирование внутреннего убеждения судьи и тем более присяжных заседателей. Характер наглядного изображения на 3-D модели может различаться: он может быть схематичным, а может выглядеть фотореалистично (фотограмметрическая 3-D модель), совершенно достоверно отображая место происшествия в момент проведения осмотра.

Теперь, отталкиваясь от вышесказанного, попробуем определить в общем виде дополнения к тактике осмотра места происшествия, связанные с использованием средств 3-D сканирования пространства. Криминалистическая тактика выделяет три этапа следственного осмотра: подготовительный, рабочий и заключительный [8, с. 549-551].

На подготовительном этапе следователю в условиях острого дефицита времени и информации предстоит до выезда на место осмотра определить состав участников осмотра, а также технико-криминалистические средства, которые предстоит применить в ходе осмотра.

Принимая решение о необходимости применения средств 3-D сканирования, следователю необходимо учитывать всю имеющуюся информацию о самом происшествии и месте, которое предстоит осматривать, а также потенциальную сложность предстоящего расследования. Так, целесообразным представляется использование 3-D технологий на местах ДТП, взрывов, пожаров, происшествий, связанных с использованием огнестрельного оружия и т.п., в частности, на местах массовых убийств и терактов, когда перед следователем стоит задача в короткий промежуток времени собрать и обработать огромное количество первичной информации.

Касаясь вопроса об определении субъекта, которому предстоит применять средства 3-D сканирования в ходе осмотра, следует согласиться с тем, что на месте происшествия должен работать специалист [9, с. 616], так как применение такой техники, несмотря на тенденцию к упрощению ее эксплуатации, и тем более построение 3-D модели требует использования специальных знаний.

При этом, следователю нужно правильно рассчитать, каких специалистов предстоит задействовать для содействия проведению 3-D сканирования в ходе осмотра. Например, использование сканера, смонтированного на квадрокоптер, может потребоваться для осмотра места попадания беспилотника-камикадзе в высотный жилой дом, так как в связи с возможностью обрушений поврежденных конструкций данного дома подъем на место осмотра будет затруднен, невозможен либо опасен. Такая задача потребует дополнительно привлечения специалиста с подготовкой в области управления БПЛА.

Также перед выездом на осмотр следует заранее обеспечить специалиста по 3-D сканированию надлежащим рабочим местом, в частности, для того, чтобы исключить воздействие погодных условий на используемую технику, которые могут ее повредить. Так, если предполагается длительный осмотр, например, сгоревшего здания большой площади без возможности размещения специалиста в каком-то помещении, представляется целесообразным задействовать передвижную криминалистическую лабораторию, часть места в которой следует уделить аппаратуре, которую будет использовать данный специалист.

Говоря о вопросе электроснабжения, необходимо отметить, что на месте осмотра обычно предполагается использование мобильных и ручных 3-D сканеров, которые используют электропитание от аккумуляторных батарей. При этом, чтобы не прерывать осмотр для зарядки устройства, если в этом возникнет необходимость, нужно брать на осмотр весь комплект оборудования, которое идет к соответствующему 3-D сканеру, в том числе дополнительную батарею и зарядное устройство. Так, например, производитель лазерного сканера LEICA BLK360 заверяет, что данное устройство может совершить не менее 40 сканирований на одной полной зарядке аккумулятора [4], а в комплекте к этому сканеру идут одна дополнительная батарея, а также зарядная станция со сменными блоками питания, которые позволяют использовать ее как от бытовой электросети, так и от генератора автомобиля.

По прибытии на место осмотра следователю вместе со специалистом необходимо определить пространственные границы зоны сканирования, обозначить объекты обстановки, имеющие наибольшее криминалистическое значение, выбрать места и высоты расположения сканеров с учетом специфики конкретных технических средств и обстановки на месте происшествия. Далее во время производства ориентирующей и обзорной фотосъемки специалисту следует проверить и подготовить все необходимое оборудование.

Представляется целесообразным проводить сканирование, как минимум, дважды: 1) перед началом динамической стадии рабочего этапа осмотра, чтобы зафиксировать обстановку на месте в неизменном виде; и 2) по завершении детальной стадии рабочего этапа осмотра, чтобы объективно отразить изменения в обстановке, произведенные в ходе осмотра; а также 3) каждый раз по необходимости в фиксации положения обнаруженных объектов. Естественно, следует исключить попадание участников осмотра и посторонних

лиц в зону сканирования, чтобы избежать искажения результатов и закрытия значимых объектов. Каждый факт проведения сканирования нужно отражать в описательной части протокола. При этом, следует правильно оценивать и соотносить целесообразность сканирования отдельных участков места осмотра и возможности специалиста по обработке входящей информации, так как изготовление 3-D модели из полученных данных также требует времени и работы за компьютерным устройством со специальным программным обеспечением, в силу чего специалист не сможет одновременно находиться на месте со сканером и оперативно осуществлять сканирование по требованию следователя.

В случае, если осмотр места происшествия предполагает исследование большого пространства, нескольких обширных помещений и т.д., было бы эффективно задействование нескольких специалистов, возможно, с «разделением труда», например, один специалист работает со сканером, а другой изготавливает с помощью программного обеспечения 3-D модели отсканированных участков места осмотра из полученной информации и записывает их на оптические или флэш-носители. Причем, некоторые модели 3-D сканеров предполагают, наряду с передачей данных по кабелю, также возможность использования для этого специального приложения и создаваемой самим устройством сети Wi-Fi [4].

Подготовку 3-D моделей целесообразно по возможности проводить параллельно с детальным осмотром, чтобы на завершающем этапе не тратить на это время. Носители информации с записанными на них файлами, содержащими готовые 3-D модели и непреработанные в них первичные файлы с «облаками точек», следует записывать на отдельный носитель в отношении каждого факта проведения сканирования в ходе осмотра.

Данные носители информации нужно приобщать к протоколу осмотра в качестве приложений по аналогии с правилами приобщения видеозаписей. Перед упаковыванием следует предъявить участникам осмотра готовые графические данные (построенные 3-D модели) с каждого носителя отдельно в целях исключения вероятности подмены. Логичным представляется использовать для этого устройства и программное обеспечение, при помощи которых эта информация синтезировалась в готовую 3-D модель. После этого указанные носители информации нужно упаковать в бумажную упаковку, снабженную пояснительными надписями и заверенную подписями понятых, чтобы исключить их утрату или повреждение.

Выводы

Следует заключить, что приведенные рассуждения являются лишь общими наметками, требующими дальнейшего обсуждения, проработки и корректировки перед внедрением в практику. Мы выражаем надежду, что к моменту, когда 3-D сканирование станет такой же обыденностью, какой сейчас является криминалистическая фотография, русская криминалистика предоставит правоприменителям хотя бы первичные, пусть во многом несовершенные, но готовые тактические правила использования данных технических средств.

Список источников

1. Байер Уо., Доннелли М.Дж., Пейн М., Уильямс М.А. Целостный комплексный подход к использованию технологии 3D-сканирования при реконструкции дорожно-транспортных происшествий // *Journal of Forensic Sciences*. 2020. № 65 (5). С. 1774 – 1778.
2. Комплект для осмотра и фиксации места происшествия // Официальный сайт ООО «Крим-маркет». URL: <https://www.krim-market.ru/catalog/pribor-oborudovanie/3dmodels-category/3dm600001-detail> (дата обращения: 19.02.2024)
3. Думнов С.Н. К вопросу применения метода лазерного 3D сканирования при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // *E-Scio*. 2019. № 6 (33) С. 791 – 796.
4. Лазерный сканер LEICA BLK360 // Официальный сайт ООО «Крим-маркет». URL: https://www.krim-market.ru/catalog/pribor-oborudovanie/3dmodels-category/leica_blk360-detail (дата обращения: 19.02.2024)
5. Ложис З.З. «СК: раскрывать преступления будут с помощью лазерного 3D-сканирования места происшествия» / беседовал А. Шашков // ТАСС: информационное агентство России, 18 октября 2019 года. URL: <https://tass.ru/interviews/7012854> (дата обращения: 19.02.2024)
6. Программное обеспечение «3D СВИДЕТЕЛЬ» // Официальный сайт ООО «КРИММЕДТЕХ». URL: <https://kmtkazan.ru/catalog/3d-svidetel/> (дата обращения: 19.02.2024)
7. Еремченко В.И. Принципы работы 3D-сканера и его использование для фиксации места происшествия // *Общество и право*. 2021 № 1 (75). С. 61 – 65.

8. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 928 с.

9. Веселов А.С. Применение трёхмерного сканирования при осмотре места происшествия // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития: материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2019 года. Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. С. 613 – 616.

References

1. Bayer W., Donnelly M.J., Payne M., Williams M.A. A holistic, integrated approach to the use of 3D scanning technology in the reconstruction of road traffic accidents. *Journal of Forensic Sciences*. 2020. No. 65 (5). P. 1774 – 1778.

2. Kit for examining and recording the scene of an incident. Official website of Krim-Market LLC. URL: <https://www.krim-market.ru/catalog/pribor-oborudovanie/3dmodels-category/3dm600001-detail> (access date: 02/19/2024)

3. Dumnov S.N. On the issue of using the 3D laser scanning method when inspecting the scene of a road traffic accident. *E-Scio*. 2019. No. 6 (33) P. 791 – 796.

4. Laser scanner LEICA BLK360. Official website of Cream-Market LLC. URL: https://www.krim-market.ru/catalog/pribor-oborudovanie/3dmodels-category/leica_blk360-detail (access date: 02/19/2024)

5. Logis Z.Z. “SK: crimes will be solved using 3D laser scanning of the crime scene”. interviewed by A. Shashkov. TASS: Russian Information Agency, October 18, 2019. URL: <https://tass.ru/interviews/7012854> (access date: 02/19/2024)

6. Software “3D WITNESS”. Official website of KRIMMEDTECH LLC. URL: <https://kmtkazan.ru/catalog/3d-svidetel/> (access date: 02/19/2024)

7. Eremchenko V.I. Principles of operation of a 3D scanner and its use for recording the scene of an incident. *Society and Law*. 2021 No. 1 (75). P. 61 – 65.

8. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Forensics: textbook. 4th ed., revised. and additional Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 928 p.

9. Veselov A.S. The use of three-dimensional scanning when inspecting the scene of an incident. Investigative activities: problems, their solutions, development prospects: materials of the III All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Moscow, November 25, 2019. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2020. P. 613 – 616.

Информация об авторах

Долженко Н.И., кандидат юридических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Фирулин Н.Д., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, nfirulin@mail.ru

© Долженко Н.И., Фирулин Н.Д., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.432

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-201-207

О проблеме определения подлежащего компенсации размера морального вреда

¹ Копсергенова Р.Л.,

¹ судья в отставке, помощник судьи Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга

Аннотация: автор настоящей статьи ставит перед собой задачу проанализировать соразмерность возмещения морального вреда, причиненного преступлениями против основных прав граждан, как показывает судебная практика в Российской Федерации. Этот анализ будет включать сравнение решений судов высшей и низшей инстанций в России, а также их сопоставление с решениями судов США.

Целью данного исследования является изучение постановлений нижестоящего и Верховного судов по делу №33-23013/2023 для оценки значимости компенсации морального вреда и выявления факторов, влияющих на это решение. Сравнивая расчет компенсации в России с принципами, применяемыми в США, цель состоит в том, чтобы включить в формулу расчета компенсации в Российской Федерации передовой международный опыт. В конечном итоге основной целью данного исследования является анализ судебной практики с целью разработки рекомендаций по определению надлежащего размера компенсации морального вреда.

Результаты данного исследования имеют практическое значение в области юриспруденции и могут улучшить процесс определения компенсации морального вреда, причиненного преступлениями против основных прав. Кроме того, эти результаты могут быть использованы для формулирования рекомендаций и руководств для судей, адвокатов и других юристов, а также для улучшения образования студентов-юристов.

Ключевые слова: незаконное ограничение свободы, моральный вред, юридическая ответственность, возмещение морального вреда, размер компенсации, судебное разбирательство, нарушение прав граждан, судебная практика

Для цитирования: Копсергенова Р.Л. О проблеме определения подлежащего компенсации размера морального вреда // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 201 – 207. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-201-207

Поступила в редакцию: 14 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

On the issue of the significance of the compensation amount for moral damages

¹ Kopsergenova R.L.,

¹ Retired judge, Assistant judge of the Kalininsky District Court of St. Petersburg

Abstract: the author of this article aims to analyze the proportionality of compensation for moral damage resulting from crimes against the fundamental rights of citizens, as evidenced by judicial practice in the Russian Federation. This analysis will involve comparing decisions from higher and lower courts within Russia, as well as contrasting these with rulings from U.S. courts.

This study seeks to examine the rulings of the lower and Supreme Courts in case No. 33-23013/2023 to assess the significance of the compensation for moral damage and to identify factors influencing this determination. By comparing the calculation of compensation in Russia with the principles applied in the United States, the aim is to incorporate international best practices into the formula for calculating compensation in the Russian Federation.

Ultimately, the primary goal of this study is to analyze judicial practices in order to develop recommendations for determining an appropriate amount of compensation for moral damage.

The findings of this study have practical implications within the field of jurisprudence, with the potential to enhance the process of determining compensation for moral damage resulting from crimes against fundamental rights. Furthermore, these results can be utilized to formulate recommendations and guidelines for judges, lawyers, and other legal professionals, as well as to enrich the education of law students.

Keywords: *unlawful restriction of freedom, moral harm, legal liability, compensation for moral harm, amount of compensation, judicial proceedings, violation of citizens' rights, judicial practice*

For citation: Kopsergenova R.L. On the issue of the significance of the compensation amount for moral damages. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 201 – 207. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-201-207

The article was submitted: March 14, 2024; Approved after reviewing: May 16, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Несмотря на многочисленные исследования юристов в Российской Федерации (Далее – РФ) о соразмерности причиненного морального вреда потерпевшему, совершенного преступлением против основных прав граждан, размере компенсации, назначаемом судами, реформировании законодательства РФ и предложении юристами формулы [1] расчета компенсации ущерба, этот вопрос до сих пор остается актуальным.

Актуальностью исследования является отсутствие точной формулы расчета размера компенсации морального вреда, совершенного преступлением против основных прав граждан, ввиду чего решения судей разных инстанций вступают в конфликт друг с другом, и принятие решений о размере компенсации растягивается на долгие годы.

Стоит отметить, что такая тенденция существует не только в РФ, но и в других странах. В исследовании будет проведено сравнение судебной практики РФ и Соединенных Штатов Америки (Далее – США), что позволит выявить различия и общие особенности в расчете компенсации за моральный ущерб, что актуально с точки зрения международного права.

Более того, назрела потребность в практических рекомендациях по решению проблемы определения размера компенсации за данную категорию преступлений. Предложенные в научном исследовании результаты и выводы исследования послужат основой для разработки рекомендаций по определению адекватной компенсации за моральный ущерб.

Цель исследования заключается в изучении решений нижестоящего и Верховного суда дела № 33-23013/2023 с целью определения существенности размера компенсации морального ущерба и выявления факторов, влияющих на процесс расчета размера компенсации.

Задачи – выявить закономерности определения размера компенсации и факторы, влияющие на принятие судьями таких решений, как среди российских судов разных инстанций, так и в сравнении с размерами компенсации морального вреда за данную категорию преступлений в РФ и США, провести теоретическое исследование по основам морального вреда, разработать и обосновать практические рекомендации по решению проблемы расчета размера компенсации.

Гипотеза – количество изменений решений низших инстанций судами высших инстанций снизится, и судебные процессы не будут длиться годами, если будет существовать точная формула, выработанная на основе судебной практики, рассчитывающая размер компенсации морального вреда за преступления против основных прав граждан.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие **теоретические методы:** сравнительный анализ судебной практики, синтез, аналогия, индукция, дедукция, моделирование формулы расчета компенсации морального вреда; **эмпирические методы:** анализ научных документов и правовой литературы, нормативно-правовых актов и решений отечественных и зарубежных судов.

Результаты и обсуждения

Исхаков Фатхулла Бадретдинович (Далее – Истец) подал исковое заявление о взыскании компенсации морального вреда за незаконное уголовное преследование. В 1959 году он был незаконно арестован и приговорен к 15 годам лишения свободы с последующей ссылкой за пределы Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики на 5 лет за покушение на убийство нескольких человек [2].

Только в 2009 году были выявлены материалы проверки по заявлению о даче заведомо ложных показаний свидетелей и заключение эксперта. А в 2012 году свидетель Наиль Саитбаталов явился в прокуратуру с явкой с повинной в совершении им данного преступления. Было возобновлено производство по делу, однако в 2017 году оно было закрыто в связи с недостаточностью доказательств виновности свидетеля. В результате неоднократных возобновлений рассмотрения дела и его закрытий в 2018, 2019 и 2022 годах Истец обратился в Конституционный Суд РФ. Это послужило основанием для передачи дела на новое рассмотрение в Верховный суд РФ, в результате чего в 2023 году все обвинения с Ф.Б. Исакова были сняты, и его реабилитировали.

64 года Ф.Б. Исаков «посвятил поиску правды» [3]. Он прошел трудный путь, чтобы доказать свою невиновность, и подал исковое заявление в суд, чтобы взыскать с государства убытки за причинение морального вреда на протяжении этого времени.

Суд при определении размера компенсации морального вреда учитывал факт незаконного уголовного преследования и незаконного лишения свободы (16 млн руб.), количество дней, проведенных в борьбе за справедливость (18 607 дней – 8 млн руб.), наличие у потерпевшего семьи, связь с которой за период расследования была потеряна (6 650 800 руб.) и утрата доброго имени (1 млн руб.). В общей сложности Ф.Б. Исакову присудили 31 650 800 руб.

Однако Верховный суд Республики Башкортостан снизил данную сумму до 2 млн руб, учитывая нарушение конституционных прав Истца: достоинство личности, личная неприкосновенность и право на честное и доброе имя.

При вынесении решения суд исходил из положения части второй Гражданского кодекса РФ (Далее – ГК РФ), с введением которой разрешение вопроса о возмещении морального вреда стало возможным. При этом в статье 12 Федерального закона №15 [4], раскрывающей вопросы применения новой части ГК РФ были определены границы ее применения: данным законом регулируются только те преступления, которые были совершены «до 1 марта 1996 г., но не ранее 1 марта 1993 г. и причиненный вред остался невозмещенным» [4].

В соответствии с п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №33 моральный вред был причинен потерпевшему до введения в действие законодательного акта, предусматривающего право на компенсацию [5], поэтому требования истца не подлежат удовлетворению.

В связи с этим именно закон, действующий на момент совершения преступления, определяет ответственность за причинение морального вреда и возмещение ущерба, причиненного незаконным осуждением.

Во время незаконного уголовного преследования истца не существовал нормативный акт о компенсации морального вреда, предусматривалась лишь компенсация материального вреда [6]. Современные же нормы РФ не могли быть применены ввиду действия закона во времени.

Верховный суд, несмотря на это, учел нравственные страдания потерпевшего и факт затрагивания достоинства личности, чести и доброго имени, и поэтому принял решение о компенсации морального вреда в размере 2 млн руб.

В данном деле суды применяют закон обратной силы, указывающий на «распространение действия закона на отношения, которые имели место до его вступления в силу» [7], вступивший в силу по уголовному праву только в 1996 году с принятием уголовного кодекса РФ [8] и по гражданскому праву в 1994 году с принятием части 2 Гражданского кодекса РФ [9].

Несмотря на то, что суд не был обязан присуждать компенсацию морального вреда потерпевшему в связи с отсутствием такого закона в СССР, когда преступление было совершено, он присудил компенсацию исходя из положения о защите конституционных прав потерпевшего.

В этой связи нельзя однозначно говорить о тенденции судов РФ к назначению низкой компенсации морального вреда.

Для проведения наиболее комплексного анализа проанализируем судебные дела, по которым незаконное лишение свободы было совершено в период действия закона о присуждении компенсации морального вреда.

Так, в 2010 году был незаконно осужден А. Золотарев за совершение тяжкого преступления. Спустя 38 месяцев подсудимый был оправдан, после чего он подал иск в суд с требованием выплатить ему компенсацию в размере 2 млн 366 тыс руб., исходя из 2 тыс руб. за каждый день, проведенный под стражей.

Суд первой инстанции удовлетворил иск лишь в размере 150 тыс. руб., ссылаясь на отсутствие доказательств нравственных страданий и утраты социальных связей. Судебная же коллегия по

гражданским делам ВС РФ отменила это решение, обратив внимание судов на необходимость учитывать степень вины нарушителя и степень физических и нравственных страданий и помнить о зависимости размера компенсации от характера и объема причиненных истцу страданий. В этой связи Верховный суд принял решение требования истца удовлетворить и назначить потерпевшему заявленный размер компенсации в размере 2 млн 366 тыс руб [10].

Однако, как считает М. Никонов, данное решение можно считать лишь «частным случаем» [11]. В основном же суды склонны снижать размер присужденной компенсации.

Считается, что суд как государственный «самостоятельный и независимый орган» [12] объективен, опирается на принципы законности и справедливости и учитывает «характер и объем причиненных истцу нравственных или физических страданий» [13], степень вины ответчика, характер совершенного преступления [14], степень причиненного вреда, характеристику преступника, тяжесть причиненного вреда и финансовые возможности нарушителя при вынесении решения о размере компенсации морального вреда. Однако, как показывает судебная практика в РФ, суды склонны не только назначать минимальный размер компенсации морального вреда за данную категорию преступления, но и снижать назначенную сумму.

В частности, если проанализировать судебную практику, где преступления против прав гражданина были совершены в период действия части второй ГК РФ и повлекли либо смерть потерпевшего, либо тяжкие последствия, то назначаемый размер компенсации не будет сильно отличаться и, возможно, будет даже меньше. Так, в результате ДТП, потерпевший получил серьезные травмы, которые привели к инвалидности. Однако Тушинский районный суд назначил ему компенсацию морального ущерба в размере 350 000 рублей [15]. В другом случае, Ш. столкнулся с мотоциклистом, что привело к смерти последнего. Каслинский городской суд вынес решение о выплате компенсации морального ущерба в размере 150 000 рублей в пользу водителя мотоцикла [16]. Еще одним примером служит иск Ли В.Н. с требованием о компенсации морального вреда за незаконное привлечение к уголовной ответственности, по которому Томский областной суд увеличил компенсацию морального вреда за незаконное уголовное преследование в одном из дел в 15 раз по сравнению с решением суда первой инстанции, назначившего 600 тыс руб. Однако Верховный Суд Российской Федерации отменил апелляционное определение и вернул первоначальный размер компенсации, ссылаясь на отсутствие причинно-следственной связи заболевания потерпевшего с привлечением к уголовной ответственности [17].

Если мы проанализируем судебную практику США, то увидим, что назначаемый размер компенсации в США в сотни раз превышает размер компенсации в РФ. Так, к примеру, необоснованно обвиняемому в совершении убийства своих родителей и осужденному на 17 лет молодому человеку присудили в штате Нью-Йорк компенсацию в размере 3,4 млн долларов (340 млн руб.) [18], а потерпевшему, ошибочно обвиняемому в убийстве шести человек и отсидевшему под стражей 18 лет, присудили компенсацию ущерба в размере 1,45 млн долларов (145 млн руб.) [18].

Отличительной особенностью назначения судами размера компенсации морального вреда за преступления против прав гражданина является то, что в РФ суды опираются на судебную практику при расчете компенсации, в то время, как в США суды опираются на максимально установленный в законодательстве конкретного штата размер компенсации, ведь «уголовное законодательство США состоит из федерального уголовного законодательства и уголовных кодексов отдельных штатов» [19]. Так, к примеру, «в Луизиане компенсация составит \$15 000 за год в тюрьме (плюс стажировка и помощь в получении образования после освобождения), в Висконсине закон не предполагает компенсацию выше \$25 000 – вне зависимости от длительности тюремного заключения, в штате Нью-Гемпшир эта сумма еще меньше – она составляет всего \$20 000, а в Калифорнии платят по \$100 за сутки за решеткой» [20].

При этом если в РФ, даже в случае отсутствия закона о компенсации морального вреда (как было проанализировано в деле № 33-23013/2023) и требования обязательной реабилитации потерпевшего, суды хоть и назначают минимальную компенсацию с целью возмещения вреда, в США же действуют строгие ограничения, лишаящие в некоторых случаях невиновного на право требования компенсации морального вреда, к примеру, если подсудимый признал в ходе следствия свою вину по определенным причинам.

Таким образом, размер компенсации морального вреда в РФ ничтожно мал. На наш взгляд, необходимо на законодательном уровне предусмотреть минимальный размер компенсации и закрепить формулу его расчета.

Выводы

В современной судебной практике вопрос существенности размера компенсации морального ущерба остается актуальным и дискуссионным. Анализируя решения судов, можно сделать вывод, что установление размера компенсации зависит от конкретных обстоятельств дела.

Юристы неоднократно предлагали формулы расчета компенсации, однако, нам кажется, что эти формулы требуют существенных доработок и не охватывают в полной мере всех факторов при назначении компенсации морального вреда. Автор рекомендует судам опираться на следующую формулу расчета компенсации морального вреда: *характер совершенного преступления (30% от минимальной предполагаемой суммы компенсации) + характер и объем причиненных истцу нравственных или физических страданий (30% от минимальной предполагаемой суммы компенсации) + тяжесть причиненного вреда (20% от минимальной предполагаемой суммы компенсации) + характеристика преступника (10% от минимальной предполагаемой суммы компенсации, если преступление совершено впервые, 20% от минимальной предполагаемой суммы компенсации, если преступление совершено не впервые либо государственным органом).*

Эта формула, на наш взгляд, позволит не только избавить нижестоящие и вышестоящие суды от конфликтных ситуаций и изменении принятых решений, но и предотвратит затягивание судебного процесса. При этом в законодательство РФ необходимо ввести поправку о минимальном размере компенсации морального вреда, что позволило бы сбалансировать размер выплат за моральный ущерб в судебной практике и избежать его дифференцированности в зависимости от тяжести совершенного преступления.

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Список источников

1. Вакина О. Компенсация морального вреда за жизнь и здоровье: пути решения проблем [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kompensatsiya-moralnogo-vreda-za-zhizn-i-zdorove-puti-resheniya-problem/> (дата обращения: 22.09.2023)
2. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан от 25 декабря 2023 г. по делу № 33-23013/2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vs--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=42836980&case_uid=dfb6256c-a22a-4c3f-8d67-6cdd1232e52a&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 28.02.24)
3. Президиум ВС возобновил дело человека, осужденного 63 года назад // Сайт Право.ру. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/240812/> (дата обращения: 29.02.24)
4. Федеральный закон «О введении в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» от 26.01.1996 №15-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9029/ (дата обращения: 01.02.24)
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 02.02.24)
6. Указ Президиума ВС СССР от 18.05.1981 №4892-Х «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» (вместе с «Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/10105655/> (дата обращения: 02.03.24)
7. Василевич С.Г. Обратная сила закона: основания и пределы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 203.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС Консультант плюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deb6a4399a2515bf42c937987286e526c1c4a4ec/ (дата обращения: 22.02.24)
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994г. №51-ФЗ (в актуальной редакции) // Российскаягазета. 1994. 08 декабря.

10. Определение Верховного суда Российской Федерации от 14 августа 2018 г. по делу № 78-КГ18-38 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/bd2/VerkhSudMorInVred_14.08.2018.pdf (дата обращения: 22.02.24)
11. ВС присудил почти 2,4 млн руб. компенсации за 38 месяцев незаконного содержания под стражей // Сайт Адвокатская газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-prisudil-rochti-2-4-mln-rub-kompensatsii-za-38-mesyatsev-nezakonnogo-soderzhaniya-pod-strazhey/> (дата обращения: 03.02.24)
12. Левченко О.А. Суд как главная гарантия правового государства // Инновационная наука. 2016. № 5-2 (17). С. 243.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.04.2014) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). С. 4921.
14. Слепцов М. Общие основания возмещения вреда, причиненного преступлением // информационный ежемесячник «Верное решение». 2016. № 02 (184).
15. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы по гражданскому делу №-16/17 от 22 июня 2017 г.
16. Приговор Каслинского городского суда Челябинской области по уголовному делу № 1-004/2009 от 16 февраля 2009 г.
17. Определение Верховного суда Российской Федерации от 21 апреля 2015 г. по делу № 88-КГПР 15-18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vsr.ru/stor_pdf.php?id=1319612 (дата обращения: 22.02.24)
18. How the wrongfully convicted are compensated for years lost // Сайт CBS.News. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/news/how-the-wrongfully-convicted-are-compensated/> (Дата обращения: 03.02.24)
19. Белозерова Е.О. Сравнительно-правовой анализ преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами правоохранительных органов и органов судебной власти в том числе совершаемые в сети интернет с зарубежным законодательством // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием интернета. 2021. С. 111.
20. Сколько стоят судебные ошибки в разных странах // Сайт Право.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/review/view/117059/> (дата обращения: 04.02.24)

References

1. Vakina O. Compensation for moral damage for life and health: ways to solve problems [Electronic resource]. Access mode: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kompensatsiya-moralnogo-vreda-za-zhizn-i-zdorove-putiresheniya-problem/> (access date: 09/22/2023)
2. Appeal ruling of the judicial panel for civil cases of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan dated December 25, 2023 in case No. 33-23013/2023 [Electronic resource]. Access mode: https://vs--bkr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=42836980&case_uid=dfb6256c-a22a-4c3f-8d67-6cdd1232e52a&delo_id=5&new=5 (access date: 28. 02.24)
3. The Presidium of the Supreme Court resumed the case of a man convicted 63 years ago. Pravo.ru website. [Electronic resource]. Access mode: <https://pravo.ru/story/240812/> (date of access: 02/29/24)
4. Federal Law “On the entry into force of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation” dated January 26, 1996 No. 15-FZ (latest edition) [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9029/ (access date: 02/01/24)
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2022 No. 33 “On the practice of application by courts of norms on compensation for moral damage” [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (date of access: 02.02.24)
6. Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of May 18, 1981 No. 4892-X “On compensation for damage caused to a citizen by illegal actions of state and public organizations, as well as officials in the performance of their official duties” (together with the “Regulations on the procedure for compensation of damage caused to a citizen illegal actions of the bodies of inquiry, preliminary investigation, prosecutor’s office and court”) [Electronic resource]. Access mode: <https://base.garant.ru/10105655/> (date of access: 03/02/24)
7. Vasilevich S.G. Retroactive force of the law: grounds and limits. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 6. P. 203.

8. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 14, 2024). SPS Consultant Plus. [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/deb6a4399a2515bf42c937987286e526c1c4a4ec/ (access date: 02/22/24)
9. Civil Code of the Russian Federation (Part 1) dated November 30, 1994. No. 51-FZ (in the current version). Rossiyskaya gazeta. 1994. December 08.
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 14, 2018 in case No. 78-KG18-38 [Electronic resource]. Access mode: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/bd2/VerkhSudMorlnVred_14.08.2018.pdf (access date: 02.22.24)
11. The Supreme Court awarded almost 2.4 million rubles. compensation for 38 months of illegal detention. Lawyer's newspaper website [Electronic resource]. Access mode: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-prisudil-pochti-2-4-mln-rub-kompensatsii-za-38-mesyatsev-nezakonnogo-soderzhaniya-pod-strazhey/> (access date: 03.02.24)
12. Levchenko O.A. Court as the main guarantee of the rule of law. Innovative science. 2016. No. 5-2 (17). P. 243.
13. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on April 20, 2014). Collection of legislation of the Russian Federation. 12/24/2001. No. 52 (Part I). P. 4921.
14. Sleptsov M. General grounds for compensation for harm caused by a crime. information monthly "The Right Decision". 2016. No. 02 (184).
15. Verdict of the Tushinsky District Court of Moscow in civil case No. 16/17 dated June 22, 2017.
16. Verdict of the Kaslinsky City Court of the Chelyabinsk Region in criminal case No. 1-004/2009 dated February 16, 2009.
17. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 21, 2015 in case No. 88-KGPR 15-18. [Electronic resource]. Access mode: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1319612 (access date: 02/22/24)
18. How the wrongfully sad are compensated for years lost. CBS.News website [Electronic resource]. Access mode: <https://www.cbsnews.com/news/how-the-wrongfully-convicted-are-compensated/> (Access date: 02/03/24)
19. Belozeroва E.O. Comparative legal analysis of crimes against justice committed by officials of law enforcement agencies and judicial authorities, including those committed on the Internet with foreign legislation. Current problems of solving and investigating crimes committed using the Internet. 2021. P. 111.
20. How much do judicial errors cost in different countries. Pravo.ru website [Electronic resource]. Access mode: <https://pravo.ru/review/view/117059/> (access date: 02/04/24)

Информация об авторе

Копсергенова Р.Л., судья в отставке, помощник судьи Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, Бобруйская улица, 4, Санкт-Петербург, 195009, rameta2004@rambler.ru

©Копсергенова Р.Л., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.9

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-208-212

Законодательство КНР об административных наказаниях в области правонарушений в интернет-пространстве

¹ Далеvская Н.Н.,

¹ Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация: целью исследования является рассмотрение законодательства КНР об административных наказаниях в области правонарушений в интернет-пространстве в сфере утечки персональных данных. Одной из задач автора являлся анализ привлечения к административной ответственности лиц, участвующих в обработке данных. Также автором была решена такая задача, касающаяся анализа проекта «Золотой щит», основной целью которого в КНР являлось недопущение запрещенного контента, который в отсутствие данного «Золотого щита», мог поступать из-за рубежа, оказывая на пользователей интернета – граждан КНР свое влияние. Основной вывод: законодательные акты КНР расширяют объекты защиты ПД, и в тоже время устанавливают жесткие правила для лиц, занимающихся обработкой ПД. В КНР используется широкий спектр административных наказаний. При этом законодатель уделяет особое внимание превентивным мерам, направленным на предупреждение правонарушений в интернет-пространстве. В условиях развития информационных технологий особое значение приобретает защита ПД в интернет-пространстве, поэтому китайским законодательством обеспечивается комплексный подход для решения этой задачи.

Ключевые слова: административная ответственность, административное наказание, административный штраф, персональные данные, ответственность лиц, занимающихся обработкой персональных данных, правила, безопасность

Для цитирования: Далеvская Н.Н. Законодательство КНР об административных наказаниях в области правонарушений в интернет-пространстве // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 208 – 212. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-208-212

Поступила в редакцию: 14 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Legislation of the PRC on administrative punishments in the field of offenses in the Internet space

¹ Dalevskaya N.N.,

¹ Moscow University of Finance and Law

Abstract: the purpose of the study is to examine the legislation of the People's Republic of China on administrative penalties in the field of offenses in the Internet space in the field of personal data leakage. One of the author's tasks was to analyze the bringing to administrative responsibility of persons involved in data processing. The author also solved the following problem concerning the analysis of the «Golden Shield» project, the main goal of which in the PRC was to prevent prohibited content, which, in the absence of this «Golden Shield», could come from abroad, exerting its influence on Internet users - citizens of the PRC. The main conclusion: the legislative acts of the PRC expand the objects of personal data protection, and at the same time establish strict rules for persons involved in the processing of personal data. The PRC uses a wide range of administrative penalties. At the same time, the legislator pays special attention to preventive measures aimed at preventing offenses in the Internet space.

In the context of the development of information technology, the protection of personal data in the Internet space is of particular importance, therefore Chinese legislation provides an integrated approach to solving this problem.

Keywords: *administrative responsibility, administrative punishment, administrative fine, personal data, responsibility of persons involved in the processing of personal data, rules, security*

For citation: Dalevskaya N.N. Legislation of the PRC on administrative punishments in the field of offenses in the Internet space. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 208 – 212. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-208-212

The article was submitted: March 14, 2024; Approved after reviewing: May 17, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Развитие информационных технологий в настоящее время является одним из эффективных элементов развития любого государства. Возрастающая роль информационных технологий ставит перед современной Китайской Народной Республикой новые вызовы. При этом каждое суверенное государство при решении вопросов защиты интернет-пространства от возможных правонарушений в данной сфере применяет различные административно-правовые регуляторы.

В данном отношении интерес представляет законодательство КНР в сфере административных наказаний, касающихся правонарушений в интернет-пространстве. За последние годы, КНР достигло значимых успехов в области развития IT-технологий, что сопряжено с изменениями в административной сфере, связанной с мерами по обеспечению защиты личных данных пользователей интернет.

Материалы и методы исследований

Поскольку методология имеет существенное значение для подготовки настоящей статьи, являясь ключевым элементом фактически каждой исследовательской работы, определим методы исследования, применяемые в настоящей статье.

Методом научного исследования является способ опытного познания данного явления. Исследование проведено на основе системно-структурного, а также логико-юридического методов. Для определения методологии исследования по обозначенной теме произведен сбор информации по теме, а также ее плотное и доскональное изучение. Являясь этапом познания, сбор информации связан с накоплением и упорядочиванием данных.

В правовой системе КНР административное законодательство, имея такую особенность, как отсутствие единого кодифицированного акта и наличия значительного количества разрозненных нормативных административно-правовых актов, занимает важнейшее место. Следует подчеркнуть, что законодателем КНР еще в 1986 году была предпринята серьезная попытка, связанная с созданием Административного кодекса и даже были разработаны некоторые его главы, но бесконечные споры, касающиеся принятия данного нормативно-правового документа, а также не готовности китайского общества к нему, привели к отказу его принятия [5, с. 1265].

При этом развитие административного законодательства в КНР, как правило, всегда подвергалось значительным изменениям [1, с. 25]. Трансформация общества неизбежно отражается на содержании законодательства, в том числе и административного. В последние годы (начиная с 2012 года) в КНР проводится широкомасштабная административная реформа, направленная не только на упрощение административно-разрешительных процедур, но также на сбор и фиксацию фактов нарушения действующего в КНР законодательства в сфере использования информационных технологий.

Поскольку административное право Китая образуется примерно на основе 90 законов [4, с. 143], то базовыми носителями нормативно-правовой информации по исследуемой теме являются Закон КНР об административных наказаниях (2021 г.) [7], Закон Китая о защите личной информации (2021 г.) [8] (далее Закон о ЗЛИ), Закон Китая о кибербезопасности (2017 г.) [10] (далее Закон о КБ), Закон Китая о безопасности данных (2021 г.) (далее Закон о БД) [9] и ряд других актов.

Результаты и обсуждения

В КНР большое значение придается защите интернет-пространства, а также защите личных данных.

При этом в КНР был воплощен проект «Золотой щит», который, как отмечает Г. Наваррия, практически являет собой «общенациональный барьер» [11].

В тоже время были заблокированы на территории Китая такие интернет-платформы, как YouTube, WhatsApp, Instagram, Facebook, Twitter и др. [2, с. 18].

Стоит особо подчеркнуть, что КНР введя проект «Золотого щита», минимизировало варианты административных правонарушений, которые могли бы быть совершены гражданами Китайского государства в интернет – пространстве, ограничив доступ определенных интернет-платформ. Представляется, что с точки зрения правящих кругов Китая, данные интернет-платформы могли произвести пагубное воздействие на менталитет граждан Китая, что в свою очередь могло привести к административным правонарушениям в рассматриваемой области.

В КНР наблюдается тенденция к усилению контроля над интернет-пространством, путем создания «мостика», позволяющего сформировать более открытую среду для государственного регулирования общественной и частной жизни населения [3, с. 34]. Представляется, что государство стремится защитить национальную безопасность и общественный порядок от дестабилизирующего влияния внешних сил. При этом реализация проекта «Золотой щит» сопряжена с определенными трудностями, поскольку данный проект представляет собой комплекс мер направленных на ограничение доступа к информации за пределами Китая, а также осуществления контроля за интернет-контентом внутри страны.

Такая система позволяет государству эффективно контролировать информационную среду, но одновременно с этим препятствует свободному обмену информацией и знаниями между китайскими гражданами и мировым сообществом. Это затрудняет сотрудничество в разных сферах, от научных исследований до деловой деятельности, от личных контактов до академических обменов.

Таким образом, «Золотой щит», с одной стороны, обеспечивает национальную безопасность и стабильность, а с другой стороны, создает проблемы для глобальной интеграции Китая. В условиях стремительно развивающегося цифрового мира Китай сталкивается с необходимостью поиска баланса между национальными интересами и глобальной интеграцией.

При этом Закон о ЗЛИ и Закон о БД являются одними из первых специализированных нормативно-правовых актов КНР, которыми была предусмотрена защита личной информации и безопасности данных. Стоит отметить, что Законом КНР об административных наказаниях, в соответствии с его ст. 30, предусматривает для несовершеннолетних лиц наиболее мягкое наказание. Так если лицо не достигло возраста 14 лет, но совершило правонарушение, то на него не накладывается административное взыскание, но при этом опекун обязан применить к своему подопечному меры воспитательного характера. В случае же, если правонарушение совершено лицом, не достигшим 18-его возраста, на него налагается более мягкое административное наказание.

Таким образом, административные наказания как государственная прерогатива выражают собой официальную оценку административных деликтов и лиц, их совершающих. Исходя из этого, оно является, прежде всего, порицанием правонарушителя, целью самого наказания является исключение дестабилизации законности.

В условиях глобальной интеграции интернет-индустрии, переживая стремительный рост, а вместе с ним и актуализацию защиты персональных данных, государство Китая, осознавая данную необходимость, стало активно внедрять законодательные механизмы, касающиеся обеспечения информационной безопасности.

Ключевым элементом системы защиты личной информации является Закон КНР о ЗЛИ. В данном законе отмечается комплексным подходом в вопросах регулирования обработки личных данных, и направлен на всестороннюю защиту прав граждан. Закон КНР о ЗЛИ устанавливает строгие правила сбора, использования персональных данных (далее ПД), вводя четкие принципы обработки данной информации и хранения.

Исходя из содержания Закона КНР о ЗЛИ, обработчики ПД, несут значительную административную ответственность за обеспечение безопасности информации относящейся к ПД. Прежде всего, они обязаны принимать все необходимые меры для предотвращения несанкционированного доступа к данным, а также к их изменениям, раскрытию, уничтожению или потере.

Особое внимание обозначенный Закон КНР о ЗЛИ уделяет защите конфиденциальной информации ПД. Это связано с тем, что китайское общество все чаще сталкивается с проблемами, связанными с утечкой ПД, либо незаконным использованием личной информации. В этой связи Закон КНР о ЗЛИ ужесточает правила обработки конфиденциальных данных, вводя дополнительные меры по их защите и устанавливая ответственность за нарушение.

Так согласно ст. 66 Закона КНР о ЗЛИ, в случае неправомерной, с нарушением положений данного Закона, обработкой ПД, в отношении правонарушителя может быть вынесено предписание об устранении нарушений, или вынесено предупреждение, или конфискованы незаконные доходы. Кроме того, контролирующий орган вправе вынести распоряжение о приостановлении или прекращении деятельности, касающейся предоставления услуг приложениями такого лица. При отказе правонарушителя от выполнения

предписаний контролирующих органов, на него налагается штраф в размере не более одного миллиона юаней.

Должностные лица также правонарушителя несущие ответственность за обработку ПД, также могут быть подвержены административному наказанию в виде штрафа. При этом законодателем КНР в отношении таких должностных лиц предусмотрена возможность запрета занимать руководящие должности в течение определенного периода времени.

Статьей 67 Закона КНР о ЗЛИ, также установлена обязанность контролирующих органов, в случае неправомерных действия лица, связанных с не выполнением любого положения рассматриваемого закона в части обработки ПД, внесения в соответствующую историю такого лица сведений о его неправомерных действиях. Такие сведения подлежат публикации в соответствии с положениями соответствующих законов и административных правил.

Следует подчеркнуть, что законодателем КНР Законом о БД в целях защиты суверенитета, безопасности и интересов государства в области развития (ст. 1) вводятся более жесткие меры ответственности, в том числе административной. Данное положение связано с обработкой ПД за пределами территории КНР, которые наносят ущерб национальной безопасности Китая и общественным интересам, в том числе интересам ее граждан (ст. 2).

Так административный штраф для лиц, занимающихся обработкой ПД увеличен за аналогичные нарушения, предусмотренные Законом КНР о ЗЛИ не менее 50,000 500,000 юаней, но не более 10,000 100,000 юаней.

Выводы

Рассмотренные законодательные акты КНР расширяют объекты защиты ПД, и в тоже время устанавливают жесткие правила для лиц, занимающихся обработкой ПД.

При разработке законов, законодателем был учтен не только передовой опыт зарубежных государств, но и сохранился традиционный китайский подход, учитывающий мудрость предков и практику современной правовой системы.

В КНР используется широкий спектр административных наказаний. При этом законодатель уделяет особое внимание превентивным мерам, направленным на предупреждение правонарушений в интернет-пространстве. В условиях развития информационных технологий особое значение приобретает защита ПД в интернет-пространстве, поэтому китайским законодательством обеспечивается комплексный подход для решения этой задачи.

Действующее законодательство в КНР, направленное на защиту ПД, является важным шагом на пути к созданию надежной системы защиты информации. Однако, для успешной реализации данных законов, следует найти баланс интересов между национальной безопасностью и глобальной интеграцией, что требует от законодателя проявление гибкости и прагматизма.

Список источников

1. Вэнь Хэнго Становление и развитие науки административного права КНР // *Lex russica*. 2014. № 1. С. 24 – 32.
2. Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2017. № 8. С. 17 – 26.
3. Кутовой Д.А. Правовой сервис как функция государственного управления в информационном обществе // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2016. № 4. С. 33 – 37.
4. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3: Правовые системы Азии / Под ред. В.И. Лафитского. М., 2013. 704 с.
5. Трощинский П.В. Административная реформа в КНР: политико-правовые аспекты // *Административное и муниципальное право*. 2014. № 12. С. 1264 – 1270.
6. Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М., 2011. 272 с.
7. Закон Китая об административных наказаниях (2021 г.) 行政处罚法 (2021). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/administrative-penalty-law-of-china-20210121?ysclid=lx38m8304i487998710> (дата обращения 07.02.2024)
8. Закон Китая о защите личной информации (2021 г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/personal-information-protection-law20210820> (дата обращения 07.02.2024)

9. Закон Китая о безопасности данных (2021 г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/data-security-law-of-the-people-s-republic-of-china20210610> (дата обращения 07.02.2024)
10. Закон Китая о кибербезопасности (2017 г.). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/cybersecurity-law-of-china-20161107?ysclid=lx38usop4f712076715> (дата обращения 07.02.2024)
11. Наваррия Г. Китай: Партия, Интернет и власть как общая слабость // Глобальные перемены, мир и безопасность. URL: https://www.researchgate.net/publication/308575686_China_the_Party_the_Internet_and_power_as_shared_weakness. (дата обращения 07.02.2024)

References

1. Wen Henguo Formation and development of the science of administrative law of the People's Republic of China. Lex russica. 2014. No. 1. P. 24 – 32.
2. Kartskhia A.A. Digital imperative: new technologies create a new reality. IS. Copyright and related rights. 2017. No. 8. P. 17 – 26.
3. Kutovoy D.A. Legal service as a function of public administration in the information society. State power and local self-government. 2016. No. 4. P. 33 – 37.
4. Comparative law: national legal systems. Т. 3: Legal systems of Asia. Ed. IN AND. Lafitsky. M., 2013. 704 p.
5. Troshchinsky P.V. Administrative reform in the PRC: political and legal aspects. Administrative and municipal law. 2014. No. 12. P. 1264 – 1270.
6. Troshchinsky P.V. Legal liability in the law of the People's Republic of China. M., 2011. 272 p.
7. China Administrative Penalty Law (2021) 行政处罚法 (2021). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/administrative-penalty-law-of-china-20210121?ysclid=lx38m8304i487998710> (accessed 02/07/2024)
8. China Personal Information Protection Law (2021). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/personal-information-protection-law20210820> (accessed 02/07/2024)
9. China Data Security Law (2021). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/data-security-law-of-the-people-s-republic-of-china20210610> (accessed 02/07/2024)
10. China Cyber Security Law (2017). URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/cybersecurity-law-of-china-20161107?ysclid=lx38usop4f712076715> (accessed 02/07/2024)
11. Navarria G. China: Party, Internet and power as a common weakness. Global changes, peace and security. URL: https://www.researchgate.net/publication/308575686_China_the_Party_the_Internet_and_power_as_shared_weakness. (date of access 02/07/2024)

Информация об авторе

Далевская Н.Н., Московский финансово-юридический университет МФЮА, lokyluten@gmail.com

© Далевская Н.Н., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.2.3

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-213-218

Правовые проблемы связанные с выходом участника из ООО

¹Титов А.М., ¹Дерюгина Т.В.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в настоящей научной работе автор кратко анализирует некоторые актуальные правовые проблемы, связанные с выходом участника из состава ООО. Для этого автор статьи кратко анализирует непосредственно реализацию подобного механизма, обращает внимание на рекомендации, которые важно соблюсти, чтобы процедура соответствовала в полной мере требованиям закона. Далее автор исследования акцентирует внимание на проблемах, рассмотренных учеными и практиками, а также на непосредственных примерах арбитражных дел, связанных с проблемами реализации процедуры выхода участника из ООО. В заключении автор отмечает, что, несмотря на внесение довольно позитивных с позиции экспертов изменений в действующий порядок, тем не менее, рассматривается процедура по-прежнему остается проблемной с практической точки зрения.

Ключевые слова: правовой статус, общество, общество с ограниченной ответственностью, правовое регулирование, проблемы ответственности, проблемы выхода, правоприменительная практика, современное состояние

Для цитирования: Титов А.М., Дерюгина Т.В. Правовые проблемы связанные с выходом участника из ООО // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 213 – 218. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-213-218

Поступила в редакцию: 15 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Legal problems associated with the withdrawal of a participant from an LLC

¹Titov A.M., ¹Deryugina T.V.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: in this scientific work, the author briefly analyzes some current legal problems associated with the withdrawal of a participant from the LLC. To do this, the author of the article briefly analyzes the implementation of such a mechanism and draws attention to recommendations that are important to follow so that the procedure fully complies with the requirements of the law. Further, the author of the study focuses on the problems considered by scientists and practitioners, as well as on direct examples of arbitration cases related to the problems of implementing the procedure for the withdrawal of a participant from an LLC. In conclusion, the author notes that, despite the introduction of changes to the current procedure that are quite positive from the point of view of experts, nevertheless, the procedure under consideration still remains problematic from a practical point of view.

Keywords: legal status, society, limited liability company, legal regulation, liability problems, exit problems, law enforcement practice, current state

For citation: Titov A.M., Deryugina T.V. Legal problems associated with the withdrawal of a participant from an LLC. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 213 – 218. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-213-218

The article was submitted: March 15, 2024; Approved after reviewing: May 15, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Процедура выхода участника из состава общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) на практике является достаточно распространенной. Тем не менее, нередко возникают разного рода правовые проблемы, связанные с реализацией данного процесса. В связи с этим, актуальными в настоящее время остаются вопросы, как правильно осуществить процедуру подобного выхода, какие требования необходимо соблюсти [6].

Целью исследования является комплексный, последовательный анализ актуальных правовых проблем, связанных с выходом участника из состава ООО.

Задачи – провести теоретическое исследование по основам правовых проблем, связанных с выходом участника из ООО.

Гипотеза – возникают разного рода правовые проблемы, связанные с реализацией данного процесса. В связи с этим, актуальными в настоящее время остаются вопросы, как правильно осуществить процедуру подобного выхода, какие требования необходимо соблюсти.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования являются актуальные правовые проблемы, связанные с выходом участника из состава ООО. Методы исследования: формально-юридический, сравнительный анализ, диалектический, статистический, математический, обобщение, конкретизация, систематизация, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания. Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно актуальных правовых проблем, связанных с выходом участника из состава ООО. Данная научная статья будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами правового статуса ООО и его учредителей, участников по нормам российского законодательства.

Результаты и обсуждения

Проанализируем перечень рекомендаций более детально.

Прежде всего, следует отметить, что законодательно установлены требования, согласно которым в некоторых случаях осуществить выход участника из состава ООО невозможно. В частности, это касается случаев, когда учредитель ООО выступает его единственным участником. В подобной ситуации выход возможен только в форме купли-продажи или ликвидации юридического лица. Соответственно, если учредителей ООО два и более, то процедура выхода вполне реализуема, однако уставом организации не должны быть предусмотрены какие-либо ограничения в отношении реализации такого действия. При наличии двух перечисленных выше условий добровольный выход из состава ООО возможен.

Данная процедура начинается с подготовки заявления о выходе, в котором в обязательном порядке отмечается доля в уставном капитале, которой владеет данный участник. Следующий шаг – удостоверение документа у нотариуса с одновременным направлением в налоговый орган заявления о внесении изменений в ЕГРЮЛ, а в адрес самого юридического лица – оригинала данного заявления о выходе. Далее необходимо ждать, пока налоговый орган произведет произошедшие изменения, внесет соответствующие изменения в ЕГРЮЛ [4].

В случае осуществления процедуры добровольного выхода участника из состава ООО участник, таким образом, обязан уплатить ООО вклад в имущество (если ранее между субъектами правоотношений существовала подобная договоренность), а ООО, в свою очередь, обязано выплатить участнику действительную стоимость его доли, что на практике может быть выражено не только лишь в денежном эквиваленте, но также в виде имущества или даже имущественных прав. При этом ООО имеет лишь 3 основания для невыполнения данной нормативно установленной обязанности, к которым относятся:

- фактическая угроза ООО процедуры банкротства;
- возникновение фактической угрозы ООО процедуры банкротства в случае соблюдения данной обязанности;
- в конечном итоге, чистые активы ООО обладают не большей стоимостью, чем уставный капитал сам по себе [11].

Важно, что подобная выплата должна быть реализованной не позднее, чем в 3 месяца с даты добровольного выхода участника, если иное не установлено уставом организации. В общем и целом, процедура выглядит именно так.

Но как быть, если уставом ООО не предусмотрена такая возможность? В подобной ситуации реализовать такие действия вполне вероятно, однако процессуальные аспекты будут более сложными [6].

Во-первых, следует либо предложить другим участникам ООО покупку своей доли в уставном капитале ООО, либо дать согласие на ее реализацию в отношении третьих лиц. В случае, если подобная продажа фактически представляется невозможной ввиду отсутствия покупателей как таковых, далее следует процедура рассмотрения дела в арбитражном суде, который уже обяжет ООО исполнить функционал по освобождению участника от его доли [11].

Рассмотрим и еще один пример. Можно ли отстранить участника из состава ООО в принудительном порядке, если согласия на совершение таковых действий от него нет? Ответ на данный вопрос также будет положительным.

Подобная ситуация может стать актуальной, например, если участник не исполняет установленные законом или уставом ООО в его отношении, либо с наличием умысла реализует какие-либо действия, наносящие вред или препятствующие нормальному функционированию ООО [1, 4]. В подобном случае механизм отстранения реализуется следующим образом.

В отношении недобросовестного участника ООО направляет исковое заявление в арбитражный суд с соответствующими требованиями, при этом данный функционал может выполнить любой участник ООО, доля которого в уставном капитале составляет 10% и более. Важно, что арбитражный суд при вынесении решения об исключении не обязан получать согласие участника, которого предполагается исключить, т.е. принятие решения является полноценной прерогативой арбитражного суда.

Далее, имея на руках вступившее в законную силу решение арбитражного суда, ООО уведомляет налоговый орган о том, что с даты официального вступления в юридическую силу данного документа, доля в уставном капитале вышедшего участника теперь принадлежит ООО. Важно, что осуществить подобного рода действия необходимо не позднее, чем в срок 7 дней, при этом потребуются заверенная официально копия решения арбитражного суда, а также форма 13014, подписанная директором ООО и при необходимости заверенная у нотариуса. И даже в подобной ситуации ООО обязано выплатить бывшему участнику эквивалент действительной стоимости его доли, о чем уже было более подробно сказано выше [11].

Следует отметить, что не всегда подобная процедура возможна к реализации. В частности, это запрещено законодательно, если такой участник обладает более 50 % доли от уставного капитала данного ООО, и при этом другие участники ООО, согласно положениям устава организации, обладают правом на добровольный выход из состава организации.

Специалисты отмечают, что в иных случаях также не исключено получение отказа на реализацию принудительного выхода участника, однако на практике зачастую это связано с допущением ошибок в процессуальных аспектах реализации данного права [2].

Проанализируем некоторые проблемы судебной практики по данному вопросу. Так, например, в одном из дел участник ООО при осуществлении процедуры по выходу из состава ООО подготовил нотариально заверенное заявление о выходе, и его копию направил по юридическому адресу ООО и его директора. В ходе судебного разбирательства было установлено, что оригинал данного документа не был передан ООО, что стало препятствием для выхода участника из ООО. В конечном итоге, участник все же был исключен, но уже на основании решения суда. Кроме того, его исковыми требованиями, в удовлетворении которых было отказано, стали требования о взыскании действительной стоимости доли, а также процентов за пользование чужими денежными средствами. В обоснование своего решения арбитражный суд указал следующее.

Прежде всего, как следует из норм ст.ст. 23, 26 профильного ФЗ от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон «Об ООО») [11], участник ООО имеет полное право на выход из состава ООО, для этого требуется подать соответствующее заявление, если подобные действия предусмотрены уставом ООО. В рамках реализации права на выход доля участника переходит ООО, которое, в свою очередь, обязано выплатить участнику действительную стоимость доли, взяв за основание сведения бухгалтерности за последний отчетный период. Учитывая, что в представленном примере точкой отсчета крайних сроков выплаты необходимо считать дату вступления в законную силу решения суда о фактическом исключении участника из ООО, то днем перехода доли считается именно эта дата. Как следует из материалов дела, на момент обращения в суд с иском, годовой срок еще не был выдержан, соответственно, обращение участника в суд с исковыми требованиями о взыскании были преждевременными, в связи с чем, собственно, суд и отказал участнику в удовлетворении его требований [7, 11].

Рассмотрим также еще один пример из актуальной арбитражной практики. Так, Арбитражным судом Уральского округа был рассмотрен судебный спор, в рамках которого Ш. обратился с иском к ООО о взыскании действительной стоимости доли. Как следует из материалов дела, Ш. являлся участником ООО, его

доля в уставном капитале организации составляла 50 % номинальной стоимости. Когда Ш. решил выйти из состава ООО и предоставил соответствующее заявление об этом, ему было отказано в выплате действительной стоимости доли, что и стало основанием для обращения в Арбитражный суд. Суды первой и апелляционной инстанции удовлетворили требования истца в полном объеме, причем в рамках проведения судебного разбирательства арбитражным судом была назначена экспертиза для получения выводов относительно определения стоимости чистых активов. Далее ООО подало кассационную жалобу, отметив, что отказ со стороны ООО был вполне правомерен, а выводы эксперта сделаны на основании недостоверных данных бухгалтерской и финансовой отчетности. Однако подобного рода доводы суд кассационной инстанции счел недоказанными со стороны ответчика, и в удовлетворении жалобы в результате было отказано. Все это свидетельствует о том, что скорректированная бухгалтерская отчетность сама по себе не может являться основанием для отказа в произведении выплаты бывшему участнику стоимости действительной доли. Для этого необходима процессуальная доказанность оспариваемого факта [5].

Отметим, что подобного рода судебные решения можно встретить довольно часто, в арбитражных судах различных округов, и чаще всего суды встают на защиту вышедшего участника ООО, если нет прямых оснований для отказа в удовлетворении требований.

Кроме перечисленных выше, на практике существуют также некоторые другие проблемные аспекты, связанные с особенностями выхода участника из состава ООО, кратко обозначим их далее:

- невозможность распоряжения ООО долей вышедшего участника в случае, если ООО был нарушен нормативно установленный срок для таких действий;
- в случае, если участник ООО, обязанный, в соответствии с требованиями устава и закона, не причинять какой-либо вред ООО, фактически совершает подобные действия, это является основанием для его исключения;
- иные [9].

Подведем далее краткий итог рассмотренным выше примерам судебной практики, а также законодательным нововведениям, вступившим в силу в 2020 году.

Таким образом, как следует из изложенного выше примера, добровольный выход участника из состава ООО возможен, но при этом важно соблюсти все установленные профильным законодательством норм. Кроме того, в 2020 году данная процедура была несколько изменена, и, в соответствии с новыми законодательными требованиями, следует внести ряд корректировок в представленное выше решение суда.

Так, в частности, после внесения обозначенных изменений нотариус не только заверяет собственной подписью заявление о добровольном выходе участника, но также обязан направить в Федеральную налоговую службу форму, которая впоследствии послужит формальным основанием для реализации процесса перехода доли участника к ООО. Также в обязанность нотариуса теперь входит то самое направление оригинала заявления в адрес юридического лица, что стало в представленном примере «камнем преткновения». Отметим, что все перечисленные функции являются одним нотариальным действием [9].

Дополним также, что, согласно внесенным изменениям, подобный механизм реализуется, если процедура выхода была совершена до 30.07.2020 г., т.е., до внесения корректировок в профильный ФЗ. Если же процедура выхода была совершена ранее, анализируемые нормы на нее не распространяются.

В общем и целом, характеризуя непосредственно актуальные положения законодательства об ООО, касающиеся реализации процедуры выхода участника, М.А. Нестреляй отмечает, что в настоящее время данный механизм стал значительно проще, чем ранее [5]. В частности, в своем исследовании ученый приводит анализ представленных выше изменений, которые теперь позволяют решить целый ряд важных проблем. Например, ранее в случае возникновения в ООО разного рода внутрикорпоративных конфликтов вполне могла произойти ситуация, когда участники ООО оказывают давление на нерадивого участника ООО, выход из состава которого хотят добиться. Сегодня же не является проблемным также отсутствие желания руководителя ООО подтвердить выход участника, когда, например, он сознательно уклоняется от контактов, чтобы не допустить совершения подобного рода действий. В настоящее время процедура в данном отношении стала проще и эффективнее с точки зрения гарантирования набора прав каждого участника ООО [5].

На позитивный характер представленных изменений в законодательство также обращают внимание в своем научном исследовании М.Д. Телицына и М.А. Андрианова, которые отмечают, что корректировки делают рассматриваемый процесс более эффективным, легким с точки зрения процессуальной реализации, а также делают более свободным непосредственно процесс выхода участника из состава ООО [8]. Т.е., поддерживают представленную выше позицию М.А. Нестреляй, обозначая фактическую важность и высокую

практическую значимость подобных изменений. Безусловно, с представленными точками зрения ученых будет справедливо согласиться [5, 8].

Выводы

Таким образом, подводя итог рассматриваемому в настоящем исследовании вопросу, кратко обозначим его результаты.

Несмотря на широкую практическую распространенность случаев выхода участников из состава ООО и теоретическую простоту реализации данного механизма, тем не менее, на практике подобные ситуации зачастую носят довольно проблемный характер. В научной работе отмечается, что до 2020 года, когда в профильное законодательство были внесены изменения, такая процедура представлялась еще более сложной, многосоставной, вызывающей больше вопросов, чем ответов. Однако в настоящее время она стала значительно проще.

В работе детально анализируется внедрение в процедуру выхода участника из состава ООО роли нотариуса, который сегодня выступает фактически гарантом качественной реализации всех установленных законодательно требований. Ранее нотариус участвовал в подобных правоотношениях относительно формально, что вызывало довольно много спорных моментов [10].

Представленные изменения ученые и практики отмечают как крайне позитивные, несущие в себе упрощение механизма выхода участника из состава ООО, делающие его более доступным и открытым для других участников. Это подтверждается и приведенными в настоящем исследовании примерами судебной практики, авторскими позициями экспертов в данной области.

В настоящей работе также более детально рассмотрены некоторые примеры актуальной судебной практики, среди которых, например, проанализированы следующие тезисы:

- невозможность распоряжения ООО долей вышедшего участника в случае, если ООО был нарушен нормативно установленный срок для таких действий;
- наличие законодательно установленной возможности отстранения участника из состава ООО в случае несоблюдения им закрепленных уставом и законом обязанностей как участника ООО;
- иные [1, 5].

Автором также отмечается, что в настоящее время судебная практика по делам данной категории выступает достаточно сложной и зачастую противоречивой, причем не соответствует даже положениям профильного Закона «Об ООО». В связи с этим, еще ВАС РФ в 2008 и 2012 годах подготовил разъяснения относительно применения законодательства в рассматриваемой области. Тем не менее, с точки зрения судебной практики данный вопрос продолжает оставаться проблемным и в настоящее время, что говорит о необходимости продолжения совершенствования законодательства в данной области.

Список источников

1. Гартин Ю.А., Буркина М.В. Особенности правового статуса участника общества с ограниченной ответственностью // Наука. Общество. Государство. 2021. № 10. С. 93 – 98.
2. Гольцов В.Б., Голованов Н.М. Особенности правового регулирования общества с ограниченной ответственностью // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 4. С. 68 – 75.
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 24.05.2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://arbitr.ru/materials/55530?path=FarxivFvas_info_letterF
4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.05.2024 N Ф09-1276/24 по делу N А07-527/2022. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Нестреляй М.А. Некоторые вопросы выхода участника общества с ограниченной ответственностью из его состава // Заметки ученого. 2020. № 13. С. 222 – 227.
6. Сочилина, Д.В. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности общества с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://web.archive.org/web/20210115053107id_/http://adm.nauka20-35.ru/Files/ArticleFiles/82e113ab-50c8-4b4b-8860-baddea7e25e6.pdf
7. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 11.06.2021 года по делу № А45-8122/2021. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Тарицына М.Д., Андрианова М.А. Препятствие выхода участника из ООО со стороны других участников: сопоставление правовой модели России и Германии // Юридическая наука. 2021. № 13. С. 144 – 149.

9. Трусова А.В. Недостатки и проблемы правового регулирования общества с ограниченной ответственностью // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4. С. 93 – 95.
10. Шахнов Д.Д. Проблемы правового статуса общества с ограниченной ответственностью // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. № 11. С. 13 – 18.
11. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью». Российская газета. 1998. № 113.

References

1. Gartina Yu.A., Burkina M.V. Features of the legal status of a participant in a limited liability company. Science. Society. State. 2021. No. 10. P. 93 – 98.
2. Goltsov V.B., Golovanov N.M. Features of legal regulation of limited liability companies. Journal of Legal and Economic Research. 2020. No. 4. P. 68 – 75.
3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated May 24, 2012 No. 151 “Review of the practice of consideration by arbitration courts of disputes related to the exclusion of a participant from a limited liability company” [Electronic resource] Access mode: URL: https://arbitr.ru/materials/55530?path=FarxivFvas_info_letterF
4. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated May 22, 2024 N F09-1276/24 in case N A07-527/2022. The document was not published. Access from SPS "ConsultantPlus".
5. Nestrlyai M.A. Some issues regarding the withdrawal of a participant in a limited liability company from its composition. Notes of a scientist. 2020. No. 13. P. 222 – 227.
6. Sochilina, D.V. Current problems of legal regulation of the activities of a limited liability company [Electronic resource]. Access mode: URL: https://web.archive.org/web/20210115053107id_/http://adm.nauka20-35.ru/Files/ArticleFiles/82e113ab-50c8-4b4b-8860-baddea7e25e6.pdf
7. Decision of the Arbitration Court of the Novosibirsk Region dated June 11, 2021 in case No. A45-8122/2021. The document was not published. Access from SPS "ConsultantPlus".
8. Taritsyna M.D., Andrianova M.A. Obstacle to the exit of a participant from an LLC by other participants: comparison of the legal model of Russia and Germany. Legal Science. 2021. No. 13. P. 144 – 149.
9. Trusova A.V. Disadvantages and problems of legal regulation of limited liability companies. Current problems of the humanities and natural sciences. 2019. No. 4. P. 93 – 95.
10. Shakhnov D.D. Problems of the legal status of a limited liability company. Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. No. 11. P. 13 – 18.
11. Federal Law No. 14-FZ dated 02/08/1998 (as amended on 06/13/2023) “On Limited Liability Companies.” Russian newspaper. 1998. No. 113.

Информация об авторах

Титов А.М., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, cr.sash@yandex.ru

Дерюгина Т.В., доктор юридических наук, профессор, Московский финансово-промышленный университет Синергия, sofija96@mail.ru

© Титов А.М., Дерюгина Т.В., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки)

УДК 341.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-219-224

Анализ криминализации в экономической сфере Российской Федерации и меры борьбы в рамках национальной политики

¹Абдрашитов В.М., ¹Крутояров А.А.,
¹Волгоградский государственный университет

Аннотация: данная статья исследует процессы криминализация в контексте экономической глобализации, что является одной из отличительных черт современности. Особую актуальность в статье имеет проведенный статистический анализ основных видов экономических преступлений, их распространенность и влияние на экономику страны. В статье рассматривается необходимость разработки мер по борьбе с экономической преступностью в рамках национальной политики. Анализ и рекомендации авторов могут быть полезны для разработки и реализации эффективной национальной политики по борьбе с экономической преступностью в Российской Федерации.

Ключевые слова: криминализация, экономическая сфера, национальная политика России, статистический анализ, экономическая безопасность государства, экономическая преступность, меры борьбы с преступностью, противодействие экономическим преступлениям

Для цитирования: Абдрашитов В.М., Крутояров А.А. Анализ криминализации в экономической сфере Российской Федерации и меры борьбы в рамках национальной политики // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 219 – 224. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-219-224

Поступила в редакцию: 15 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Analysis of criminalization processes in the economic sphere in the Russian Federation and measures to combat it within the framework of national policy

¹Abdrashitov V.M., ¹Krutoyarov A.A.,
¹Volgograd State University

Abstract: this article explores the processes of criminalization in the context of economic globalization, which is one of the hallmarks of modernity. The statistical analysis of the main types of economic crimes, their prevalence and impact on the economy of the country is of particular relevance in the article. The article considers the need to develop measures to combat economic crime in the framework of national policy. The authors' analysis and recommendations may be useful for the development and implementation of an effective national policy to combat economic crime in the Russian Federation.

Keywords: criminalization, national policy of Russia, cooperation with the CIS states, economic security of the state, economic crime, countering economic crimes

For citation: Abdrashitov V.M., Krutoyarov A.A. Analysis of criminalization processes in the economic sphere in the Russian Federation and measures to combat it within the framework of national policy. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 219 – 224. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-219-224

The article was submitted: March 15, 2024; Approved after reviewing: May 17, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Развитие экономической системы внутри каждого отдельного государства и на мировом уровне зависит от различных факторов, включая влияние теневой экономики, структуры правонарушений в экономической и финансовой сферах, уровня материального ущерба от данных преступлений. Влияние данных негативных последствий на экономическую систему страны и является индикатором успешности национальной политики в борьбе с экономической преступностью.

Цель данного исследования заключается в анализе процессов криминализации и статистический анализ основных видов экономических преступлений, их распространенность и влияние на экономику страны.

Поставлены следующие задачи: провести статистический анализ криминализации; исследовать проблемы, связанные с эффективным противодействием экономической преступности; предложить практические разработки мер по борьбе с экономической преступностью в рамках национальной политики.

Заявлена гипотеза: проведенный статистический анализ будет способствовать разработке для последующей реализации меры по предупреждению экономической преступной деятельности в рамках национальной политики, основанные на статистических данных.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования использованы следующие методы: анализ нормативно-правовых актов, научной и правовой литературы, формально-юридический метод, метод системного анализа; сравнительный анализ; статистический метод. На основе анализа сделаны выводы и предложены меры совершенствования.

Глобализация кроме расширения возможностей в виде увеличения международной торговли и потоков капитала внесла значительные изменения в международные отношения, создавая новые возможности для транснациональной экономической преступности, так как границы между странами уменьшили свою значимость. С развитием внешней торговли, инвестиций и проникновением сети Интернет, которая облегчает обмен информацией, распространению технологий и повышают мобильность людей, транснациональные преступные группы нашли новые возможности для своей деятельности. Границы стали более прозрачными, что ослабило ранее существовавшие механизмы контроля, при этом угроза национальной безопасности для России и других стран значительно возросла.

Современное мировое сообщество сталкивается с широким распространением транснациональной экономической преступности, что требует улучшения сотрудничества между государствами и ужесточения законодательства для борьбы с этой проблемой.

Эффективная разработка стратегий по борьбе с экономической преступностью существенно зависит от понимания термина «экономическое преступление», так Сазерленд обратил внимание: «на социальную опасность преступлений, совершаемых уважаемыми лицами, такими как бизнесмены и люди определенных профессий». Также ученый в ходе своей деятельности, ввел понятие «беловоротничковая (уважаемая) преступность» в научный оборот в 1940 году, в дальнейшем понятие трансформировалось и стало синонимом корпоративной преступности - преступлений, совершаемых корпорациями [2].

Экономические преступления, согласно работе Б. Свенсона, представляют собой: «преступные действия, направленные на получение экономической выгоды. Они характеризуются систематическим повторением в рамках экономической деятельности, которая сама по себе не является преступной, но может быть использована в качестве основы для совершения уголовных деяний» [9].

О. Лопашенко [7] и В.В. Лунеев [3] указывают на различные аспекты экономической преступности. Так, О. Лопашенко отождествляет ее с преступлениями в сфере экономической деятельности и преступлениями из корысти, в то время как В.В. Лунеев считает, что основой экономической преступности являются преступления, совершаемые корпорациями против экономики государства и других корпораций. При этом оба автора подчеркивают сложность и многообразие проблем, связанных с экономической преступностью, что требует комплексного подхода к их решению.

Борьба с преступностью в экономической сфере тесно связана с оценкой экономической безопасности, всесторонним статистическим анализом экономической преступности, воздействием различных экономических факторов [4].

Статистический анализ экономической преступности является неотъемлемой частью процесса борьбы с транснациональной преступностью в условиях глобализации, поскольку он предоставляет ценную информацию о взаимосвязи между экономическими и преступными процессами, что необходимо для разработки эффективных стратегий контроля и предотвращения преступной деятельности и на международном уровне.

Анализ статистических данных за период с 2010 по 2023 год показывает, что: «количество экономических преступлений в России снизилось на 62,27% к 2022 году по сравнению с 2010 годом. В 2023 году тенденция снижения этого показателя сохраняется. Доля экономических преступлений в общем количестве

преступлений отмечалась снижением до 2015 года, после чего наблюдалась нестабильность до 2019 года, когда этот показатель составил 5,15%, сейчас намечена тенденция с устойчивому снижению» [5].

При этом с увеличением количества экономических преступлений в России в период с 2010 по 2019 год сумма материального ущерба также увеличилась в 1,5 раза, при этом стоит отметить, что в период 2010-2012 годов этот показатель снижался, и после этого имеет нестабильную тенденцию. Материальный ущерб от экономических преступлений в 2019 году достиг 447,19 миллиарда рублей. За январь–сентябрь 2023 года ущерб от преступлений сократился на 36,3% и составил 397 млрд рублей по сравнению с аналогичным периодом 2022 год . Более половины этой суммы (231,3 млрд рублей) были причинены экономическими преступлениями. Анализ статистических данных говорит о значительном угрозе для экономической безопасности страны, несмотря на общее снижение количества экономических преступлений.

Статистические данные за 2021 год показали ущерб от экономических преступлений 642 млрд. рублей, превысив в два раза результаты 2020 году - 340 млрд. рублей. Согласно отчету статистики МВД показатели 2021 года приблизились к цифрам материального ущерба 2009 года в сфере экономики [5]. Наблюдается колоссальный рост преступности в сфере незаконного предпринимательства и кредитования, с использованием электронных платежных средств и распространением дистанционных способов совершения экономических правонарушений, оборотом поддельных денежных знаков и ценных бумаг. Коррупционные и налоговые преступления составляли ущерб 85 млрд. рублей, что свидетельствует об увеличении размера материального вреда. Так же зафиксировано увеличение числа налоговых преступлений на 13,8% по сравнению с 2020 годом, в 2021 году [5].

Правонарушения, совершаемые в кредитно-финансовой сфере, занимают значительную долю среди экономических преступлений. В период пандемии и самоизоляции задолженность в годовом сравнении выросла почти на 25%.

Из данных юридической статистики следует, что с начала 2023 года в России наблюдается снижение числа экономических преступлений на 6%, в период с января по сентябрь. Общее количество таких преступлений за сопоставимый период уменьшилось с 85,1 тысячи до 79,9 тысячи.

Несмотря на сокращение количества преступлений, они продолжают оставаться серьезной проблемой, так как более половины всех выявленных случаев экономических преступлений приходится на ущерб в размере 203,6 миллиарда рублей. Общий ущерб от всех видов преступлений за восемь месяцев текущего года составил 351,4 миллиарда рублей.

Однако, важно отметить, что лишь небольшая часть ущерба была возмещена или изъята в ходе расследования. Только 86,9 миллиарда рублей, что составляет менее 25% от общей суммы ущерба, были возвращены или изъяты. Кроме того, в рамках расследования уголовных дел был наложен арест на активы стоимостью 129 миллиардов рублей [5].

Эти данные свидетельствуют о необходимости дальнейших усилий в борьбе с экономической преступностью и повышения эффективности правоприменительной системы для более успешного предотвращения и расследования таких преступлений, а также для увеличения возврата ущерба пострадавшим сторонам.

Проанализировав динамику экономических преступлений по видам в 2010-2019 годы, отметим, что наблюдается снижение количества преступлений по всем видам. Таким образом, преступления против собственности характеризуются тенденцией к снижению на протяжении анализируемого периода ((-61,61%) в 2019 году по сравнению с 2010 годом) [5].

В период с 2020 по 2023 год киберпреступность в России демонстрировала стабильность, при этом высокие технологии сыграли ключевую роль в каждом четвертом преступлении. Зарегистрировано снижение краж на 27,6%, случаев мошенничества с использованием электронных платежных систем на 29%, и преступлений в области компьютерной информации на 22,5%. Эти данные свидетельствуют об активной борьбе правоохранительных органов с киберпреступностью и означают необходимость постоянного совершенствования мер по защите информационной безопасности.

За 2022 год подразделениями органов внутренних дел было выявлено 81,8% общего количества зарегистрированных экономических преступлений и 74% криминальных деяний, связанных с коррупцией. Важно отметить, что раскрываемость преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, выросла на 4,4%.

Эти данные указывают на необходимость постоянного совершенствования методов борьбы с киберпреступностью. Успешное выявление и предотвращение преступлений, связанных с высокими технологиями, требует не только совершенствования технических средств, но и развития кадров и сотрудничества между правоохранительными органами и технологическими экспертами, кроме того, увеличение раскрываемости указывает на улучшение эффективности следственных мероприятий в данной области [5].

Что касается преступлений в экономической сфере, то здесь наблюдается неустойчивая тенденция, так максимальное значение показателя наблюдается в 2010 году (57162), а наименьшее - в 2014 году (26737), в 2019 году этот показатель снизился на 33,89% по сравнению с 2010 годом, но по сравнению с 2018 года в 2019 году наблюдается рост количества преступлений в сфере экономической деятельности на 1245, в последние годы с 2020 по 2023 года также тенденция роста экономических преступлений [5].

Анализируя статистику первого полугодия в 2023 года, можно сказать зарегистрирован значительный рост «экономических» преступлений по сравнению с 2022 годам, так общее количество дел по статьям Уголовного кодекса РФ, связанным с мошенничеством, присвоением или растратой имущества, и причинением ущерба, увеличилось на 15%, а количество новых дел возросло на 21%. Анализ данных по наиболее массовой статье о мошенничестве показывает следующие тенденции: за полгода 2023 года начато производство по 287 тысячам дел, что на 22% больше, чем в аналогичном периоде 2022 года, при этом количество дел продолжает увеличиваться, несмотря на увеличение переданных в суд материалов по мошенничеству на 8%, а также подавляющее большинство этих дел (137 тысяч) приостановлено из-за неустановленности лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [5].

Также оказалась наиболее значимый рост за рассматриваемый период экономические преступления, связанные с нарушением интересов службы в коммерческих и других организациях, а вот преступления, связанные с изготовлением, хранением, транспортировкой или сбытом поддельных денег или ценных бумаг на протяжении всего анализируемого периода ((-54,1%) в 2022 году по сравнению с 2010 годом) показывают снижение.

Практически не отличается статистика по статье 199 УК (уклонение от уплаты налогов), что является наиболее тяжким преступлением в этой сфере, так в 2021 году осуждено 131 человек, а в 2022 году 132 человека, при этом статистика рассмотренных судами дел о мошенничестве с НДС не доступна, поскольку они включаются в общий поток мошеннических дел. Законопроект № 89802-8 [1], который мог бы внести изменения в УК РФ и добавить статью 159.7 «Мошенничество в налоговой сфере» мог бы положительно сказаться на системе учета преступлений и судебной статистике, была бы проведена дифференциация деяний, но законопроект не принят, так как не получил официального отзыва Правительства РФ.

Можно сделать вывод, что проблема уклонения от уплаты налогов по-прежнему остается актуальной и требует дальнейшего внимания со стороны законодателей. Внесение дополнительных изменений в уголовное законодательство может помочь более точно определить и преследовать мошеннические действия в налоговой сфере, что в свою очередь будет способствовать более точной судебной статистике и более эффективной борьбе с уклонением от уплаты налогов.

Зарегистрированные преступления, связанные с нарушением законодательства о маркировке и информации о товарах и продукции, демонстрируют отрицательную тенденцию на протяжении анализируемого периода. В частности, в 2019 году было зарегистрировано увеличение в 2,3 раза по сравнению с 2010 годом. В 2020 году число таких преступлений составило 1 917, а в 2021 году это число уже достигло отметки 2 139 и продолжает расти [10].

Данные показатели являются ярким свидетельством серьезности проблемы незаконной продукции и товаров без должной маркировки или информации. Для эффективного решения этой проблемы необходимо активное сотрудничество и совместные усилия общественных организаций, правительства, делового сообщества и потребителей. Принятие более строгих мер по борьбе с незаконными товарами и продукцией без маркировки будет способствовать защите интересов потребителей, обеспечению безопасности и качества товаров на рынке, а также к развитию легальной экономики.

Количество преступлений, связанных с банкротством, снижалось на протяжении всего изучаемого периода. Например, в 2019 году оно уменьшилось на 59,5% по сравнению с 2010 годом. Однако в 2022 году арбитражные суды рассмотрели 242 тысячи дел о банкротстве, что составляет увеличение на 28% по сравнению с предыдущим годом. Также было зарегистрировано 1 миллион 900 тысяч обособленных споров в делах о банкротстве. Этот рост количества процедур банкротства, связанных с юридическими и физическими лицами в 2022 году, можно объяснить «отсроченным эффектом» введенных процедур моратория на возбуждение банкротных дел в период с 2020 по 2022 год. Ожидается, что в ближайшие 2-3 года количество банкротств будет стабильно увеличиваться, а контролирующие лица будут привлечены к субсидиарной ответственности. Этот прогноз основывается на устойчивой тенденции роста и принятии новых мер на законодательном уровне для борьбы с банкротствами [5].

Также наблюдается снижение количества таких преступлений, как незаконное предпринимательство ((62,3%) в 2019 году по сравнению с 2010 годом) и легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате преступления ((-46,3%) в 2019 году по сравнению с 2010

годом). Структура экономических преступлений на 2021 год по данным МВД демонстрирует, что 41 % правонарушений деловой направленности, а с криминалистической точки зрения состав преступления – незаконное предпринимательство – продолжает совершаться из года в год.

Анализ показал, что: «количество экономических преступлений за весь период уменьшилось, включая зарегистрированные, предварительно расследованные и нераскрытые преступления: в 2019 году количество расследуемых экономических преступлений сократилось на 68,45% по сравнению с 2010 годом, а количество нераскрытых преступлений уменьшилось на 57,42%. Однако, в 2020 году раскрываемость экономических преступлений уменьшилась до 52%» [5].

Результаты и обсуждения

Таким образом, анализ экономической преступности Российской Федерации показал, что наблюдается тенденция снижения количества экономических преступлений и доли их среди общего числа преступлений. Однако, материальный ущерб от экономической преступности продемонстрировал нестабильную динамику.

Для борьбы с экономическими преступлениями государству необходимо проведение ряда мер:

- расширение сферы действия правовой базы поможет создать более эффективные инструменты для пресечения и наказания экономических преступлений;
- анализ данных уровня фактического распространения конкретных видов экономических преступлений будет способствовать выявлению по степени их актуальности и важности в данном контексте. Исследование статистических данных о числе совершенных экономических преступлений позволит также определить частоту совершения и тенденции в их динамике;
- модернизация государственных органов будет способствовать повышению оперативности и эффективности борьбы с преступностью;
- оценка потенциального вреда, наносимого экономическими преступлениями обществу, поможет определить степень их общественной опасности;
- профилактика коррупционных преступлений и создание условий для честной конкуренции в экономической сфере играют ключевую роль в снижении экономической преступности;
- обеспечение политической и экономической стабильности способствует снижению мотивации для совершения экономических преступлений среди населения.

Выводы

Предложенный механизм предупреждения и борьбы с экономической преступной деятельностью в рамках национальной политики основанный на статистических данных позволит эффективно использовать не только профилактические меры, а также оперативно реагировать на правонарушения сосредотачиваясь на приоритетных направлениях и видов преступлений, при этом применять административные санкции, а также использование уголовно-процессуальных мер и иным законодательством для борьбы с преступными факторами, актуальными в стремительно меняющемся мире.

Список источников

1. Законопроект №89802-8 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Система обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/89802-8#bh_note (дата обращения: 26.02.2024)
2. Вакутин А.А. «Беловоротничковая» преступность Э. Сатерленда: теория, не потерявшая актуальности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 80 – 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belovorotnichkovaya-prestupnost-e-saterlenda-teoriya-ne-poteryavshaya-aktualnosti> (дата обращения: 26.01.2024)
3. Лунеев В.В. Криминология: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 686 с.
4. Маркина С.А. Оценка и прогнозирование экономической преступности в системе обеспечения экономической безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9. № 6 (35). С. 147 – 162.
5. Министерство Внутренних Дел Российской Федерации: официальный сайт / раздел статистика и аналитика, Министерство Внутренних Дел Российской Федерации. Москва, 2022. URL: <https://мвд.рф/statistics> (дата обращения: 21.02.2024)
6. Мушарацкий М.Л. Экономическая преступность и ее влияние на экономическую безопасность // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 25 – 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-prestupnost-i-ee-vliyanie-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-1> (дата обращения: 26.02.2024)

7. Лопашенко Н.А., Третьяк М.И. Преступления в сфере экономики: учебное пособие для вузов / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 135 с.
8. Савостьянов И.В. Преступность в сфере экономики как угроза национальной безопасности Российской Федерации: статистический анализ // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 132 – 137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-sfere-ekonomiki-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-statisticheskiy-analiz> (дата обращения: 26.02.2024)
9. Свенссон А., Вендель О. Раскрытие преступлений. Современные методы расследования уголовных дел. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957 г. 476 с.
10. Харламова А.А., Токарев Д.С. Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 1711 УК РФ): особенности криминообразующих признаков и вопросы квалификации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 42 – 49.

References

1. Bill No. 89802-8 On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. System for supporting legislative activity (SOZD) URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/89802-8 #bh_note (date of access: 02/26/2024)
2. Vakutin A.A. “White-collar” crime by E. Sutherland: a theory that has not lost its relevance // Bulletin of the Siberian Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2 (39). P. 80 – 81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belovorotnichkovaya-prestupnost-e-saterlenda-teoriya-ne-poteryavshaya-aktualnosti> (access date: 01/26/2024)
3. Lunev V.V. Criminology: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2023. 686 p.
4. Markina S.A. Assessment and forecasting of economic crime in the system of ensuring economic security. News of the South-Western State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2019. Vol. 9. No. 6 (35). P. 147 – 162.
5. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website. statistics and analytics section, Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Moscow, 2022. URL: <https://mvd.rf/statistics> (access date: 02.21.2024)
6. Musharatsky M.L. Economic crime and its impact on economic security. Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2022. No. 2 (92). P. 25 – 28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-prestupnost-i-ee-vliyanie-na-ekonomicheskuyu-bezopasnost-1> (date of access: 02/26/2024)
7. Lopashenko N.A., Tretyak M.I. Crimes in the sphere of economics: a textbook for universities. resp. ed. A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 6th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 135 p.
8. Savostyanov I.V. Crime in the economic sphere as a threat to the national security of the Russian Federation: statistical analysis. Legal science. 2021. No. 7. P. 132 – 137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-v-sfere-ekonomiki-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii-statisticheskiy-analiz> (date access: 02/26/2024)
9. Svensson A., Wendel O. Crime detection. Modern methods of investigating criminal cases. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1957. 476 p.
10. Kharlamova A.A., Tokarev D.S. Production, acquisition, storage, transportation or sale of goods and products without labeling and (or) application of information provided for by the legislation of the Russian Federation (Article 1711 of the Criminal Code of the Russian Federation): features of criminal characteristics and qualification issues. Bulletin of the Belgorod Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2022. No. 4. P. 42 – 49.

Информация об авторах

Абдрашитов В.М., доктор юридических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, ob.otdel@volsu.ru

Крутояров А.А., аспирант, Волгоградский государственный университет, akrutoyarov@yandex.ru

© Абдрашитов В.М., Крутояров А.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

УДК 340.15

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-225-229

Влияние деятельности земского собора и принятия Соборного уложения 1649 г. на политико-правовую характеристику власти в России XVII века

¹Брусиловский Р.А.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена анализу влияния деятельности земских соборов с последующим принятием Соборного уложения 1649 г. на изменение политико-правового положения государственной власти России XVII века. На основе анализа научной литературы автор приходит к выводу о том, что указанные события позволили значительно усилить царскую власть путем её легитимации, а также создания правовых предпосылок для её последующей централизации (создание единого для страны законодательства, бюрократического аппарата и регулярной армии). На основании исследования всех факторов и последствий политико-правовых изменений в России XVII века, автор констатирует, что данные изменения позволили создать необходимую базу для последующего перехода государства к абсолютизму с широкой рецепцией европейской политической и правовой культуры.

Ключевые слова: история России, Россия в XVII веке, земский собор, Соборное уложение, сословно-представительная монархия, абсолютная монархия, власть царя, централизация власти, политико-правовое развитие

Для цитирования: Брусиловский Р.А. Влияние деятельности земского собора и принятия Соборного уложения 1649 г. на политико-правовую характеристику власти в России XVII века // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 225 – 229. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-225-229

Поступила в редакцию: 14 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 10 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The influence of the activities of the Zemsky sobor and the adoption of the Council Code of 1649 on the political and legal characteristics of power in Russia of the XVII century

¹Brusilovsky R.A.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the analysis of the influence of the activities of the zemsky sobors with the subsequent adoption of the Council Code of 1649 on the change in the political and legal position of the state power of Russia in the XVII century. Based on the analysis of scientific literature, the author comes to the conclusion that these events made it possible to significantly strengthen the tsarist government by legitimizing it, as well as creating legal prerequisites for its subsequent centralization (creation of a unified legislation for the country, a bureaucratic apparatus and a regular army). Based on the study of all the factors and consequences of political and legal changes in Russia of the XVII century, the author states that these changes made it possible to create the necessary basis for the subsequent transition of the state to autism with a wide reception of European political and legal culture.

Keywords: the history of Russia, Russia in the XVII century, the Zemsky sobor, the Cathedral code, the estate-representative monarchy, absolute monarchy, the power of the tsar, the centralization of power, political and legal development

For citation: Brusilovsky R.A. The influence of the activities of the Zemsky sobor and the adoption of the Council Code of 1649 on the political and legal characteristics of power in Russia of the XVII century. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 225 – 229. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-225-229

The article was submitted: March 14, 2024; Approved after reviewing: May 10, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – определить влияние деятельности земского собора и последствий принятия Соборного уложения 1649 г. на политическую и правовую характеристики власти в России XVII века.

Задачи – на основе научной литературы проанализировать последствия в виде качественных изменений политической и правовой системы России XVII века в результате деятельности земского собора и принятия Соборного уложения 1649 г., оценив значение данных изменений для последующего развития политического устройства российского государства.

Гипотеза – необходимость внедрения и активного участия института земских соборов в деятельности государства XVII века обусловлено наличием повышенного запроса населения на учет мнения их представителей центральной властью, за счет чего все правоприменительные решения царя получали дополнительный уровень легитимации, как и сам царь, изначально утвержденный земским собором. Последующая правотворческая деятельность земского собора, кульминацией которой стало принятие Соборного уложения 1649 г., способствовало повышению уровня централизации и усилению царской власти, что стало предпосылкой для перехода российского государства к абсолютизму.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты, научная литература.

Результаты и обсуждения

История государственного развития России с начала XVII века связывается с прочным развитием и укоренением в государстве зрелого феодализма, характеризующегося дроблением общества того времени на различные сословия – около половины населения относилось к государственным и окологосударственным стратам, в то время подавляющее большинство остального населения была представлена крепостными крестьянами [1].

Само политико-правовое оформление процесса закрепощения крестьян связано с появлением двух основных форм эксплуатации – барщины, а также оброка, имевшего денежную и натуральную форму, что связано с последовательным повышением уровня развития товарного хозяйства в стране [2].

В то же время пагубные последствия смутного времени (1598-1613), заметно разорившие экономику страны и ослабившие царскую власть, требовали принятия новых эволюционных мер, способствующих получению поддержки со стороны самых различных слоев населения. Таким эффективным механизмом укрепления централизованной власти государя за счет взаимодействия с социумом принято считать земские соборы, функционировавшие вплоть до 1684 года.

Основной замысел института земских соборов заключался в принципе его работы – на собраниях данного органа присутствовал лично царь, которым выслушивались мнения представителей различных слоев населения по определенным проблемным вопросам государственного управления. Учитывая совокупность мнений различных сословий и принимая оптимальные управленческие решения, царь получал особую легитимацию своих правоприменительных актов, в том числе направленных на дальнейшее укрепление своей власти за счет повышения уровня централизации и единства в сфере публичного управления [3].

Земским соборам, особенно на ранних этапах их развития, выделялось место высшего сословно-представительного учреждения, являющегося прообразом демократических изменений в форме правления России того времени, что выражается в значительном ограничении власти царя и даже установлении определенного контроля над ней [4]. Особенно ярко данная тенденция была подтверждена избранием земским собором Бориса Годунова в качества царя, в чем можно усмотреть зарождение определенных выборных (электоральных) правовых институтов в российском государстве.

В то же время в литературе отсутствует однозначная позиция относительно реальности влияния земских соборов на институционализацию демократических элементов в системе государственного управления России того времени. В частности, многие авторы высказываются о том, что земский собор являлся скорее

совещательным органом, не обладавшим правом на принятие обязательных для царя решений, а «избрание» царя в действительности являлось лишь формальностью, результат которой был предопределен отсутствием реальных альтернатив [5].

Во всяком случае, представляется, что роль земского собора не стоит недооценивать, как минимум применительно к назначению на трон Бориса Годунова, не имевшего каких-либо престолонаследных оснований для получения такого титула – в отсутствие выражения воли всего народа на выдвижение Годунова власть последнего не получила бы требуемой легитимации и авторитета [6].

Таким образом, представляется возможным заключить, что земские соборы России XVII века выполняли двойственную функцию – с одной стороны, данные институты, будучи демократическим проявлением представительства народных масс и прообразом конституционной монархии, непосредственно влияли и ограничивали царскую власть (особенно на ранних этапах), а с другой стороны – служили механизмом поддержания этой царской власти как за счет её легитимации (избрание царя волей всего народа), так и за счет отсутствия явных антимонархических настроений среди членов собора (напротив, при земских соборах наблюдается укрепление и централизация царской власти).

Не менее важной ролью земского собора, выполнявших совещательную и избирательную функцию, выступила правотворческая деятельность данного органа, выразившаяся в принятии фундаментального юридического памятника российского государства – Соборного уложения 1649 года [7].

Как отмечается исследователями, принятие Соборного уложения являлось закономерным шагом в ответ на обострившуюся в стране социально-политическую обстановку (например, Соляной бунт 1648 года), а также реакцией на хаотично разросшийся в государстве массив нормативных актов, являвшихся в максимальной степени разрозненными и противоречащими друг другу [8].

При этом следует отметить повышенную направленность Соборного уложения на укрепление государственной власти и общей народной интеграции вокруг государства не как некоего деспота с неограниченными полномочиями к подданным, а как к развитому суверену, безусловно связанному правом, которое отныне приобретает единый и общеобязательный характер [9]. Одновременно с этим все более значимую роль приобретают идеи о необходимости усиления государства в целях недопущения повторения смутного времени, поскольку в отсутствие порядка в социуме эффективное государственное управление было бы невозможным.

Не менее важным феноменом соборного уложения, как отмечает В.А. Томсинов, является трансформация общественного восприятия как принципиально самостоятельного политико-правового образования, отделенного от социума, что, как известно, не соответствовало ранее устоявшейся модели власти в сословно-представительной монархии, для которой характерно практически полное слияние общества и государственного аппарата [10].

Также следует отметить, что укрепление государственной власти во второй половине XVII века стало возможным не только за счет формально-юридической концептуализации государства как отдельного от общества субъекта, деятельность которого подлежит регулированию таким же образом, как и регулируется поведение простого народа.

Кажется верным, что преодоление смутного времени с принятием такого развитого нормативного регулирования в виде Соборного уложения послужило созданием необходимой политической и правовой базы для зарождения абсолютистской монархии в российском государстве. Помимо установления формальных предпосылок для сосредоточения всей полноты власти в руках монарха с установлением конкретных правил престолонаследия на законодательном уровне, следует отметить появление регулярной армии, развитие разветвленного бюрократического аппарата, а также формирование единого законодательства для всего государства, что дополнительно фиксирует единство и полноту центральной государственной власти.

Таким образом, широкое развитие народного представительства во власти, легитимировавшего царскую власть в купе с формированием Соборным уложением нового и, что не менее важно, единого порядка для всего государства создавало принципиально новую политико-правовую реальность, для которой устаревшие формы взаимоотношений между народом и государством были неприемлемыми. Такое положение вещей требовало появления принципиально новых форм и модальностей, которыми бы диктовались более эффективные условия взаимоотношений между государством, обществом и индивидом.

По этим причинам видится закономерной дальнейшая рецепция европейской политической и правовой культуры, послужившей тем самым необходимым источником для эволюционного восполнения последующего пути развития российского государства, что в дальнейшем активно реализовывалось в период правления последнего царя и первого императора Российской Империи – Петра I.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что качественные политико-правовые изменения в доимперский период развития России XVII века привели к значительному укреплению государственной власти и созданию необходимого фундамента для последующей абсолютизации власти российского монарха.

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Обосновано, что деятельность земского собора значительно повлияла на процесс укрепления царской власти в России XVII века в связи с её легитимацией земским собором как общесословным представительным органом, мнение которого учитывалось царем при принятии решений.

Аргументировано, что правотворческая деятельность земского собора в виде принятия Соборного уложения 1649 г. привела к существенной трансформации политико-правовой системы государства, создав необходимые предпосылки для централизации и укрепления государственной власти, а также концептуализации государства в качестве самостоятельно субъекта, связанного правом.

Констатировано, что политико-правовые изменения в России XVII века привели к формированию базы для трансформации формы правления российского государства в абсолютную монархию.

Список источников

1. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М. 1962. С. 3 – 6.
2. Толстая А.И. История государства и права России: учебник для вузов. 3-е изд., стереотипное. М. Юстицинформ. Омега-Л, 2010. С. 114.
3. Метшин И.Р. Историко-правовые предпосылки укрепления государственного единства России в доимперский период // Журнал российского права. 2024. № 4. С. 69.
4. Леонтьева Е.Н. Боярская дума, Земский собор и местное управление на Руси в XII в. // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2008. № 3 (СПС «Консультант Плюс»).
5. Юшков С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. 1950. № 10. С. 88
6. Лунгу Е.В. Идеи ограничения власти в Древней Руси и Московском государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. №N 12. С. 59 – 63.
7. Соборное уложение 1649 года. Текст, комментарии / Подготовка текста Л.И. Ивиной; Комментар. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха; Руководитель авт. коллектива А.Г. Маньков. Л. 1987. 451 с.
8. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М. 2004. С. 158.
9. Пашенцев Д.А. Соборное уложение 1649 года – уникальный памятник отечественного права // Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сб. науч. трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020. С. 27, 34.
10. Томсинов В.А. Революции 1917 года в России в свете мирового революционного опыта // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2017. № 2. С. 18.

References

1. Mankov A.G. The development of serfdom in Russia in the second half of the 17th century. M. 1962. P. 3 – 6.
2. Tolstaya A.I. History of state and law of Russia: textbook for universities. 3rd ed., stereotypical. M. Justitsinform. Omega-L, 2010. P. 114.
3. Metshin I.R. Historical and legal prerequisites for strengthening the state unity of Russia in the preimperial period/ Journal of Russian Law. 2024. No. 4. P. 69.
4. Leontyeva E.N. Boyar Duma, Zemsky Sobor and local government in Rus' in the 12th century. Municipal service: legal issues. 2008. No. 3 (SPS “Consultant Plus”).
5. Yushkov S.V. On the issue of estate-representative monarchy in Russia. Soviet State and Law. 1950. No. 10. P. 88
6. Lungu E.V. Ideas of limiting power in Ancient Rus' and the Muscovite state. Constitutional and municipal law. 2023. No. N 12. P. 59 – 63.
7. Cathedral Code of 1649. Text, comments. Preparation of the text by L.I. Ivina; Comment. G.V. Abramovich, A.G. Mankova, B.N. Mironova, V.M. Paneyakha; Head of Automotive team A.G. Mankov. L. 1987. 451 p.
8. Sergeevich V.I. Lectures and research on the ancient history of Russian law. M. 2004. P. 158.

9. Pashentsev D.A. The Cathedral Code of 1649 is a unique monument of domestic law. Systematization of legislation and the dynamics of sources of law in historical retrospect (to the 370th anniversary of the Cathedral Code): collection. scientific works. under general ed. YES. Pashentseva. M., 2020. P. 27, 34.

10. Tomsinov V.A. Revolution of 1917 in Russia in the light of world revolutionary experience. Bulletin of Moscow University. Ser. 11: Right. 2017. No. 2. P. 18.

Информация об авторе

Брусиловский Р.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, brusilovskiy87@inbox.ru

© Брусиловский Р.А., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.2/3

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-230-235

Принципы частноправового механизма защиты права собственности

¹ Кашаев К.А.,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: данная статья посвящена актуальным вопросам совершенствования действующего Гражданского кодекса РФ. В работе автором отмечается, что динамика частноправового механизма защиты права собственности определяется через принципы его действия, при том, что именно динамический аспект изучаемого механизма является релевантным для его описания с избранных нами методологических позиций юриспруденции интересов. В статье обосновывается положение о том, что принципы частноправового механизма защиты права собственности представляют собой синтез основополагающих начал, источником которого являются конституционные и гражданско-правовые идеи, объясняющие и объединяющие формирование и действие частноправового механизма защиты права собственности. Такие принципы, наряду с другими принципами в праве, не вступают в противоречие с формальной определенностью всех прочих норм права, но создают некий мировоззренческий фон для их правильного системного толкования в действующем правовом порядке. В составе частноправового механизма защиты права собственности принципы принадлежат к глубинному уровню и являются неотъемлемым его компонентом, характеризующим данный механизм и в статике, и в динамике. Автор пришел к выводу, что принципы частноправового механизма защиты права собственности являются модифицированным сочетанием конституционных и гражданско-правовых основополагающих начал, корреспондирующих друг другу в силу системности права.

Ключевые слова: право собственности, защита права собственности, механизм защиты права собственности, принципы защиты права собственности

Для цитирования: Кашаев К.А. Принципы частноправового механизма защиты права собственности // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 230 – 235. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-230-235

Поступила в редакцию: 17 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 16 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Principles of the private law mechanism for the protection of property rights

¹ Kashaev K.A.,

¹ Federal State University of Education

Abstract: this article is devoted to topical issues of improving the current Civil Code of the Russian Federation. In the work, the author notes that the dynamics of the private law mechanism for the protection of property rights is determined through the principles of its operation, despite the fact that it is the dynamic aspect of the mechanism under study that is relevant for its description from the methodological positions of the jurisprudence of interests chosen by us. The article substantiates the position that the principles of the private law mechanism for the protection of property rights represent a synthesis of fundamental principles, the source of which are constitutional and civil law ideas that explain and unite the formation and operation of the private law mechanism for the protection of property rights. Such principles, along with other principles in law, do not conflict with the formal certainty of all other norms of law, but create a kind of ideological background for their correct systemic interpretation in the

current legal order. As part of the private law mechanism for the protection of property rights, the principles belong to a deep level and are an integral component of it, characterizing this mechanism both statically and dynamically. The author came to the conclusion that the principles of the private law mechanism for the protection of property rights are a modified combination of constitutional and civil law fundamentals that correspond to each other due to the consistency of law.

Keywords: *property right, protection of property rights, mechanism of protection of property rights, principles of protection of property rights*

For citation: Kashaev K.A. Principles of the private law mechanism for the protection of property rights. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 230 – 235. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-230-235

The article was submitted: March 17, 2024; Approved after reviewing: May 16, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Динамика частноправового механизма защиты права собственности определяется через принципы его действия, при том что именно динамический аспект изучаемого механизма является релевантным для его описания с избранных нами методологических позиций юриспруденции интересов. В целях настоящего исследования нами понимаются:

юриспруденция интересов (Interessenjurisprudenz, термин Р. фон Иеринга) – как модель правопонимания социологического типа, в соответствии с которой право является искусственным, создаваемым не только мыслью, но и социальной жизнью образованием, предназначенным для гармонизации разнонаправленных личных и общественных интересов и реализации цели справедливости в обеспечении жизненных условий общества;

принципы – как то, чем объединяется в мысли и в действительности известная совокупность фактов (Вл. Соловьев) [1]; в идеале всякий принцип ясно указывает на то, что через него объясняется.

Материалы и методы исследований

Как известно, термин «принцип» восходит к латинскому *principium*, имеющему греческий эквивалент *ἀρχή*, что означает «начало», «происхождение», «главный элемент», «первопричина» [2]. Поскольку в общенаучном смысле принципы суть исходные аксиоматические положения какой-либо теории, постольку без основательной проработки принципов не может обойтись ни одна из областей современного научного знания.

Не будучи исключением, общая теория права, равно как и цивилистическая теория насчитывают сотни работ, посвященных этим вопросам.

Так, например, по результатам специального исследования, предпринятого с целью раскрыть генезис учения о принципах гражданского права, автор этой работы – А.А. Волос приходит к выводу о существовании трех периодов, на протяжении каждого из которых отечественные правоведы придерживались разных подходов к исследованию цивилистических начал действующего правопорядка:

1) на дореволюционном этапе развития отечественной цивилистики рассматривались фундаментальные вопросы о сущности, системе и назначении принципов гражданского права, а также их практической реализации в некоторых частных случаях (Е.В. Васьковский, Г.Ф. Шершеневич);

2) советский этап развития отечественной цивилистики отмечен научными разысканиями по обоснованию социалистического гражданско-правового регулирования в условиях отказа от частной собственности, что потребовало соответствующей модификации, переосмысления классических постулатов цивилистики применительно к актуальным в то время реалиям, включая период НЭПа, а впоследствии – и модернизации учения о принципах советского гражданского права при принятии во внимание положений, утвержденных ГК РСФСР 1964 года (С.С. Алексеев., О.С. Иоффе, Г.А. Свердык, П.И. Стучка);

3) современный период отличается осуществлением деятельности, направленной на анализ принципов гражданского права. Особое внимание уделяется вопросам, регламентированным в содержании части I ГК РФ от 1994 г. В научной среде обнаруживается большое количество дискуссий, посвященных вопросу возможности утверждения тех или иных источников права. Приоритетное значение имеют принципы, которые получили законодательное закрепление или были сформулированы в процессе развития судебной практики (Е.Г. Комиссарова, О.А. Кузнецова, В.В. Кулаков, В.Ф. Яковлев) [3].

А.А. Волос указывает на то, что в научной литературе обнаруживается большое количество определений термина «принцип». Автор считает, что под принципом необходимо понимать конкретную идею,

которая впоследствии стала общей нормой. Данная идея ориентирована на регулирование определенных общественных отношений.

Присоединившись к этой точке зрения, отметим, что в нашем случае принципы частноправового механизма защиты права собственности представляют собой некий синтез основополагающих начал, источником которого являются конституционные и гражданско-правовые идеи, объясняющие и объединяющие формирование и действие частноправового механизма защиты права собственности.

Г.А. Гаджиев, в рамках собственных исследований, определяет основные отличия принципов права от иных положений, которые имеют какое-либо нормативное закрепление. Данные отличия выражаются в следующем:

- принципы права характеризуются наибольшей нормативной обобщенностью. Как следствие, мы видим, что они обладают эластичностью и часто не имеют конкретизированного юридического наполнения;
- для принципов права характерно наличие высокого интерпретационного потенциала. По мере организации теоретических разработок принципы могут подлежать диалектическому преобразованию. Появление инновационных представлений о принципах стимулирует разностороннее развитие;
- в соответствии с принципами определяют законодательные нормы, которые либо уже разработаны и применяются, либо только могут быть разработаны несколько позднее[4].

Перечисленные качества не равнозначны признанию, что принципы настолько метафизичны, «неуловимы», что всякое их практическое применение становится неизбежным проявлением произвола, более или менее успешно замаскированного под высшие юридические абстракции.

Приводя доказательства особого значения и высокой эффективности принципов права, рассмотрим особенности их системного применения в рамках деятельности Конституционного Суда РФ. Рассматривая данный пример, представляется необходимым обратиться к содержанию дела о проверке конституционности положений пп. 1, 2 ст. 167 ГК РФ (Постановление КС РФ от 21 апреля 2003 г. №-П).

Так, КС РФ было утверждено, что по смыслу содержания ст. 15 (ч. 2), ст. 17 (ч. 3), ст. 19, (ч. 1,2), ст. 55 (ч. 1,3), содержание Конституции РФ основывается на использовании общеправового принципа справедливости. В соответствии с данным принципом осуществляется защиты прав собственников и других вещных прав. С целью обеспечения оптимального баланса прав и интересов всех субъектов, принимающих участие в гражданском обороте, необходимо руководствоваться принципами соразмерности и пропорциональности. В отношении прав субъектов на пользование имуществом и ведение хозяйственной деятельности могут быть использованы ограничения федерального законодательства. Такие ограничения должны соответствовать принципу справедливости, соразмерности и объективности. Любые законодательные ограничения могут быть введены до тех пор, пока они не начинают затрагивать конституционные права субъектов. В целом, использование каких-либо ограничений должно быть ориентировано на достижение таких целей, как: обеспечение безопасности государственного строя, защиту интересов граждан, обеспечение обороноспособности государства [5].

Обобщая вышесказанное, отметим, что в пп. 1, 2 ст. 167 ГК РФ изложены положения, которые характеризуют последствия признания сделок недействительными [6]. Говоря об обязательстве стороны возвратить материальные блага по такой сделке, следует отметить, что данные ограничения не могут быть применены в отношении добросовестного покупателя, что следует из содержания ст. 166 и 302 ГК РФ. Любые исключения должны иметь законодательное обоснование. Следовательно, указанное обстоятельство не противоречит содержанию конституционных положений [7].

Результаты и обсуждения

Рассматриваемая область правового регулирования ориентирована на обеспечение стабильности гражданского оборота, защиту нравственных ценностей, а также прав и интересов физических и юридических лиц.

Анализируя представленный выше пример, можно заметить, что юридическая аргументация сформирована в соответствии с принципами дедуктивной логики. Первоочередно был использован неформализованный с юридической стороны принцип соразмерности и пропорциональности. Однако затем прослеживается переход к более определенным и формализованным принципам частноправового регулирования, что проявляется в виде утверждения принципа добросовестности и принципа свободы предпринимательской деятельности. После этого мы можем обнаружить формирование взаимосвязи с другим принципом, характеризующимся наличием среднего значения по шкале метафизичности, а именно – с принципом стабильности гражданского оборота. Последний указанный принцип характеризует объективные

экономические тенденции, что определяет необходимость соблюдения законных интересов добросовестных покупателей.

Иными словами, в такой логике от высшей общеправовой идеи справедливости мы постепенно переходим к отраслевым идеям, обладающим меньшей степенью абстрактности, а затем вновь возводим ситуацию чуть выше, к балансу различного рода интересов, гарантирующему такую безусловную ценность, как стабильность и предсказуемость гражданского оборота.

В итоге получается своего рода рамочная композиция, или сплав идей, которые, будучи актуализированы применительно к конкретной юрисдикционной ситуации, обладают объяснительным потенциалом в плане выявления пробелов и противоречий в действующем правовом регулировании, а также их преодоления либо устранения.

Такова, по нашему мнению, универсальная роль принципов в праве – они отнюдь не вступают в противоречие с формальной определенностью всех прочих норм права, но создают некий мировоззренческий фон для их правильного системного толкования в действующем правовом порядке.

Что же касается собственно сферы гражданского права, то следует согласиться с С.В. Сарбашем, что в данной сфере особо актуальным становится вопрос о применении частноправовых принципов. Причиной тому становится сложность и многоаспектность области имущественных и неимущественных отношений. Кроме того, в качестве дозволительного следует выделить метод гражданского права. Фактически, в сфере гражданского права обнаруживается огромное количество разнообразных интересов и потребностей субъектов, что провоцирует развитие различного рода ситуаций столкновения данных интересов. Вполне естественно, что на законодательном уровне не представляется возможным урегулировать все проявления взаимоотношений между участниками гражданского оборота в силу их множественности. Автор считает, что столь детальная регламентация правоотношений способна нанести неисправимый ущерб свободе усмотрения. Однако именно этот аспект выступает в качестве движущей силы социально-экономического роста [8, с. 45-46].

На основании рассмотренных выше теоретических положений в их совокупности можно заключить, что всякий механизм правового регулирования с необходимостью содержит в своем составе некие идеи, которым подчинены организация и функционирование этого механизма. Таким образом, правовые идеи являются значимыми в обоих представлениях механизма – и в его статике (организация), и в его динамике (функционирование).

Полагаем, правовые принципы принадлежат к глубинному уровню механизма правового регулирования, в числе абстракций наиболее высокого порядка, «взаимопереплетенных с идеологией и властью» (по терминологии С.С. Алексеева) [9, с. 38].

Обратим внимание, что авторы различных доктринальных трактовок понятия «механизм», либо не раскрывают с надлежащей подробностью содержание правовых принципов, включенных в состав механизма правового регулирования, либо вовсе о них не упоминают. Представляется, что данная особенность связана с доминированием догматического уклона в современной доктрине.

Поскольку частноправовой механизм защиты права собственности состоит в родовидовых связях с механизмом общего и отраслевого правового регулирования, постольку и принципы частноправового механизма защиты права собственности представляют собой модифицированное сочетание конституционных и гражданско-правовых принципов. В данном случае их цель – обеспечить реализацию гарантий неприкосновенности собственности.

Что бы то ни было иное – например, утверждение о наличии каких-то специфических основополагающих начал частноправового механизма защиты права собственности – означало бы отрицание системности права как таковой. Дело в том, что частноправовой механизм защиты права собственности, механизм гражданско-правовой защиты, механизм гражданско-правового регулирования, взятые в порядке возрастания обобщенности, являются соподчиненными понятиями, лежащими в объеме системного высшего понятия механизма правового регулирования, а потому их принципы друг другу корреспондируют.

В предельно обобщенном виде принципы частноправового механизма защиты права собственности суть: (а) неприкосновенность собственности; (б) формальная определенность; (в) пропорциональность.

С позиции рассматриваемого механизма обеспечения прав собственности, такой принцип, как неприкосновенность собственности, демонстрирует социально-правовую направленность частноправового механизма. Данный принцип обеспечивает недоступность права собственности на имущество для произвольного или незаконного вмешательства со стороны государства либо других лиц. Немногие исключения составляют случаи предусмотренного законом и пропорционального ограничения прав собственника в общих интересах, исходя из оснований публичного правового порядка.

При соблюдении принципа неприкосновенности собственности каждому гарантирована юридическая возможность владения, использования и распоряжения своей собственностью, а также ее защиты от противоправных посягательств. Будучи важным элементом правового порядка, принцип неприкосновенности собственности обеспечивает предсказуемость обладания собственностью, что, в свою очередь, способствует экономическому развитию, повышению инвестиционной активности и общему благополучию общества.

Второй принцип – формальная определенность – применительно к частноправовому механизму защиты права собственности характеризует технико-юридическое качество соответствующих норм права. Все они должны быть официально опубликованы в установленном законом порядке и содержать такие формулировки, которые обладают достаточной степенью ясности, точности, четкости и непротиворечивости, с тем чтобы заинтересованные лица не просто знали о существовании таких норм, но и могли бы понять их содержание, единообразно истолковать их, самостоятельно либо воспользовавшись квалифицированной юридической помощью.

Таким образом, соблюдение этого принципа делает частноправовой механизм защиты права собственности предсказуемым. Заинтересованные лица сообразно четким и ясным предписаниям могут регулировать свое поведение и в случае необходимости однозначно и правильно определить, является ли оно допустимым либо выходит за рамки закона и повлечет за собой неблагоприятные последствия.

Наконец, последний по порядку, но не по значимости принцип пропорциональности по отношению к частноправовому механизму защиты права собственности имеет конституционный и цивилистический аспект.

Конституционная подоплека данного принципа отражена в содержании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Согласно данной норме, как и другие конституционные права, право собственности и свободы экономической деятельности могут подлежать ограничению в соответствии с регламентом федерального законодательства. Такие ограничения могут быть установлены для целей обеспечения защиты конституционного строя, законных интересов граждан и государства. Ключевое значение в данном случае имеет понятие меры, то есть предела, в котором осуществляется то или иное субъективное право, масштаб его осуществления, определяемый не абсолютно, а по отношению к другим субъектам.

Цивилистический аспект принципа пропорциональности усматривается в идее баланса интересов собственника и чужих по отношению к вещи лиц. Интерес собственника состоит в сохранении имущества и приумножении имущественных благ, интерес несобственника заключается в том или ином титульном приобретении имущества, при том и собственник, и несобственник участвуют в гражданском обороте, и достижение баланса их интересов способствует справедливой и эффективной организации экономической жизни общества.

Перечисленные принципы частноправового механизма защиты собственности, соотносимые как с конституционно-правовым, так и с отраслевым гражданско-правовым регулированием, составляют мировоззренческую основу правотворчества по созданию и усовершенствованию правовых гарантий неприкосновенности собственности, а также соответствующей юрисдикционной практики.

Выводы

Принципы частноправового механизма защиты права собственности представляют собой синтез основополагающих начал, источником которого являются конституционные и гражданско-правовые идеи, объясняющие и объединяющие формирование и действие частноправового механизма защиты права собственности. Такие принципы, наряду с другими принципами в праве, не вступают в противоречие с формальной определенностью всех прочих норм права, но создают некий мировоззренческий фон для их правильного системного толкования в действующем правопорядке.

В составе частноправового механизма защиты права собственности принципы принадлежат к глубинному уровню и являются неотъемлемым его компонентом, характеризующим данный механизм и в статике, и в динамике. Принципы частноправового механизма защиты права собственности являются модифицированным сочетанием конституционных и гражданско-правовых основополагающих начал, коррелирующих друг другу в силу системности права.

Список источников

1. Соловьев В. Принцип [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1898. Т. 25. С. 238. URL: <https://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 15.02.2024)
2. Латинско-русский словарь [И.Х. Дворецкого] [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian2.htm> (дата обращения: 15.02.2024)
3. Волос А.А. Генезис учения о принципах гражданского права: от истории к современности [Электронный ресурс] // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 4. С. 7 – 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ucheniya-o-printsipah-grazhdanskogo-prava-ot-istorii-k-sovremennosti> (дата обращения: 15.02.2024)
4. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов. Конституционные суды и законодательные органы – друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 22 – 45.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2003.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. №32. Ст. 3301.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2024).
8. Сарбаш С.В. Принципы гражданского права // Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Г. Карапетова. М.: Статут, 2020. 1104 с.

References

1. Soloviev V. Principle [Electronic resource]. Encyclopedic Dictionary. ed. F. Brockhaus, I.A. Efron. St. Petersburg, 1898. Vol. 25. P. 238. URL: <https://www.vehi.net/brokgauz/> (access date: 02.15.2024)
2. Latin-Russian dictionary [I.Kh. Dvoretzky] [Electronic resource]. URL: <https://classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian2.htm> (access date: 02/15/2024)
3. Volos A.A. Genesis of the doctrine of the principles of civil law: from history to modernity [Electronic resource]. Theoretical and applied jurisprudence. 2022. No. 4. P. 7 – 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genezis-ucheniya-o-printsipah-grazhdanskogo-prava-ot-istorii-k-sovremennosti> (date of access: 15.02. 2024)
4. Gadzhiev G.A. Principles of law and law from principles. Constitutional courts and legislative bodies - friends and rivals in the arena of constitutional politics. Comparative Constitutional Review. 2008. No. 2. P. 22 – 45.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 21, 2003 No. 6-P “In the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with complaints from citizens O.M. Marinicheva, A.V. Nemirovskaya, Z.A. Sklyanova, R.M. Sklyanova and V.M. Shiryayeva”. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. No. 3. 2003.
6. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024). Collection of legislation of the Russian Federation. 05.12.1994. No. 32. Art. 3301.
7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 02.25.2024).
8. Sarbash S.V. Principles of civil law. Basic provisions of civil law: line-by-line commentary on articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. ed. A.G. Karapetova. M.: Statute, 2020. 1104 p.

Информация об авторе

Кашаев К.А., первый проректор, Государственный университет просвещения



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки)

УДК 347.4

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-236-240

Рисковость биржевых сделок как основание для их квалификации в качестве алеаторных

¹ Сычев М.С.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: работа посвящена выявлению алеаторных признаков у сделок, совершенных на бирже (биржевых сделок). Анализируя законодательство о производных финансовых инструментах (т.н. «сделки на разницу») и научную литературу, автор обосновывает наличие у биржевых сделок отдельных признаков алеаторности, что заключается в значительной роли риска в структуре обязательственного правоотношения между участниками биржевых сделок. В то же время, сопоставляя последствия неблагоприятного участия в биржевых сделках с классическими алеаторными сделками (игры и пари), автор приходит к выводу о невозможности полного отождествления биржевых сделок на разницу с алеаторными сделками.

Ключевые слова: алеаторные сделки, рисковые сделки, биржевые сделки, биржевой риск, сделки на разницу, игры и пари

Для цитирования: Сычев М.С. Рисковость биржевых сделок как основание для их квалификации в качестве алеаторных // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 236 – 240. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-236-240

Поступила в редакцию: 18 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 17 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

The riskiness of exchange transactions as a basis for their qualification as aleatory ones

¹ Sychev M.S.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article is devoted to the identification of aleatory signs in transactions made on the stock exchange (exchange transactions). Analyzing the legislation on derivative financial instruments (the so-called "transactions for difference") and scientific literature, the author proves the presence of certain signs of aleation in exchange transactions, which is reflected in the significant role of risk in the structure of the relationship of obligations between participants in exchange transactions. At the same time, comparing the consequences of unfavorable participation in exchange transactions with classic aleatory transactions (games and betting), the author comes to the conclusion that it is impossible to fully identify exchange transactions for difference with aleatory transactions.

Keywords: aleatory transactions, risky transactions, exchange transactions, exchange risk, transactions for difference, games and betting

For citation: Sychev M.S. The riskiness of exchange transactions as a basis for their qualification as aleatory ones. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 236 – 240. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-236-240

The article was submitted: March 18, 2024; Approved after reviewing: May 17, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Цель исследования – определить наличие у биржевых сделок признаков алеаторных сделок

Задачи – проанализировать сущность биржевых сделок в виде сделок на разницу в целях определения наличия оснований для квалификации таких сделок в качестве алеаторных

Гипотеза – ряд биржевых сделок, такие как сделки на разницу, обладают повышенной степенью рискованности, из-за чего сам риск выступает важнейшим элементом договорного правоотношения, поскольку им определяется результат распределения материальных благ между сторонами биржевой сделки. В то же время полное отождествление биржевых сделок и алеаторных сделок невозможно ввиду различной степени риска утраты сторонами таких сделок собственного имущества в виде неполучения встречного предоставления в части или полностью.

Материалы и методы исследований

В исследовании применены следующие теоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование; эмпирические методы: проведен анализ научной литературы, законодательства и судебной практики.

Эмпирическая база исследования: Нормативные правовые акты и научная литература.

Результаты и обсуждения

Биржевая торговля является одним из наиболее распространенных и эффективных инструментов установления и поддержания баланса спроса и предложения в современной рыночной экономике [1]. Закрывая биржевые сделки, участники торгов обладают возможностью надежно, оперативно и с минимальными транзакционными издержками осуществлять обмен материальными благами по справедливой рыночной стоимости.

В то же время сама природа многих биржевых сделок, особенно некоторых их разновидностей, сопряженных с повышенным уровнем риска, вытекающего из особенностей приобретаемого на бирже актива или условий сделки, открывает возможность постановки вопроса о наличии у биржевых сделок алеаторного характера.

Так, согласно наиболее распространенному пониманию алеаторных сделок в научной литературе, под такими сделками понимаются двух- или многосторонние срочные сделки, по которым основное предоставление поставлено исключительно в зависимость от отлагательного события, неподвластного её участникам [2].

Таким образом, риск является центральным элементом алеаторной сделки, которым предопределяются права и обязанности сторон таковой. По этим соображениям следует отличать алеаторную сделку от любых иных сделок, исполнение которых сторонами сопряжено с известными рисками, которыми, однако, не определяется само предоставление, осуществляемое сторонами (например, риск хранителя в утрате вещи поклажедателя, риск перевозчика стать участником ДТП, риск подрядчика нарушить сроки выполнения работ по причине забастовки работников и т.п.).

Иными словами, наличие в обычных синаллагматических (меновых) договорах определенных рисков не отменяет того факта, что риск в данных договорах носит сопутствующий (побочный) характер и существование этих рисков не предопределяет программу обязательств сторон договора.

Напротив, риск в алеаторных сделках носит центральный характер, поскольку им определяется сама программа обязательств сторон по совершению того или иного предоставления. Например, такие классические алеаторные сделки, как игры или пари в форме ставок в тотализаторе на результат спортивного события, очевидно основаны на случайности и непредсказуемости точного результата соответствующего события, от которого зависит получение выигрыша игроком [3]. Именно по этому алеаторные сделки зачастую описываются в литературе в качестве сделок по «продаже шанса» [4].

Наконец, ключевым отличием алеаторных сделок от иных классических меновых договоров является их направленность на осуществление конечного предоставления только одной из сторон договора, что является аномальным развитием договорного правоотношения при обычных условиях оборота (исключением следует считать договор дарения, который, однако, нельзя признать меновым).

Например, договор купли-продажи, мены, аренды, подряда, оказания услуг, займа или иные обычные для хозяйственной практики договоры всегда предполагают осуществление обмена одного материального блага на другое – например, деньги обмениваются на вещь, право пользования вещью или услуги. Напротив, алеаторная сделка предполагает отсутствие какого-либо обмена между сторонами: определив условия пари или игры в качестве отлагательных условий о наступлении не зависящих от их воли событий (например, результат азартной игры), стороны предусматривают обязанность только одной из сторон дого-

вора осуществить своё предоставление в пользу победителя, со стороны которого какого-либо предоставления не наблюдается [5].

Анализ распространенных в коммерческой практике биржевых сделок позволяет осуществить постановку вопроса об их алеаторной природе, поскольку экономическая суть некоторых биржевых договоров основана на риске как главном факторе и одновременно механизме распределения материальных благ между его участниками. Поясним данную мысль путем анализа некоторых биржевых сделок, имеющих ярко выраженный алеаторный характер.

Например, такой производный финансовый инструмент, зачастую выступающий предметом биржевой торговли, как расчетный форвард, по условиям которого стороны принимают на себя обязательства оплачивать денежные средства другой стороне в случае наступления отлагательного условия (условий) в виде изменения стоимости базисного актива [6], что представляет собой стандартную разновидность сделок «на разницу».

Не менее наглядным примером является сделка репо (от англ. repurchase agreement – договор об обратном выкупе), суть которого заключается в продаже определенного актива с установлением обязательства продавца по обратному выкупу проданного им актива по заранее установленной цене [7]. Наличие алеаторной природы таких обязательств очевидно – при заключении подобных договоров в отношении активов, обладающих более или менее волатильным рыночным курсом (нефть, валюта, акции и иные ценные бумаги), стороны *de facto* совершают пари, делая ставку на понижение или повышение рыночной стоимости актива, являющегося предметом договора репо, в результате чего одна из сторон выигрывает в связи с обратным выкупом актива по снизившейся цене (применительно к продавцу) либо в связи с продажей актива по увеличившейся цене (применительно к покупателю).

Представляется, что участники биржевых торгов, совершая подобные сделки, фактически предопределяют обмен материальной выгодой исключительно за счет наступления событий, в минимальной степени зависящих от воли сторон договора (увеличение курса валюты, сокращение рыночного спроса на акции и т.п.). По данной причине многими исследователями обоснованно высказывается позиция о практически полном отсутствии разницы между подобными биржевыми сделками и играми и пари [8].

В то же время, согласиться с полным отождествлением биржевых сделок на разницу с алеаторными сделками кажется невозможным, что может быть обосновано следующими последовательными аргументами.

В первую очередь, следует учитывать, что в биржевых сделках характер риска, как правило, не сопряжен с полной утратой собственного первичного исполнения по договору, в то время как в играх и пари проигравшая сторона обычно лишается всего предоставленного ею в качестве ставки.

Например, совершая договор репо на разницу в отношении определенного количества долларов США, сторона, осуществившая изначальную продажу данных долларов и договорившись об их обратном выкупе по фиксированной цене (например, 90 рублей за 1 доллар), надеется на то, что в момент обратного выкупа курс данной валюты превысит отметку в 90 рублей, при этом такое превышение будет составлять доход стороны от участия в соответствующем договоре репо.

При отрицательном исходе, выраженном в снижении курса доллара ниже отметки в 90 рублей на момент осуществления обратного выкупа по договору репо, сторона получит актив дешевле стоимости его изначальной продажи, претерпевая тем самым убыток в результате совершенной финансовой операции. Однако, такой убыток не равен всему размеру изначального предоставления стороны – во всяком случае, сторона получает определенное имущество в виде единиц валюты обратно, что не свойственно подлинным алеаторным сделкам, в которых проигрыш стороны как правило означает полный проигрыш осуществленного ей исполнения (например, при букмекерских ставках на спортивные события).

Таким образом, заложенный в биржевых сделках риск связан не с полной утратой всего предоставленного стороной в качестве первичного исполнения по сделке, а с получением обратно имущества, стоимость которого будет меньше изначальное предоставленного. Такое положение вещей характерно для таких сделок с алеаторным элементом как страхование или договор ренты, в которых стороны рискуют претерпеть убыток в виде разницы между полученным и предоставленным ими имуществом, однако в любом случае не могут претерпеть убытков на полную стоимость «вложенного» ими предоставления, то есть не получить ничего от участия в сделке взамен [9].

Изложенное позволяет судить о том, что биржевые сделки на разницу, относящиеся к числу сделок с повышенным уровнем риска, обладают алеаторным элементом, которым определяется результат распределения материальных благ по такой сделке, что отличает биржевые сделки на разницу от иных классических

синаллагматических сделок, в которых распределение материальных благ происходит в результате обмена встречными предоставлениями, а риск носит побочный и не определяющий содержание договора характер.

В то же время представляется, что биржевые сделки на разницу также нельзя полностью приравнять к алеаторным сделкам, поскольку, в отличие от последних, биржевые сделки не предполагают неполучение какого-либо встречного предоставления полностью, в связи с чем они являются скорее квазиалеаторными сделками [10].

Выводы

Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены, гипотеза подтверждена.

Обосновано, что некоторые биржевые сделки, в особенности сделки на разницу, содержат в себе повышенный рисковый элемент, за счет которого во многом зависит результат распределения материальных благ между сторонами договора, в связи с чем имеются предпосылки для постановки вопроса о квалификации биржевых сделок в качестве алеаторных сделок.

Аргументировано наличие алеаторного элемента в биржевых сделках на разницу, что заключается в определении итогового экономического результата (эффекта) от участия в сделке исключительно событиями, не зависящими от воли сторон (например, изменение стоимости базисного актива в производных финансовых инструментах).

Приведены доводы в поддержку невозможности полного отождествления биржевых сделок на разницу с алеаторными сделками, что объясняется различной степенью рисков, сопряженных с неблагоприятным результатом участия в сделке – применительно к биржевым сделкам стороны несут риск получить встречное имущественное предоставление, меньшее по стоимости по сравнению с переданным собственным предоставлением, в то время как в алеаторной сделке стороны несут риск полной утраты собственного предоставления, не получив ничего взамен.

Список источников

1. Башлаков-Николаев И.В. О режиме обязательной продажи товара на бирже, основаниях, целях и возможных последствиях его введения // Конкурентное право. 2022. № 4. С. 2 – 7; 2023. № 1. С. 28 – 33.
2. Запорошенко В.А. Особенности правового регулирования алеаторных сделок в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2006. С. 6.
3. Федотов А.Г. Игры и пари в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2011. № 2. С. 25 – 74.
4. Залесов А.В. Передача изобретения и прав на него от автора к патентообладателю как основа функционирования патентной системы // Хозяйство и право. 2022. № С. 62 – 71.
5. Щербаков Н.Б. Основные подходы к определению юридической природы алеаторных сделок // Вестник гражданского права. 2006. N 1 (СПС «Консультант Плюс»).
6. Указание Банка России от 16.02.2015 N 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // Вестник Банка России. N 28. 31.03.2015.
7. Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: монография. М. Статут. 2020. С. 106.
8. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга пятая: в 2 т. М. Статут. 2006. Т. 2: Договоры о банковском вкладе, банковском счете; банковские расчеты. Конкурс, договоры об играх и пари. С. 612 – 617.
9. Чаусская О.А. Гражданское право: учебник для студентов образовательных учреждений среднего профессионального образования. М. Дашков и К. 2007. С. 255.
10. Гаджиев Г.А., Иванов В.И. Квазиалеаторные договоры (проблемы доктрины, судебной защиты и правового регулирования) // Хозяйство и право. 2003. № 5. С. 93 – 101.

References

1. Bashlakov-Nikolaev I.V. On the regime of compulsory sale of goods on the stock exchange, the grounds, goals and possible consequences of its introduction. Competition Law. 2022. No. 4. P. 2 – 7; 2023. No. 1. P. 28 – 33.
2. Zaporoshchenko V.A. Peculiarities of legal regulation of aleatory transactions in the Russian Federation: abstract of thesis. dis. ... cand. legal Sci. Ekaterinburg. 2006. P. 6.
3. Fedotov A.G. Games and betting in civil law. Bulletin of civil law. 2011. No. 2. P. 25 – 74.
4. Zalesov A.V. Transfer of an invention and rights to it from the author to the patent holder as the basis for the functioning of the patent system. Economy and Law. 2022. No. P. 62 – 71.

5. Shcherbakov N.B. Basic approaches to determining the legal nature of aleatory transactions. Bulletin of Civil Law. 2006. N 1 (SPS “Consultant Plus”).
6. Directive of the Bank of Russia dated February 16, 2015 N 3565-U “On the types of derivative financial instruments”. Bulletin of the Bank of Russia. N 28. 03/31/2015.
7. Inozemtsev M.I. Shareholders' agreement: liability for violation under the law of Russia and foreign countries: monograph. M. Statute. 2020. P. 106.
8. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book five: in 2 vols. M. Statute. 2006. T. 2: Agreements on bank deposits, bank accounts; bank payments. Competition, gaming agreements and betting. P. 612 – 617.
9. Chausskaya O.A. Civil law: a textbook for students of educational institutions of secondary vocational education. M. Dashkov and K. 2007. P. 255.
10. Gadzhiev G.A., Ivanov V.I. Quasi-aleatory agreements (problems of doctrine, judicial protection and legal regulation). Economy and Law. 2003. No. 5. P. 93 – 101.

Информация об авторе

Сычев М.С., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, sich_ms@mail.ru

© Сычев М.С., 2024



Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2024 Том 7, № 4 / 2024, Vol. 7, Iss. 4 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки)

УДК 342.532

DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-241-247

Соотношение юридического и политического в конституционной ответственности парламента

¹Кирилин А.В.,

¹Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Аннотация: в настоящей статье поднимается тема влияния политических аспектов на конституционную ответственность парламента, проводится соответствие основных положений юридической ответственности – конституционной ответственности парламента. Также, указываются меры ответственности парламента, некоторые её формальные и материальные основания. Первые – в различных государствах могут существенно отличаться. Достаточно часто, в различных конституционных актах государств, встречаются основания абсолютно не похожие на те, которые содержатся в конституционном акте другого государства. В данной статье проводится их анализ на предмет юридической и политической составляющей. Материальные же основания столь существенно не различаются, а, порой, их и вовсе можно свести к одному материальному основанию – разрешение конфликта между различными институтами власти или реализация своих политических интересов. Несмотря на то, что напрямую они нигде не указаны, их можно выявить, исходя из основных целей и задач государства в корреляции с применением политической психологии. Актуальность выбранной тематики исследования объясняется важностью осознания, что в любой конституционной ответственности большая доля принадлежит именно политической, нежели юридической составляющей. Это определяет не только ее признаки, но и саму суть. Рассмотрение же вопроса ответственности парламента, как представительного органа власти, представляет еще большую значимость. Необходимость гарантирования независимого и эффективного осуществления парламентом своей деятельности является значимым условием существования демократического государства с развитым гражданским обществом. На основании анализа государственно-правового материала, произведенного в настоящей статье, будут представлены выводы, характеризующие конституционно-правовую ответственность парламента как вида конституционной ответственности, сочетающего в себе как признаки политической, так и юридической ответственности, со значительным преобладанием первых.

Ключевые слова: ответственность парламента, политический аспект, юридический аспект, формальные основания, материальные основания

Для цитирования: Кирилин А.В. Соотношение юридического и политического в конституционной ответственности парламента // International Law Journal. 2024. Том 7. № 4. С. 241 – 247. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-241-247

Поступила в редакцию: 18 марта 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 мая 2024 г.; Принята к публикации: 20 июня 2024 г.

Correlation between juridical and political in constitutional liability of parliament

¹Kirilin A.V.,

¹Dostoevsky Omsk State University

Abstract: this article raises the topic of the influence of political aspects on the constitutional responsibility of the parliament, and corresponds the main provisions of legal responsibility – constitutional responsibility of the parliament. Also, the measures of parliamentary responsibility, some of its formal and substantive grounds are in-

licated. The first – in different states can differ significantly. Quite often, in different constitutional acts of states, there are grounds absolutely different from those contained in the constitutional act of another state. This article analyzes them in terms of their legal and political component. The material grounds do not differ so significantly, and, sometimes, they can be reduced to one material ground – the resolution of a conflict between different institutions of power or the realization of one's political interests. Despite the fact that they are not directly specified anywhere, they can be identified based on the main goals and objectives of the state in correlation with the application of political psychology. The relevance of the chosen research topic is explained by the importance of realizing that in any constitutional responsibility a greater share belongs to the political than to the legal component. This determines not only its attributes, but also its very essence. Consideration of the responsibility of parliament as a representative body of power is even more important. The need to guarantee the independent and effective implementation of parliamentary activity is a significant condition for the existence of a democratic state with a developed civil society. Based on the analysis of the state-legal material produced in this article, we will present conclusions characterizing the constitutional-legal responsibility of the parliament as a type of constitutional responsibility, combining both features of political and legal responsibility, with a significant predominance of the former.

Keywords: *parliament liability; political aspect; juridical aspect; formal grounds; material grounds*

For citation: Kirilin A.V. Correlation between juridical and political in constitutional liability of parliament. International Law Journal. 2024. 7 (4). P. 241 – 247. DOI: 10.58224/2658-5693-2024-7-4-241-247

The article was submitted: March 18, 2024; Approved after reviewing: May 20, 2024; Accepted for publication: June 20, 2024.

Введение

Для обеспечения согласованного и партнерского взаимодействия ветвей власти, в законодательстве множества стран предусмотрены реальные механизмы, которые помогали бы избежать сосредоточения всей государственной власти у одной из ветвей. Их можно назвать мерами конституционно-правовой ответственности. Основанием её наступления будет конституционно-правовой деликт, которым является, в том числе, попытка необоснованного влияния одних органов государственной власти на другие, что выражается в конкретных деяниях. Поскольку право создается субъектами политики, то влияние субъективных политических интересов на меры конституционной ответственности велико.

Такие меры ответственности предусмотрены и для органа законодательной (представительной) власти – парламента, несмотря на редкость ситуаций, когда парламент пытается полностью подчинить себе другие ветви власти. В данной статье будут проанализированы юридические (формальные) и фактические (материальные) основания конституционно-правовой ответственности парламента, чтобы сделать вывод, какие есть юридические свойства ответственности, а какие – носят политический характер.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье будет использоваться: метод сравнительного правоведения, анализа, синтеза, дедукции, индукции, изучения и обобщения, описания.

Для обеспечения наиболее полного понимания особенностей конституционной ответственности парламента будет представлено соотношение понятий юридическая ответственность и государственное принуждение на основании анализа научной литературы. С учетом позиции Конституционного суда, научной литературы РФ будут разобраны признаки конституционной ответственности в общем, и парламента, в частности. Для уяснения особенностей конституционной ответственности парламента в различных государствах и демонстрации разнообразия юридических оснований, были изучены конституционные положения различных государств.

Результаты и обсуждения

Право является самым эффективным и упорядоченным регулятором общественных отношений, на данный момент. Основной задачей права является наиболее точное упорядочение общественных отношений с целью установления справедливости, равенства, благополучия человечества. Право помогает нам создавать правила, на которых будет строиться наша общественная жизнь. Естественно, в пределах предмета правового регулирования, не претендуя на те сферы, которые не нужно, а порой и неуместно регулировать правовыми нормами.

Форма же выражения права – законодательство в широком смысле, хоть и старается переносить на себя сущность и все признаки права, порой, может не в полной степени ему соответствовать. Степень несоответствия может быть разной. Чаще всего, нормативный акт соответствует праву, при этом, вбирая в себя то,

без чего не может существовать ничего созданного человеком – субъективность. Любой нормативный акт – есть творение органа власти или должностного лица. Орган власти может состоять из группы людей (коллегияльный орган), одного человека (единоличный орган). Так или иначе, творят нормативные акты – люди, у которых есть свои взгляды, цели, идеи, мысли, интересы, чувства. Даже, если люди стремятся к объективности, им ее не удастся добиться в полной мере. Степень влияния личных факторов может быть разной, но это влияние есть всегда. Она может и соответствовать праву, но направлять его в определенную сторону, а может и вовсе идти вопреки принципам права. Такое явление нередко именуют в теории – неправовым законом [1, с. 17].

Поскольку политика есть деятельность по управлению государством, его механизм, а право – форма управления государством, тогда то самое субъективное влияние на нормативные акты можно назвать политическим.

Юридическая ответственность является неотъемлемой частью правового регулирования. И, как и во всем, что связано с правом – в ней есть не только правовой, но и политический аспект. Конституционная ответственность – вид юридической (правовой) ответственности. А учитывая, что конституционное право регулирует наиболее значимые общественные отношения государственного порядка, то и политического в этом виде ответственности гораздо больше, чем в любой другой.

Стоит отметить, что в науке конституционного права есть разные позиции по соотношению юридической ответственности (в данном случае, конституционной) и государственного (в данном случае, именно конституционного) принуждения. По одной позиции, конституционная ответственность – вид конституционного принуждения, среди прочих [2, с. 56]. По другой же, конституционная ответственность включает в себя конституционное принуждение [3, с. 43]. Представляется, что государственное принуждение – есть комплекс мер по привлечению субъекта к ответственности. Принуждение – воздействие на человека с целью исполнения им определенных действия, получения определенных результатов. Учитывая, что цели государства связаны с достижением наибольшего благополучия общества, то и государственное принуждение должно применяться только с этими целями. Ответственность же – обязанность отвечать перед кем-то или чем-то. В науке есть позиция, по которой ответственность бывает негативная и позитивная [4, с. 143]. Негативная ответственность выражается в неблагоприятных последствиях для субъекта. Как правило, эти последствия именуются санкцией. В праве ответственность наступает по формальному основанию. Всегда должна быть норма, которая предусматривает неблагоприятные последствия за совершение определенных действий/наступления определенных событий. При этом, также, должно быть и материальное основание – непосредственные действия или события, которые приводят к наступлению конституционной ответственности.

Поскольку предметом интереса настоящей статьи является конституционно-правовая ответственность парламента, то рассмотрим – что есть политического, а что – юридического именно в этом виде конституционно-правовой ответственности.

Важным элементом юридической ответственности является основание ее наступления. Как правило, в праве фактическим основанием является противоправное деяние виновного субъекта. Юридическим же основанием будет наличие правовой нормы, предусматривающей ответственность за данное деяние.

В конституционной ответственности парламента достаточно часто, деяние, за которое наступает конституционная ответственность, не представляет собой общественно-вредное деяние со стороны привлекаемого субъекта. Виновность, также, не имеет особо значения. Конституционным деликтом деяние является только потому, что оно закреплено в нормативном акте, как основание для привлечения к ответственности. По факту, большинство конституционных деликтов не являются общественно-вредными. Конституционная ответственность наступает не столько по юридическим основаниям, сколько по политическим. Привлечение к конституционной ответственности органа публичной власти, крайне часто, представляет собой разрешение политического кризиса или устранение политических преград.

Конституционный суд в своих постановлениях указывал, что принципы юридической ответственности должны быть присущи всем видам юридической ответственности. Конституционная ответственность, как вид юридической ответственности, в том числе, должна согласовываться со всеми принципами. Наличие вины – общепризнанный принцип привлечения к юридической ответственности [5, с. 59]. При этом, если провести анализ норм, в которых указаны формальные основания привлечения к конституционной ответственности, то будет видно, что вина там едва ли может место быть. Конституционное право весьма выделяется на фоне других отраслей, так как является базисной для всех других. Институт ответственности здесь, также, весьма специфичен. Это связано и с особым субъектным составом, и с особой, наиболее значимой сферой правового регулирования.

Виды формальных (юридических) оснований конституционно-правовой ответственности парламента бывают самые разные. Например, это может быть неоднократное отклонение парламентом предложенной кандидатуры премьер-министра [6]. Указанное основание характеризует ситуацию, когда парламент препятствует назначению, как правило, президентом, выгодной ему кандидатуры на пост премьер-министра. Причем, отклоняться могут как разные кандидатуры, так и одна и та же, что предоставляет возможность продавливать в парламенте желаемую кандидатуру до упора. Если парламента с ней несколько раз не согласится, то к нему можно будет применить меру конституционно-правовой ответственности.

Другое основание – наличие разногласий между парламентом и президентом по фундаментальным вопросам. Президент может объявить о роспуске Национальной Ассамблеи после консультаций с Президентом Национальной Ассамблеи [7]. При этом, природа разногласий не имеет значения. Если есть сам их факт и определенный предмет – фундаментальные вопросы, то Президент может воспользоваться своим правом. Еще одно важное, но весьма формальное условие – проведение консультаций. Важен сам факт их проведения.

Весьма интересно такое основание, как неспособность кандидатуры премьер-министра получить поддержку большинства членов палаты при вакантной должности премьера. Указанное основание применяется в той ситуации, когда должность премьер-министра не занята, при этом, президент не может предоставить парламенту одобряемую кандидатуру. Та, которую он предоставляет, не устраивает парламент. При наличии премьера на своей должности, парламент распускается главой государства по его предложению при любом основании.

Есть множество и других любопытных оснований. Некоторые из них:

1) Недовольство экономической деятельностью парламента. Так, по Конституции Республики Гаити, местный парламент может быть распущен судом в случае бесхозяйственности, растраты, мошенничества со стороны руководства [8];

2) Неоднократное неодобрение парламентом программы работы Правительства. Если парламент не одобрил программу главы правительства, президент принимает его отставку и назначает нового главу. Если программу нового главы парламент, также, не одобряет, то Национальная ассамблея распускается [9];

3) Продолжающийся кризис между правительством и парламентом. Президент Республики может распустить Национальное собрание, в случае продолжающегося кризиса между Правительством и Национальным собранием, проведя консультацию с Премьер-министром и Председателя Национального собрания и Сената [10];

4) Посягает на государственную безопасность и общественный порядок; подвергает опасности территориальную целостность и осуществляет действия, противоречащие конституции [11]. При любом из указанных оснований, Президент может прекратить работу Председателя и Регионального совета после заключения Конституционного совета. То есть это мера ответственности для регионального парламента, при применении которой необходимо согласие специализированного органа;

5) Отказ принять предложение, которое очень важно для политики правительства. Если при этом, президент считает, что выходом является не назначение нового Премьер-министра, а назначение новых выборов [12];

6) Невозможность формирования в парламенте коалиции большинства. Если Совет министров предыдущей коалиции был распущен в результате утраты большинства в парламенте, президент уполномочен в течение недели сформировать коалиционное правительство, пригласив новые партии. Если новые партии не придут к согласию по поводу продолжения работы предыдущей коалиции или формирования новой коалиции большинства, то Палата будет распущена [13];

7) Неоднократное выражение парламентом недоверия Правительству в течение установленного срока. Похоже на другое основание – выражение самим парламентам недоверия Правительству. Но в данном случае, есть дополнительное условие – неоднократность. В каких-то конституциях – достаточно и один раз выразить недоверие для наступления ответственности, а в каких-то необходимо, чтобы это было сделано неоднократно. Помимо самого факта неоднократности, в конституции будет указан срок в течение которого повторное выражение недоверия будет приводить к конституционно-правовой ответственности. Только тогда для парламента наступает конституционно-правовая ответственность.

Во всех указанных основаниях общественная вредность не очень однозначна, а в некоторых случаях и вовсе отсутствует. Последствия могут нанести вред обществу косвенно, но это не правило, а даже скорее – исключение. Парламент в наибольшей степени представляет народ, чем другие органы власти, поэтому его интерес в большей степени выражает народный интерес. Поэтому, например, в ситуации, когда парламент не принимает бюджет, предложенный Правительством, это связано не с тем, что парламент не исполняет

возложенных на него полномочий, скорее наоборот, исполняет их хорошо. Ведь причина непринятия может быть связана с некорректной статьей доходов или расходов, которая противоречит интересам общества.

Виновность, также, отсутствует в некоторых основаниях. Мало того, что само деяние, определенное в конституционном законе, нередко весьма размыто, так еще и парламент как субъект, не имеет психического отношения к произошедшему. Например, в парламенте не была сформирована коалиция большинства. При этом, все члены парламента, выступая его единицами, не смогли достичь согласия, хотя делали все необходимое для этого.

В некоторых конституциях основание может быть вообще не указано. При такой ситуации, в Конституции или ином конституционном акте просто указано на возможность роспуска парламента соответствующим субъектом без указания на основание. Таким образом, предоставляется неограниченная свобода в выборе основания для применения ответственности к парламентам;

Все указанные основания носят характер формальных. То есть они сформулированы с точки зрения буквы закона. Помимо формальных оснований, можно говорить о фактических основаниях конституционно-правовой ответственности парламента.

Фактические основания отражают потребность в применении мер ответственности к парламентам, которые, как было указано ранее, часто применяются не за виновные и общественно-вредные деяния, а за вполне правовые деяния или даже события. Фактическим основанием применения мер конституционно-правовой ответственности к парламентам можно назвать ситуацию противоречия, конфликта между парламентом и другим органом государственной власти, а порой и между двумя палатами самого парламента. Конфликт может быть вызван как противоправной, так и правомерной деятельностью парламента. А, нередко, применение мер ответственности к парламентам просто отражает стремление другого органа публичной власти установить полный контроль над ним для достижения своих целей.

Меры конституционной ответственности парламента сочетают в себе и политическое, и юридическое. С одной стороны, в ответственности парламента учитываются основные функции ответственности в праве – охранительная, регулятивная, превентивная, право-восстановительная. С другой стороны, очень часто цель применения конституционной ответственности – устранение политических препятствий. Особого разнообразия мер конституционной ответственности парламента нет, основная мера ответственности – роспуск. Однако, встречаются такие меры как предупреждение, отзыв и приостановление деятельности (может называться перерывом или прерыванием заседания).

Предупреждение является предварительной мерой ответственности, ее цель – предотвращение возникновения ситуации, при которой необходимо будет применять более жесткую последующую меру ответственности – роспуск. Предварительной она является не с точки зрения того, что конституционный деликт еще не был совершен, а с точки зрения того, что эта мера конституционной ответственности парламента предшествует более жесткой мере, пытаясь не допустить необходимости ее применения. Даже при применении предупреждения, конституционный деликт уже совершается. Кризисная ситуация уже была создана на момент вынесения предупреждения, применение этой меры имеет цель предотвратить усложнение этой кризисной ситуации, минимизировать экономические, организационные и репрессивные ресурсы, которые необходимо будет задействовать при ухудшении ситуации.

Приостановление деятельности парламента – мера, необходимая для устранения последствий, вызванных действием парламента, и для предотвращения большего вреда, ввиду продолжения деятельности парламента, которая может ухудшить положение. Как правило, применяется к региональным и местным парламентам, в случае принятия ими неконституционных актов. Данная мера временная. Продолжение будет либо возобновление деятельности парламента, либо его роспуск.

Отзыв парламента. По своей сути, самая логичная мера ответственности парламента. При ней парламентам отзывается народом, который его избирал. По последствиям соответствует роспуску. Однако, если при роспуске к парламентам ответственность применяется государственным органом, пусть и в некоторых странах с согласия народа, но все же. А в данном случае, мера ответственности инициируется и применяется народом, что соответствует логике самого парламента, который больше чем любой другой орган представляет народ и реализует его суверенную волю. Именно парламентам, как избираемый народом верховный орган, представляет народ и достигает его интересов, пользуясь властью, которая ему делегирована единственным источником власти в цивилизованных государствах.

Роспуск же – основная мера конституционно-правовой ответственности парламента. Цель данной меры – восстановить нормальное положение государственно-правовой действительности, разрешить сложившийся политический кризис. Мера носит не репрессивный характер. Как правило, парламентам может быть

созван в этом же составе после роспуска. Для парламентариев личной ответственности не возникает. Суть меры в необходимости расформирования органа в данный момент, так как возникли острые противоречия между парламентом и другим органом государственной власти, при которых, по мнению субъекта применения ответственности, именно деятельность парламента препятствует нормальному функционированию и согласованному взаимодействию органов публичной власти. То есть, субъект, применяющий ответственность – встает на сторону органа, с которым у парламента возникли противоречия, если только он сам не является этим органом. Результатом разрешения противоречий является роспуск парламента и назначение выборов нового созыва.

В ряде стран, например в Индии, на региональном уровне встречается такая мера ответственности парламента, как приостановление деятельности. Эти меры применялись федеральным правительством в тех случаях, когда происходили неудачи в формировании правительства или когда правительство штата было сформировано из числа представителей оппозиционной по отношению к федеральному правительству партии, в случаях невозможности создать эффективное управление, неспособности создания стабильных правительств и т.д. [14, с. 64]. Также, приостановление деятельности как мера ответственности встречается в ряде стран при введении чрезвычайного или военного положения.

Выводы

Таким образом, конституционно-правовая ответственность парламента является сочетанием юридической и политической ответственности с превалированием в пользу политики. Для ее наступления не всегда необходима виновность субъекта, общественно-вредное деяние. Она наступает за наступление конституционного деликта – события или деяния, указанного в соответствующих нормах конституционных актов. Как правило, основания цель применения конституционной ответственности парламента - разрешение политического кризиса или устранение политических преград.

Список источников

1. Бирюков С.В., Бирюкова Т.А. Неправовой закон: проблемы его установления и применения (теоретический аспект) // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 4. С. 16 – 24.
2. Володько И.А. Виды мер конституционно-правового принуждения // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 55 – 63.
3. Титова А.А. Конституционная ответственность в механизме правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 42 – 48.
4. Шепелев Д.В. Юридическая ответственность: позитивный и негативный аспекты // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. Государство, право и общество. 2023. № 4. С. 141 – 148.
5. Липинский Д.А., Станкин А.Н. О роли решений Конституционного суда в формировании системы конституционной ответственности // Юридические исследования. 2016. № 10. С. 50 – 62.
6. Конституция РФ 1993 г. // СПС Консультант Плюс.
7. Конституция Республики Гвинея 1990 г. <https://worldconstitutions.ru/?p=239> (дата обращения: 02.02.2024)
8. Конституция Республики Гаити 1987 г. <https://worldconstitutions.ru/?p=2736> (дата обращения: 05.02.2024)
9. Конституция Алжирской Народно-демократической республики 1996 г. <https://worldconstitutions.ru/?p=53> (дата обращения: 01.02.2024)
10. Конституция Демократической Республики Конго 2006 г. <https://worldconstitutions.ru/?p=215> (дата обращения: 02.02.2024)
11. Конституция Камеруна 1996 г. <https://worldconstitutions.ru/?p=62> (дата обращения: 05.02.2024).
12. Конституция Объединенной Республики Танзании 1977 г. <https://worldconstitutions.ru/?p=374> (дата обращения: 05.02.2024)
13. Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопия 1994 г. <https://worldconstitutions.ru/?p=77> (дата обращения: 30.01.2024).
14. Ахъядов Э.С.-М. О конституционно-правовой ответственности законодательных органов власти (парламентов) субъектов зарубежных федеративных государств: сравнительно-правовой анализ // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 62 – 69.

References

1. Biryukov S.V., Biryukova T.A. Non-legal law: problems of its establishment and application (theoretical aspect). Law enforcement. 2018. Vol. 2. No. 4. P. 16 – 24.
2. Volodko I.A. Types of measures of constitutional and legal coercion. Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2014. No. 3 (40). P. 55 – 63.
3. Titova A.A. Constitutional responsibility in the mechanism of legal regulation. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2012. No. 4 (87). P. 42 – 48.
4. Shepelev D.V. Legal responsibility: positive and negative aspects. Bulletin of the University named after O.E. Kutafina. State, law and society. 2023. No. 4. P. 141 – 148.
5. Lipinsky D.A., Stankin A.N. On the role of decisions of the Constitutional Court in the formation of a system of constitutional responsibility. Legal studies. 2016. No. 10. P. 50 – 62.
6. Constitution of the Russian Federation 1993. SPS Consultant Plus.
7. Constitution of the Republic of Guinea 1990 <https://worldconstitutions.ru/?p=239> (date of access: 02.02.2024)
8. Constitution of the Republic of Haiti 1987 <https://worldconstitutions.ru/?p=2736> (access date: 02/05/2024)
9. Constitution of the Algerian People's Democratic Republic of 1996 <https://worldconstitutions.ru/?p=53> (access date: 02/01/2024)
10. Constitution of the Democratic Republic of the Congo 2006 <https://worldconstitutions.ru/?p=215> (access date: 02.02.2024)
11. Constitution of Cameroon 1996. <https://worldconstitutions.ru/?p=62> (date of access: 02/05/2024).
12. Constitution of the United Republic of Tanzania 1977. <https://worldconstitutions.ru/?p=374> (access date: 02/05/2024)
13. Constitution of the Federal Democratic Republic of Ethiopia 1994 <https://worldconstitutions.ru/?p=77> (access date: 01/30/2024).
14. Akhyadov E.S.-M. On the constitutional and legal responsibility of legislative bodies of power (parliaments) of constituent entities of foreign federal states: comparative legal analysis. Vestnik VGU. Series: Law. 2018. No. 3. P. 62 – 69.

Информация об авторе

Кирилин А.В., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, artyom.krosh@gmail.com

© Кирилин А.В., 2024